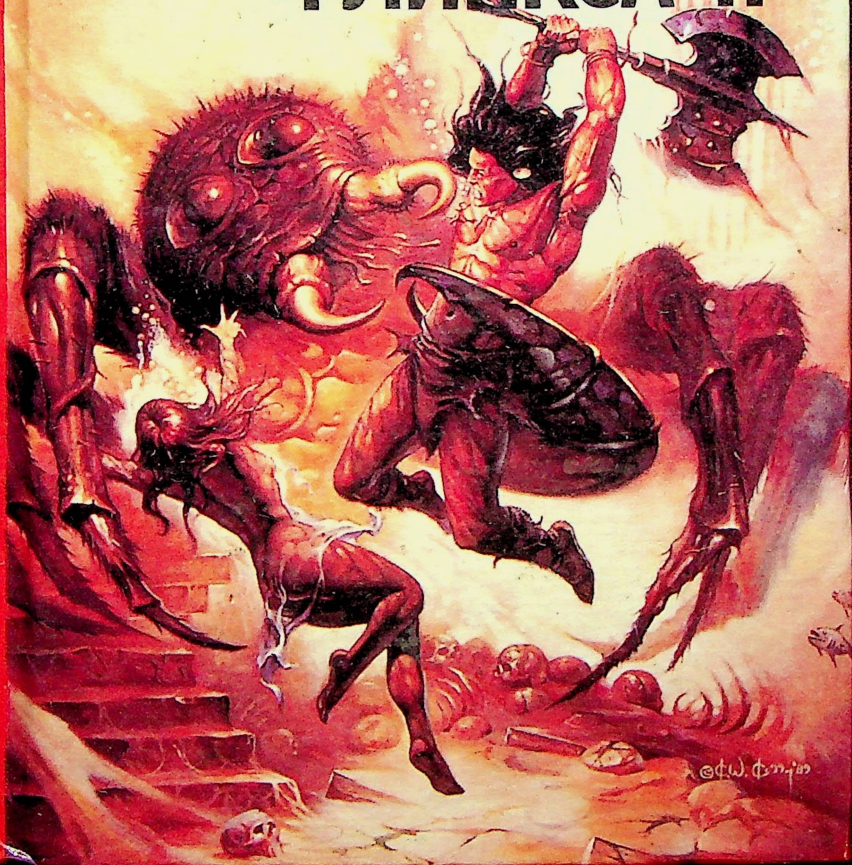
СОКРОВИЩНИЦА БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

АЛАН ДИН ФОСТЕР

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФЛИНКСА·II





АЛАН ДИН
ФОСТЕР

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФЛИНКСА · II

РОМАНЫ

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1994

ББК 84(7США)
Ф47
УДК 820(73)-31

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского *Д. Арсеньева, С. Рахабова*

Художник *А. А. Шуплецов*

Публикуется впервые с любезного разрешения автора и его литературного агента Александра Корженевского. Любые другие публикации настоящих произведений в любой форме, в целом или частями являются противоправными и преследуются по закону.

Фостер А.

Ф47 Приключение Флинкса-II: Романы/Пер. с англ. Д. Арсеньева и др.; Худож. А. А. Шуплецов.— Смоленск: Русич, 1994.— 480 с.— (Сокровищница боевой фантастики и приключений).

ISBN 5-88590-129-5.

Второй том «Приключений Флинкса» содержит неизвестные отечественному читателю романы, написанные в лучших традициях боевой фантастики с присущим А. Фостеру мастерством.

Ф 8200000000 ББК 84(7США)

© by A. Foster, 1977
© Перевод. Д. Арсеньев, С. Рахабов, 1994
ISBN 5-88590-129-5
© Оформление. А. А. Шуплецов, 1994

ЗВЕЗДА СИРОТЫ

Глава первая

— Смотри, куда лезешь, квот!

Коммерсант прожег взглядом стройного оливковокожего юношу и устроил целый спектакль из поправки своей едва помятой одежды.

— Прошу прощения, благородный сэр,— вежливо ответил юнец.— Я не заметил вас в этой давке.

Это было одновременно и правдой, и ложью. Флинкс не увидел заносчивого предпринимателя, но он почувствовал воинственность этого человека за несколько секунд до того, как последний отклонился со своего пути, преднамеренно вызвав столкновение.

Хотя его все еще плохо изученные таланты сильно обогатились несколько месяцев назад благодаря встрече с Крангом — этим ужасающим полуразумным оружием ныне исчезнувших хозяев Галактики тар-айимов — они оставались такими же непостоянными, как и прежде. Опыт с выступлением в роли органического катализатора для колоссального устройства чуть не убил и его, и Пипа. Но они выжили, и он изменился в каких-то, пока еще непостижимых, отношениях.

В последнее время он обнаружил, что в одно мгновение мог засечь мысли самого короля в дралларском дворце, тогда как в следующее — даже мысли тех, кто стоял поблизости, оставались закрытыми плотней, чем сума нищего. Это создавало многочисленные неясности, и Флинкс часто проклинал этот дар, так как капризность последнего держала его в состоянии постоянной психической неуравновешенности. Он был словно наездник, отчаянно вцепившийся в гриву неистовствующей дьяволопы, старающийся удержаться и в тоже время пытающийся укротить брыкающегося скакуна.

Он подвинулся, чтобы обойти разодетую тушу, но этот субъект загородил ему дорогу.

— Детей надо учить уважению к старшим,— осклабился коммерсант, явно не желая, подобно Флинксу, считать инцидент исчерпанным,

Флинкс почувствовал раздражение в уме этого типа и поискал глубже. Он засек смутные намеки на сорвавшуюся как раз этим самым утром крупную сделку. Это объясняло его раздражение и явное желание найти кого-нибудь, на ком можно сорвать злость. Пока Флинкс обдумывал это открытие, тип устраивал грандиозный спектакль из засучивания рукавов, демонстрируя свои массивные ручищи. Его раздражение растаяло под любопытными взглядами текущей толпы торговцев, лоточников, нищих, ремесленников, замедлявших шаги и начинавших образовывать маленький вихрь в круглосуточном урагане дралларского рынка.

— Я же сказал, что сожалею! — напряженно повторил Флинкс.

— Еще бы не сожалеть. Я думаю, мне придется преподать тебе...

Коммерсант остановился на полдороге, угрожающий кулак внезапно замер в воздухе. Его лицо вдруг быстро побледнело, а глаза, казалось, прилипли к плечу Флинкса.

Из-под свободных складок плаща юноши каким-то образом появилась голова. Теперь она рассматривала коммерсанта ровным неморгающим взглядом, олицетворявшим инопланетную смерть, аромат застывшего метана и обморожение. Сама по себе голова была крошечная и не производила большого впечатления, чешуйчатая и бесстыдно рептильная. Затем это существо вылезло еще больше, и оказалось, что голова присоединена к длинному цилиндрическому телу. Распахнулись лениво затрепетавшие в воздухе два перепончатых крыла.

— Извините,— услышал свой севший голос коммерсант,— это все была ошибка... на самом деле виноват я.

Он болезненно улыбнулся, посмотрев налево-направо. Глаза небольшой кучки собравшихся людей бесстрастно глядели на него в ответ.

Было интересно видеть, как этот тип, казалось, растаял в стене смотревших. Они поглотили его столь же аккуратно и чисто, как морской окунь — тихоходную ангельскую рыбку. Сделав это, неподвижные ряды снова влились в перемещающийся поток народа.

Флинкс расслабился и, протянув руку, почесал летучего змея под кожистой мордой. «Полегче, Пип,— шепнул он, придумывая для своего приятеля теплые, расслабляющие мысли.— Это пустяки, все уже улажено».

Успокоенный мини-минидраг издал шипящий свист и скользнул обратно под складки плаща, прижав к телу сложенные перепончатые крылья. Коммерсант быстро узнал рептилию. Человек немало попутешествовавший, он знал, что не существовало никакого известного противоядия от яда аляспинского миниатюрного дракона.

— Может быть, он сам усвоил урок, который хотел преподать нам,— сказал Флинкс.— Что скажешь, если мы зайдем к Сморчку Симму и возьмем пива и несколько соленых крендельков тебе? Ты хотел бы этого, суммм?

Змей утвердительно сумммнул ему в ответ.

Почти скрытый в толпе, неприятного вида тучный господин поблагодарил довольного ювелира, положив в карман безразлично сделанную им покупку. Покупка была совершена для отвода глаз, чтобы скрыть истинную цель пребывания здесь.

По бокам у него стояло двое человек. Один был коротким и гладким, с лицом как у мокрого хорька. Другой демонстрировал торс, как у гальванизированного бройлера, и половину лица. Его единственный глаз постоянно дергался, когда он смотрел вслед удаляющейся фигурке Флинкса, в то время как его маленький спутник энергично обратился к покупателю крошечного пианино из золота и жемчуга.

— Вы видели выражение лица того парня, Чаллис? — спросил он толстого человека.— Этот змей — горячая смерть. Нам ничего не говорили ни о чем подобном. Тот здоровенный идиот спас не только свою собственную жизнь, но и мою, и Нангера тоже.

Одноглазый кивнул:

— Да, вам придется найти кого-нибудь другого для этой грязной работы.

Его низенький спутник выглядел абсолютно согласным с ним.

Толстый коммерсант остался спокоен, почесал один из своих многочисленных подбородков:

— Разве я не был щедр? Поскольку вы оба у меня на постоянном содержании, я, в принципе, ничего не должен вам за эту задачу.— Он пожал плечами.— Но если вопрос в том, чтобы дать еще денег...

Гладкий хорек покачал головой:

— Вы можете купить мои услуги, Чаллис, но не мою жизнь. Вы знаете, что случится, если яд этого змея попадет вам в глаза? Никакое известное противоядие не сохранит вам жизнь дольше, чем на шестьдесят секунд.

Он пнул гравий и грязь под ногами, все еще влажные от регулярного утреннего дождя.

— Нет, это не для меня и не для Нангера тоже.

— Точно,— степенно согласился одноглазый тип. Он чихнул и кивнул в направлении уже удалившегося юноши.— С чего вы вообще помешались на этом пареньке? Он не силен, не богат и не особенно красив.

— Меня интересует его голова, а не тело,— вздохнул Чаллис,— хотя речь идет о моих удовольствиях.— Пыхтя, словно проткнутая подушка, он повел их сквозь суетящуюся, кричащую толпу. Люди, транксы и представители дюжины других коммерческих рас легко, словно смазанные, скользили вокруг и мимо них, сплошь занятые важными делами.

— Дело в моем янусском камне. Он вызывает у меня скуку.

Лицо низенького выразило отвращение.

— Как может заскучать кто-либо, достаточно богатый, чтобы иметь янусский камень?

— О-о... Но я заскучал, дорогой Нолли, заскучал.

Нангер полуосклабился:

— Что за беда, Чаллис? Вас подводит воображение? — Он рассмеялся коротким зычным лающим смехом.

Чаллис усмехнулся в ответ:

— Едва ли, Нангер, но мой мозг, кажется, не годится для того, чтобы производить тот четкий, детальный раствор, на какой способен кристалл. Для этого мне нужна помощь. Вот потому-то в эти последние месяцы я и трудился, подыскивая подходящего ментоадепта, пытаясь найти вспомогательный мозг, требующийся для управления кристаллом. Я заплатил уйму денег за нужную информацию,— закончил он, кивая знакомому высокому осирийцу. Птицевидный щелкнул в ответ клювом и сделал жест своей грациозной страусиной шеей, его выделяющаяся из общей массы фигура, покачиваясь, уверенно пробиралась через толпу.

Нангер остановился купить кусок пирога; Чаллис продолжил свое объяснение, когда они пошли дальше.

— Так вы понимаете, зачем мне нужен этот паренек?

Теперь Нолли говорил с явным раздражением:

— А почему бы просто не нанять его? Посмотреть, не станет ли он участвовать добровольно?

Лицо Чаллиса выразило сомнение.

— Нет, я думаю, это не сработало бы, дорогой Нолли. Ты ведь знаком с некоторыми из моих фантазий и тому подобным? — Голос его вдруг стал нечеловечески спокойным и пустым.— Ты принял бы участие по доброй воле?

Нолли отвел взгляд от ставших внезапно пугающими зрачков, и, несмотря на свое плошлое, содрогнулся.

— Нет,— еле слышно прошептал он.— Нет, полагаю, не принял бы...

— Здорово, малыш,— прогремел Сморчок Симм — этот великан был не способен разговаривать иначе, чем криком.— Как жизнь, и что ты слышал о Малайке?

Флинкс сел на один из табуретов, выстроившихся рядом с изогнутой стойкой, заказал пиво со специями для себя и чашку соленых крендельков для Пипа. Летучий змей грациозно соскользнул с плеча Флинкса и проделал свой путь к деревянной чашке с трапециевидной выпечкой. Это действие было замечено сидевшей побли-

зости парой пучеглазых отталкивающих типов, которые быстренько покинули свои места и ретировались к самым удаленным кабинкам.

— У меня довольно давно не было никаких контактов с Малайкой, Симм. Я слышал, что он занимается бизнесом где-то за пределами нашей системы.

Богатый друг-коммерсант Флинкса дал ему возможность покончить с представлениями своего личного цирка одного актера, снабдив его существенной суммой за помощь в исследовании тар-айимской планеты Кранг. Много денег ушло на устройство матушки Мастифф, приемной матери Флинкса, в хорошо обеспеченной товарами лавке в одном из лучших рыночных округов Драллара. Ворча на свою капризность, старуха вызволила Флинкса еще ребенком с невольничьего ряда и вырастила его. Она была единственной когда-либо известной ему родней. Она все еще ворчала, но с любовью.

— Фактически,— продолжал он, потягивая поперченный отвар,— Малайка хотел, чтобы я отправился с ним. Но хотя я и уважаю этого старого гедониста, у него в конечном итоге возникнет идея облачить меня в накрахмаленный костюм, зачесать мне волосы назад и выработать хорошую дикцию.— Флинкс заметно содрогнулся.— Я не смогу этого вынести. Скорей уж я вернусь к жонглерству и играм в отгадки со зрителями. А что насчет тебя, о отец неотесанных мужиков? Я слышал, что минуципальные войска снова досаждали тебе.

Хозяин бара оперся своей, два с половиной метра ростом, почти двухсоткилограммовой тушей на амортизирующую стойку из дерева и пластика, которая протестующе затрещала:

— Рыночный уполномоченный явно воспринял как личное оскорбление, что я выкинул первую группу чиновных добродеев, присланных им закрыть мое заведение. Может быть, мне не следовало ломать их фургон. Теперь они пытаются действовать хитрее. Только на этой неделе у меня побывал один, утверждавший, что он своими глазами видел, как я подавал определенные галлюциногенные напитки лицам, не достигшим совершеннолетия.

— Ты явно заслужил, чтобы тебя вздернули за эти крайности,— с псевдосерьезным видом заметил Флинкс. Он тоже считался по закону слишком юным для многого, что подавал ему Симм.

— Так или иначе,— продолжал великан,— этот чертов сын вылетает из задней кабинки, машет своей муниципальной карточкой умиротворителя и пытается сказать мне, что я арестован. Он, мол, намерен забрать меня, и мне лучше всего спокойно отправиться с ним.— Сморчок Симм сокрушенно качал массивной головой, пока Флинкс сделал несколько больших глотков.

— И что же ты сделал? — Флинкс слизнул жидкость с уголков рта.

— Я действительно не хотел больше никаких неприятностей и уж конечно не еще одного обвинения в нападении. Я подумал, что намекающая демонстрация умеренно физического характера действенно убедит этого господина изменить свое мнение. Она убедила, и он тихо удалился.— Симм показал на опустевшую теперь кружку Флинкса: — Еще налить?

— Разумеется, так что ты сделал? — повторил он.

— Съел его карточку умиротворителя. Вот твое пиво,— он поставил вторую кружку рядом с первой.

Флинкс понимал удовлетворение Сморчка Симма. Ему требовалось поддерживать свою репутацию. Его заведение было одним из немногих мест в Дралларе, куда человек мог зайти с гарантией, что на него не нападут или как-нибудь не облапошат буйные разбойники. И все потому, что Сморчок Симм беспристрастно разделывался со всеми такими нарушителями спокойствия.

— Вернусь через минуту,— сказал Флинкс своему другу. Он соскользнул с табурета и направился в то помещение, чья планировка и назначение мало изменились за последние несколько столетий. Как только он вошел туда, на него навалилось изобилие богатых ароматов и ощущений: застоявшегося пива, крепких напитков, беспокойства, напряжения, старой воды, влажности, полного страха ожидания. Комбинация насыщенных мыслей и носящихся в воздухе запахов чуть не подавила его.

Посмотрев налево, где это давление было сильнее всего, он заметил легкое подергивание обеспокоенно следившего за ним человека. Флинкс увидел внешнее спокойствие этого человека и почувствовал его внутренний страх. В одной руке он держал осмотический шприц, его палец обвился вокруг него, словно это было оружие. Когда Флинкс начал было звать на помощь, его подымающийся крик оборвало что-то темное и тяжелое, опустившееся ему на голову. Мысленный же крик оборвал холод шприца...

Он очнулся и увидел беспорядочную панораму огней. Они раскинулись перед ним и ниже его, видимые сквозь стену и пол из прозрачного пластика.

Он медленно поднялся, сел с некоторыми затруднениями, поскольку его запястья сковывали хромированные металлические наручники. От них тянулась длинная трубка из гибкого металла, исчезавшая среди богатой мебели. Эта цепь извивалась по толстому прозрачному ковру, словно какой-то червяк с зеркальной спиной.

Присмотревшись, Флинкс увидел, что огни были пульсацией города Драллара, среди них господствовали находившиеся слева светящиеся шпили королевского дворца. Это зрелище позволило ему сориентироваться. Сравнив положения дворца с узором нижних огней, он понял, что его держат пленником в одном из четырех отгороженных инурбов города. В этих охраняемых, огражденных от посторонних лиц анклавах находились дома высших классов, как дралларских, так и торговавших здесь жителей планет. Значит, напавшие на него были далеко не трущобные воры

Он был не в состоянии уловить какие-либо эмоции или мысли вокруг себя. Сейчас все заполонило собой легкое пульсирование в мускулах правого предплечья, куда попала игла. Совсем иного рода ауру порождал его собственный гнев за то, что он не заметил враждебных эманаций напавших на него до того, как зашел в туалет.

Вдруг он заметил отсутствие еще одного ощущения:

пропал утешающий груз Пипа у него на плече.

— Здравствуй,— робко поздоровался тонкий, серебряный голосок.

Резко обернувшись, Флинкс оказался лицом к лицу с ангелом. Он расслабился, скинул ноги с кушетки и с удивлением посмотрел на появившуюся девочку. Ей не могло быть больше девяти-десяти лет, и она была одета в голубовато-зеленый комбинезон с бахромой и длинными рукавами из какого-то прозрачного кружевного материала. Длинные белокурые покрытые лаком волосы волнами спадали до самых бедер. Младенчески голубые глаза смотрели на него с удлиненного лица умудренного херувима.

— Меня зовут Махнахми,— мягко уведомила она его; ее голос поднимался и падал словно трель малой флейты.— А тебя?

— Все зовут меня Флинкс.

— Флинкс,— она пососала кончик большого пальца.— Это смешное имя, но приятное.

Улыбка показала превосходный жемчуг зубов.

— Хочешь посмотреть, что мне купил папочка?

— Папочка,— откликнулся словно эхо Флинкс, оглядывая комнату. В ней господствовали большая дуга прозрачной стены, балкон и находившаяся внизу искрящаяся панорама. Снаружи была ночь... но была ли это ночь того же дня? Сколько он пролежал без сознания? Неизвестно... пока.

Комната была меблирована в стиле позднего Сиберада: пышные подушки, кресла и диван, поднятые на тонких, как карандаши, стропах из дюралесплава, со всем прочим, подвешенным к потолку на такой тонкой проволоке из дюралесплава, что остальная мебель казалась плавающей в воздухе. На сводчатом куполе потолка господствовали массивные ветви люминесцентных кристаллов сподумена и кинзита. Они окаймлялись округлыми люками, открывавшими теперь заполненное звездами небо. Климатические регуляторы не давали вечернему дождю попасть в помещение.

Его похититель был очень богатым человеком.

Наблюдения прервал полный обиды из-за невнимания голос девочки:

— Ты хочешь посмотреть ее или нет?

Флинкс пожелал, чтобы подрагивание в правом предплечье поутихло.

— Разумеется,— рассеянно кивнул он.

Улыбка вернулась, когда девочка сунула руку в карман комбинезона. Она подошла поближе, гордо разжала кулачок, показывая что-то, лежащее на ладони. Флинкс увидел, что это миниатюрное пианино, сделанное целиком из филигранного золота и настоящего жемчуга.

— Оно действительно играет,— взволнованно сообщила она ему.

Она дотронулась до крышечных клавиш, и Флинкс прислушался к почти невоспринимаемым нотам.

— Это для моей куклы.

— Оно очень красивое,— похвалил Флинкс, вспоминая времена, когда такая игрушка стоила бы ему кредитов больше, чем он мечтал когда-нибудь иметь.— А где сейчас твой папочка?

— Здесь.

Флинкс повернулся к источнику этого простого и все же каким-то образом угрожающего слова.

— Да, я уже знаю, что вас зовут Флинкс,— сказал вошедший, махнув унизанной кольцами рукой.— Я знаю о вас уже многое.

Из шаровидной тени появились два человека. У одного была вмятина в черепе, наполовину оплавленная каким-то сильнейшим жаром и лишь приблизительно реконструированная инженерами от медицины. Его спутник-коротышка проявлял теперь больше самообладания, чем когда держал для Флинкса шприц в туалете у Симма.

Коммерсант снова обратился к нему:

— Меня зовут Конда Чаллис. Наверное, вы слышали обо мне?

Флинкс медленно кивнул:

— Я знаю о вашей фирме.

— Хорошо,— отозвался Чаллис.— Всегда приятно быть узнанным, и это избавляет от определенных объяснений.

Неприятное пульсирование в правом плече Флинкса начало утихать, когда вошедший расположился в поджидавшем его кресле. От Флинкса его отделял круглый плоский стол из металла и пластика. Полулицый и его низкорослая тень расположились поудобней — но не слишком удобно, заметил Флинкс — рядом с ними.

— Я вижу, Махнахми, ты развлекала нашего гостя,— обратился Чаллис к девочке.— Теперь пойди куда-нибудь и поиграй, как положено пай-девочке.

— Нет. Я хочу остаться и посмотреть.

— Посмотреть? — напрягся Флинкс.— Что посмотреть?

— Он собирается воспользоваться кристаллом. Я знаю это! — Она повернулась к Чаллису:

— Пожалуйста, папочка, позволь мне остаться и посмотреть! Я ни слова не скажу, обещаю.

— Извини, детка, как-нибудь в другой раз.

— Как-нибудь в другой раз, как-нибудь в другой раз,— повторила она.— Ты никогда не даешь мне посмотреть. Никогда, никогда, никогда! — И столь же быстро, как солнце, вспыхнувшее после ливня, ее лицо озарила широкая улыбка.— Ну ладно, но позволь мне хотя бы попрощаться с ним.

Когда Чаллис нетерпеливым кивком дал добро, она разве что не прыгнула в объятия Флинкса. К большому его расстройству, она обвила его руками и ногами, чмокнула в щеку и прошептала в правое ухо ритмичным, незрелым сопрано:

— Лучше делай, что он тебе говорит, Флинкс, или он выпустит тебе кишки.

Каким-то образом он сумел сохранить на лице нейтральное выражение, когда она отпустила его с обезоруживающе невинной улыбкой.

— Пока. Может быть, папочка позволит нам потом поиграть.— Повернувшись, она вприпрыжку выбежала из комнаты через дверь в противоположной стене.

— Э... интересная девочка,— сглотнув, заметил Флинкс.

— Ну разве она не очаровательна,— согласился Чаллис.— Мать ее была исключительно красива.

— Значит, вы женаты? Вы мне кажетесь человеком не того типа.

Коммерсант, похоже, был искренне шокирован:

— Я — с пожизненными брачными узами? Мой мальчик! Ее мать была куплена прямо здесь, в Дралларе, много лет назад. Прилагаемая родословная утверждала, что она обладала исключительными талантами. Они оказались очень небольшие, пригодные для салонных фокусов, но мало для чего еще. Она, однако, была способна и на кое-что еще, так что я считал, что деньги потрачены не совсем напрасно. Единственным недостатком было рождение этого ребенка, произошедшее в результате моего опоздания на стандартную дебиоинъекцию. Я не думал, что задержка будет иметь значение.— Он пожал плечами.— Но я ошибся. Ее мать доставляла мне удовольствие, поэтому я разрешил ей родить девочку... У меня, однако, есть склонность не беречь свое имущество. Мать после этого прожила недолго. Временами я чувствую, что девочка унаследовала мизерные таланты своей матери, но все попытки доказать это потерпели неудачу.

— И все же, несмотря на это, вы продолжаете держать ее при себе,— с любопытством заметил Флинкс. На секунду Чаллис, похоже, смутился, ощущение, которое быстро прошло.

— На самом деле, это не так уж и загадочно. Учитывая, как умерла ее мать, о чем девочка не знает, я испытываю некоторое чувство ответственности за нее. Хотя я не особенно люблю детей, она подчиняется с охотой, какой могут позавидовать и те, кто постарше ее.— Он широко усмехнулся, и у Флинкса возникло впечатление голого белого черепа, наполненного ломаными ледяными торосами.

— Она достаточно большая, чтобы понимать: если она не будет слушаться, я просто-напросто продам ее.— Чаллис нагнулся вперед, сопя от усилия положил грудь на выпирающий живот.— Однако, вас доставили сюда не для того, чтобы обсуждать детали моей домашней жизни.

— Тогда зачем же меня сюда доставили? Я слышал

что-то о кристалле. Я немного разбираюсь в хороших камнях, но я, разумеется, не специалист.

— Да, кристалл.— Чаллис отклонил дальнейшие устные объяснения, вместо этого он проманипулировал переключателями, скрытыми наклоненным противоположным краем стоящего между ними стола. Свет померк, и зловещая пара подручных Чаллиса исчезла, хотя Флинкс чувствовал поблизости их бдительное присутствие. Они находились между ним и единственной четко определенной дверью.

Внимание Флинкса быстро отвлекло тихое гудение. Когда верх стола отодвинулся в сторону, он увидел все устройство. Стол был толстым сейфом. Что-то поднялось из центральной выемки, скульптура из светящихся компонентов, окруженных паутиной тонких проводов. В центре скульптуры находился прозрачный шар из стеклосплава. В нем содержалось что-то, выглядевшее похожим на чистый природный кристалл размером примерно с голову человека. Он сиял странным внутренним светом. На первый взгляд он напоминал кварц, но более длительное изучение показывало, что здесь был уникальнейший силикат.

Центр кристалла был полым и имел неправильные очертания. Он был полон темно-бордовых и зеленых частиц, плававших медленно, как во сне, в прозрачной вискозной жидкости. Частицы были мелкими, как пылинки. Местами они почти достигали стенок кристалла, хотя у них, в общем, имелась тенденция держаться компактно вблизи от его середины. Иногда бархатистые пылинки резко дергались и носились кругом, словно подгоняемые какой-то невидимой силой. Флинкс, как загипнотизированный, уставился в его смещающиеся глубины...

На Земле жил богатый человек по имени Эндриксон, который последнее время, казалось, ходил будто во сне. Семья его любила, и друзья были очень привязаны к нему. Им также, сквозь зубы, восхищались конкуренты. Эндриксон, хотя в данный момент он выглядел кем

угодно, только не человеком острого ума, был одним из тех странных гениев, которые сами не обладают никакими творческими способностями, но проявляют вместо этого редкую способность распоряжаться и направлять таланты людей более одаренных, чем они сами.

В 5:30 вечера 25 числа пятого месяца Эндриксон шел медленнее обычного по тщательно охраняемым коридорам Завода. У Завода не было названия — предосторожность, на которой настояли нервные люди, чьим занятием было беспокоиться о таких вещах,— и он был построен на западном склоне Анд.

Проходя мимо трудившихся на Заводе мужчин, женщин и инсектоидных транксов, Эндриксон приветливо кивал и всегда удостаивался почтительного ответа. Они все двигались в противоположном направлении, поскольку рабочий день для них закончился. Они все были в пути — эти очень, очень талантливые существа,— к себе домой в Сантьяго, Лиму, Дели и Нью-Йорк, а также в земные колонии транксов в бассейне Амазонки.

Один, еще не сменившийся с дежурства, вытянулся по стойке смирно, когда Эндриксон завернул за угол в последний защищенный переход. Увидев, что посетитель не был его непосредственным начальником — господином, носившим свое раздражение, как и свое нижнее белье, поверх брюк,— хорошо вооруженный охранник расслабился. Эндриксон, знал он, был другом всем.

— Здравствуйте... Дэвис,— медленно произнес босс.

Дэвис отдал честь, а затем внимательно изучил шефа, обеспокоенный его внешним видом.

— Добрый вечер, сэр. Вы уверены, что чувствуете себя хорошо?

— Да, спасибо, Дэвис,— ответил Эндриксон,— у меня в последнюю минуту возникла одна мысль... Это ненадолго.— Он глядел на какой-то светящийся предмет неправильной формы, который держал в ладони.— Не хочешь ли посмотреть мое удостоверение личности?

Охранник улыбнулся, осмотрел необходимую полоску обработанного пластика и пропустил Эндриксона в камеру, за которой находилась мастерская, огромная пещера, дополнительно расширенная точным инженер-

ным расчетом и необходимостью. Это было сердце Завода.

Уверенной походкой Эндриксон спустился по лестнице на опечатанный этаж увеличенной пещеры, проходя мимо громадных машин, длинных верстаков и величественных сооружений из металла и других материалов. Мастерская была сейчас пустынна. Она останется такой до тех пор, пока не явится, пять часов спустя, утренняя смена.

Пройдя треть этажа, он остановился перед внушительной дверью из серовато-коричневого металла, единственным разрывом в сплошной стене из того же материала, что отгораживал просторную часть пещеры. Пользуясь свободной рукой и в то же время по-прежнему уставясь на предмет в другой руке, он вынул кольцо с несколькими металлическим цилиндриками. Он выбрал цилиндрик, прижал большой палец к выемке на его конце, а затем вставил другой конец в дырочку на двери и толкнул его вперед. Механизм двери произвел и поглотил сложную серию излучений. Они вынесли суждение о цилиндрике и о державшей его личности.

Удостоверившись, что цилиндрик закодирован как надо и что его владелец находится в устойчивом психологическом состоянии, дверь пропела тихое согласие и утонула в полу. Эндриксон прошел, и дверь, заметив его прохождение, снова поднялась, закрыв щель позади него.

Впереди обрисовалось не вполне законченное устройство, почти заполнявшее собой эту часть пещеры. Оно было окружено внимательной армией приборов: следящими устройствами, отдыхающими инструментами, контрольными пультами и бесконечными пробирками с разнообразными компонентами,

Эндриксон игнорировал этот знакомый коллаж, и целеустремленно направился к единственному черному пульту.

Он задумчиво посмотрел на его переключатели и датчики, а затем воспользовался еще одним из цилиндриков на кольце, для того чтобы вернуть пульт к жизни.

Лампочки послушно вспыхнули, а датчики зарегистрировали для него величины.

Над ним вырисовывалась огромная масса незаконченного КК-двигателя звездолета — . Окончательное завершение будет и должно быть только в свободном космосе, поскольку активированное позигравитационное поле двигателя, взаимодействуя с гравитационным полем планеты, произвело бы серию землетрясений и тектонических смещений в масштабах катаклизма.

Но этот факт Эндриксона в данный момент не волновал. Им овладела куда более интригующая мысль. Достаточно ли завершен двигатель, чтобы функционировать? Ему хотелось знать. Почему бы не получить интересные факты из первых рук...

Он взглянул на красоту в своей ладони, затем воспользовался вторым цилиндриком, чтоб отпереть плотно запечатанную коробку на одном конце черного пульта. Под кожухом коробки находилось несколько кнопок, сплошь покрытых ярко-красной эмалью. Эндриксон услышал, как где-то визгливо взвыл клаксон, но сигнал тревоги умолк, когда он включил кнопки в правильном порядке. Он предвкушал огромное удовольствие. С активацией переключателей жидкого состояния по монолиту из стекла, пластика и металла начали растекаться команды. Далеко за противоположной стороной двери Эндриксон слышал крики и топот бегущих людей. В то же время была активирована термоядерная искра, и Эндриксон увидел полное зацепление, зарегистрированное на надлежащих мониторах.

Он удовлетворенно кивнул. Замкнулись последние реле, связавшие с механизмом встроенный в двигатель компьютерный мозг. На короткую секунду поле Курита-Кита обрело существование. В голове Эндриксона на миг мелькнула мысль, что такое никогда не следует делать иначе как в глубине свободного космоса.

Но последние мысли он посвятил изысканной красоте и странным словам, заключенным в предмете, который он держал в руке...

Будь двигатель закончен, могла бы произойти крупная катастрофа. Но он не был завершен, и поэтому поле

быстро рспалось, не способное поддержать само себя и распространиться до своего полного, двигательного диаметра.

Поэтому, хотя в шестистах километрах, в центре Вальпараисо, вылетели окна, опрокинулось несколько старых зданий и треснула древняя колокольня церкви Санта Авила де Севиль, лишь немногие вещи в непосредственной близости претерпели сколько-нибудь значительные изменения.

Однако Эндриксон, Завод и близлежащая технологическая община Санта Роза де Кристобаль (населением 3200 человек) исчезли.

Гору высотой в 1352 метра, у подножия которой поднялся городок и в недрах которой был высечен Завод, сменил окруженный расплавленным стеклом кратер глубиной в 1200 метров.

Поскольку логика настаивала, что это событие не могло быть ничем иным, помимо несчастного случая, именно так и постановили специалисты, вызванные найти объяснение, специалисты, не имевшие доступа к той самой красоте, которая так совершенно ослепила ныне испарившегося Эндриксона...

Флинкс моргнул, пробуждаясь от тантализирующей красоты янусского кристалла. Он продолжал пульсировать своим ровным, естественным желтым люминесцентным светом.

— Вы видели когда-нибудь прежде такой камень? — спросил Чаллис.

— Нет, хотя я слышал о них. Я достаточно знаю, чтобы узнать его.

Чаллис, должно быть, коснулся какой-то скрытой кнопки, потому что на краю стола обрел жизнь свет низкой интенсивности. Пошарив во встроенном в стол ящике, коммерсант достал небольшой предмет, напоминавший абстрактную деревянную скульптуру птицы в полете, с опущенными крыльями. Он был сработан так, чтобы налезать на человеческую голову. Гладкие в це-

лом очертания прибора нарушали только несколько видимых проводов и модулей.

— Вы знаете, что это такое? — осведомился коммерсант.

Флинкс признался, что не знает.

— Это шлем оператора, медленно объяснил Чаллис, помещая его на свои жесткие волосы.— Шлем и заключенные в этом столе механизмы транскрибируют человеческие мысли и передают их в кристалл. У камня есть определенное свойство.

Чаллис произнес «свойство» с таким благоговением, какое большинство людей приберегают для описания своих богов или возлюбленных.

Коммерсант прекратил возиться с невидимыми кнопками и со шлемом. Он сложил руки перед своим сжатым брюхом и уставился на кристалл.

— Сейчас я кое на чем сосредоточусь,— тихо сказал он своему очарованному слушателю.— Это требует небольшой тренировки, хотя некоторые могут обойтись и без нее.

Пока Флинкс увлеченно следил, частицы в центре кристалла начали перестраиваться. Их движение перестало быть хаотичным, и было ясно, что направляли эту переаранжировку мысли Чаллиса. Здесь было нечто, о чем ходили слухи, но что имели честь видеть немногие только очень богатые люди.

— Чем больше кристалл,— продолжал Чаллис, явно напрягаясь,— тем больше цветов присутствует в коллоиде и тем ценнее камень. Общим правом является только один цвет. Этот камень содержит два и является одним из самых больших и прекрасных, что существуют, хотя даже маленькие камни — редкость.

Есть камни с присутствующими примесями, создающие трех- и четырехцветные демонстрации, и известен один камень с пятицветным содержанием. Вы бы не поверили, узнав, кому он принадлежит и что с ним делают.

Флинкс следил, как пылинки в центре кристалла начали принимать полутвердую форму и облик по указаниям Чаллиса.

— Никто,— продолжал коммерсант,— не сумел синтезировать маслянистую жидкость, в которой плавают взвешенные цветные частицы материи. Если кристалл разбить, восстановить его невозможно. И равно нельзя перенести коллоид полностью или частично в новый контейнер. Трещина в сложном жидкокристаллическом образовании уничтожает индивидуальный пьезоэлектрический потенциал камня. К счастью, кристалл так же тверд, как и корунд, хотя и не приближается по прочности к предметам из дюралесплава.

Хотя контуры постоянно смещались и дрожали, ни на секунду не становясь совершенно твердо зафиксированными, они приняли узнаваемые очертания нескольких личностей. Одна, похоже, была женщиной с преувеличенной фигурой Юноны. Из других один был гуманоидным самцом, а третий — чем-то совершенно чуждым. Вокруг них поднялось двухстороннее помещение, наполнившееся странными предметами, никогда не сохранявшими свою форму больше чем на несколько секунд. Хотя их формы постоянно менялись, производимое ими впечатление — нет. Флинкс увидел вполне достаточно, чтобы желудок вывернулся наизнанку, прежде чем все в кристалле растворилось вновь в облако светящейся пыли.

Оторвав взгляд от кристалла и подняв глаза, он заметил, что коммерсант снял шлем и вытирал пот надушенным платком с высокого лба. Освещенное приглушенным светом, скрытым внизу за краем стола, его лицо стало физиономией неразборчивого в средствах маньяка.

— Легко начать,— утомленно пробормотал он,— но дьявольски трудно поддерживать реакцию. Когда твое внимание переключается на одну фигуру, остальные начинают распадаться. А когда в пьесе требуется представить сложные действия нескольких таких созданий, это почти невозможно, особенно когда еть склонность становиться столь увлеченным... действием.

— Какое все это имеет отношение ко мне? — прервал его Флинкс. Хотя вопрос был адресован Чаллису, его внимание было приковано к этим двум полуощути-

мым фигурам, охранявшим выход. Ни Нолли, ни Нангер не шевелились, но это не означало, что они ослабили свою бдительность. И охраняемая ими дверь едва ли окажется незапертой. Флинкс разглядел несколько отверстий в выходившей на город стене из стеклосплава от пола до потолка, но он знал, что там ждал отвесный скат на улицу по меньшей мере в пятьдесят метров высотой.

— Видите ли,— уведомил его Чаллис,— если я не стыжусь признаться, что я унаследовал самый преуспевающий семейный бизнес в виде «Чаллис Компани», то я не считаю также себя и дилетантом. Я улучшил дела фирмы благодаря приобретению людей со многими различными талантами.

Он показал на дверь:

— Дорогой Нолли и Нангер два таких примера. Я надеюсь, что вы, милый мальчик, станете еще одним.

— Я все еще не уверен, что понимаю,— медленно произнес, лукавя, Флинкс.

— Это можно легко исправить.— Чаллис растопырил и поднял пальцы.— Чтобы удержать взвешенные частицы при манипулировании этой, состоящей из частиц, глиной, требуется особого рода мозг. Мои мысленные сценарии сложны, чтобы наслаждаться ими, мне требуется вспомогательный мозг. Ваш! Я проинструктирую вас относительно своих желаний, что я желаю и вы исполните мои замыслы.

Флинкс мысленно вернулся к тому, что он мельком увидел несколько минут назад в незавершенной пьеске, к тому, что сотворил Чаллис внутри крошечного божьего мира кристалла. Во многих отношениях он был куда более зрелым, чем полагалось для его семнадцати лет, и он в свое время повидал много вещей. Хотя кое от чего из этого вырвало бы и опытного солдата, большинство из них были безвредными извращениями. Но под всей выраженной Чаллисом поверхностной сердечностью и вежливыми просьбами о сотрудничестве бурлило глубокое озеро неочищенных сточных вод, и Флинкс не собирался служить коммерсанту в нем лоцманом.

Выживание на рынке Драллара с детства сделало

Флинкса в какой-то мере реалистом. Поэтому он не отверг с ходу предложение коммерсанта и не высказал того, что было у него на уме: «Вы вызываете у меня тошноту и отвращение, Конда Чаллис, и я отказываюсь иметь какое-то отношение к вам или к вашим болезненным фантазиям». Вместо этого он сказал:

— Я не знаю, откуда у вас появилась мысль, что я могу оказать вам такую помощь.

— Вы не можете отрицать свое собственное прошлое,— хихикнул Чаллис.— Я собрал на вас маленькое, но интересное досье. Самое примечательное, что ваши странные таланты заметно фигурировали в помощи одному моему конкуренту по имени Максим Малайка. Перед этим и последующими инцидентами вас замечали демонстрировавшим экстремальные психические способности посредством дешевых цирковых фокусов ради получения нескольких кредитов от прохожих. Я могу предложить вам существенно больше за применение ваших талантов. Отрицайте это, если сможете.

— Ладно, допустим, я могу сделать несколько фокусов и одурачить несколько туристов,— уступил Флинкс, изучая в то же время соединявшие его запястья тонкие серебристые браслеты и пытаясь найти скрытую защелку.— Но то, что вы называете моими «талантами»,— неустойчиво, и большую часть времени не поддается моему контролю. Я не знаю, ни когда они возникают, ни почему они пропадают.

Чаллис кивал с сильно не понравившимся Флинксу видом.

— Естественно, я понимаю, что все таланты — художественные, спортивные, любого рода — требуется тренировать, дисциплинировать и развивать до своей полноты. Я намерен помочь вам овладеть вашими. В смысле примера...— Чаллис взял что-то, похожее на древние карманные часы, и нажал на крошечную кнопку. Из легких Флинкса мгновенно исчезло дыхание, и он выгнулся вперед дугой. Его руки сжались в кулаки, когда он содрогался, и он почувствовал себя так, словно кто-то подпилил кости в его запястьях; боль так же внезапно прошла, и он стал способен обмякнуть и повалиться

назад, охая и дрожа. Когда он обнаружил, что снова может открыть глаза, то увидел, что Чаллис пристально смотрел в них, выжидательно и заинтересованно. Его взгляд ничем не отличался от взгляда химика, наблюдающего лабораторное животное, только что получившее инъекцию возможно смертельного вещества.

— В этом... не было необходимости,— сумел прошептать Флинкс.

— Возможно, и нет,— бездушно согласился Чаллис,— но это было инструктивным. Я видел, как бегали ваши глаза, пока вы говорили. В самом деле, вы, знаете ли, не сможете выбраться отсюда. Даже если бы вы сумели каким-то образом добраться до центральной шахты лифта мимо Нолли и Нангера, там ждут и другие.— Коммерсант помолчал, а затем внезапно спросил: — Итак, неужели то, что я желаю, настолько отвратительно для вас? Вы будете хорошо вознаграждены. Я предлагаю вам обеспеченное существование в моей фирме. В обмен вы можете отдыхать как вам угодно. Вас будут вызывать только для помощи в управлении камнем.

— Меня беспокоит этичность этого дела, а не жалование,— стоял на своем Флинкс.

— Ах, этичность.— Чаллиса позабавили слова Флинкса, и он не пытался этого скрыть.— Это вы наверняка сможете преодолеть. Альтернатива будет намного менее субъективной.— Он праздно побарабанил двумя пальцами по поверхности псевдочасов.

Притворяясь, что наслаждается всем этим, Флинкс думал. Его запястья все еще подергивались, и боль проникла до самых плеч. Он мог снова вынести эту боль, но не часто. А что-нибудь более интенсивное наверняка выключит его. Его зрение все еще имело тревожную тенденцию терять фокус.

И все же... он не мог сделать того, что хотел Чаллис. Эти образы — у него закрутилось в желудке, когда он вспомнил,— участвовать в таких непристойностях... Нет! Флинкс обдумывал, что сказать, все что угодно, лишь бы предотвратить новую боль, когда к его щеке прижалось что-то сухое и гладкое. За этим последовало

легкое, как перышко ласковое поглаживание по шее чего-то невидимого, но знакомого.

Чаллис явно ничего не увидел в темноте, так как когда он снова заговорил, его голос был таким же ровным, как и раньше. Его пальцы продолжали лениво играть на овальном пульте управления.

— Бросьте, мой дорогой мальчик, нужно ли, в самом деле, растягивать это еще больше? Я уверен, что вы получаете от этого меньше удовольствия, чем я.

Палец перестал барабанить и придвинулся к кнопке.

— Эй!

Крик раздался поблизости от двери, и за ним последовали приглушенные ругательства и смутно воспринимаемое движение. Двое охранников Чаллиса безумно прыгали кругом, размахивая руками и молотя что-то невидимое.

Голос Чаллиса в первый раз сделался злобным и гневным:

— Что с вами случилось, идиоты?

Нангер нервно ответил:

— Здесь с нами что-то есть.

— Вы оба выжили своего жалкого ума. Мы восьми этажах от поверхности и тщательно экранированы от механического вторжения. Ничего не может быть.

Нангер перебил заверения коммерсанта воплем, с подобным которому мало кто мог когда-либо столкнуться.

Флинкс наполовину ожидал этого. И даже у него от этого звука пробежал по спине холодок. А что это сделало с Нолли или с Чаллисом, ставшим вдруг карабкаться через спинку кресла и шарить у себя на поясе, можно было только догадываться.

Флинкс услышал треск, за которым последовало столкновение с чем-то тяжелым и вышедшим из-под контроля. Это был Нангер. Полулицый плотно прижал к глазам обе руки и дико шатался во всех направлениях.

— Камень... берегите камень! — взревел в панике Чаллис. Двигаясь с удивительной скоростью на четвереньках, он добрался до края стола и ударил по выключателю. Свет мгновенно погас.

В слабом освещении от стены-окна Флинкс смог

разглядеть, как коммерсант отсоединил верхнюю часть аппарата, шар, содержащий сам кристалл, и выжидая, осторожно держал его в руках, оберегая от повреждений.

Неожиданно в комнате возник еще один источник света в виде резких перемежающихся вспышек иглолучевого пистолета. Нолли выхватил оружие и отчаянно дрался с налетавшим на него и паривши над ним противником. Затем на столе что-то начало гудеть, требуя внимания, и Чаллис поднял трубку и выслушал. Флинкс тоже прислушивался, но не смог ничего расслышать. Что бы там ни было сказано, оно извлекло несколько свирепых ответов из коммерсанта, чьи небрежные манеры теперь совершенно исчезли. Он буркнул что-то в микрофон, а затем швырнул его обратно на стол. Взгляд, который он бросил на Флинкса в почти полной темноте, был смесью ярости и любопытства.

— Я вынужден с вами распрощаться, мой милый мальчик. Надеюсь, у нас будет возможность встретиться вновь. Я думал, что вы всего лишь нищий со слишком большими для своей головы талантами. Вы явно нечто большее. Сожалею, что вы не выбрали сотрудничество. Ваша материнская линия намекала, что вы могли бы.— Чаллис усмехнулся.— Я никогда не повторяю ошибок. Считайте это предупреждением.

Все еще ползя на четвереньках, он проделал путь до скрытой двери. Когда она открылась, Флинкс мельком уловил стоявшую там золотистую фигурку.

— Снова подслушиваешь, отродье? — пробурчал, поднимаясь на ноги, Чаллис. Он дал девочке затрещину, схватил ее за руку. Она заплакала и отвела взгляд от Чаллиса, когда дверь, закрываясь, повернулась.

Когда Флинкс обратил свое внимание на другую дверь, в голове у него уже все завертелось от небрежного замечания коммерсанта. Но прежде чем Флинкс смог обдумать все, что вытекало из этой фразы, он был поражен цунами маниакальной психической энергии, чуть не сбившим его с кушетки. Оно было невообразимо сильным, мощней всего, что он когда-либо получал от человеческого мозга. Оно содержало вопящие образы Конды Чаллиса, медленно распадавшиеся, словно игрушки. Эти

видения беспорядочно смешивались с другими картинами, и среди них проплыло несколько изображений самого Флинкса.

Он вздрогнул под таким титаническим воем. Некоторые из мелькавших образов были намного омерзительнее всего, что пытался создать внутри кристалла Конда Чаллис. Мозг коммерсанта, может, и был предельно развращенным, но мозг, стоявший за этой психической бурей, не останавливался на подобной ерунде.

Флинкс уставился на закрывающуюся дверь, видя в последний раз черные глаза на ангельском лице. В этом несформировавшемся теле, понял он, обитал измученный ребенок. И все же даже это откровение не вызвало в нем той же вспышки дикого волнения, что последнее небрежное заявление Чаллиса. «Ваша материнская линия».

Флинкс больше знал о вселенной, чем о своих настоящих родителях. Если Чаллис знал хотя бы слухи о предках Флинкса... пожелание коммерсанта встретиться вновь обязательно сбудется.

Глава вторая

Дверь в центральную шахту открылась, когда Нолли попытался скрыться. Вместо пустого лифта он наткнулся на фигуру гигантских пропорций, поднявшую его в воздух, отобрав при этом иглолучевой пистолет. Новоприбывший быстро сделал оружие безвредным, скомкав пистолет в кулаке с силой механического пресса. Пальцы Нолли, которым довелось по воле случая сжимать иглолучевик, при этом пострадали, и потере сознания предшествовал вскрик от боли. Сморчок Симм пригнулся, чтобы не задеть притолоку, отбросив в сторону обмякшее человеческое тело. Одновременно длинное тощее тело легко устроилось на плече Флинкса, и влажный кончик языка знакомо пощекотал ему ухо. Протянув руку за спину, Флинкс почесал мини-минидрага под челюстью и почувствовал, как расслабилось длинное

мускулистое туловище. «Спасибо, Пип».

Поднявшись, он обошел стол-сейф и поиграл с кнопками на другой стороне. В скором времени он преуспел с освещением всей комнаты. Там, где ломился и спотыкался Нангер, дорогая мебель была сломана и перекручена. Его тело, уже начавшее коченеть от вызванной ядом смерти, лежало, скрючившись, на одном из погнутых кресел. Неподвижная фигура его спутника валялась у двери. Из сплющенной руки сочилась кровь.

— Я все гадал,— уведомил Симма Флинкс,— когда же ты попадешь сюда.

— Это было трудно,— стал оправдываться бармен, голосом, гулко раздававшимся из бездонной бочки его груди.— Твой приятель проявлял нетерпение, исчезал и снова появлялся, когда я отставал. Как он узнал, где тебя можно найти?

Флинкс любовно поглядел на сонную теперь чешуйчатую голову.

— Он учуял мой страх. Видит Живая Вода, я звал его достаточно громко.— Он протянул вперед скованные запястья.— Ты мог бы что-нибудь сотворить с ними? Я должен найти Чаллиса.

Симм взглянул на наручники с выражением легкого удивления на лице:

— Вот уж никогда не думал, что месть в твоем характере, Флинкс.

Протянув массивные большой и указательный пальцы, Симм осторожно защемил одну из узких соединительных лент. Мгновенное давление заставило металл лопнуть с резким хлопком. Повторение процедуры освободило другую руку Флинкса.

Осматривая свое правое запястье, когда он растирал его левой рукой, Флинкс не смог заметить никаких следов, ничего, указывающего на интенсивную боль, причиненную этим устройством.

Он обдумывал, как ответить на замечание своего друга. Как он мог надеяться объяснить этой добродушной громадине важность змечания Чаллиса?

— Я думаю, что Чаллис может что-то знать о моих настоящих родителях. Я не могу просто-напросто забыть об этом.

Ответ Симма поразил его своей непривычной злостью:

— Что они тебе? Что они для тебя сделали? Они были причиной того, что с тобой обращались как с движимым имуществом, как с какой-то собственностью. Если бы не вмешательство матушки Мастифф, ты был бы сейчас личным рабом, возможно, у кого-нибудь вроде Чаллиса. Твои настоящие родители! Ты ничего им не должен, и уж меньше всего — доставить удовлетворение, показав им, что ты выжил!

— Я не знаю, при каких обстоятельствах от меня отреклись, Симм,— возразил наконец Флинкс.— Я должен выяснить. Должен.

Бармен, сам сирота, пожал массивными плечами.

— Ты, Флинкс, неприспособленный к жизни идеалист.

— А ты — еще больший,— отпарировал юноша,— вот поэтому ты мне и поможешь.

Симм пробурчал что-то неразборчивое, что вполне могло быть ругательством.

— Куда он вышел?

Флинкс показал на скрытую дверь. Симм пошел к ней и для пробы привалился к металлической панели. Шарниры подались внутрь с удивительной легкостью. За дверью они обнаружили короткий коридор, ведущий к маленькому личному лифту, быстро доставившему их к основанию этой роскошной башни.

— Как вообще попал сюда? — спросил своего друга.

Симм дернул углом рта:

— Сказал ребятам из службы безопасности, что у меня есть пропуск на встречу с местным жителем — обычная процедура в подобных центральных районах.

— Кто-нибудь потребовал показать его?

Симм даже не улыбнулся.

— Ты бы стал? Только один охранник попробовал было, но я думаю, с ним будет все в порядке, если о нем позаботятся как надо. Осторожней теперь,— предупредил великан, когда лифт остановился. Пригнувшись сбоку от двери, он выпрыгнул наружу, как только дверь достаточно открылась, чтобы пропустить его. Но их не ждала

никакая засада. Вместо этого они оказались в гараже наземных машин, с обильными признаками недавнего бегства.

— Держи свои монументальные ушки на макушке,— тихо посоветовал другу Флинкс,— и посмотри, не сможешь ли ты выяснить, куда сбежал Чаллис. Я намерен поработать со своими собственными источниками...

Когда они вышли через открытую дверь гаража, никто их не остановил и не помешал уходу, хотя скрытые камеры заметили его. Но те, кто наблюдал через эти камеры, радовались, увидев, что эта пара уходит.

— Ты уверен, что они уже не здесь? — гадал вслух Симм.— Кто-нибудь мог взять машину, чтобы отвлечь внимание.

Флинкс ответил с того рода сверхъестественной уверенностью, на понимание которой Симм и не претендовал, но которую научился принимать:

— Нет, поблизости их больше нет.

Пара вышла за пределы последней стены, окружавшей центральный район. Не было никаких формальностей, никаких рукопожатий: этим двум не требовалось ничего подобного.

— Если ты что-нибудь узнаешь, свяжись со мной в лавке матушки Мастифф,— проинструктировал великана Флинкс.— Что бы там ни случилось, я дам тебе знать о своих планах.

Возвращаясь по концентрическим кругам рынка, он плотно закутался в плащ. Падали последние капли утреннего дождя. Из-за низких тяжелых от воды туч показались первые солнечные лучи.

Вокруг него не прекращалась деятельность. На этом коммерческом перекрестке Содружества бизнесом занимались круглые сутки.

Флинкс знал великое множество встреченных им обитателей этого мира. Некоторые были богатыми и великими, а некоторые — бедными и ничтожными. Некоторые были нелюди: одни — больше, другие — меньше, хотя все притязали на членство в одной и той же расе.

Проходя мимо прилавка торговца сладостями Кики, он решительно смотрел только вперед. Было еще слиш-

ком рано, а его желудок был слишком пуст для конфет. Кроме того, его внутренности все еще слегка пошаливали от постэффектов «безвредного» камешка Чаллиса. Поэтому он купил у Председателя Нильса небольшой ломоть отрубного хлеба, покрытого ореховым маслом.

Нильс был бродячим торговцем пищей лет сорока с небольшим и с авторитарной манерой поведения. Все называли его Председателем. Он правил своим углом рынка с видом диктатора, ничуть не подозревая, что он сохранял свою власть только потому, что торговцы и лоточники находили забавным подыгрывать его тихому помешательству. Однако в его выпечных изделиях никогда не бывало никаких иллюзий. Флинкс жадно откусил от треугольного ломтя, наслаждаясь хрустевшими иногда орехами, смешанными с коричневым маслом.

Небо все еще намекало на возможность появления солнца, редкое происшествие в обычно окутанном тучами Дралларе.

Заморив червячка, Флинкс начал пробираться через сектор, заполненный красивыми витринами постоянных лавок.

Этот сектор существенно отличался от района самодельных сараев и складов, где он вырос. Когда Флинкс впервые предложил переместить сюда древний прилавок из шумных глубин рынка, матушка Мастифф голосисто запротестовала.

— Я не буду знать как себя вести,— спорила она.— Что я понимаю в обращении с разодетыми клиентами и богатыми людьми?

— Поверь мне, мать,— хотя они оба знали, что она не была его настоящей матерью, но она выступала в этой роли для половины бездомных в Дралларе,— они точно такие же люди, как и твои старые клиенты, только теперь эти идиоты будут приходить с более толстыми бумажниками. Кроме того, что мне еще делать со всеми этими деньгами, которые мне всучил Малайка?

В конечном итоге он вынужден был купить лавку и таким образом поставить ее перед свершившимся фактом. Когда он сообщил ей об этом, она не один час поносила его — пока не увидела эту торговую точку.

Хотя она продолжала бормотать страшные проклятия всему, что он ей показывал: товары высшего класса, шикарные жилые помещения наверху, приборы автоматической варки,— ее сопротивление рухнуло с удивительной скоростью.

Но имелись все же две вещи, которые она отказывалась сделать. Одной было сменить свой ручной, домашней выделки наряд, такой экзотический коллаж из бус, колокольчиков и ткани, какой только можно вообразить. Другой было пользоваться маленьким лифтом, сновавшим между помещением лавки и жилыми покоями наверху.

— День, когда я не смогу одолеть единственного лестничного пролета,— протестовала она,— будет днем, когда ты сможешь забальзамировать меня, набить ватой и выставить на витрине среди продающихся диковинок.

Чтобы продемонстрировать свою решимость, она сразу же приступила к восхождению по короткой лестнице на четвереньках.

Никто не знал, насколько стара матушка Мастифф, а она не говорила. И не соглашалась ни подвергнуться дорогой косметической хирургии, которую теперь мог позволить себе оплатить Флинкс, ни равно применять любые другие искусственно редуцирующие возраст устройства.

— Я потратила слишком много времени и усилий, готовясь к роли старой карги, и я не собираюсь теперь ее бросать,— заявила она ему.— Кроме того, чем более жалкой и дряхлой я выгляжу, тем больше вежливости и сочувствия бывает от сосунков-клиентов.

Неудивительно, что лавка процветала. Хотя бы потому, что многие из лучших ремесленников в Дралларе были равно низкого происхождения, и они очень любили продавать ей свою лучшую продукцию.

Когда Флинкс завернул за угол, то увидел, что она ждет его у заднего входа.

— Снова всю ночь шастал. Я полагаю, ты был отнюдь не в каком-нибудь приличном месте, вроде Розового Дворца или Грехвиля. Ты хочешь оказаться с перерезанным горлом прежде, чем тебе стукнет восемнад-

цать,— упрекнула она его, предупреждающе погрозив пальцем.

— Это маловероятно, мать.— Он прошмыгнул мимо нее, но не желая, чтобы от нее так легко отделались, она последовала за ним в маленькое хранилище позади лавки.

— И этот твой летучий вурдалак не будет, знаешь ли, каждый раз спасать тебя. Только не в подобном городе, где всякий пожимает тебе ладонь одной рукой и держит, готовый вонзиться тебе в спину, нож в другой. Продолжай так вот гулять глухой ночью, мой мальчик, и в один прекрасный день тебя принесут ко мне бледного и бескровного. И предупреждаю тебя,— продолжала она, повышая голос,— у тебя будут дешевые похороны, потому что я тружусь от зари до зари не для того, чтобы оплачивать шикарное погребение для дурака!

Тираду прервало резкое гудение.

— Так что я тебе в последний раз говорю, мой мальчик...

— Разве ты не слышала звонка, мать? — усмехнулся он.— Первый утренний посетитель.

Она посмотрела через дверной занавес из бус:

— Ха, туристы, судя по их виду. Видел бы ты танзанит в кольце у женщины.

Она заколебалась, раздираемая желанием удовлетворить одновременно и любовь, и скупость.

— Но что такое пара клиентов, когда...

Новое колебание.

— И все-таки, тут по меньшей мере двенадцать каратов в одном камне. И по одежде они к тому же походят на землян.

Наконец она в замешательстве и негодовании воздела руки к небесам:

— Это мое наказание. Ты возмездие за грехи моей молодости. Прочь с моих глаз, негодный мальчишка. Поднимись наверх и умойся, и не забудь про дезинфектант. От тебя пахнет трущобами. Не забудь хорошенько вытереться... Ты для меня не слишком большой и не слишком взрослый, чтобы я не могла оставить тебя с красной задницей.

Она ускользнула за занавеску — и произошла радикальная метаморфоза.

— Ах, сэр, мадам,— плавно заворковал елейный голос, голос любимой бабушки каждого,— вы оказываете честь моей маленькой лавочке. Я бы вышла раньше, но должна ухаживать за своим бедным внуком, он отчаянно болен и сильно нуждается в дорогостоящем лечении. Врачи опасаются, что если операция не будет произведена в скором времени, он потеряет зрение, и...

Ее плавная речь оборвалась, когда дверца лифта закрылась за Флинксом. В отличие от матушки Мастифф он не испытывал угрызений совести, пользуясь современными удобствами, и уж, конечно, не сейчас, когда он так устал от пережитого за ночь. Входя в верхние помещения, он гадал, сколько же таких в корне отличных друг от друга интонаций может исходить из одного и того же морщинистого горла.

Позже, за вечерней едой (приготовленной им, поскольку матушка Мастифф весь день была занята клиентами), он начал объяснять, что произошло. На сей раз она, для разнообразия, не читала ему нотаций и не наказывала его, а лишь вежливо слушала, пока он не закончил.

— Так, значит, ты теперь собираешься преследовать его, мой мальчик,— сказала наконец она.

— Я должен, мать.

— Почему?

— Он отвел взгляд:

— Я предпочел бы не говорить.

— Ладно,— она вытерла куском хлеба остатки своей мясной подливки.

— Я многое слышала об этом Чаллисе, массу слухов о его вкусах в определенных делах, и ни одного — доброго. О его бизнесе известно меньше, хотя поговаривают, что «Чаллис Компани» стал процветать, с тех пор как он стал во главе фирмы.— Она шумно рыгнула и вытерла рот уголком своей многослойной юбки.

— Я думаю, что смогу управиться, мать.

— Пожалуй, пожалуй,— пренебрежительно ответила она,— хотя по всем правилам тебе следовало бы

дюжину раз умереть до своего пятнадцатилетия, и я полагаю, что этот ухмыляющийся дьявол не мог быть всякий раз ответственным за твое спасение.

Она удостоила ядовитого взгляда маленькое искусственное дерево. Пип удобно обвился вокруг одной из его ветвей. Мини-минидраг не поднял головы. Отношения между ним и матушкой Мастифф всегда носили характер беспокойного перемирия.

— Прежде чем ты отправишься, дай мне кое-кому позвонить,— закончила она.

Пока Флинкс приканчивал десерт и старался выковырять из коренных зубов остатки густого желатина, он прислушивался к ее шепоту в микрофон маленького коммуникатора в противоположном конце комнаты. Эта машина придавала матушке Мастифф мобильность, которой она не обладала уже целые десятилетия. Это было одним из немногих предоставляемых лавкой удобств, которыми она пользовалась. Это также делало ее кошмаром всех городских чиновников, каким-либо образом ответственных за повседневную деятельность рынка.

Вскоре она вернулась к столу:

— Твой друг Чаллис отбыл этим утром на грузовом лайнере «Аурига» со своей дочерью и целой стаей слуг.

Ее лицо скривилось в улыбке.

— Судя по тому, что мне сообщили, он отбыл в полной панике. Ты и этот здоровенный недоумок Симм, должно быть, нагнали на него немало страху, но, впрочем, и одного этого великана достаточно, чтобы спугнуть полировку с зеркала.

Флинкс не ответил на ее вопросительный взгляд. Вместо этого он поиграл с краем скатерти.

— Куда направлялась «Аурига»?

— На Ульдом,— сообщила она ему,— у «Чаллис компани» есть много предприятий на Средиземном Плато. Я считаю, что именно туда-то он и отправится, как только приземлится.

— Мне лучше приготовиться,— Флинкс поднялся и направился было в свою комнату.

Сильная морщинистая рука схватила его за запястье,

и лицо, похожее на потрескавшуюся равнину, впилось в него ищущим взглядом.

— Не делай этого, мой мальчик,— тихим голосом взмолилась она.

Он покачал головой:

— Выбора нет, мать. Я не могу тебе сказать, что это за зов, но это зов. Я должен лететь.

Давление на его запястье не ослабло.

— Я не знаю, что у тебя за дела с этим нехорошим человеком, но не могу поверить, что это серьезно.

Флинкс ничего не сказал, и она наконец отпустила его.

— Если зов улетать у тебя внутри, то лети.— Она отвела взгляд.— Я не знаю, как работает твоя голова, мой мальчик. Никогда не знала, никогда. Но я знаю, что когда у тебя что-то там застрянет, только ты и сможешь вытащить это. Лети же тогда и возьми с собой мое благословение. Даже,— натянуто заключила она,— если ты мне не скажешь, из-за чего все это.

Нагнувшись, он поцеловал узел седых волос на затылке старухи.

— Будь благословенна и ты тоже, мать,— сказал он, когда она сильно заизвивалась от этого жеста.

Упаковка тех немногих вещей, которые он хотел взять с собой, не заняла много времени. Теперь они, казалось, мало что для него значили. Когда он начал покидать комнату, то увидел, что старуха все ещё сидит одна за столом, ставшая вдруг крошечной и хрупкой. Как он мог сказать ей, что должен рисковать вынянченной ею жизнью в тщетных поисках людей, которые не сделали ему ничего, помимо того, что произвели его на свет?..

Когда он позже в тот же день прибыл в дралларский порт, то обнаружил, что устал он только физически. Ум его был острым и бдительным. С годами он постепенно открыл, что ему требовалось все меньше и меньше сна. В иные дни ему могло хватить такой малости, как полчаса. Его мозг отдыхал, когда его не эксплуатировали, что бывало часто.

Он больше не должен был беспокоиться о том, как же

он станет путешествовать, потому что на его картометре было зарегистрировано достаточно средств, чтобы поддержать его еще некоторое время. Малайка был щедр. Не все решающие факторы, однако, были финансовыми. Один взгляд на тех, кто ждал погрузки в первый класс челночного судна, породил в нем острое чувство беспокойства, и потому он зарегистрировался на стандартную стоимость проезда.

Такое путешествие в любом случае будет более просвещающим, потому что это его первое плавание на коммерческом звездолете и второй отъезд с Мота. Когда он последовал за очередью в челнок, пройдя под умеренно аристократическим взглядом стюарда, то был потрясен, обнаружив, что готовая реализоваться мечта его детства о путешествии на другую планету на одном из огромных грузовых лайнеров с КК-двигателями не вызывала больше у него никакого волнения. Это беспокоило его, когда он пристегивался к креслу.

Матушка Мастифф могла бы объяснить ему это, будь она тут. Это называлось повзрослением.

Путешествие челноком, хотя и терпимое, оказалось пожестче, чем его единственный предыдущий опыт общения с маленькими судами класса поверхность-орбита. Естественно, сказал он себе, более убогое коммерческое судно не могло и близко подступиться к такой роскоши, как челнок с яхты Малайки «Славная дырка». Этот же спроектировали с единственной целью: доставить с земли в невесомость максимально возможное количество существ и груза. Там можно было передать и пассажиров, и груз, иногда с одинаковым обращением, в громадную шаровидную тушу корабля для глубокого космоса.

Вслед за этой передачей Флинкс оказался в предоставленной ему маленькой, компактно спроектированной каюте. Ему едва ли потребовалось время, чтобы осмотреть ее, и ему было мало что распаковывать. Во время недельного плавания он проведет большую часть времени в нескольких гостиных корабля, встречаясь с собратьями-путешественниками и познавая мир.

Переход от субсветовой к КК-двигательной сверх-

световой скорости не стал сюрпризом. Это он уже несколько раз испытал на корабле Малайки.

Одну часть лайнера он особенно полюбил. Из гостиной носового наблюдения он мог смотреть вперед и видеть огромную длину связующих коридорных прутьев корабля, вытянувшихся наружу, словно сужающееся широкое шоссе, соединяющихся позади изогнутого блюдца проектора КК-поля. Оно закрывало находящиеся впереди звезды.

Где-то перед этим огромным блюдцем, знал он, двигатель проецировал гравитационный колодец, как у небольшого солнца. Тот ровно тянул корабль и, в свою очередь, двигатель-проектор, который затем проецировал поле настолько же дальше вперед, и так далее. Флинкс все еще гадал над объяснением этого процесса и решил, что все великие изобретения были, в сущности, просты.

На третий день он забавлялся сам с собой в корабельной игротеке, когда кушетку напротив занял транкс, аккуратно разрисованный в полные коричнево-желто-зеленые цвета коммерции. Меньше метра ростом в грудной клетке-б, он был маленьким для самца. Оба набора нераскрывавшихся крыльев все еще поблескивали у него на спине, указывая, что путешественник был пока не женат. Сверкающие фасетчатые глаза рассматривали Флинкса сквозь многочисленные похожие на бриллианты линзы. Через стол для игр донесся чудесный естественный запах, присущий его виду.

Существо посмотрело на светящуюся доску, а затем с любопытством чуть склонило свою сердцеобразную голову к возящемуся с игрой молодому человеку.

— Вы играете в «Охоту на хибуша»? Люди, по большей части, находят ее слишком сложной. Вы обычно предпочитаете двухмерные игры.— Симворечь насекомого была точной и неяркой, как в учебнике, вариант, на котором говорил любой хороший бизнесмен-транкс.

— Я немного слышал о ней и следил, как в нее играют,— скромно сказал своему собеседнику Флинкс,— сам я по-настоящему играть не умею.

Жвалы щелкнули в жесте интереса и понимания,

поскольку негибкое лицо инсектоида не позволяло ничего похожего на улыбку. Легкий кивок головой было имитировать легче.

Вопрос-ответ сыграли роль вежливого приветствия, и транкс более твердо расположился на кушетке, согнув истноги под брюшком, сцепив стопоноги для поддержки грудной клетки и грудной клетки-б, а иструки задвигались с изящной точностью по доске, настраивая план игры.

— Меня зовут Бисонденбит,— представился он.

— А меня кличут Флинкс.

— Кличут? — Транкс выполнил инсектоидное пожатие плечами.

— Ну, Флинкс, если вы хотите научиться, то я обладаю некоторым искусством в этой игре. То есть, знаю правила. Я не очень сильный игрок, так что я, вероятно, буду вам хорошим первым противником.— Снова щелканье жвалами, сопровождаемое на этот раз свистящим звуком, транксийским смехом.

Флинкс улыбнулся в ответ.

— Я очень сильно хотел бы научиться.

— Хорошо, хорошо... это неприветливая группа, и я чистил антенны, пока у меня не стали дергаться нервы,— голова вскинулась.— Ваша самая большая ошибка,— деловито начал Бисонденбит,— в том, что вы все еще пренебрегаете способностью фигур двигаться над и под полем, так же, как через существующие туннели. Вы должны держать свои антенны у доски и пытаться проникнуть в передвижения противника.

Транкс коснулся серебристой фигуры внутри трехмерной прозрачной доски:

— А теперь оставайтесь настроенным. Вот это — истребитель Доан, и он может двигаться только вбок и вертикально, хотя и никогда не может появляться на поверхности. А вот эта делимая фигура...

За оставшееся время пути Флинкс довольно хорошо узнал Бисонденбита. Свой настоящий бизнес инсектоид продолжал вуалировать в туманные обиняки, но у Флинкса сложилось впечатление, что он занимался торговлей антиквариатом. Наверное, тут будет шанс подце-

пить какие-нибудь интересные курьезы для лавки матушки Мастифф.

Бисонденбит полностью продемонстрировал ту черту характера, которая помогала людям с симпатией относиться к его виду: способность внимательно слушать, каким бы скучным ни был рассказ собеседника. Он, казалось, находил благоразумно подредактированную историю жизни Флинкса завораживающей.

— Послушайте,— сказал он однажды Флинксу за совместным ужином в корабельной столовой,— вы никогда раньше не бывали на Ульдоме и твердо решили повидать этого человека, как там его зовут, Чаллис? По крайней мере, я могу помочь вам сориентироваться. Вы, несомненно, найдете его где-нибудь на Средиземном Плато. Именно там живет большинство человеческих поселенцев.— Инсектоид вздрогнул.— Хотя с какой стати кому-то захотелось бы обосноваться в подобной холодной тундре — выше моего понимания.

Флинкс невольно улыбнулся. Жестокая температура на Средиземном Плато, плоскогорье в нескольких тысячах метров над курящимися влажными болотистыми равнинами Ульдома была уютными 22°С. Транксы предпочитали где-то под сорок, с влажностью как можно ближе к ста процентам.

Слово «колонизация» никогда не употреблялось в связи с такими поселениями, на любой планете. На Ульдоме имелось несколько таких человеческих регионов, из которых Средиземное Плато, с населением почти в три миллиона, было пока что самым большим. Транксы приветствовали такую эксплуатацию всегда избегаемых ими негостеприимных регионов. Кроме того, на самой Земле имелось около четырех миллионов транксов, живущих в бассейне Амазонки, что, в своем роде, уравновешивало положение.

Большинство крупных концернов, в которых преобладали люди, объяснил Бисонденбит, устроили свои штаб-квартиры на южном крае Плато, неподалеку от большого челночного порта в Читтеранксе. Этот Чаллис тоже, несомненно, расположился там.

— Тамошний человеческий город носит транксий-

ское название Азерик,— продолжал, тихо посвистывая, Бисонденбит,— по верхнетранксийски это значит «замерзшая пустошь», что в данном случае имеет двойное значение, в которое я не стану углубляться, скажу лишь одно — хорошо, что у вас, людей, есть чувство юмора, приближающееся к нашему собственному. После того как мы приземлимся, я буду счастлив лично проводить вас туда, хотя надолго там не останусь. У вас есть средства?

— Могу наскрести,— осторожно признал Флинкс. Вероятно, тут было виновато его врожденное недоверие к другим, хотя он вынужден был признать, что за последние несколько дней Бисонденбит был не только полезен, но и прямо-таки дружелюбен.

Они вместе погрузились в челнок. Флинкс сел поблизости от иллюминатора из стеклосплава, где у него будет хороший обзор главной планеты транксов, одной из двух столиц Содружества. Планета лениво вращалась под ним, когда челнок отделился от грузового лайнера и начал свой спуск. Над горизонтом светились белым две большие луны, одна была частично скрыта планетой. Где бы ни прорывался облачный покров, Флинкс видел голубизну маленьких океанов Ульдома и богатую зелень его густых джунглей.

Вдруг он почувствовал, что сила гравитации прижимает его к креслу, когда челнок рухнул хвостом вперед сквозь облака...

Глава третья

Читтеранкс был впечатляющим городом. Хоть и небольшой для столь населенного и развитого мира, как Ульдом, местный порт казался огромным по сравнению с Дралларским.

— Город, конечно, по большей части находится под землей. Также как и все транксийские города, хотя поверхность и хорошо используется,— инсектоид озадаченно покачал бриллиантовой головой.— Почему вы, люди, всегда предпочитаете строить вверх, вместо того

чтобы строить вниз — мне никогда не уразуметь.

Внимание Флинкса больше занимало открывающееся сквозь прозрачный проходной коридор зрелище. Пышные джунгли практически обросли пластиковые стены. Снаружи шел дождь, или, скорее, парило. Жара на вокзале угнетала, несмотря на то что она была компромиссом между великолепной погодой снаружи — как назвал ее Бисонденбит — и арктическим воздухом на близлежащем плато.

Дождь. Флинкс вырос на Моте, и здешняя влажность была чем-то новым и неприятным. Люди могли стерпеть парниковый климат, но без защиты — недолго, и никогда — с удобствами.

Бисонденбит, однако, мог только поворчать о холодке на вокзале, а когда Флинкс возразил, то сообщил ему:

— Это главный человеческий входной порт на Ульдом. Если бы мы приземлились неподалеку от экватора, в Дарете или Аб-Нубе, вы бы, Флинкс, завяли.— Он огляделся по сторонам, когда они вышли из вокзала в скопление надкрышных коммерческих зданий.

— Прежде чем я втиснусь в костюм с подогревом и препровожу вас на плато, позвольте мне немного насладиться разумным климатом. Как насчет того, чтобы пропустить по рюмочке?

— Я бы в самом деле хотел как можно быстрее начать искать Чаллиса.

— Челноки на плато летают каждые десять хронитов,— настаивал Бисонденбит.— Пойдемте. К тому же, вы все еще не сказали мне, что вы держите в этом чемодане? — Транкс показал на большой квадратный чемодан, который Флинкс нес в левой руке.— Там, должно быть, что-то экзотическое и ценное, судя по тому, как вы с ним обращаетесь.

— Я полагаю, оно экзотическое,— признался Флинкс,— но не особенно ценное.

Они нашли небольшую закусочную как раз внутри скопления зданий с регулируемым климатом. Присутствовало очень мало людей, а вот транксов было полно. Флинкс был порядком очарован транксийскими кушет-

ками для отдыха, приглушенным освещением, заставлявшим даже полдень казаться сумеречным, и изукрашенными резьбой общественными питьевыми емкостями, свисающими с потолка над каждой кабинкой.

Бисонденбит выбрал изолированный столик в задней части помещения и дал полезные, хотя и ненужные рекомендации.

Флинкс безо всякого труда дешифровал меню, напечатанное на четырех языках: верхнетранксийском, нижнетранксийском, симворечи и земшарском.

Бисонденбит заказал, после того как Флинкс выбрал, один из нескольких тысяч напитков, составлять которые транксы были мастера.

— Когда вы хотите вернуться на вокзал забрать остальной свой багаж? — небрежно спросил инсектоид, после того как прибыли напитки. Он с одобрением заметил, что Флинкс отверг стакан в пользу одной из кружек с волнистым носиком, используемых самими транксами.

— Вот он,— сообщил ему Флинкс, показывая на свою маленькую заплечную сумку и единственный большой перфорированный чемодан. Бисонденбит и не пытался скрыть свое удивление.

— И это все, что вы взяли с собой в такую дальнюю дорогу, не зная, сколько вам потребуется времени, чтобы найти этого человека, Чаллиса?

— Я всегда путешествую налегке,— объяснил юноша. Напиток был типично сладким, с легким привкусом изюма. Он потек вниз тепло и гладко. Путешествие, решил он, начинает сказываться на нем. Он устал больше, чем ему полагалось бы в такую рань. Он явно был совсем не таким хорошим межзвездным путешественником, каким рисовался себе.

— Кроме того, найти Чаллиса не должно быть трудным. Он, конечно, остановится в местной штаб-квартире фирмы,— Флинкс дал еще одному глотку густой, похожей на мед жидкости проскользнуть в горло, а затем нахмурился. Несмотря на свой возраст, он считал, что хорошо разбирается в интоксикантах, но этот новый отвар был явно покрепче, чем указывало описание в ме-

ню. Он обнаружил, что в глазах у него слегка помутилось.

Бисонденбит озабоченно посмотрел на него:

— С вами все в порядке? Если вы никогда не пробовали сукчу, она может быть немного ошеломляющей. Пункт — чистая контузия?

— Пунш,— поправил заплетающимся языком Флинкс.

— Да, чистый пунш. Не беспокойтесь... это ощущение пройдет достаточно быстро.

Но Флинкс чувствовал себя все более и более опьяненным.

— Я думаю... если бы я только мог выйти на улицу. Немного свежего воздуха...

Он начал было подыматься, но открыл, что его ноги отвечали довольно равнодушно, в то время как его ступни двигались так, словно он шел по смазанному топчану. Ему не удавалось добиться никакого сцепления.

Бросив эти усилия, он обнаружил, что его мускульная система вступает в состояние анархии.

— Странно,— пробормотал он,— я, кажется, не могу двигаться.

— Не нужно волноваться,— заверил его Бисонденбит, нагибаясь через стол и глядя на него с новой для Флинкса пристальностью.— Я присмотрю за тем, чтобы о вас как следует позаботились.

Когда все визуальные образы померкли, Флинкс почувствовал страх, что его странный новый знакомый именно это и сделает...

Флинкса разбудила гармония разрушения, сопровождаемая издаваемыми на нескольких языках ругательствами. Моргнув — его веки казались словно выложенными платиной,— он безуспешно попытался шевельнуть руками и ногами. Не сумев это сделать, он удовольствовался тем, что держал глаза частично приоткрытыми. Тусклый свет из невидимого источника озарял небольшую комнату, в которой он лежал. Спартанской мебели из грубо оструганного дерева соответствовали и гладкие стены из серебристого гунита. Когда его

восприятие прояснилось, он обнаружил, что металлические полосы на его запястьях и лодыжках надежно прикрепляли его к грубому деревянному помосту, который не был ни кроватью, ни столом.

Он лежал тихо. Хотя бы потому, что его желудок выполнял гимнастику и будет лучше держать свое окружение ослабленным, пока не прекратится внутренняя гистрионика. И еще потому, что окружавшие его ощущения и звуки указывали, что будет неумно привлекать внимание к тому, что он вновь пришел в сознание.

Звуки разрушения производились рассечением его личных принадлежностей. Медленно посмотрев направо, он увидел разорванные остатки своей наплечной сумки и одежды. Их осматривали трое людей и один транкс. Узнав в последнем своего бывшего наставника в играх и будущего друга, Бисонденбита, он проклял собственную наивность.

Дома, на Дралларе, он никогда не был бы так болтлив с совершенно незнакомым лицом. Но он пробыл три дня в изоляции и без друзей на борту корабля, когда транкс подступил к нему с предложением обучить играм. Благодарность отбросила в сторону инстинктивную осторожность.

— Никакого оружия: яда, ни лучемета, ни иглолучевого пистолета. Нет даже угрожающей записки,— пожаловался один из людей на беглой символеречи.

— Что еще хуже,— встрял один из его товарищей,— никаких денег, ничего, кроме паршивого картометра.— Он взял компактный компьютер, регистрировавший и передававший кредиты неподделываемым образом, и с отвращением швырнул его на ближайший стол. Тот приземлился среди остального немногочисленного имущества Флинкса. Флинкс заметил, что остался еще один предмет, который они не взломали.

— Это не моя вина,— пожаловался Бисонденбит, сверкая глазами, как разбитой призмой, на трех высоких людей.— Я не обещал доставить никаких побочных выгод. Если вы думаете, что я не заработал свой магарыч, то я обращусь прямо к самому Чаллису.

Один из людей, похоже, сдался. Вынув из кармана

двойную пригоршню маленьких металлических прямоугольников, он вручил их Бисонденбиту. Транкс заботливо пересчитал их.

Заплативший ему человек посмотрел на сдерживающие путы, и Флинкс как раз вовремя закрыл глаза.

— Это большие деньги. Не знаю, почему Чаллис так боится, это же просто мальчишка. Но он думает, что дело стоит запрошенного тобой гонорара. Не понимаю, однако, я этого.

Он показал на самого рослого из трех:

— Вон Чарли может сломать его пополам одной левой.

Повернувшись, он постучал по большому запечатанному чемодану:

— А в этом что?

— Не знаю,— признался транкс,— он все время держал его в своей каюте.

Заговорил третий. Тон его был слегка презрительным.

— Вы все можете перестать беспокоиться об этом. Я изучил этот контейнер соответствующими приборами, пока вы все занимались гардеробом.— Он пихнул чемодан.— Нет никаких указаний, что он содержит что-то механическое или взрывчатое. Приборы показывают, что он заполнен формованной органикой и органическими аналогами — вероятно, остальная его одежда.— Он вздохнул.— Вполне можно проверить и его. Нам заплатили за тщательность.— Достав из аккуратного чемоданчика толстый металлический секатор, он вырезал приземистый цифровой замок. После этого крышка чемодана открылась очень легко. Он заглянул внутрь, крякнул.— Все верно, одежда. Похоже, еще пара костюмов и...— Он начал было вынимать первый набор одежды, затем пронзительно закричал и, спотыкаясь, отступил назад, цепляясь за левую сторону лица, вдруг запузырившуюся, словно грязевой вулкан. Из открытого чемодана выбросилась узкая, похожая на ремень фигура.

Бисонденбит заверещал что-то на верхнетранксийском и исчез за единственной дверью. Тот, которого

называли Чарли, рухнул спиной поперек прикрученного тела Флинкса, паля, не целясь из лучемета в потолок, затем в ужасающем молчании впился в собственные глаза. Предводитель маленькой группы людей почти наступал на брюшко Бисонденбиту, когда что-то попало ему в шею. Завыв, он упал обратно в комнату и начал кататься по полу.

Прошло меньше минуты.

По груди Флинкса скользнуло что-то длинное и гладкое.

— Этого хватит, Пип,— сказал он своему приятелю. Но мини-минидрага было уже никак не убедить. Окончив свой осмотр, он снова поднялся в воздух и начал налетать и разить человека на полу. На одежде и коже напросившегося появлялись всюду, куда попадал яд, зияющие дыры. В конце концов он перестал кататься.

Первый пораженный был уже мертв, в то время как второй лежал, стеная, у стены позади Флинкса, куски кожи свободно свисали с его щеки и шеи, и там, где крайне коррозийный яд Пипа обнажил кость, посверкивало белым.

Тем временем мини-минидраг мягко опустился Флинксу на живот и ласкающе пополз вперед. Длинный язык выскакивал вновь и вновь, касаясь губ и подбородка. «Правая рука, Пип,— проинструктировал Флинкс,— моя правая рука». Рептилия в темноте вопросительно посмотрела на него.

Флинкс на особый лад щелкнул пальцами, и мини-минидраг полуподполз-полуподлетел к указанной руке, положив голову на открытую ладонь. Несколько почесываний, а затем рука мягко, но твердо сомкнулась. Змей не оказал никакого сопротивления.

С некоторым трудом подогнул голову своего приятеля Пипа на место, где металлическая полоса соединялась со столом. Пальцы его задвигались, массируя мускулы за челюстью. Несколько капелек яда просочилось из сужающейся трубки, тянущейся через нижнее небо мини-минидрага.

Раздался шипящий звук.

Флинкс подождал, пока шипение не стихнет, а затем

с силой потянул. Второй рывок — и разложившийся металл поддался. Осторожно перенося Пипа с места на место, он повторил этот процесс на других узлах, и змей при каждом шаге делал то, что он велел.

Освобождая правую ногу, Флинкс заметил справа от себя какое-то движение. Пип тоже заметил и снова взлетел.

Единственный уцелевший завизжал, увидев приближение дракона.

— Прочь, прочь, не подходи ко мне! — в совершенном ужасе невнятно забормотал он.

— Пип! — скомандовал Флинкс. Безмолвная пауза. Мини-минидраг продолжал нервно парить над скорчившимся человеком, двигая крыльями так, что они сливались, как у колибри, уставясь бездушными, хладнокровными глазами в очи истекающего кровью человека с бледневшей сквозь растворившуюся одежду ключицей.

Флинкс наконец отодрал последнюю полосу. Медленно поднявшись на ноги, он осторожно проследовал к другому столу. Одежду было уже не спасти, в такое она пришла состояние. Он начал влезать во второй комбинезон, в чьих складках так уютно свернулся Пип.

— Я сожалею о том, что случилось с вашими друзьями, но не слишком,— проворчал он. Застегнув молнию комбинезона, Флинкс повернулся к пораженному существу на полу: — Расскажите-ка мне всю историю, и не пропустите никаких деталей. Чем больше вопросов мне придется задавать, тем нетерпеливей станет Пип.

Из уст лежащего полился поток информации:

— Ваш друг транкс — мелкий преступник.

— Антикварный сервис,— пробормотал Флинкс,— очень смешно. Дальше.

— Ему показалось странным, что юнец, вроде вас, путешествующий один, так заинтересован во встрече с Кондой Чаллисом. Действуя по предчувствию, он связался через луч со здешней конторой Чаллиса и сообщил им о вас. Кто-то наверху дьявольски расстроился и велел ему доставить вас к нам на проверку.

— Имеет смысл,— согласился Флинкс.— И что же предполагалось произвести со мной после того как меня... э... проверят?

Человек забился в угол как можно дальше от парящего мини-минидрага и прошептал:

— Пошевелите мозгами, ну что, по-вашему?

— Чаллис утверждал, что он человек основательный,— заметил Флинкс.— Я мог оказаться невинным пассажиром — это не имело бы значения.— Вновь упаковав свои немногие нетронутые принадлежности в чемодан, Флинкс направился к двери, через которую всего лишь несколько минут назад выбежал Бисонденбит.

— Что насчет меня? — промямлил раненый.— Вы намерены меня убить?

Флинкс в удивлении обернулся и, сузив глаза, посмотрел на человеческие обломки, всего лишь несколько минут назад уверенно лапавшие его багаж.

— Нет. Для чего? Скажите мне, где я могу найти Конду Чаллиса. А потом я бы советовал вам попасть в больницу.

— Он на верхнем этаже административной башни в противоположном конце комплекса.

— Какого комплекса? — переспросил озадаченный Флинкс.

— Да, верно, вы ведь еще не знаете, где вы, не так ли? — Флинкс покачал головой.— Это четвертый подуровень Ульдомского завода шахтного оборудования Чаллиса. Семейство Чаллиса производит очень много механизмов для горнодобывающей промышленности. Выйдите в коридор за дверью, поверните налево и идите прямо, пока не доберетесь до ряда лифтов. Они все выходят на поверхность. Оттуда любой может направить вас к административной башне, территория завода имеет форму семиугольника, и башня находится в северо-восточном углу.

— Спасибо,— поблагодарил Флинкс.— Вы были очень полезны.

— Не полезен, ядовитый ты маленький ублюдок,— болезненно пробормотал безработный калека, как только Флинкс вышел.— Просто прагматичен,— и принялся медленно ползти к двери.

В коридоре, коль скоро он удостоверился, что никто

не ждет в засаде, Флинкс снова щелкнул пальцами: «Пип... теперь отдыхай».

Мини-минидраг зашипел, соглашаясь, и спланировал в открытый чемодан, тихо зарывшись в сложенную одежду. Флинкс защелкнул простой замок. При первой же возможности ему надо будет заменить сорванный цифровой замок — или же рисковать, что какой-нибудь невинный зевака пострадает от той же судьбы, что и трое его бывших похитителей.

Никто не остановил его, когда он продолжал идти к лифтам. Цифры у дверей были помечены как 4-Б, 3-Б и так далее до нуля, где отсчет начинался снова на нормальный лад. Четыре уровня над землей и четыре уровня под, заметил Флинкс, ноль должен доставить его на поверхность, и именно на эту кнопку он нажал, когда лифт наконец прибыл.

Лифт доставил его в эффектно распланированную четырехэтажную стеклянную приемную. Вокруг него пользовался лифтами постоянный поток людей и транксов.

— Прошу прощения,— издала трель триада транксов, устремившихся в только что освобожденный им лифт.

Хотя казалось, что все глаза сфокусировались на нем, на самом деле никто не обращал на него ни малейшего внимания. У них и причин-то нет, подумал Флинкс, расслабляясь. За ним охотился только один человек и несколько его подручных.

Стол справок, большой стол, удобно отмеченный табличкой, был установлен как раз внутри прозрачного фасада сводчатого помещения. За ним сидел единственный транкс. Флинкс не спеша подошел, пытаясь произвести впечатление, будто он точно знает, что он ищет.

— Извините,— начал он на беглом верхнетранксийском,— не могли бы вы сказать мне, как отсюда попасть в административную башню?

Пожилой, довольно официозного вида инсектоид повернулся лицом к нему. Он был разрисован в черно-желтый цвет, заметил Флинкс, и абсолютно лишен столь

любимой транксами эмалированной инкрустации хитина. Чисто деловой субъект.

— Северо-восточный квадрат,— резко ответил транкс, подразумевая, что спрашиваемому следовало знать самому.— Выйдите вон туда через главную дверь,— продолжал он, показывая иструкой, поддерживая в то же время грудную клетку стопорукой на краю стола,— и поверните налево в портал Н. В башне целых двенадцать этажей с каропортом на крыше.

— Благослови вас Улье,— непринужденно поблагодарил Флинкс.

Старикан остро поглядел на него:

— Скажите, а что вам нужно в ..?

Но Флинкса уже поглотила суетливая толпа. Чиновник поискал его еще с минуту, затем сдался и вернулся к своей работе. По территории фабрики Флинкс продвигался быстро. Дружелюбный рабочий охотно указал ему направление в тот единственный раз, когда он заблудился. Заметив наконец характерный силуэт административной башни, он замедлил шаг, вдруг осознав, что не знает как действовать дальше.

Реакция Чаллиса на его нежданное появление будет отнюдь не любвеобильной. И на этот раз, если не его подручные, то уж он-то будет подготовлен иметь дело с Пипом. При всех смертельных способностях, миниминидраг был далек от неуязвимости.

Каким-то образом он должен проскользнуть внутрь башни и выяснить, где находится Чаллис. Даже отсюда он чувствовал мощные эманации меньшего, более темного присутствия. Но у него не имелось никаких гарантий, что он застанет Махнахми и Чаллиса вместе. А не чувствовала ли и девочка его присутствие? Это была отрезвляющая мысль.

Решив двигаться быстро и целеустремленно, он храбро прошел широким шагом через главный вход башни. Но это был не фабричный цех. Тут его перехватил — вежливо, конечно — эффектного вида транкс с тремя инкрустированными шевронами на груди-б.

— Роитесь, какое у вас дело,— проворчал инсектоид.— Сообщите, пожалуйста, и его, и свою фамилию.

Флинкс собрался было ответить, как одна дверь сбоку стремительно распахнулась. Оттуда хлынул отряд тяжеловооруженных транксов, и их предводитель показывал и кричал:

— Вот он, задержите его!

Быстро отреагировав, чиновник, с которым столкнулся Флинкс, положил иструку ему на предплечье. Флинкс поднял ногу и неохотно пнул. Подобный броне хитин был практически неуязвим, кроме сочленения, куда и ударила нога Флинкса. Сочленение громко треснуло, и чиновник издал болезненное стрекотание, когда Флинкс рванулся к ряду лифтов прямо впереди.

Прыгнув в кабину, он четко развернулся и ударил по самой верхней кнопке, заметив, что она предназначалась для одиннадцатого этажа. А чтобы попасть на двенадцатый, требовался ключ.

Несколько лучеметов прошили двери лифта, даже когда кабина начала свой подъем. К счастью, они не задели никаких жизненно важных механизмов и его подъем не замедлился, хотя пробуравленные в двери три дыры с оплавленными краями давали много пищи для размышлений.

Его внимание привлек сердитый стук и грохот внутри чемодана. Как только замок открылся, рассвирепевший Пип ракетой взмыл в воздух. Быстро обследовав внутренность лифта, мини-минидраг нервно обвился вокруг правого плеча Флинкса. Он плотно свернулся там, напрягая мускулы от возбуждения.

Больше не было смысла продолжать прятать рептилию, поскольку они явно знали, кто он такой. Но кто или что его выдало?

Махнахми — это должна быть она! Он почти ощущал, словно слышал детский издевательский смешок. Ее любовь делать гадости оставалась неопределенной величиной. Вполне возможно, что ее психические таланты превосходили его собственные и по силе, и по недисциплинированности. Конечно, никто не поверил бы этому, имей он шанс рассказать. Махнахми довела свою роль большеглазой невинной девочки до совершенства.

Вопрос, однако, заключался в том, была ли ее злоба

основана на расчете или всего лишь на необузданной страсти к несанкционированному разрушению. Он чувствовал, что она может перейти от ненависти к любви, и в обоих случаях равно интенсивной, всего за мгновение. Если бы только она могла понять, что он не собирался причинять ей никакого вреда... Затем до него дошло, что она, вероятно, понимала.

Он был для нее источником потенциальной забавы, не больше.

Нескольких простых манипуляций оказалось достаточно, чтобы взломать механизм двери. Когда кабина прошла мимо десятого этажа, он ловко выпрыгнул, а затем обернулся посмотреть, как лифт подымался дальше. Он принялся лихорадочно рыскать по помещению, бывшим, похоже, комбинацией между конторой и жилыми покоями, принадлежавшими, вероятно, одному из главных помощников Чаллиса. Или, может быть, управляющему завода.

Если здесь нет никаких лестниц, то он окажется в западне. Он не думал, что телохранители Чаллиса будут настолько глупы, чтобы позволить ему спуститься и сбежать.

По крайней мере эти покои были пусты. Пока он обдумывал свое положение, сверху раздался сильный взрыв. Подняв голову, он увидел, как обломки металла и пластика, дымясь, падают в шахту лифта.

Он вдруг сообразил, что существовал только один способ улизнуть от Махнахми. Он сознательно постарался сделать свой мозг пустым, подавить всякое обдумывание последующих действий, всякий намек на предзнание. Парившая поблизости темная туча медленно растаяла. Он больше не мог заметить присутствия Махнахми, и она должна бы также не ведать о его местонахождении. Существовал шанс, что она, подобно всем прочим, на мгновение подумает, что он погиб в засаде для кабины лифта. Быстрая проверка открыла, что эти покои имели только один выход: единственный, ныне бесполезный лифт. Никакой другой лифт на этом уровне не открывался. Это оставляло один путь на верхний этаж: через каропорт на крыше. Постепенно его взгляд

остановился на овальном окне, выходившем на завод и Плато за ним.

Флинкс двинулся к окну, обнаружил, что оно легко открывалось. Эту сторону башни украшали декоративные волны и транксийские камешки. Он посмотрел вверх, обдумывая одну добавочную возможность.

По крайней мере, они больше не будут ожидать его.

Его мозг коротко зарегистрировал великолепную панораму Средиземного Плато, усеянного фабриками и человеческими поселениями. Вдали вытянулись низины, окутанные туманной мглой до самого горизонта.

Опора в виде волнистого металлического экстерьера здания была не такой надежной, как ему хотелось бы, но он справится. По крайней мере, ему придется вскарабкаться только на один этаж. Двигаясь по апартаментам-конторе, он заметил ванную, открыл там окно, и начал восхождение.

Если планировка верхнего этажа радикально не отличалась, он должен попасть в другую ванную (наверное, больше размерами, но, будем надеяться, незанятую), над той, из которой он только что вылез. Это будет самым лучшим местом, откуда он сможет незаметно войти.

Методично двигая руками и ногами, он медленно, но неуклонно продвигался вверх, ни разу не оглянувшись. В Дралларе он забирался и на большие высоты по мокрым, менее надежным поверхностям, и притом в более юном возрасте. И все же здесь он двигался осторожно.

Отсутствие ветра было благословением. В подходящее время он встретил карниз. Окно находилось над ним. Подняв руку, он подтянулся так, что оказался глядящим сквозь прозрачную раму, и с удовлетворением отметил, что окно приоткрыто на несколько сантиметров. Затем он заметил две стоящие в задней части комнаты фигуры. Одна была толстой и вспотевшей, состояние, обязанное отнюдь не недавним упражнениям. Другая была маленькой, белокурой и большеглазой.

Внезапно они увидели его.

— Не дай ему схватить меня, папочка,— с притворным страхом взмолилась она. Открыв свой мозг, Флинкс

ощутил охватившее ее возбуждение и почувствовал тошноту.

— Не понимаю, почему вы так настойчиво мучаете меня,— в замешательстве сказал Чаллис, сфокусировав теперь свой лучемет на плече Флинкса,— я не причинил вам большого вреда. Вы превратились в нечто надоедливое. Всего хорошего.— Его палец начал нажимать курок.

Пип мгновенно сорвался с плеча Флинкса. Чаллис увидел движение змея, переместил прицел и выстрелил. Воспоминание о том, на что был способен мини-минидраг, слишком потрясло коммерсанта — и выстрел ушел в молоко». Он попал в деревянный наличник над окном, совершенно не задев ни Пипа, ни Флинкса. Из чего бы там ни был сделан этот наличник, он запылал с удовлетворяющей яркостью. В несколько секунд промежуток между окном и Чаллисом заполнился пламенем и дымом.

Хотя дым выгнал коммерсанта из комнаты и помешал ему сделать четкий выстрел, но он оставил Флинкса пришпиленным за окном. Он начал спускаться максимально возможной скоростью, а Пип гневно вертелся вокруг головы и искал, кого бы убить. Флинкс сомневался, что он сможет безопасно добраться до земли раньше, чем Чаллис даст знать охранникам внизу.

Он медленно спустился мимо одного этажа, второго, третьего. На четвертом этаже он заметил, что отражающая, прозрачная только с одной стороны, панель была выбита и заменена прозрачной пленкой.

Два быстрых пинка увеличили отверстие, и он прыгнул сквозь него — чтобы столкнуться лицом к лицу с единственной пораженной женщиной.

Та завизжала.

— Пожалуйста,— взмолился он, издавая успокаивающие звуки и двигаясь к ней.— Не делайте этого. Я не собираюсь причинять вам никакого вреда.

Она снова завизжала.

Флинкс сделал руками сильные утихомиривающие движения.

— Тише... они же найдут меня.

Она продолжала визжать.

Флинкс остановился и яростно думал, что же делать. В любую секунду кто-нибудь обязательно услышит этот шум.

Эту проблему разрешил Пип. Он намекающе наклонился в сторону женщины. Она увидела длинную, извилистую, быстро двигающуюся фигуру, мчащуюся к ней с разинутой пастью на широких перепончатых крыльях.

И упала в обморок.

Это прекратило визг, но Флинкс все еще находился в западне поднятого теперь по тревоге здания, почти без всякой перспективы ускользнуть незамеченным. Его взгляд лихорадочно прошелся по комнате, ища большую коробку, чтобы спрятаться в ней, или оружие, или хоть что-нибудь полезное. В конечном итоге его внимание вернулось к женщине. Она неловко упала, и он подошел переместить ее в более естественное положение отдыхающей. Поддерживя ее, Флинкс заметил поблизости ванную. Его взгляд метнулся обратно к девушке...

Минуту спустя несколько тяжело вооруженных охранников ворвались в незапертую комнату. Она, казалось, была покинута. Они рассеялись по ней и прочесали, быстро обследовав всевозможные места укрытия. Один охранник зашел в ванную, заметил торчащие из-под щита уединения женские ноги и, извинившись, поспешно вышел. Он покинул помещение вместе со своими товарищами и двинулся дальше осматривать соседний кабинет.

Три кабинета спустя ему пришло в голову, что женщина не ответила на его извинение: ни сказала спасибо, или ладно, ни выругала его. Ничего. Это показалось ему странным, и он упомянул об этом факте своему начальнику.

Они вместе бросились обратно в указанный кабинет, вошли в ванную. Ноги находились все в том же положении. Офицер осторожно постучал по щиту, предупреждающе прочистив горло. Не получив никакого ответа, он велел двум другим охранникам отойти и прикрывать выход из щита, который он затем открыл снаружи.

Женщина как раз открывала глаза. Она обнаружила, что сидит совершенно голая на унитазе, глядя прямо

в дула двух энергетических пистолетов, находящихся в твердых руках пары решительного вида мужчин в форме.

И снова упала в обморок.

К тому времени когда сильно потрясенную женщину снова оживили, Флинкс уже успел покинуть башню. Никто не заметил вышедшую из здания гибкую, коротко подстриженную молодую женщину. Флинкс превосходно воспользовался найденной в столе женщины косметикой, в Дралларе было полезно обладать умениями, которые другие могли бы счесть нелепыми или даже позорными. Только один чиновник заметил нечто необычное. Но он не собирался упоминать своим коллегам, что окружавший талию женщины двойной кожаный пояс двигался независимо от ее походки.

Выбравшись наконец из башни и с завода Чаллиса, Флинкс отбросил женскую одежду и позволил Пипу соскользнуть с его талии. Презрев нормальные транспортные каналы, как ставшие теперь слишком опасными, он проделал путь к краю возвышенности.

От двухтысячеметровой высоты захватывало дух, но он не мог рисковать, ожидая на Плато, пока его не остановит на улице кто-нибудь из вооруженных слуг Чаллиса. И не хотел рисковать, отвечая на неделикатные вопросы властей. Поэтому он глубоко вздохнул, выбрал то, что выглядело менее крутой скалой, и начал свой спуск.

Базальт был почти вертикальным, но раскрошившимся и выветренным, поэтому ему с избытком хватило уступов для спуска. Он сомневался, что Чаллис сообразит, что кто-то подумает спускаться с возвышенности с помощью рук и ног.

Флинкс наткнулся на несколько тяжелых участков, но наросты болтающихся лоз и ползучих растений дали ему возможность успешно их обойти. Руки его начали ныть, а один раз, когда его стопа на миг онемела, он оказался ненадежно держащимся пальцами рук и с пальцами одной ноги в крошечных трещинах скалы.

На тысячеметровой отметке скала стала слегка пологой, делая спуск намного легче. Он увеличил скорость.

Наконец, весь в синяках, исцарапанный и совершенно истощенный, Флинкс добрался до джунглей внизу. Остановившись на миг, чтобы сориентироваться, он немедленно двинулся в направлении, как он надеялся, порта. Он заботливо выбрал место для спуска так, чтобы ему не пришлось далеко идти сквозь густую растительность.

Но он совершенно не сознавал, что продирается через регион столь же густонаселенный, как и любой из крупных городов Земли. Под ним находился целый транксийский мегаполис, выдолбленный, по традиционной моде, из земли и скалы под изнемогающей от зноя поверхностью. Флинкс шел по паривше му над городом зеленому облаку.

Совершенно измотанный, начиная желать, чтобы Чаллис застрелил-таки его, он продрался сквозь еще одно упрямое скопление кустов... а затем споткнулся о поверхность аккуратно вымощенной дороги. Еще через два дня он добрался до порта Читтеранкс. Те, кого он встречал, старательно сторонились его. Он отлично сознавал, что должен был представлять собой после своего спуска по отвесной скале и марша через джунгли.

Несколько транксов поимели жалость к бедному человеку и предоставили ему пищу и воду, необходимую для продолжения пути.

Вид окраин порта здорово взбодрил его. Пип взлетел в воздух при крике радости Флинкса, прежде чем снова устроиться на плече хозяина. Флинкс смотрел на миниминидрага, похоже, чувствовавшего себя в тропической жаре спокойно и удобно, поскольку она походила на его родной мир Аляспин.

— Ты-то можешь себе позволить выглядеть довольным, морда пиковая,— завистливо обратился Флинкс к своему спутнику. Пока он трудился, спускаясь по скале сантиметр за сантиметром, Пип свободно летал и парил поблизости, всегда побуждая его спускаться все скорей и скорей, когда единственный неправильный шаг мог означать быструю смерть.

Чиновник за стойкой банковского филиала при вокзале порта был человеком, но это не помешало ему сохранить самообладание при виде приближавшегося

грязного, оборванного юноши. Человек мудрый, он рано в жизни усвоил один основной принцип: странная внешность может указывать на богатство или эксцентричность, не обязательно при том взаимоисключающими друг друга.

Поэтому он обошелся с оборванцем так, как обошелся бы с любым хорошо одетым, явно не бедным подошедшим.

— Чем могу служить, сэр? — вежливо спросил он, тактично отворачивая голову в сторону.

Флинкс объяснил, что ему требуется. Данные им сведения были скормлены в компьютер. Спустя короткое время машина подтвердила, что лицо, стоящее перед стойкой — звать — Флинкс, данное для записи имя — Филип Линкс, узор сетчатки такой-то — такой-то, переменные пульса такие-то — такие-то, конфигурация сердца такая-то — такая-то,— в самом деле является зарегистрированным вкладчиком Королевского Банка на Моте, в городе Дралларе, и что его нынешний баланс на данное число был...

Чиновник вытянулся немного прямее, пытаясь смотреть Флинксу в лицо.

— Как же тогда, сэр, случилось, что вы потеряли свой зарегистрированный картометр?

— Со мной произошел несчастный случай,— туманно объяснил Флинкс,— и он выпал у меня из кармана.

— Да,— чиновник продолжал улыбаться,— незачем беспокоиться. Как вам известно, только вы можете воспользоваться личным картометром. Мы отметим исчезновение вашего старого картометра, и через час вас будет ждать на этом столе новый.

— Я могу подождать. Однако,— красноречивым взмахом руки указал Флинкс на свою одежду,— я хотел бы купить какую-нибудь новую одежду и немного почиститься.

— Естественно,— согласился чиновник, профессионально сунув руку в ящик стола,— если вы только подпишете этот бланк и разрешите мне зарегистрировать на нем ваш отпечаток глаза, мы можем выдать любой необходимый вам аванс.

Флинкс запросил до смешного скромную сумму, выслушал указания чиновника о том, где он может снять ванну и купить одежду, и вышел, благодарно пожав ему руку.

Выбранный им в конечном итоге комбинезон был лучшей выделки, чем два уже востребованных Ульдомом, но он считал, что обязан позволить себе небольшую роскошь после того что он пережил.

Ванна заняла большую часть остального часа, и когда он вернулся к столу банковского филиала, то снова походил на человека, а не на натурализовавшегося обитателя джунглей Ульдома. Как обещано, новый картометр для него был готов.

— Не могу ли я еще что-нибудь для вас сделать, сэр?

— Спасибо, вы сделали больше чем достаточно. Я...— тут он смолк и посмотрел налево,— извините, но я вижу одного старого друга.

Он оставил чиновника с раскрытым ртом и чаевыми в десять процентов от снятой со счета суммы.

Центральное помещение вокзала имело высокий купол и было заполнено шумом прибывающих и отбывающих путешественников. Малорослый транкс, позади которого шагал Флинкс, был занят деятельностью иного рода.

— Я думаю, что вам будет лучше вернуть даме ее набрюшный кошелек,— шепнул Флинкс инсектоидному карманнику. Пока он говорил, замужняя транксийка с обильно инкрустированным и украшенным драгоценными камнями хитином, чешуйчатым экзоскелетом, элегантно покрытым серебряными полосками, повернулась и с любопытством посмотрела на него.

В то время транкс, которого Флинкс застал врасплох, заметно поразился и резко обернулся, чтобы столкнуться со своим обвинителем.

— Сэр, если вы думаете, что я...— голос превратился в потрескивающее бульканье. Флинкс приятно улыбнулся, тогда как Пип пошевелился у него на плече.

— Здорово, Бисонденбит.

Понятие выпученных составных глаз с физиологической точки зрения было неразумным, но у Флинкса

возникло именно такое впечатление. Антенны Бисонденбита тряслись так сильно, что Флинкс подумал, что они могут отвалиться; транкс в выжидающем ужасе уставился на смертельную тень Пипа.

— Набрюшный кошелек,— мягко повторил Флинкс,— и успокойтесь, пока не раскололи себе мозговую коробку.

— Д-д-да,— заикаясь вымолвил Бисонденбит. Интересно! Флинкс никогда раньше не слышал, чтобы транксы заикались. Повернувшись к пожилой самке, Бисонденбит сунул руку в сверхвместительную сумку на грудной клетке-б и вытащил маленькую шестигранную сумочку, сплетенную из металла золотого цвета.

— Вы только что это обронили, царица-матка,— неохотно пробормотал он, применяя официальное почтительное обращение,— крючки все разогнулись... видите?

Дама проверяла брюшко стопорукой, протягивая в то же время иструку за кошельком.

— Не понимаю. Я была уверена, что она надежно закреплена...— она оборвала фразу, нагнула голову и выполнила движение черепом и антеннами, показывающее глубокую благодарность, добавив устно,— Ваша услуга оценена, сударь.

Флинкс отпрянул, когда она подарила Бисонденбиту незаслуженный комплимент.

Учтивая поза этого достопочтенного лица продолжалась, пока дама не отошла за пределы слышимости, затем он обратил нервные глаза на Флинкса.

— Я не хотел, чтобы вас убивали... Я не хотел, чтобы убивали кого бы то ни было,— запинаясь, быстро произнес он.— Они ничего не сказали мне об убийстве. Я должен был только доставить вас.

— Успокойтесь,— посоветовал ему Флинкс,— и перестаньте стенать о смерти. В этом деле и так уже слишком много смертей.

— О, тут я согласен,— поддержал транкс; напряжение медленно покидало его.— Но ни одной — из-за меня.— Внезапно его чувство сменилось со страха на интенсивное любопытство.— Как вы сумели сбежать из

башни и покинуть плато? Мне рассказывали, что многие вас высматривали, но никто не видел, как вы отбыли.

— Я улетел,— ответил Флинкс,— после того как сделался невидимкой.

Бисонденбит неуверенно поглядел на него, начал было смеяться, остановился, и снова засмеялся.

— Вы крайне странный малый, даже для человека. Я не знаю, верить вам или нет.— Он вдруг суетливо огляделся по вокзалу, с вернувшейся к нему нервозностью.— Окружающие Чаллиса могущественные люди хотят знать ваше местонахождение. Есть разговор о крупном вознаграждении, уплачиваемом без разговоров. Однако единственный имеющийся у кого-либо ключ к вашему побегу находится у упрятанной в больницу женщины. Она все еще в истерике.

— Я сожалею об этом,— честно пробормотал Флинкс.

— Для меня плохо быть увиденным вместе с вами: вы стали желанным товаром.

— Всегда приятно быть желанным — ответил Флинкс, легкомысленно игнорируя страх Бисонденбита за собственную безопасность.— Кстати, я и не знал, что транксы числят карманничество среди своих талантов.

— Бесспорно, мы всегда отличались ловкостью. Многие люди приобрели от нас равно... э... полезные способности.

— Могу себе представить,— фыркнул Флинкс,— по воле случая я жил в городе, кишмя кишащем такими способностями. Но у меня нет времени обсуждать этичность сомнительных культурных обменов. Просто скажите мне, где я могу найти Конду Чаллиса.

Бисонденбит поглядел на юношу так, словно тот вдруг отрастил лишнюю пару рук.

— Он же чуть не убил вас. И, кажется, не против получить еще один шанс. Не могу поверить, что вы станете продолжать разыскивать столь мощного врага. Мне думается, я неплохо умею судить о человеческих типах. Вы не похожи на руководствующегося местью.

— Я ей и не руководствуюсь,— обеспокоенно отозвался Флинкс, сознавая, что Сморчок Симм считал, что

он преследовал Чаллиса по той же причине. Люди настойчиво приписывали ему мотивы, которых у него не было.

— Если не месть, то для чего же вы преследуете его... не то чтобы мне было печально видеть, как существо с репутацией Чаллиса немного покорячится, даже если это плохо для бизнеса.

— Просто скажите мне, где он.

— Если вы скажете мне, почему вы его ищете.

Флинкс чуть толкнул Пипа, и летучий змей шевельнулся и зевнул, показав глотку с мешочком в глубине.

— Не думаю, что в этом есть необходимость,— мягко, но многозначительно произнес Флинкс. Ужаснувшийся Бисонденбит вскинул в слабой защите иструки и стопоруки.

— Неважно,— вздохнул уставший угрожать Флинкс,— если я скажу вам, это может даже просочиться вплоть до Чаллиса. Просто я думаю, что у него имеются сведения о том, кто мои родители и что с ними случилось, после того как они... бросили меня.

— Родители? — озадаченно посмотрел на него Бисонденбит.— Мне говорили, что вы угрожали Чаллису.

— Неправда. У него паранойя из-за одного происшествия в нашем общем прошлом. Он хотел, чтобы я кое-что сделал, а я этого делать не хотел.

— И для этого вы убили несколько человек?

— Я никого не убивал,— возразил несчастный Флинкс.— Убивает Пип, да и то только чтобы защитить меня.

— Ну, мертвый есть мертвый,— глубокомысленно заметил Бисонденбит. Он недоверчиво поглядел на Флинкса.— Я не верю, что какое-нибудь существо, даже человек, может так помешаться на извращенном желании. Неужели для вас узнать кто ваши родители важнее собственной жизни?

— У нас нет традиции общей матери-улья, к которой я мог бы возвести свое происхождение,— объяснил Флинкс.— Да, для меня это очень важно.

Инсектоид покачал двудольной головой:

— Тогда я желаю вам музыкальной охоты в вашем

безумном поиске. В другое время, в другом месте я, может быть, стал бы вашим братом по клану.

Нагнувшись вперед, он протянул к нему антенны. После минутного колебания Флинкс коснулся предложенных отростков собственным лбом. Он выпрямился и бросил на щуплого транкса предупреждающий взгляд.

— Постарайтесь,— сказал он Бисонденбиту,— держать свои иструки при своей собственной грудной клетке.

— Не понимаю, почему моя деятельность может быть вашей заботой, покуда она не касается вас,— запротестовал транкс. Он был почти счастлив, так как теперь было похоже, что Флинкс не собирался убивать его.— Вы намерены сообщить обо мне властям?

— Только за промедление,— нетерпеливо ответил Флинкс.— Вы все еще не сказали мне, где Чаллис.

— Пошлите ему кассету с записью вашей просьбы,— посоветовал транкс.

— А вы бы ей поверили?

Бисонденбит щелкнул жвалами:

— Понимаю. Вы странный индивидум, мужчина-мальчик.

— Вы и сами не инкубатор, Бисонденбит. Где?

Хитиновый покров плеча двинулся, произведя шуршащий звук, словно провели картоном по ковру. Бисонденбит заговорил с некоторой долей гордости.

— Я не из тех, кто нанят Чаллисом для грязной работы,— я скажу вам. Вы, кажется, выгнали его с Мота, а теперь вы прогнали его с Ульдома. Главная контора «Чаллис Компани» находится в столице Земли, и, как я полагаю, именно туда-то он и сбежал. Он, несомненно, будет поджидать вас, если уже не умер от страха. Да, найдите его прежде, чем многие разыскивающие найдут вас,— он начал было уходить, а затем остановился, охваченный любопытством.

— До свидания, Бисонденбит,— твердо распрощался с ним Флинкс.

Транкс начал было говорить, но заметив, как зашевелился мини-минидраг, решил, что лучше не стоит. Он ушел, время от времени оглядываясь через плечо и что-

то бурча про себя, неудовлетворенный. Со своей стороны Флинкс не чувствовал за собой никакой вины от того, что позволяет карманнику спокойно уйти. Не тому, кто совершил свою долю деяний на грани и за гранью законности, судить другого.

Почему Чаллис никак не поверит, что он ищет его не ради чего-то столь бесполезного и примитивного как месть? Чаллис мог понять только мыслящих так же, как и он сам, решил Флинкс.

Каким-то образом он должен найти способ обойти это препятствие.

Путешествие от Ульдома до второго столичного мира Содружества, Земли, было приличное, даже при максимальном ускорении. Но в конечном итоге Флинкс оказался потягивающим напиток, глядя в иллюминатор еще одного челночного судна, когда маленький корабль-перевозчик отвалил от грузового лайнера.

Это была зеленая легенда, Terra Magnificat<$FTerra Magnificat (лат).— Земля Великолепная>, место происхождения человечества, вторая столица Содружества и родина Объединенной Церкви. Это был мир, где однажды первобытный примат поднялся и встал на задние ноги, чтобы быть поближе к небу, никогда и не мечтая, что в один прекрасный день он шагнет за его пределы.

И все же, если не считать царственной голубизны океанов, сам земной шар не был примечательным, покрытый по большей части спиралями белых облаков и грязно-коричневыми пятнами суши.

Он не знал, чего ожидать... наверное, пронзающих облака золотых шпилей или обработанных скал из хрома на фоне морей — все, что было бы одновременно и нелепым, и величественным. Хотя он не мог этого видеть, Земля обладала тем и другим в больших количествах, хотя и в намного более приглушенной форме, чем его грандиозные видения.

Наверняка, подумал Флинкс, когда челнок упал в наружные слои атмосферы, вездесущая изумрудность Ульдома была поразительней, и, если уж на то пошло,

переливающиеся желтые кольца-крылья Мота были явно живописней.

Но где-то внизу жил и умер его прапра- или прапрапрадед...

Глава четвертая

Спускаясь по западно-восточному маршруту, челнок прошел над крупной подходной станцией в Порте, прежде чем начать свое последнее скольжение над бесконечными возделанными полями центральной Австралии. Пролетая, Флинкс увидел изолированные городки, производящие пищу заводы и сверкающие солнечные электростанции, опоясывающие промышленный метрополис Алис-Спрингс. Он похлопал стоящий у его ног сияющий новенький чемодан, услышал расслабленное шипение и пристегнулся для приземления.

Челнок падал к самому большому челночному порту на Земле. Порт составлял нижнюю часть огромного Т-города, чья верхняя планка тянулась на север и юг, обнимая теплый Тихий океан. Брисбен уже сотни лет был столицей Земли, и его порт с длинными открытыми подходами над центром континента и открытым Тихим океаном был самым занятым на планете. Он был также удобен для крупных поселений транксов в Северной Австралии и на Новой Гвинее и для штаб-квартиры Объединенной Церкви в Денпасаре.

Мягкий толчок, и челнок приземлился.

Никто не обратил на Флинкса никакого внимания ни на вокзале, ни позже, когда он шел по улицам огромного города. Он очень сильно ощущал свое одиночество, даже сильнее, чем на Ульдоме.

Столица удивила его. Здесь не было никаких вздымающихся башен. В Брисбене не существовало никакой коммерческой интенсивности западного северо-американского города Лала, или Лондона, или Якутска, или даже рынка в Дралларе. Улицы были почти тихими, все еще местами носящие определенную странную привле-

кательность архитектуры, восходящей ко временам, предшествующим Слиянию. Что же касается правительственных зданий, то они, по крайней мере, были, как им и подобало, величественными. Но они были построены невысокими, и из-за того, что их окружал со всех сторон ландшафт, казались тянущимися вверх, словно зеленые волны в каменно-металлическом пруду.

Найти штаб-квартиру «Чаллис Компани» оказалось несложно. Затем осторожные расспросы дали ему местоположение семейной резиденции главы фирмы. Но вот пробраться в эту изолированную и защищенную святая святых — совсем другое дело.

Ему вспомнились замечания Бисонденбита. Как он может добраться до Чаллиса и объяснить, какая у него цель, прежде чем коммерсант убьет его?

Он должен каким-то образом продлить время, которое даст ему Чаллис, прежде чем уничтожить. Каким-то образом... Он проверил свой картометр. Он был небогат, но, конечно, намного богаче нищего. Если он сможет немного растянуть имеющиеся средства, у него будет несколько недель, чтобы найти нужную для выполнения его плана фирму.

Одна такая фирма располагалась в производственном секторе столицы. Секретарь отфутболил его к вице-президенту, который со смущенным выражением на лице посмотрел на подготовленные Флинксом черновые планы и препроводил его к президенту фирмы.

Как инженер, президент без труда поняла механические аспекты заказа. Озабоченность у нее вызвали другие вопросы.

— Вам понадобится так много? — спросила она, поджимая губы и праздно расправляя прядь седых волос.

— Вероятно, если я знаю вовлеченных в дело людей. Думаю, что да.

Она сделала подсчеты на крохотном настольном компьютере и снова посмотрела на его список.

— Мы можем произвести то, что вы хотите, но нужное для этого время и желаемая вами степень точности потребует много денег.

Флинкс дал ей название местного банка и номер

счета. Короткий разговор через машину позволил наконец старой женщине сморщить в улыбке лицо.

— Я рада, что помехи убраны с дороги. Денежные дела всегда заставляют меня чувствовать себя немного нечистой, вы понимаете? Э... можно мне спросить, для чего вы собираетесь их использовать?

— Нет,— дружелюбно ответил Флинкс, тогда как Пип лениво переместился у него на плече,— именно потому я и обратился к вам, в маленькую фирму с большой репутацией.

— Вы будете доступны для программирования? — неуверенно спросила она.

— Прямая передача, если понадобится.

Это, похоже, уладило дело, по мнению президента. Она поднялась и протянула руку.

— Тогда, я думаю, мы можем помочь вам, мистер.

Он пожал ей руку и улыбнулся.

— Пользуйтесь просто данным мною банковским счетом.

— Как пожелаете,— согласилась она, откровенно разочарованная.

Контраст между синевой океана и песчаными холмами Золотого Берега был мягким и поразительным. Один высокий гребень особенно густо усеяли широко размещенные, роскошные личные резиденции, старательно расположенные так, чтобы впитывать как можно больше широкого залива и обеспечивать благоразумное, поддающееся патрулированию пространство между соседями.

Один дом блистал своей скромностью. Его воздвигли подальше среди утесов, как топаз в золоте. Лишенный острых углов, он, казалось, составлял неотъемлемую часть покрытого травой крутого берега. Только просторные, свободной формы окна из стеклосплава намекали на прятавшееся за ними жилище.

Поблизости барашковые волны с геометрической правильностью атаковали берег, младшие братья более зрелых волн на юге. Там, в древней деревне, называвшейся Серферспарадиз, многоцветные люди и немалое

число адаптировавшихся инопланетян катались на прибое, несомые к суше в гладких мокрых зубах волн-камикадзе.

Флинкс теперь находился тут, но он смотрел, а не участвовал. Он сидел, расслабившись, на невысоком холме над пляжем, изучая самых недавних почитателей архаического спорта. Поблизости отдыхала взятая им напрокат машина.

В данный момент Флинкс наблюдал за смешанной группой молодежи, одни были старше его, другие — моложе. Они учились в одном из великих университетов, сохранивших факультеты в столице. Эта компания презрела доски в пользу более молодого и привлекательного телесного серфинга. Он увидел среди них множество молодых транксов, что было довольно естественно. Синяя раскраска самцов и густо-аквамариновая самок была почти невидима на фоне воды и четко показывалась только тогда, когда большая волна разбивалась в белую пену.

Телесный серфинг едва ли был для транксов прирожденной деятельностью, но он был, подобно многим человеческим видам спорта, с радостью воспринят ими. Они привнесли в него собственную красоту. Хотя транкс в воде никогда не мог тягаться с тюленьей гибкостью человека, когда дело доходило до скачки голышом на волнах, они намного превосходили людей. Флинкс видел, как их непотопляемые, с твердой оболочкой тела плясали впереди накатывающихся друг за другом волн, толкая вперед грудную клетку-б, чтобы дать воздуху достичь дыхательных спикул.

Иногда человек забирался верхом на спину друга-транкса для скачки вдвоем. Это не причиняло неудобств оседланному инсектоиду, так как тело у него было потверже и обладало почти такой же плавучестью, что и человеческие эллиптические доски. Флинкс вздохнул. Его отрочество было заполнено менее невинной деятельностью. Обстоятельства заставили его слишком быстро позврослеть.

Посмотрев на песок, он выставил ногу так, чтобы преградить путь бродячему раку-отшельнику. Большой

пале'ц ноги легонько толкнул его в бок. Крошечное панцирнокрытое свирепо замахало в воздухе миниатюрными волосатыми ногами и в гневе швырнуло песчинки в своего огромного противника. Восстановив равновесие, он продолжал свой неразличимый путь, двигаясь лишь чуть быстрее обычного. Жалко, подумал Флинкс, что люди не могут быть также замкнуты в своем мире.

Посмотрев направо-налево по берегу, где скрывался в выветренных утесах дом лимонного цвета, Флинкс подумал, что Чаллис скоро должен прибыть из своей конторы в столице.

Над головой дико закричала чайка, напоминая ему, что время пришло...

Выходя из машины, Конда Чаллис разве что не совсем позабыл про своего юного преследователя. Махнахми выбежала из дома приветствовать его, и они вместе увидели двигающуюся по дорожке серьезную фигуру в сером комбинезоне. Каким-то образом он проник сквозь внешнюю защиту.

Махнахми втянула в себя воздух, а Чаллис внезапно стал чуть бледнее своего обычного почти альбиносного себя.

— Френсис...

Личный телохранитель Чаллиса не стал дожидаться дальнейших приказов. Заметив реакцию своего шефа и его дочери, он немедленно сделал вывод, что с этой приближающейся личностью нужно расправиться, а не разговаривать. Выхватив пистолет, он выстрелил прежде, чем Чаллис успел закончить свою команду.

Конечно, подходящая по дорожке личность могла оказаться безвредной. Но Чаллис простил ему в прошлом одну такую оплошность, и это подкрепило и так уже превосходную уверенность телохранителя.

Политика Чаллиса, казалось, окупалась, потому что дико жестикулирующая фигура юноши дезинтегрировалась в ужасающей вспышке из незаконно сверхзаряженного лучемета.

— И вот это, пробормотал с мрачным удовлетворе-

нием коммерсант,— наконец и все. Никогда не ожидал, что он подберется так близко. Спасибо, Френсис.

Телохранитель сунул оружие в кобуру, разок кивнул и направился проверить дом.

Махнахми обхватила Чаллиса ручонками за талию. Обычно коммерсант пренебрегал нянчиться с девочкой, но в данный момент он был слишком сильно потрясен и потому не отпихнул ее.

— Я рада, что ты убил его,— шмыгнула она носом.

Чаллис странно посмотрел на нее.

— Да? Но почему? С чего бы он напугал тебя?

— Ну...— в ангельском голоске возникло колебание,— он пугал тебя и, поэтому, пугал меня, папочка.

— Гм,— хмыкнул Чаллис. Замечания девочки временами бывали поразительно зрелыми. Но, впрочем, напомнил он себе, улыбаясь, она выросла в окружении взрослых. Через три-четыре года, если не раньше, она будет готова для иного рода воспитания.

Махнахми содрогнулась и спрятала лицо, спрятала его так, чтобы Чаллис не смог увидеть, что содрогание это вызвано отвращением, а не страхом. Френсис вернулся и не обратил на нее внимания. Всю свою жизнь она испытывала на себе мысли, которые были в голове у Чаллиса, точно зная, чем они были. Они всегда были липкими и жирными, как след, оставленный улиткой.

— Добро пожаловать домой, сэр. Обед скоро будет готов,— доложил стоящий в дверях слуга.— Там есть некто, желающий вас видеть. Оружия нет, я тщательно проверил. Он настаивает, что вы его знаете. Он ждет вас в переднем портике.

Чаллис раздраженно фыркнул и бесцеремонно оттолкнул Махнахми. Было необычным, чтобы кто-то являлся сюда заниматься бизнесом. Контора Чаллиса в тройной башне в центре города была совершенно доступна для законных клиентов, и он предпочитал сохранять свою личную резиденцию, по возможности, для себя лично.

И все же это мог быть Картезан со сведениями о пакупке массы руды с Сантоса-5, или, возможно... он, не спеша, двинулся к портику, а Махнахми засеменила следом за ним.

Фигура сидела спиной к нему, глядя в широкое овальное окно на расстилавшийся внизу океан. Чаллис нахмурился и начал говорить:

— По-моему, я вас не...

Фигура обернулась. Только-только вернувший самообладание, Чаллис был захвачен совершенно неподготовленным. Органические цепи, управлявшие мускулами его искусственного левого глаза, задергались, заставляя глаз дико вращатья в глазнице и еще больше спутывать ему мысли.

— Слушайте,— быстро начала рыжеволосая фигура,— вы должны меня выстушать. Я не собираюсь причинять вам никакого вреда. Я только хочу...

— Френсис! — в ужасе завизжал коммерсант при виде призрака.

— Дайте мне только минуту, одну минуту на объяснение,— нажимал Флинкс.— Вы только испортите свою мебель, если...— он начал подниматься.

Чаллис отпрыгнул назад, очистив комнату, и лихорадочно ткнул в скрытую кнопку. Дубликат этой кнопки был установлен снаружи каждой комнаты в доме. Она служила ему последней мерой безопасности и сработала с радующей глаз эффективностью.

Сеть голубых лучей выстрелила из скрытых в стенах линз, рассекая и перекрещиваясь в комнате, словно световая колыбель для кошки. Два из них аккуратно разрезали пополам стоящую перед ним фигуру. Ему пришлось подождать, пока фигура не поднимется, иначе лучи прошли бы над ней.

Теперь коммерсант издал нервный смешок, когда фигура рухнула, неуклюже упав на кушетку, а затем свалившись на пол. Позади него, широко раскрыв глаза, стояла Махнахми.

Чаллис постарался выровнять дыхание, а потом осторожно подошел к неподвижной фигуре. Он пнул ее, сперва мягко, потом хорошенько. Она поддалась под его сапогом не так, как ей полагалось.

Нагнувшись, он изучил два прокола, сделанные лучами в верхней части торса. Не было никакой крови, и внутри обеих дыр он увидел нечто обугленное и не

походившее на мясо и кости. Плывший от фигуры запах был закомым — но не тем.

— Электроника и сгущенный желластик! — пробормотал он себе под нос.— Неудивительно, что их было двое. Роботы.

— Робот? — пискнул позади него тонкий голосок,— неудивительно, что я не могла...— она внезапно заткнулась.

Чаллис нахмурился, полуобернувшись к ней:

— Что-что, Махнахми?

Она сунула пальчик в рот, невинно пососала его, глядя на скрившуюся на полу фигуру.

— ...не могла увидеть никакой крови,— ловко закончила она.

— Да, но...— неожиданная мысль вызвала озабоченность на его лице.— Где же Френсис?

— Спит,— проинформировал его новый голос. Руки коммерсанта беспомощно упали по бокам, и Махнахми отпрянула, когда, мягко улыбаясь, в комнату вошел Флинкс. В отличие от двух предыдущих, на правом плече у этого юноши тихо шевелилась свернувшаяся вокруг него рептилия.

— Извиините. Боюсь, что мне пришлось вырубить его, и вашего сверхрьяного дворецкого тоже. У вас нервный штат, Чаллис.— Рука поднялась и коснулась стены рядом со скрытой кнопкой в коридоре, управляющей многочисленными лучеметами.— Ловко придумано.

Чаллис обдумывал, не следует ли ему броситься на пол, затем перевел взгляд с кнопки на Флинкса и облизнул губы.

— Закончите вы наконец со своей паранойей? — взмолился юноша.— Если бы я хотел вас убить, то давно бы уже ударил по этой кнопке, не так ли? — он постучал по стене рядом с ней.

Чаллис рухнул, расслабясь, когда упал ниже смертельного уровня лучей. Но Махнахми, пригнувшись, подбежала к нему, визжа с детской яростью:

— Убей его, папочка, убей его!

— Уберись, детка,— резко бросил Чаллис, шлепком отбросив ее в сторону. Он снова медленно, осторожно

поднялся на ноги и пристально посмотрел на молчаливую фигуру в коридоре.— Вы правы... вы как раз сейчас могли бы легко убить меня — и не убили. Почему?

Флинкс привалился к дверному косяку.

— Я все время пытался сказать вам это. Тот инцидент на Моте — прошлое, оконченное, завязанное. Я следовал за вами не для того, чтобы убить вас, Чаллис. Во всяком случае, не на Ульдом и, уж конечно, не сюда.

— Не могу поверить... может быть, вы говорите правду,— признал коммерсант, слова выходили из него с трудом, когда он пытался перестроить свое мышление.—Это настоящий вы, на этот раз?

— Да.— Юноша кивнул, показывая на свое плечо, где впечатляюще зевнул Пип.— Я никогда не хожу без Пиппа. Вдобавок к тому что он служит мне страховкой, он мой друг. Вам следовало бы заметить, что механизмы появлялись не в сопровождении рептилии.

— Убей его! — снова завизжала Махнахми.

— Заткнись,— напустился на нее Чаллис,— а не то я дам Френсису побаловаться с тобой, когда он явится. С чего такая внезапная ярость, Махнахми? Он прав, я уже больше пары раз мог умереть, если бы он действительно желал этого. Я начинаю думать, что он говорит правду. Почему ты так...

— Потому что он...— начала было она, а затем вдруг притихла и молча уставилась в пол.— Потому что он пугает меня.

— Тогда ступай туда, где он не будет тебя пугать. Ступай в свою комнату. Иди, иди, убирайся.

Златовласая девочка повернулась и в раздражении прошагала к двери в противоположном конце помещения, бормоча под нос что-то, чего Чаллис не оценил бы, будь он способен расслышать ее.

Он с любопытством повернулся обратно к Флинксу.

— Если вы не хотите убить меня, тогда почему же, во имя Аукредена, вы преследовали меня через половину Содружества? — Он быстро стал заботливым хозяином.— Тогда заходите, выпейте. Не останетесь ли поужинать?

Флинкс покачал головой, улыбнувшись не понравившейся Чаллису улыбкой.

— Мне не нужна ваша дружба, Чаллис. Только некоторые сведения.

— Если они о янусских камнях или о чем-либо, относящемся к ним, то я ничего не могу вам сообщить.

— Это не имеет никакого отношения к ним или к вашей попытке заставить меня принимать участие в ваших личных извращениях. Когда вы у... уходили из своего дома в Дралларе, то сказали кое-что о характеристиках моей материнской линии.

Чаллис выглядел озадаченным.

— Если вы говорите, что я это сказал, то надо полагать, так и было. Что из этого?

— Я вообще ничего не знаю о своих истинных родителях. Продавший меня моей приемной матери сообщил лишь мое имя и фамилию. И ничего больше.

— Ну, я... я как-то не думал об этом.

— Вы сказали, что собрали на меня досье, что вы скопили массу сведений о моем прошлом.

— Это верно. Чтобы гарантировать, что вы действительно обладали тем талантом, какой я искал, требовалось как можно полнее исследовать вашу личную историю.

— Где вы нашли эти сведения?

— Не вижу никакой причины скрывать это от вас, за исключением того, что я не знаю.— Рука Флинкса придвинулась чуть ближе к роковой кнопке.— Это правда, это правда! — взвыл снова запаниковавший Чаллис.— Что я, по-вашему, прослеживаю все источники мелкой информации, раскопанной моими людьми? — Он вытянулся от преувеличенной гордости.— Я, между прочим, глава одной из...

— Да, да,— нетерпеливо признал Флинкс,— не услаждайте меня списком своих титулов. Вы можете разыскать источник этой информации? Давайте-ка посмотрим, так ли эффективна ваша система розыска, как вы утверждаете.

— Если я это сделаю,— резко спросил коммерсант,— я могу считать, что вижу вас в последний раз?

— У меня нет больше никакого интереса к вам, Чаллис.

Коммерсант принял решение.

— Ждите здесь.

Повернувшись, он проследовал в противоположный конец комнаты. Там он откинул крышку того, что походило на антикварный деревянный письменный стол. Внутри он оказался заполненным серьезными компонентами, скомбинированными в виде сложного пульта. Пальцы Чаллиса быстро прошлись по клавишам управления. Это вызвало несколько минут последующего мигания и звуков из глубин стола.

В конечном итоге он был вознагражден небольшой распечаткой, которую и вставил в проигрыватель.

— Вот она. Идите посмотрите сами.

— Спасибо, но я останусь здесь. Прочтите мне ее.

Чаллис покачал головой при таком неразумном отсутствии доверия, а затем переключил внимание на увеличивающий считыватель.

— Ребенок мужского пола,— начал он механически читать,— зарегистрирован в возрасте семи месяцев в финансируемом Церковью приюте для сирот в Аллахабаде, Земля, провинции Индия. За этой информацией следуют рассуждения сотрудников о совпадающих точках отождествления: отпечатках роговой оболочки, отпечатках пальцев, отпечатках сетчатки, форме черепа и так далее, вместе с чисто внешними физическими данными; цвет волос и глаз, кольца на пальцах и тому подобное.

Эти параметры совпадали с данными сироты в возрасте пяти лет, проданного под именем Филип Линкс такого-то числа на невольничьем рынке в Дралларе, Мот. Мои люди явно сочли, что было достаточно сходства, чтобы связать этих двух лиц.

— Фамилия... тут сказано..? — Флинкс должен был узнать, была ли фамилия Линкс родовой или данной только потому, что он был потомством Рыси<$FLynx (англ.) — рысь>.

— То есть искушенной независимой женщины, бывшей любовницей скорее по своему выбору, чем по выбо-

ру мужчины, вольной приходить и уходить, когда пожелает.

Чаллис был не в состоянии сообщить ему.

— Нет. Если вы хотите дополнительную информацию, вам придется поискать ее в оригинальных Церковных архивах, при условии, что вам разрешат доступ к ним. Вы, конечно, можете начать и в Аллахабаде, но не заглянув в оригинальные архивы, будет трудно сказать, где начать. Кроме того, Денпасар сам по себе намного ближе.

— Тогда я отправлюсь туда.

— Вам никогда не получить доступа к этим архивам. Вы думаете, мой милый мальчик, что всякому, кто пожелает, разрешается пользоваться оригинальной Церковной картотекой?

— Вы только скажите мне, где она.

Чаллис усмехнулся:

— На острове, именуемом Бали, примерно в пяти тысячах километрах к северо-западу отсюда в Индонезийском архипелаге.

— Благодарю вас, Чаллис. Вы меня больше не увидите. Он повернулся и покинул коридор.

Как только юноша скрылся из вида, внимание Чаллиса остановилось на установленных в пульте нескольких крошечных экранах. Один показывал его посетителя, готового выйти через переднюю дверь. Чаллис коснулся кнопки. Рыжеволосая фигура взялась за ручку двери — и как он, так и дверь растворились в ослепительной вспышке. Сотрясение тряхнуло даже там, где стоял коммерсант.

— Я не облегчаю выход для незваных гостей,— мрачно сказало он пульту.— Но коль скоро они вошли, я забочусь о том, чтобы они не вышли.

Чаллис не стал бы тем, чем он был, оставляя что-нибудь на волю случая. Наверное, нелепая сказка парня была правдой, а впрочем, наверное, она была только способом заманить Чаллиса в какую-то невообразимую дьявольскую ловушку. Что этот паренек хитер, он продемонстрировал в избытке. В любом случае, ничего не стоило обрести полную уверенность.

Только его жизнь.

Закрыв пульт, он лениво прошел к передней двери. И удивился, увидев стоящую в коридоре Махнахми. Позади нее все еще плыл дым от почерневшей металлической рамы дверей, ограждавшей теперь приблизительно прямоугольный кратер. Углубление распространялось и на отрезок коридора и прилично на железобетонную дорожку, ведущую ко входу.

Девочка что-то держала. Это был кусок руки. С нее капали разноцветные жидкости, и с обоих порванных концов свободно свисали крошечные нити материала.

Чаллис был поражен смесью страха и восхищения, когда уставился на секцию конечности, которую так внимательно изучала Махнахми. В первый раз он начал гадать, какое же именно создание он избрал себе врагом. Что это был больше, чем необычно умный семнадцатилетний парень, он подозревал после того невероятного побега на Ульдоме. Теперь он был в этом уверен.

Рука, конечно, была механической. Флинкс, которого он принимал за настоящего, был всего-навсего более убедительным автоматом, как могла бы сообщить ему Махнахми. Теперь Чаллис взял да испортил ей игру. Но оставшиеся куски представляли интерес. Она с кажущимся небрежным видом изучала арматуру, сравнивая ее с ближайшим осколком механического летучего змея.

Это было просто нечестно! Раз Чаллис вопреки ее совету сообщил машине, что та хотела узнать, она никогда больше не увидит настоящего Флинкса. А он был такой забавный.

Ей придется найти для игры мозг кого-нибудь другого...

Флинкс следил, как рак-отшельник, завершив свои сухопутные исследования, исчезает в услужливо накатившей волне. Одновременно он отключил магнитофон у себя на поясе. С тех пор как коммерсант уничтожил его третье подобие, на пленку больше ничего не записалось.

Поднявшись, Флинкс стряхнул сзади песок и печально подумал о безосновательной паранойе Конды Чаллиса. Наконец он узнал от этого толстого торгаша все, что

мог, и информация заботливо хранилась в маленьком поясном магнитофоне, действовавшем на удивительных расстояниях. Подобия были дорогой азартной игрой, но оправдавшей себя.

Флинкс вернулся к взятой напрокат машине. На одном сидении был устроен специальный пульт с пятью контрольными приборами в центре. Три стали темными, в то время как два по-прежнему постоянно мигали зеленым светом. Чаллису могло быть интересным узнать, что уничтожь он своего третьего визитера прежде, чем ответить на его вопросы, его ждали два добавочных тщательно изготовленных Флинкса.

Один сладкий миг Флинкс смаковал мысль послать их обоих сегодня ночью в спальню коммерсанта. Но... нет. Это поставило бы его в положение выносящего тот или иной приговор другому человеку.

Вместо этого он отдал двум оставшимся подобиям сигнал «возвращение-на-базу». Два оставшихся огонька начали постоянно мигать, показывая, что они действуют согласно приказу и находятся в движении. Они отправились обратно на завод, где их заказал Флинкс. Там их сложные внутренности будут сохранены, вместе с сопутствующей частью сильно истощенного банковского счета Флинкса.

Заведя маленькую мощную машину, Флинкс установил ее на стандартную схему полета, ведущего в атмосферный челночный порт. Этот чисто планетарный вокзал находился далеко к югу от столицы, ближе к пригородному промышленному городу Сиднею.

Чаллис намекал, что постороннему будет трудно получить доступ в штаб-квартиру Объединенной Церкви. Ну, это он узнает достаточно скоро. Там находилась одна генеалогия, которую он очень сильно хотел исследовать.

Глава пятая

Суборбитальные полеты во все крупные города и провинции на Земле происходили в огромном порту по регулярному расписанию. Встреченный Флинксом слу-

жащий был прям телом, но психически поврежден от четвертьвековых ответов на одни и те же пустопорожние вопросы. Он не только не мог ожидать никакого повышения, но и подозревал, что его младшая дочь гуляла с двумя пожилыми мужчинами и одной молодой женщиной одновременно. Когда Флинкс приблизился, он размышлял, что в его время дети вели себя иначе.

— Я только что попытался купить билет до города под названием Денпасар,— объяснил Флинкс,— а на кассовом автомате зажглась надпись «Такого направления нет». Почему.

— Откуда вы, юный сэр? — вежливо осведомился служащий.

Флинкс поразился. За всю жизнь его всего лишь несколько раз назвали «сэр». Он начал было отвечать: — Из Драллара, с Мота,— да вспомнил вдруг одно раннее изречение матушки Мастифф.

«Всегда отвечай на вопрос как можно короче, мой мальчик,— поучала она его.— Это заставляет людей считать тебя умным и нескучным, в то время как дает им, по возможности, меньше сведений о тебе самом».

Поэтому он сказал просто:

— С другой планеты.

— И, рискну предположить, с далекой планеты,— добавил служащий.— Разве вы не знали, юный сэр, что Бали — закрытый остров? Туда дозволяется путешествовать только трем классам людей.

Говоря это, он перечислил их по пальцам:

— Балийцам и их родственникам, Служителям Церкви и правительственным служащим со специальным разрешением.

Он внимательно изучил Флинкса.

— Вы могли бы сойти за балийца, если бы не эта ваша морковная макушка, так что вы явно не местный. Вы не притязаете на звание служителя Церкви и...— он не мог подавить легкой улыбки,— я не думаю, что вы специальный представитель правительства. В любом случае, почему вы вообще хотите туда отправиться?

Флинкс безупречно пожал плечами:

— Я слышал, что это центр Объединенной Церкви.

Я думал, что будет интересно посетить такое место, пока я езжу туристом по Земле, вот и все.

А, стандартный ответ. Любые подозрения, которые могли зародиться у служащего, умерли, не успев сложиться.

— Это понятно. Если, однако, вас заинтересует такой же ландшафт, как на Бали, то вы можете добраться столь близко, как...— он помолчал, сверяясь с проигрываемой перед ним на экране толстой лентой,— ...на восточную оконечность острова Ява. Я сам там бывал. Остров можно увидеть из Баньюванги, а Сурабая — прекрасный древний город, очень живописный. Вы можете даже пролететь на флайере над Комодо, где находится станция возрождения динозавров. Но на сам Бали,— служащий с сожалением покачал головой,— можно с таким же успехом попробовать высадиться на Родной Планете Империи, как и попасть в Денпасар. О, если вы сможете проскользнуть в отправляющийся челнок, вы, может, и попадете в город. Но вы никогда не уедете с острова, не ответив обязательно на несколько трудных вопросов.

— Ясно,— благодарно улыбаясь, ответил Флинкс.— Я не знал. Вы очень помогли мне.

— Пустяки, сэр. Наслаждайтесь своим пребыванием на Земле.

Флинкс ушел в задумчивом состоянии. Так значит, существовал шанс, что он сможет каким-то образом попасть на остров. Но хотел ли он быть вынужденным отвечать по отбытии на те трудные вопросы? Не хотел.

Это оставляло его с проблемой получения доступа в такое место, куда не допускали никого. Нет, напомнил он себе, шепча чемодану и его кожистому содержимому, это не совсем верно. На остров разрешалось ездить трем классам людей.

Он не думал, что будет легко подделать правительственное удостоверение, и был слишком молод, чтобы выдавать себя за какую-то важную персону. Существовала возможность примазаться как прислужнику Церкви. Но что насчет..? Разве старик не сказал, что если не считать его рыжих волос, он мог сойти за балийца?

Проходя мимо внутренней панели из полированного металла трехэтажной высоты, Флинкс уловил свое отражение. Немного краски для волос, ускоренный курс по местному диалекту, небольшая лодка — наверняка ведь, это не могло быть так легко!

Но существовал шанс, что его план был настолько простым, что его могут проглядеть те, кто высматривал более изощренных лазутчиков. И Флинкс часто видел, как обладание определенным количеством наглости — не глотательной разновидности — могло оказаться куда полезней в одурачивании бюрократии, чем любые официальные удостоверения в кармане.

Повернувшись, он возвратился обратно к автоматическим билетным кассам. Набрав требование и вставив картометр, он получил челночный билет в один конец до Сурабаи...

Древний рыночный городок сохранил многое от своего аромата семнадцатого века. Флинкс чувствовал себя прямо как дома, узнавая нечто давно им подозреваемое: один переполненный рынок во многом похож на любой другой, куда бы тебя ни занесло.

Все говорили на земшарском и симворечи, вдобавок к древнему местному диалекту, известному как бахаса индонезия. Флинкс легко раздобыл черную краску, и, с измененным цветом волос, быстро стал одним из местных. Несколько недель пребывания оказалось достаточно, чтобы обеспечить его, прирожденного лингвиста, действенным поверхностным знанием языка.

Добыть небольшую лодку оказалось достаточно просто. Если замысел не удастся, он всегда может прибегнуть к объяснению, что он простой рыболов, у которого отказал автолоцман, вызвав отклонение от курса. Кроме того, для любого инопланетного шпиона действительно трудным этапом было бы прохождение через таможню входного порта Земли, а это Флинкс уже прошел.

Поэтому после нескольких дней спокойного автоматического плавания он увидел перед собой возвышающиеся пики гор Агунг и Батур, двух господствовавших на острове вулканов.

Под покровом безлунной ночи он приблизился к са-

мой северной оконечности великолепного пустого пляжа, называемого купа, на западной стороне острова. Никакой патруль не появился и не окликнул его, когда он вытащил свою лодочку на песок. Из скрытых ям не выскочило никаких автоматических лучеметов, чтобы испепелить его на месте.

Пока у него все шло вполне успешно. Это, однако, не уменьшило его чувства беспокойства. Одно дело — стоять на пустом пляже, совсем другое — проникнуть в недра самой Церкви.

Двигаясь вглубь острова со своим единственным предметом багажа — перфорированным чемоданом, содержавшим немного одежды и Пипа,— он в скором времени встретил небольшую немощеную дорогу через окаймлявшие пляж джунгли. После нескольких часов ходьбы он смог окликнуть машину, культиватор. Ехавший на ней фермер подвез его в Бену, а оттуда было легко нанять автобекак непосредственно в Денпасар.

Все шло настолько хорошо, как только мог надеяться. Фермер счел его чужестранцем, навещающим родственников в городе, и Флинкс не видел ни малейшей причины оспаривать столь удобно обеспеченную ему легенду. И молодой фермер равным образом не проявлял ни малейшего желания переключиться с земшарского на бахаса индонезия, поэтому спешно приобретенный словарь Флинкса не подвергся испытанию.

Хозяйка гостиницы встретила Флинкса как желанного гостя, хотя и настояла на том, чтобы посмотреть животное в чемодане. Флинкс показал ей, надеясь, что женщина не из болтливых. Если слух дойдет до представителей Церкви, кто-то может полюбопытствовать насчет присутствия здесь такого экзотического и опасного инопланетного вида, как мини-минидраг.

Но Флинкс отказывался тревожиться. В конце концов, он удобно устроился в комфортабельном номере в городе, куда, как ему говорили, будет трудно попасть. Завтра он приступит к делу проникновения в систему Церкви.

Первое, что он должен выяснить, это где на острове хранились генеалогические архивы, а потом — через

какие процедуры требуется пройти, чтобы получить к ним доступ. Может, ему еще придется прибегнуть к подделке документов. Вероятней же, он закончит тем, что похитит церковное обмундирование и наглостью проложит себе путь к легкому доступу в архивы.

Флинкс-священник. Он отправился спать, улыбаясь этой мысли и реакции матушки Мастифф, если бы та увидела его в церковном облачении...

На следующее утро он начал свою личную атаку на святая святых самой мощной организации в Содружестве.

Первым шагом было выбрать такси с разговорчивым водителем. Флинкс избрал самого старого, какого только смог найти, действуя по теории, что занятые в такой профессии более пожилые люди были более склонны чрезмерно болтать, а в остальном заниматься своим собственным делом. Водителем Флинкса был седогривый патриарх с большими вислыми усами. Он был стройным и жилистым, как и большинство местных. Женщины отличались единообразной кукольной красотой и, похоже, старели прыжком, от четырнадцати к восьмидесяти годам без всяких промежуточных возрастов.

Некоторые из них уже посматривали на Флинкса несколько заинтересованно, к чему он начинал привыкать, по мере того, как становился старше. Сейчас, однако, для этого не было времени.

— Что у вас на уме для сегодняшнего путешествия, сэр?

— Я всего лишь гость, приехал сюда повидать своих родственников в Сингарадье. Прежде чем меня захлестнут дяди и тети, я хотел бы посмотреть остров, не обремененным семейными разговорами. Старые храмы... и новые.

Старикан и глазом не моргнул, лишь кивнул и завел мотор. Экскурсия оказалась столь же основательной, как и старик — болтливым. Он показал Флинксу громадные пляжи в Куте, где накатывались огромные буруны Сунда Бали, не ведая, что Флинкс ночью раньше одолевал эти самые волны. Водитель отвез его к большой научно-исследовательской океанографической станции в Сану-

ре и широко раскинувшейся территории Церковного Университета на окраинах Денпасара.

Он показал ему разные филиалы научно-исследовательских институтов Церкви, построенных все как один в старом балийском стиле, насыщенном железобетонными скульптурами, выстроившимися вдоль всех перемычек и стен. Он провез его через древние рисовые чеки, покрывшие террасами игрушечные горы — самые прекрасные на всей Земле, настаивал старик, даже если фермеры в своих широких шляпах ездили теперь больше на маленьких механических культиваторах вместо водяных буйволов.

Прошло полдня, прежде чем Флинкс дошел до того, что заметил:

— Это совсем не похоже на то, что я ожидал от штаб-квартиры Церкви.

— Ну, а чего вы ожидали? — спросил старик.— Воспроизведения в более крупном масштабе Анклава Содружества в Брисбене? Купола из черных и бронзовозеркальных металлов и шпили километровой высоты, украшенные мозаикой?

Флинкс откинулся на потертую спинку старого сидения рядом с шофером и принял застенчивый вид.

— Я, конечно, никогда не бывал в столице, но я видел репродукции. Полагаю, что ожидал увидеть здесь нечто похожее.

Старик тепло улыбнулся:

— Я не специалист по мышлению Церкви, сынок, но для моей фермерской души она кажется собранием хороших, не любящих сложности людей. Университет — самое большое церковное здание на острове, лаборатория астрофизики в четыре этажа — самое высокое.— Он на время смолк, пока они ехали над речным ущельем.

— Почему, по-вашему,— спросил он наконец,— Объединенная Церковь несколько веков назад решила расположить свою штаб-квартиру на этом острове?

— Не знаю,— честно ответил Флинкс.— Я не думал об этом. Полагаю, для того, чтобы быть поближе к столице.

Старый шофер покачал головой.

— Церковь находилась здесь задолго до того, как Брисбен сделали столицей Земли. Для путешествующего с духом Гаруды в качестве спутника ты, сынок, кажешься довольно невежественным.

— Духом Гаруды? — Флинкс увидел, что шофер смотрит на сонную голову рептилии, выглянувшую из-за пазухи комбинезона. Он бешено заворочал мозгами, а затем расслабился.

— Но ведь Гаруда — птица, а не змей.

— Я вижу в твоем приятеле дух, а не облик,— объяснил шофер.

— Тогда хорошо,— признал Флинкс, вспоминая, что чудовищная птица Гаруда была, несмотря на свою устрашающую внешность, добрым созданием.— По какой же причине Церковь присутствует здесь, если не для того, чтобы быть ближе к столице?

— Я считаю, это из-за того, что ценности Церкви и балийского народа очень схожи между собой. И те и другие делают упор на творчество и мягкость. Вся наша собственная надменность и враждебность ушли на нашу древнюю мифологию.

Флинкс посмотрел на старика с большим уважением и любопытством. В этот миг он казался чем-то более интересным, чем всего лишь старым таксистом, но это уж сверхподозрительный ум Флинкса снова высматривал себе новые хлопоты.

— Наше самое агрессивное движение — это пожатие плечами,— продолжал старик, с любовью глядя на окружающий ландшафт. Это происходит от жизни в одном из самых прекрасных мест галактики.

Начался легкий дождь. Старик закрыл откидной верх машины и включил кондиционирование воздуха. Флинкс, гордившийся своей приспособляемостью к чуждой окружающей среде и вынужденный до сих пор играть роль почти местного, издал мысленный вздох облегчения при первой прохладной ласке кондиционера.

Влажность в одном из самых прекрасных мест галактики могла быть удушающей. Не удивительно, что транксийские члены Церкви согласились столь много веков назад построить здесь ее штаб-квартиру.

Они остановились в Убуде, и Флинкс устроил спектакль с осмотром знаменитой резьбы по дереву в рекомендованных стариком лавочках. Это не было исключительно балийским обычаем. У матушки Мастифф тоже имелась своя договоренность с гидами в Дралларе.

Экскурсия продолжалась, и необходимость проявлять интерес становилась все более и более обременительной. Флинкс зевал при осмотре слоновой пещеры, моргал у священных источников и видел храмы, построенные на храмах.

Подходящее местоположение для родного дома Церкви, подумал Флинкс, когда тучи рассеялись и за дымящимся конусом 1500-метровой горы Агунг появилась двойная радуга. Аквамариновые рясы и комбинезоны проходящих мимо сотрудников Церкви сливались с неподвижной цветущей растительностью джунглей столь же естественно, как и фруктовые деревья, флегматично стоявшие, следя за всем, вдоль дорог, полей и рисовых террас.

— Это все очень красиво,— сказал наконец Флинкс старому шоферу.— Но я все же хотел бы посмотреть на штаб-квартиру Церкви.

— Штаб-квартиру Церкви? — Старик неуверенно посмотрел на него, потянув себя за ус.— Но ведь весь остров — штаб-квартира Объединенной Церкви.

— Да, я знаю,— ответил Флинкс, стараясь не показаться нетерпеливым.— Я имею в виду штаб-квартиру штаб-квартиры.

— Ну,— старик посмотрел вверх и налево, снова потянув себя за ус.— Самым близким к этому будет Административный Корпус, но я не понимаю, почему бы кому-то захотелось его увидеть.— Удивительное дело, он улыбнулся, показав под своей сморщенной верхней губой белые зубы.

— Все еще ожидаешь башни из драгоценного металла и аметистовые арки, а, сынок? — Флинкс принял смущенный вид.— Я так тебе скажу: хотя на сам Корпус нечего терять зря времени, он находится в уголке, которому позавидовал бы сам Будда.

Шофер принял решение.

— Тогда поехали, я отвезу тебя туда, если уж ты так на это настроился.

Они продолжали ехать на север из Убуда, проезжая по все более и более крутым террасам, когда поднимались по старой дороге. На ней не было никаких доказательств частого движения, которого Флинкс ожидал бы на пути в штаб-квартиру штаб-квартиры. Может быть, старик был прав. Может быть, разыскиваемого им учреждения не существовало.

Может быть, он зря терял время.

Флинкс высунулся из окна и увидел, что его первоначальная оценка состояния дороги все еще оставалась в силе. Покрывавшая путь трава была высотой в несколько сантиметров. Густая и здоровая, она не показывала никаких характерных сгибов, вызванных постоянным прохождением по ней машин.

В конечном итоге машина вздохнула и остановилась. Старикан сделал Флинксу знак выбираться, после чего шофер провел его к краю отвесной пропасти.

Флинкс осторожно заглянул за край. В нескольких тысячах метров внизу на две долины лежало широкое мелкое озеро. Зелень пестрела обводненными полями и разбросанными домами фермеров.

У противоположного конца озера, неподалеку от подножия дымящейся горы Агун, раскинулась тесная группа скромных, похожих на коробки двухэтажных строений, покрытых яркой аквамариновой эмалью. Они выглядели строго утилитарными, если не просто уродливыми. Среди них не попадалось ни арок, ни башен.

В одном конце комплекса несколько антенн распустили цветы абстрактных металлических сетей, и поблизости находилась лужайка, где едва хватило бы места маленькому атмосферному челноку.

И это все?

Флинкс недоверчиво уставился на своего гида.

— Вы уверены, что это именно он?

— Да, это и есть Администранивный Корпус. Сам я там никогда не бывал, но мне говорили, что он по большей части используется для хранения старых архивов.

— Но церковная канцелярия?..— запротестовал было Флинкс.

— А, вы имеете в виду место, где собираются Советники? Это то невысокое, похожее на грейфер, здание, которое я показывал вам в самом Денпасаре, то, что рядом с солнечной научно-исследовательской станцией. Помните его? — Флинкс поискал в памяти и обнаружил, что помнит. Оно было лишь чуть более впечатляющим, чем разочаровывающее скопление зданий внизу.

— Совет Церкви собирается раз в год, и именно там принимаются его решения. Я могу отвезти вас обратно туда, если вы желаете.

Флинкс покачал головой, не в состоянии скрыть свое разочарование. Но если это был склад старых архивов, он мог содержать то, что Флинкс явился посмотреть. Если нет — ну, он мог заняться разрешением проблемы отъезда с этого острова, не навлекая на себя нежелательные вопросы. Наверное, в провинцию Индию, в Аллахабад...

— Вы сказали, что никогда не бывали внутри,— повернулся он к старику.— Церковь запрещает там появляться?

Шофера это, похоже, позабавило.

— Насколько я слышал, нет. Просто нет никакой причины появляться там. Но если вы желаете...

Флинкс двинулся обратно к машине:

— Поедемте. Вы можете оставить меня там.

— Ты уверен, сынок? — заботливо спросил старик, поглядывая на закатывающееся солнце во влажном небе.— Скоро стемнеет. У тебя могут возникнуть трудности с поиском транспорта обратно в город.

— Но я думал...— начал было Флинкс.

Старик медленно покачал головой и терпеливо объяснил:

— Ты все еще не слушаешь. Разве я не сказал тебе, что это всего лишь место хранения? Там нет никакого движения, в долине-то. Это место медленно растущих вещей, тусклое, далекое от любого городишка. Будь я Церковником, я бы скорее предпочел расположиться в Беноа или Денпасаре. Здесь одиноко. Но,— он пожал

плечами,— деньги ваши. По крайней мере, ночь будет теплой.

Они забрались обратно в машину, и он начал спуск по узкой извилистой тропе, не замеченной Флинксом раньше.

— Если вы не достанете транспорта обратно, то можете попробовать спать на земле. Берегитесь, однако, сороконожек, у них неприятный укус. Я уверен, что какой-нибудь фермер подвезет вас утром до города — если вы встанете достаточно рано, чтобы поймать его.

— Спасибо,— поблагодарил Флинкс, не сводя глаз с долины внизу. С ее сверкающим озером, притулившимся у подножия большого вулкана, она и впрямь выглядела привлекательно, хотя его внимание по-прежнему притягивала прозаическая архитектура Корпуса. Та стала еще менее впечатляющей, когда они подъехали поближе. Аквамариновая эмаль казалась застывшей на фоне богатых коричневых и зеленых цветов опоясывающей горы растительности. Когда они достигли дна долины, Флинкс увидел, что строения были лишены окон. Как и подобает, мрачно подумал он, учреждению, посвященному вещам, а не людям.

Машина остановилась перед тем, что, должно быть, являлось парадным входом, поскольку это был единственный вход. Никаких массивных скульптур, изображающих братство хьюманксов, никаких бьющих фонтанов по бокам от простой двери с двойными стеклами. В стороне было припарковано несколько непримечательных на вид машин.

Флинкс открыл дверцу и вылез. Пип пошевелился в свободных складках комбинезона, и Флинкс утихомирил своего беспокойного приятеля, пока вручал старому водителю свой картометр.

Шофер сунул его в большую цель на приборной доске и подождал, пока компактный инструмент не перестал гудеть. По завершении передачи финсредств он вручил картометр обратно Флинксу.

— Желаю тебе удачи, сынок. Надеюсь, твой визит окажется стоящим всех хлопот с прибытием сюда.— Он помахал рукой из машины, тронувшись обратно к горной дороге.

«Хлопоты — неадекватное слово»,— подумал Флинкс, крикнув ему на прощание:

— Селамат сеанг!

С минуту Флинкс постоял один перед Корпусом, слушая тихое журчание воды, падавшей с террасы на террасу. Через поля до него донеслось тихое «хут-тут» направляемого рукой фермера механического культиватора. По словам старого шофера-гида, люди тут занимались уборкой своего пятого урожая риса и начинали сеять шестой.

К этому времени Флинкса тошнило от сельского хозяйства, храмов и самого острова. Он проверит, что может предложить это не располагающее к оптимизму строение, попробует поискать в городских архивах Аллахабада и через несколько дней отправится в путь домой, на Мот, с информацией или без оной.

Он бранил себя за то, что не принял предложения служащего челночного порта и не попробовал прибыть сюда дипломатическим атмосферным челноком из Южного Брисбена. Вместо этого он зря потратил несколько недель на изучение местного языка и управления небольшой лодкой. Он ожидал встретить бронированную крепость со стенами в полкилометра толщиной, ощетинившуюся лучеметами и проекторами СККАМ. А вместо этого он оказался крадущимся по острову фермеров-рисоводов и студентов. Даже канцелярия была на каникулах.

Флинкс поднялся на несколько ступенек и прошел через двойные двери, с отвращением заметив, что они открывались вручную и не останавливали входившего. Короткий коридор выходил в небольшое округлое помещение с высоким куполом. Его взгляд устремился вверх и замер. Купол был заполнен трехмерной проекцией всех обитаемых планет галактики. Каждый мир Содружества был четко отмечен цветом и мелкими заглавными буквами на симворечи.

Флинкс изучил ее, выделив сперва Землю и Ульдом из-за их более ярких цветов, а затем перешел к Эвории, Амропулосу, Тихой Детской — все сплошь транксийские миры. Потом нашел человеческие планеты: Реплер, Мот,

Кашалот, Центавр III и V. Слабосветящиеся точки указывали аванпосты хьюманксийских исследований, окраинные миры, вроде Толстяка с его огромным запасом металов, Рийнпина с его троглодитами и бесконечными пещерами и ледяного шара далекого-предалекого Транки-ки.

Его глаза опустились к изогнутому полу помещения, и он нашел, наконец, свою мозаику, хотя узор на полу был прост. Он состоял из четырех кругов: двух, представляющих полушария Земли, и двух других — Ульдома. Они образовывали квадрат с единственной маленькой сферой в центре, касательной ко всем четырем округлым картам. Центральная сфера содержала вертикальную восьмерку голубого цвета, представляющей собой Землю, пересекаемую горизонтальной восьмеркой зеленого цвета, означающей Ульдом. Там, где они встречались, цвета сливались, создавая аквамариновый гербовый цвет Объединенной Церкви.

Целостность стен вокруг него нарушали три коридора: один исчезал вдали впереди, другие вели налево и направо. Все стены между ними были заполнены резьбой, изображающей выдающиеся личности в истории Церкви — как транксов, так и людей — в скромных позах. Самой впечатляющей была сцена, рисующая подписание Акта о Содружестве, официально объединившего Транксов и Человечество. Четвертая Последняя Надежда, Давид Малькезинский, соприкасался лбом с антеннами Триэйнта Арлендувы, в то время как иструка инсектоида была зажата в правой ладони человека.

Справа от этого рельефа были высечены некоторые основные максимы Церкви: Человек — животное, Транкс — насекомое. И тот, и другой — Братья... Не советуй создавать цивилизацию, где физическая сила не взаимодействует с психической... Если бы Бог желал, чтобы человек или транкс посвятили себя Ему, то Он не создал бы миры такими сложными... Фарисейская уверенность в собственной праведности — ключ к разрушению... Список все продолжался и продолжался.

На противоположной стене был список недавних философских сентенций, которые Флинкс с интересом

прочел. Он как раз закончил с одной, гласившей о гедонизме, нарушающем Основной Эдикт и перешел к увещеванию не доверять всему, что отдает абсолютной правильностью, когда его внимание отвлек голос.

— Не могу ли я помочь вам, сэр?

— Что?

Пораженный Флинкс обернулся и увидел вопросительно глядящую на него в ответ молодую женщину в аквамариновой рясе. Она сидела неподалеку от коридора налево, за скудно покрытым столом. Он даже не заметил ее, пока она не заговорила.

— Я спросила, не могу ли я помочь вам.

Она подошла и встала рядом с ним, глядя ему прямо в глаза. Одно это было необычным. У большинства его новых знакомых первый взгляд шел несколько ниже, к чешуйчатой фигуре, обвившейся вокруг плеча Флинкса или, как в данный момент, выглядывавшей из-за пазухи его комбинезона.

Но эта хрупкая девушка игнорировала летучего змея. Это отдавало плохим зрением или большой уверенностью в себе, подумал Флинкс. Ее безразличие к змею было первой впечатляющей вещью, встреченной им на этом острове.

— Извините,— непринужденно солгал он.— Я как раз собирался подойти и поговорить с вами. Я заставил вас ждать?

— О, нет... просто я подумала, что вы, может быть, устали. Вы уже больше часа изучали картины и надписи.

Его взгляд на миг метнулся к стеклянным дверям, и он увидел, что она говорила правду. Снаружи воцарилась тропическая ночь, черная, как совесть профессионального игрока.

Он расстроился и забеспокоился. Ощущение было такое, словно он смотрел на резьбу в маленькой купольной нише всего лишь несколько минут. Его взгляд снова направился к Трехмерной карте над головой, к инкрустированным живописным картинам и изящно высеченным изречениям. Неужели эти заботливо поднятые цвета, слова и рельефы скрывали какое-то мнемоническое устройство, заставлявшее наблюдателя что-то поглощать себе вопреки?

Его размышления были внезапно оборваны мягким голосом девушки:

— Пройдите, пожалуйста, к моему столу. Оттуда я лучше смогу помочь вам.

Все еще ошеломленный, Флинкс без возражений последовал за ней. На поверхности стола немногочисленные бумаги и несколько небольших экранов, а также кнопки на рядах панелей пультов с противоположной стороны.

— Я занималась,— оправдываясь, объяснила она,— иначе я подошла бы раньше. Кроме того, вы, казалось, наслаждались. Тем не менее я подумала, что мне лучше выяснить, не нужно ли вам чего-нибудь, поскольку мое дежурство скоро закончится, а сменившая меня также начнет игнорировать вас.

Если это была ложь, подумал Флинкс, то гладкая.

— Чем вы занимались?

— Духовным предназначением и философскими уравнениями в их отношении к демографической производной высшего порядка.

— Прошу прощения?

— Дипломатический корпус. Итак,— весело продолжала она,— чем я могу помочь вам?

Флинкс обнаружил, что снова глядит на незапертые стеклянные двери, трехмерную карту над головой, слова и изображения, высеченные на окружающих стенах. Он мысленно сопоставил их с простым экстерьером этого строения, сравнивая его со своими возвышенными воображаемыми картинами того, как ему следовало бы выглядеть.

Все встреченное им на этом острове, от скромности этого корпуса до речи шофера, было смесью простого и изощренного. Опасно ненадежная смесь. На мгновение он серьезно подумывал забыть обо всем этом деле, включая цель своего путешествия через половину Содружества, и, повернувшись, выйти из этих никем не охраняемых дверей. Он потратил немало времени из своей лихорадочной молодой жизни, пытаясь избежать внимания, и что бы он ни сказал сейчас этой девушке, это обещало доставить его к задающим вопросы.

Вместо того чтобы уйти, он сказал:

— Меня вырастила приемная мать, не имевшая никакого представления о том, кто мои родители. Я по-прежнему не знаю этого. Я не знаю наверняка ни кто я, ни откуда я взялся, и хотя это может не иметь большого значения для кого-нибудь другого, это имеет значение для меня.

— Для меня это тоже имело бы значение,— серьезно ответила девушка.— Но что заставляет вас думать, что мы можем помочь вам выяснить?

— Один мой знакомый указал, что он нашел некоторые намеки, что физически я могу совпадать с ребенком, родившимся здесь, на Земле, в городе Аллахабаде. Я знаю свое настоящее имя, каким оно стояло в... списках работорговца, но я не знаю, родовое ли это имя или данное мне уже после рождения.

— Филип Линкс.— Он произнес его старательно, отчетливо, но это все равно было не его имя. Оно принадлежало чужаку, это было имя постороннего человека. Он был просто Флинкс.

— Мне сказали, что это — Хранилище Церковных архивов, хотя,— он показал на маленькое помещение с тремя связующими коридорами,— эти здания едва ли выглядят достаточно большими, чтобы вместить даже малую долю этих архивов.

— Мы очень эффективно используем пространство,— сообщила она ему так, словно это должно было все объяснить.— Архивы по Аллахабаду хранятся здесь, так же как записи о каждом существе, зарегистрированном в Церкви.— Взгляд ее сместился, но не на Пипа.

Флинкс повернулся, думая, что она смотрит на что-то позади него. Когда он ничего не нашел и повернулся обратно, то увидел, что она улыбалась ему.

— Это ваши волосы,— легко сказала она.— Краска начинает сходить.

Его рука инстинктивно прошлась по волосам и ощутила там влажность. Когда он опустил ее, она была в черных пятнах.

— Вы слишком долго пробыли в городе. Кто бы ни продал вам эту краску, он обманул вас. Зачем вообще

красить их, рыжие достаточно привлекательны.

— Один друг думал иначе.— Он не мог сказать по ее мыслям, поверила ли она ему, но она предпочла не развивать эту тему, коснувшись вместо этого кнопки на столе.

— Аллахабад, вы сказали? — Он кивнул. Она нагнулась над столом и обратилась в микрофон.— Проверьте сведения о Филипе Линксе, родившемся в Аллахабаде.— Она подняла на него взгляд: — Как пишется?

Флинкс развел руками:

— В списке работорговца стояло именно Ф-и-л-и-п Л-и-н-к-с, но правописание могло быть и ошибочным.

— Или искаженным,— добавила она, снова обращаясь к микрофону.— Проверьте также различные варианты написания. А также все запросы о названных сведениях за последние... пять лет.— А затем отключилась.

— Но зачем это последнее? — спросил он.

Выражение ее лица было мрачным.

— Вашему знакомому не полагалось иметь доступа к вашим данным. Они касаются только вас и Церкви. И все же кто-то, кажется, сумел добыть разрешение посмотреть их. Позже вам обязательно зададут несколько трудных вопросов, если вы этот Филип Линкс.

— А если нет?

— Вам все равно будут заданы вопросы, только вы не увидите ничьих досье.— Она любезно улыбнулась.— Это, кажется, было не ваше правонарушение... хотя кому-то предстоит потерять свою рясу. Низшие ранги всегда уязвимы для подкупа, особенно когда просьба касается вроде бы безвредной информации.

— Об этом незачем беспокоиться,— заверил ее Флинкс.— Едва ли не единственное, в чем я уверен в этой галактике, так это в том, что я — это я.— Он усмехнулся.— Кто бы я ни был.

— Именно это мы и собираемся выяснить,— сказала она без улыбки.

Коль скоро личность Флинкса была установлена путем разных проверок, девушка снова стала дружелюбной.

— Уже поздно,— заметила она, когда процедуры идентификаци были завершены.— Почему бы вам не подождать и не начать свой поиск утром? Тут есть общежитие для гостей, и вы можете поесть в кафетерии с сотрудниками, если у вас есть деньги. Если же нет — вы можете притязать на благотворительность, хотя Церковь косо смотрит на прямое подаяние.

— Я могу заплатить,— сказал Флинкс.

— Отлично.— Она показала на противоположный коридор.— Следуйте за желтой полосой на полу. Она приведет вас в бюро посетителей. Там уже делами займутся они.

Флинкс направился к коридору, оглянулся:

— Что насчет поиска? Как мне начать?

— Возвращайтесь завтра к этому столу. Я всю неделю дежурю с десяти до шести. После этого вам придется поохотиться, чтобы снова найти меня. Мне придется перейти к другой черновой работе, но за остаток этой недели я могу вам помочь. Меня зовут Мона Тантиви.— Она помолчала, глядя за удаляющейся фигурой Флинкса, а затем окликнула, когда он уже вступил в коридор: — Что, если имя Филип Линкс не принадлежит ребенку, родившемуся в Аллахабаде?

— Тогда,— крикнул ей в ответ Флинкс,— вы можете называть меня как вам угодно.

Глава шестая

Отведенная ему комнатушка была маленькой и едва меблированной. Он провел час, смывая пыль минувших дней, и когда вышел из душа, его ждал приятный сюрприз: его комбинезон забрали и почистили. Хорошо, что он взял Пипа с собой в ванную.

Чувствуя себя неуютно чистым, он направился в ближайшую столовую и вскоре смешался с толпой в аквамариновых рясах и костюмах.

Само заведение было необычным. Украшенное представителями местной флоры и фонтанами, его пышность

резко контрастировала со спартанским экстерьером здания. Оно было разделено полупрозрачными панелями на три секции.

Одна секция была приспособлена для среднетемпературной зоны климата, особенно любимого людьми, в то время как район находившийся дальше всего от двери, был почти в тумане от жары и влажности для транксов, слегка суховатый и прохладный — пригодный для тех и других. Все три района были полны народу.

Он порадовался присутствию нескольких людей и транксов, носивших одежду, расцветкой отличающуюся от цветов Церкви, это помогало ему чувствовать себя куда меньше бросающимся в глаза.

Повсюду плыли запахи недавно приготовленной пищи. Хотя некоторые ароматы и были экзотическими, они не могли соперничать с невероятным разнообразием запахов, всегда присутствующим на рынке в Дралларе. Тем не менее он обнаружил, что у него потекли слюнки. Он ничего не ел после короткого завтрака в городе рано утром.

Вскоре после подачи заказа автоматическому шефповару, он был вознагражден вкусным поджаренным мясом неопределенного происхождения и ассортиментом хлебцев и овощей. Но когда он снова спросил об остальном в своем заказе, вспыхнул экранчик: «Всякие разновидности опьяняющих напитков, какими бы слабыми они ни были, в столовых Корпуса не разрешаются».

Флинкс проглотил свое разочарование — плохая замена заказанному им пиву — и удовольствовался ледяной шакой.

Пип снова обвился вокруг его плеча. Летучий змей возбудил несколько замечаний, но не страх. Посетителям — от почти детей до старейшин, переваливших далеко за сотню — почему-то было до странного безразлично, что Пип может принести им вред.

Флинкс занял себе место. Его уши были не больше нормальных, и талант — не острее обычного, но слух у него был хорошо натренированный. Чтобы выжить в Дралларе, приходилось до предела использовать возможности всех своих чувств. Прислушиваясь к разгово-

рам, идущим вокруг него в харчевне, он насыщал свое любопытство.

Слева от него пара пожилых транксов спорила о законности произведения генетических манипуляций над невысиженными яйцами. Это имело какое-то отношение к скормскому процессу в противоположность оппордийскому методу, и было много разговоров об этичности вызова мутации дородовым внушением несформировавшимся куколкам.

Охотясь за чем-нибудь менее невнятным, он подслушал, как пожилая женщина с двумя шевронами кремового цвета на рукаве платья читала лекцию группе послушников: двум людям и двум транксам. Шеврон представлял собой вышитый атом водорода.

— Поэтому, как вы видите, если проверить исследования, проведенные за последние восемь лет на Плутоне, Глоризе и Типендемосе, то обнаружится, что любые дополнительные модификации системы оружия СККАМ должны принимать в расчет жесткие ограничения, вызываемые самим осмиридием.

Через мгновение донесся еще один обрывок разговора, этот — от мужчины среднего возраста с пышной белой бородой, сидящего позади него:

— Уровни производства на Канзастане и Меж-Канзастане в секторе Брайан предполагают, что при надлежащем внеатмосферном севе производство пищевого зерна можно увеличить на целых двадцать процентов за три следующих посевных года.

Флинкс нахмурился, слушая это интенсивное бурление, но обеспокоило его не отсутствие в дискуссиях теологии. Он не мог по-настоящему судить, но даже для его натренированных ушей казалось, что в присутствии не служителей Церкви обсуждалась масса очень чувствительных вопросов. Доказывало ли это, что Церковь была неэффективной или типично хьюманксийской, он не мог решить. Хотя безопасность была не его проблемой, она, тем не менее, тревожила его, когда он закончил свой обед.

Он все еще испытывал тревогу следующим утром, когда вернулся к столу в помещении у входа. Мона

Тантиви была на дежурстве и улыбнулась, увидев его приближение. Теперь в помещении было оживленно — служители Церкви постоянно сновали из одного коридора в другой и через двойные двери входа.

— Готовы? — спросила она.

— Я хотел бы покончить с этим как можно скорее,— сказал он более резким тоном, чем собирался. Осознав, что слегка дрожит, Флинкс решительно заставил себя успокоиться.

Женщина укоряюще поджала губы.

— Не ведите себя так, словно вас ждет прививка или что-то в этом роде.

— В некотором смысле, именно так я себя и чувствую,— мрачно ответил он.

И так оно и было. Флинкс вырос с неполным знанием самого себя. Если он не найдет здесь лекарства, то, вероятно, вечно будет нести с собой этот крест.

Женщина медленно кивнула и нажала кнопку. Спустя несколько минут из ближайшего коридора вышел мужчина лет сорока с лишним, сложенный как борец. Улыбка его была очень похожа на улыбку Тантиви, и он излучал то же самое желание оказать помощь и быть полезным. Флинкс гадал, была ли эта позиция естественной или не была ли она тоже частью Церковного курса инструктажа: Развитая Манипуляция Личностью через Традиционную Лицевую Жестикуляцию, или что-нибудь похожее.

Флинкс сердито оттолкнул в сторону свой инстинктивный сарказм. Имело значение только одно: узнать то, зачем он явился.

— Меня зовут Намото,— представился с улыбкой и рукопожатием дородный житель востока.— Рад с вами познакомиться, мистер Линкс.

Флинкс сдерживающе поднял руку:

— Давайте не будем называть меня так, пока не докажем этого. Просто Флинкс, пожалуйста.

Улыбка не растаяла.

— Ладно, кто бы вы ни были. Идемте со мной и посмотрим, что мы сможем выяснить о том, кто вы такой.

После двадцати минут прогулки по переходам и без-

ликим коридорам Флинкс основательно потерял ориентировку.

— Трудно поверить, что Церковные архивы знают о каждом человеке в Содружестве...

— ...и о каждом транксе,— закончил за него Намото,— все хранится в этом маленьком здании, но это правда. Хранение информации — наука с тысячелетней историей. Искусство редуцирования документов развили до очень высокой степени. Большинство архивов в этом здании были бы невидимыми под стандартным микроскопом. Наши сканеры и принтеры работают с куда большей разрешимостью.

Он остановился перед дверью, ничем не отличавшейся на вид от сотни уже пройденных.

— Вот мы и пришли.

Единственное слово, выгравированное на полупрозрачной двери просто гласило: «Генеалогия». За этой дверью находилась ранняя история жизней миллиардов хьюманксов, хотя и не всех из них. Были еще те, кто не желал иметь никаких документов, помимо собственной эпитафии, и некоторые из них этого добились.

С другой стороны, Флинкс всю свою жизнь прожил без документов и устал от этого.

— Число ныне здравствующих Филипов Линксов может оказаться немалым,— высказал предположение Намото, открывая дверь ключом,— хотя из-за определенных просторечных осциологических ассоциаций это менее обычная фамилия, чем многие другие.

— Я знаю, что это значит,— отрезал Флинкс. Пип беспокойно переместился на плече у хозяина при внезапной вспышке мысленного насилия.

Помещение было огромным. Его большая часть состояла из кажущихся бесконечными проходов, перемежающихся с рядами ограждающего металла, тянувшегося от пола до потолка. Ни один ряд ни отличался на вид от своего соседа.

Флинкса привели к ряду из десяти кабинок. Две были заняты исследователями, а остальные были пустыми. Намото уселся перед единственным большим экраном в пустой кабинке и жестом пригласил Флинкса

сесть рядом с ним. Затем он прижал оба больших пальца к паре выемок сбоку от экрана.

Под экраном мигнул огонек, и он засветился. Намото нагнулся вперед и произнес:

— Меня зовут Сигета Намото.

Он расслабился. Возникла пауза; машина загудела, и над центром экрана мигнул зеленый огонек.

— Вы идентифицированы, падре Намото,— произнесла нараспев машина.— Жду вопросов.

— Доложите результаты поисков предшествующей ночью сведений по некоему человеку мужского пола по имени Линкс, Филип. Придержите альтернативное написание до указаний.

Он повернулся и прошептал Флинксу:

— Для начала мы будем исходить из того, что фамилия в списках работорговца указана правильно. Возможное место происхождения,— сказал он машине,— Аллахабад, провинция Индия, Земля.— Падре посмотрел на своего обеспокоенного спутника.— Сколько вам лет... или вы не знаете?

— Матушка Мастифф говорит, что мне должно быть около семнадцати, хотя она не может быть уверена. Иногда я чувствую себя так, словно мне семьсот.

— А я иногда чувствую себя так, словно мне семь,— любезно отпарировал массивный церковник, возвращая свое внимание к машине.

— Приблизительный возраст отмечен,— заявило устройство.— результаты поиска появятся.

Намото изучил список.

— Я был прав... это не обиходная фамилия. Есть сведения только о трех Филипах Линксах, родившихся и зарегистрированных в Аллахабаде за последние полвека. Только один из них вписывается в рамки вашего возраста.

Он вновь обратился к машине:

— Желательна дальнейшая информация.

Возникло короткое гудение, а затем на экране ярко вспыхнула надпись: «ЗАПРОС ПЕРЕДАЕТСЯ НА АЛЛАХАБАДСКИЙ ТЕРМИНАЛ». Затем, минуту спустя: «ПЕРЕДАЧА ЗАВЕРШЕНА... КОДОВАЯ ДЛИНА».

Намото поглядел на последовавшие цифры.

— Кажется, совсем немного сведений. Надеюсь, они стоят... — Он вдруг замолк, озабоченный,— с вами все в порядке, Флинкс? Вы дрожите.

— Все отлично... здесь немного прохладней, чем снаружи, вот и все. Скорее.

Намото кивнул:

— Декодируйте переданное.

Руки Флинкса конвульсивно сжались на бедрах, когда отпечатывалось каждое слово.

«ЛИНКС ФИЛИП... НАСТОЯЩЕЕ ИМЯ... РОДИЛСЯ В 553 Э. С., В 2933 ПО СТАРОМУ СТИЛЮ В ПРИГОРОДЕ САРНАТ БОЛЬШОГО МЕТРОПОЛИСА АЛЛАХАБАД, ПРОВИНЦИЯ ИНДИЯ, ЗЕМЛЯ».

Возникла пауза, во время которой на экране больше ничего не появлялось. Флинкс повернулся к Намото, чуть не крикнув: «И это все?».

— Спокойно, Флинкс... видите, вот еще идет. Распечатка продолжилась.

«ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ: ДАННЫЕ ПОМОГАЮЩЕГО ФЕЛЬДШЕРА И НАБЛЮДАЮЩЕГО МЕДТЕХНИКА УКАЗЫВАЮТ НА ПРИСУТСТВИЕ НЕОБЫЧНО ВЫСОКОЙ РОДОВОЙ АУРЫ В Р-ВОЛНОВЫХ ДАТЧИКАХ РОДИЛЬНОЙ ПАЛАТЫ... НИКАКОЙ НЕОБЫЧНОЙ ИЛИ ВРАЖДЕБНОЙ РЕАКЦИИ СО СТОРОНЫ МАТЕРИ... ПОКАЗАНИЯ ДАТЧИКОВ Р-ВОЛН УКАЗЫВАЮТ НА ПОТЕНЦИАЛ ВОЗМОЖНЫХ НЕНОРМАЛЬНЫХ ТАЛАНТОВ ПЕРВОГО КЛАССА...

РОДЫ НОРМАЛЬНЫЕ... НИКАКОЙ Р-ВОЛНОВОЙ РЕАКЦИИЯ, ПРИПИСЫВАЕМОЙ ТРАВМЕ... ДАННЫЕ ПОСЛЕОПЕРАЦИОННОЙ ПРОВЕРКИ В НОРМЕ.. В ОСТАЛЬНОМ РЕБЕНОК НОРМАЛЕН И ЗДОРОВ...

ВОЗРАСТ МАТЕРИ-22 Г... ИМЯ — АНАСАГА... РОДИТЕЛИ НЕИЗВЕСТНЫ...»

Намото не посмотрел на Флинкса, когда принтер закончил: «ОТЕЦ НЕИЗВЕСТЕН, НЕ ПРИСУТСТВОВАЛ ПРИ РОЖДЕНИИ...»

Флинкс с трудом постарался расслабиться. Теперь,

когда это испытание закончилось, он удивился своему напряжению. Имевшаяся информация мало что сообщила ему, а что касается последнего, то его и прежде называли ублюдком, да и намного похуже тоже. Но вся эта новая информация по-прежнему не говорила ему, являлась ли фамилия Линкс родовой или данной одному ему при рождении. Без этого — или дополнительной информации — он с таким же успехом мог и не утруждать себя.

— Имеются ли какие-либо сведения,— спросил он тихим монотонным голосом,— о послеродовом статусе...— слово это вышло теперь удивительно легко,— матери?

Намото запросил об этом машину. Ответ был короткий и красноречивый.

«МАТЬ СКОНЧАЛАСЬ... ЗА ПРЕДЕЛАМИ ПЛАНЕТЫ, В 537 Г. Э. С. ...ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОДРОБНОСТИ ДОСТУПНЫ...»

— Объясните, что...— начал было Флинкс, но Намото. знаком велел ему помолчать.

— Минутку, Филип.

Пип нервно пошевелился, когда его хозяин ощетинился.

— Не называйте меня так. Я — Флинкс, просто Флинкс.

— В любом случае, дозвольте мне еще минутку. Намото воспользовался небольшим пультом с клавишами, чтобы набрать команду машине. Из замурованных глубин раздался тихий стон. Из почти невидимой щели было вытолкнуто крошечное колесико ленты миллиметровой ширины, такое узкое, что было почти невидимым. Сразу же экран зажегся в последний раз.

«РАСПЕЧАТКА ДОСТАВЛЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ СОВЕРШЕНА... ВТОРОСТЕПЕННАЯ ИНФОРМАЦИЯ ИЗЪЯТА ДЕСЯТЬ СТАНДАРТНЫХ МЕСЯЦЕВ ДВЕ НЕДЕЛИ ЧЕТЫРЕ ДНЯ НАЗАД ОТ СЕГО ЧИСЛА...»

Глаза Намото сузились.

— Сомнений нет, кто-то шарил в вашем досье. Идентифицируйте разрешение на изъятие.

«НЕ В СОСТОЯНИИ ИСПОЛНИТЬ... РАЗРЕШЕНИЕ ИЗЪЯТО СРАЗУ ЖЕ ПОСЛЕ ИЗЪЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ...»

— Ловко,— только и смог сказать Намото.— Ваш знакомый хотел гарантировать, что никто другой не получит доступа к любой украденной им информации.

В его голове возник оконтуренный красным образ — Чаллис! Коммерсант одурачил его даже на грани воображаемой смерти. Он признался подобию Флинкса, где он приобрел сведения о Флинксе, не сочтя нужным добавить, что критической информации там больше не было.

Того, что он оставил в Церковных архивах, было как раз достаточно, чтобы удовлетворить любого случайного инспектора и предотвратить активацию любой вызываемой сокращением информации тревоги.

И Флинкс сомневался, что Чаллис дожидался его возвращения обратно в столицу. Так, значит, теперь ему придется начинать всю охоту заново, без малейшего намека на то, куда коммерсант мог сбежать на этот раз. Тихий голос поблизости что-то говорил ему. Намото отключил машину и предлагал ему пленку.

— Вот копия того, что вор оставил в архиве.

Двигаясь медленно и ошеломленно, Флинкс взял ее.

— Я сожалею об остальном, из чего бы оно ни состояло. Я подозреваю, что если вы хотите узнать, что оно содержит, вам придется снова найти своего знакомого и задать ему несколько прямых вопросов. И когда вы это сделаете, я оценил бы, если бы вы связались с ближайшими Церковными властями.— Падре не улыбался.— Кража Церковных архивов — довольно серьезное преступление. Эта пленка — и та, что украдена — во много раз увеличенный дубликат архивного оригинала. Информацию с нее может считать любой микроскопический сканер.— Он поднялся.— Если вы снова хотите просмотреть ее, воспользуйтесь машиной в кабинке через две ниши. Если я вам зачем-нибудь понадоблюсь, я буду у стола дежурного.

Флинкс медленно кивнул, когда падре повернулся и ушел.

Чаллис! Вор, несостоявшийся убийца, небрежный разрушитель чужих жизней — в следующий раз он, возможно, позволит Пипу убить его. Содружество будет немного чище, лишившись... Что-то обожгло ему плечо и чуть не сорвало с сидения.

Пип разве что не ракетой сорвался со своего насеста, достаточно быстро, чтобы оставить отметину на коже под комбинезоном Флинкса. Неуклюже запихивая в карман кассету, тот поднялся на ноги и побежал по проходу за своим запаниковавшим приятелем.

— Пип... подожди... ведь ничего же не случилось!..

Мини-минидраг уже добрался до входа. И Намото, и дежурный отодвинулись подальше от стола. Они осторожно следили за змеем, медленно отступая назад. С минуту мини-минидраг бился о дверь из полупрозрачного плексита, когда Флинкс вылетел из прохода между кабинками. Он звал рептилию устно и мысленно, молясь, чтобы змей успокоился, прежде чем кто-нибудь в порядке самозащиты выстрелит в него.

Мини-минидраг отступил, паря и извиваясь в воздухе, и разок плюнул. Громкий шипящий звук, и в двери появилась большая дыра неправильной формы. Флинкс сделал отчаянную попытку уцепиться за удаляющийся хвост, но слишком поздно — неуловимый змей уже протиснулся сквозь отверстие.

— Откройте дверь! — крикнул он.— Я должен бежать за ним!

Дежурный стоял парализованный, пока Намото не бросил напряженным шепотом:

— Открой дверь, Ена.

Тогда Ена стал быстро двигаться.

— Да, сэр. Мне следует поднять тревогу?

Намото посмотрел на Флинкса, готового вырвать дверь из паза.

— Пип никому не причинит вреда, если не почувствует угрозы мне.

— Тогда что же с ним случилось? — спросил падре, когда дверь ушла в стену. Флинкс рванулся вперед, а падре — по пятам за ним.

— Не знаю... вот он! Пип!..

Закрученный хвост как раз исчезал за поворотом коридора. Флинкс бросился следом.

На поворотах и изгибах коридоров похожего на лабиринт здания Флинкс иной раз терял своего приятеля из виду. Но пепельнолицые служители-люди и бесконтрольно дрожащие антенны транксов отмечали путь мини-минидрага очень четко. Несмотря на свою дородность, падре Намото почти не отставал от Флинкса.

Ощущение было такое, словно они пробежали километры коридоров, прежде чем настигли мини-минидрага. Пип бил кожистыми крыльями о еще один дверной проем, намного больший, чем все пока виденные Флинксом.

Только на этот раз на посту был не всего лишь один студент-дежурный. За фланкирующим цилиндрическим барьером пригнулись двое мужчин в аквамариновых мундирах. Каждый держал в руке маленький лучемет, нацеленный на парящего мини-минидрага. Флинкс увидел небольшую кучку служителей Церкви, выжидающе теснившихся в противоположном конце коридора.

— Не стреляйте! — неистово взвыл он.— Он никого не тронет!

Замедляя бег, он придвинулся поближе к своему приятелю. Но Пип отказывался отвечать на любые призывы, оставаясь решительно вне пределов досягаемости рук, продолжая биться о двери.

— Что бы там ни взбесило его, оно находится по другую сторону,— крикнул он двум вооруженным.— Пропустите его.

— Это запретная зона, парень,— ответил один из них, пытаясь разделить свое внимание между летучим змеем и этим новоприбывшим.

— Пропустите нас,— приказал слегка запыхавшийся Намото, выдвинувшись туда, где его было ясно видно. Голос охранника сделался почтительным.

— Извините, падре, мы не знали, что во главе этого вы.

— Не я, змей. Но все равно откройте двери. Под мою ответственность.

У Флинкса была всего лишь минута для того, чтобы

погадать, насколько же важной фигурой был его любезный гид, прежде чем удивительно толстые двойные двери начали расходиться. Пип протиснулся через минимальное отверстие, а нетерпеливому Флинксу пришлось подождать еще минуту, прежде чем проем стал достаточно широк, чтобы пропустить и его.

Затем он оказался на другой стороне, в коридоре, ничем не отличавшимся от любого из множества уже пересеченных им.

За исключением...

За исключением ряда из шести лифтов перед ним. Перед крайним лифтом слева ждали два падре-электа. Один был очень старым, высоким и странно деформированным человеком. Он стоял рядом с молодой транксийкой.

Когда Флинкс и Намото проскользнули в коридор, Пип парил в воздухе. Затем он вдруг спикировал на пару, совершенно игнорируя других служителей Церкви, начавших замечать присутствие в своей среде ядовитой рептилии.

— Отзовите его, Флинкс,— приказал Намото. Теперь в его голосе не звучало ни малейшего намека на уступчивость. Он держал в руке лучемет и прицелился.

Флинкс вдруг ощутил, что так сильно притягивало его приятеля. Когда Пип спикировал, горбатый старик с потрясающей ловкостью нырнул и увернулся, практически швырнув свою юную спутницу о дверь лифта. Та извернулась, когда ее толкнули. Этого было достаточно, чтобы предотвратить неприятный перелом, но слишком мало, чтобы помешать ей с силой врезаться в неподатливый металл. Сверкающие сине-зеленые ноги подкосились, и она сложилась у двери.

Необыкновенная прыть старого клирика заставила Намото и других задержаться с вмешательством. Выхватив из складок рясы свой собственный лучемет, этот человек — все еще не издавший ни единого слова, даже простого крика «на помощь» не целясь, выстрелил в Пипа. Мини-минидраг плюнул, и нечеловеческие рефлексы едва дали его мишени возможность избежать

разлагающего яда. Яд опалил отделку на стене позади незнакомца.

— Пип, этого хватит! — что-то в голосе хозяина, очевидно, удовлетворило мини-минидрага. Недолго поколебавшись, рептилия развернулась в воздухе и промчалась обратно к Флинксу. Но летучий змей все еще чувствовал себя достаточно неуютно, чтобы презреть свой обычный плечевой насест, предпочитая вместо этого оставаться осторожно парящим неподалеку от правого уха Флинкса. На несколько безмолвных секунд масса народу кратковременно объединилась в параличе неуверенности. Затем Намото разбил чары.

— В каком филиале вы работаете, сэр? — спросил он у объекта нападения Пипа.— По-моему, *я не узнаю*...

Падре замолк, так как лучемет, недавно направленный против змея, переместился на него. Пытаясь смотреть сразу во всех направлениях, державший его человек обвел смещающимся ледяным взглядом собравшуюся небольшую толпу. Никто не выступил против него, предпочитая вместо этого смотреть и ждать.

— Держитесь подальше, все вы,— предупредил, наконец, он. Акцент его был незнаком Флинксу, слова скорее высвистывались, чем произносились.

Когда старик начал пятиться к дверям, через которые только что прошли Флинкс и Намото, Флинкс осторожно прокрался бочком туда, где он мог оказать помощь пострадавшей юной транксийке. Она как раз приходила в сознание, когда он приблизился к ней. Обхватив обеими руками грудную клетку, он поднял ее на ноги.

— Он... угрожал убить меня,— оглушенно пробормотала она, все еще не слишком твердо держась на истногах и стопоруках. Он чувствовал, как ее грудная клетка-б пульсирует от неровного дыхания.

Явно снова овладев собой, транксийка обвиняюще посмотрела на швырнувшего ее.

— Он сказал, что если я не отвезу его на Командный Уровень, то он убьет меня!

— Вы не сможете выбраться из этого здания, сэр,— уведомил Намото только что обвиненного девушкой

человека.— Мне придется попросить вас положить этот лучемет и пройти со мной.— Лучемет качнулся в его сторону, и он остановился после единственного шага.

— Чтобы быть разумным, надо жить,— просвистел-проговорил старик. Не выпуская сжатого в руке лучемета, он сунул руку в складки рясы, она была, заметил Флинкс, исключительно объемистой. Минутный поиск произвел небольшой коричневый кубик, опутанный проводами и неуклюже установленными ручками.— Это стограммовый пакет келита, достаточно, чтобы убить всех в этом коридоре.— Его объяснения хватило, чтобы обратить следивших послушников помоложе в поспешное отступление.

Намото не шелохнулся.

— Никакой объем взрывчатки не поможет вам выбраться из этого комплекса,— уведомил он уже ровным голосом нервного человека.— Более того, хотя этот кубик выглядит похожим на пакет келита, я нахожу это крайне маловероятным, поскольку никакой объем взрывчатки не может попасть в этот комплекс незамеченным. Более того, я не думаю, что вы полномочный член Церкви. Если это правда, то вы не можете иметь при себе активированного лучемета.

Падре сделал еще один шаг вперед.

— Держитесь подальше, а не то узнаете, активирован он или нет! — визгливо крикнул старик.

Все глаза в коридоре были прикованы к двум главным действующим лицам в угрожающей партии, все разумные глаза.

Флинкс подумал, что увидел что-то, двигающееся под самым потолком и взглянул вдруг направо. Пипа там больше не было.

Невозможно сказать, пришла ли одновременно та же мысль в голову и старику, или он просто заметил движение над головой. Какой бы ни была причина, он нырнул и выстрелил прежде, чем Флинкс смог крикнуть своему приятелю.

Намото оказался и прав, и не прав. Крошечное оружие выглядело похожим на лучемет, но не было им. Вместо этого оно выстрелило крошечным зарядом, который

прошел, едва-едва не задев извивающееся тело мини-минидрага. Заряд ударился о противоположную стену и отскочил на пол. Чем бы там он ни был, он, что и говорить, был не взрывчатым, но Флинкс сомневался в его безвредности.

На этот раз Пип был слишком близко, чтобы от него можно было увернуться. Мощные мускулы челюстей и шеи прогнали яд через подкожную трубку в рот миниминидрага. Яд не попал в глаза, но, несмотря на свою сверхъестественную ловкость, старик не сумел полностью избежать нападения. Яд задел голову и шею. Раздался шипящий звук растворяемой плоти, и человек издал неожиданное пронзительное шипение, напоминавшее выбитый предохранительный клапан древней паровой машины.

Это был не тот звук, который могло произвести человеческое горло. Намото и Флинкс бросились к падающей фигуре. Но даже валясь, он вертел в руке кубик «келита».

Уверенность умирающего была достаточной причиной для того, чтобы Намото рухнул на пол и выкрикнул предупреждение всем остальным. Внезапно раздался приглушенный взрыв — но намного меньший, чем произвел бы келит, и он был вызван не коричневым кубиком. Несколько визгов толпы — и угроза миновала.

Когда Флинкс снова поднялся на ноги, то понял, что наблюдения Намото опять оказались неточными. Сперва лучемет проявил себя оружием, но не лучеметом. А теперь оказалось, что этот лазутчик сумел-таки пронести в комплекс минимальное количество взрывчатки, но недостаточное, чтобы причинить вред кому-нибудь еще, кроме себя. Если это и в самом деле был келит, то его было самое малое количество. Но тем не менее оно сделало впечатляющее месиво из живота этого человека. Его внутренности были рассеяны по всему коридору.

Флинкс все еще тяжело дышал, когда Пип снова устроился у него на плече. Двинувшись вперед, он присоединился к Намото в изучении остатков того, что несколько минут назад было живым существом.

С приближением смерти ум существа прояснился,

мысли его многократно усилились. Флинкс вдруг обнаружил, что его голова подверглась нападению вихря образов и слов-изображений, но не это, а то, что он уже видел один из них, потрясло его так сильно, что он споткнулся.

Флинкс почувствовал призрачное рябящее изображение толстого человека, которого он сильно желал увидеть вновь, но оставил надежду когда-нибудь вновь отыскать, Конды Чаллиса. Это виденис было смешано с миром-изображением, а изображение-мир имело название Ульру-Уйюрр. За его внимание соперничало много других образов, но неожиданное зрелище Чаллиса в мозгу умирающего лазутчика поглотило их.

Пип почувствовал ярость своего хозяина на этого индивидуума долгие минуты назад, еще в архиве. Затем эта злополучная личность внезапно — несомненно — представила себе того же самого Коммерсанта, в неблагоприятных для Флинкса отношениях. Поэтому Пип прореагировал согласно эмоциональному состоянию Флинкса. А напал бы мини-минидраг на чужака, даже если бы тот не выхватил оружия, Флинксу уже никогда не узнать.

Намото изучал труп. Взрыв был ограниченным, но сильным. Большая часть тела была уничтожена.

Протянув руку вниз, падре нащупал то, что, похоже, было куском свободной кожи. Он потянул — и кожа отстала, открывая под ней вторую эпидерму. Она была сверкающей, в пупырышках и чешуйчатой, столь же нечеловеческой, каким был тот последний крик.

Столь же нечеловеческой, как увиденные Флинксом мысли.

В толпе начал подниматься тихий пораженный ропот, продолжавшийся, когда Намото, опустившись на колени, потянул и сорвал сложную маску, создавшую фальшивую структуру лица. Когда весь череп был выставлен напоказ, Намото поднялся, и его взгляд переместился к образчику поддельной кожи, который он держал в руке.

— Липа,— буднично заметил он.

Выронив обрывок кожи, он вытер руки о подол рясы.

— Взрослый ААнн,— пробормотал кто-то в толпе.

— Здесь?!

— Но зачем? Чего он надеялся достичь, со столь малым количеством взрывчатки?

Кто-то позади толпы привлек внимание, подняв крошечный предмет.

— Кристаллический иглодрот,— объяснил тот.— Вот как он прошел мимо детекторов: никакого лучемета, никакого оружия с разрывными зарядами.

— Наверняка ведь,— обратился кто-то к Намото, он проделал весь этот путь со всеми этими детально разработанными приготовлениями не просто для того, чтобы убить кого-то из маленького игломета?

— Я тоже этого не думаю,— согласился падре, взглянув на тело.— Та взрывчатка — заряд, предназначенный для того, чтобы убить его в случае разоблачения. Но, наверное, он предназначался также для уничтожения чего-то еще.

— Какого рода чего-то еще? — поинтересовалось то же лицо.

— Не знаю. Но нам предстоит проанализировать этот труп прежде чем мы отделаемся от него,— снова опустившись на колени, Намото медленно ощупал прожженное мясо.— Что касается этого, он был хорошо вооружен, его внутренности полны размельченного кристалла. Должно быть, носил при себе несколько дюжин иглодротов.

Флинкс дернулся при этом наблюдении, начал было что-то говорить, а затем раздумал и скрыл начало фразы зевком. Он ничего не мог доказать, и в любом случае, это было безумное предположение. Кроме того, если каким-то чудом он окажется хотя бы наполовину прав, то наверняка будет с год допрашиваться Церковными следователями. И тогда он может вообще не найти Конду Чаллиса. Еще хуже, к тому времени бездушный коммерсант может уничтожить украденные им недостающие сведения. Эту оставшуюся часть в головоломке жизни Флинкса.

Поэтому он не мог позволить себе рискнуть высказать ребяческое мнение по поводу того, чем могут быть эти осколки.

В коридор вступил целый отряд служителей в мундирах. Некоторые принялись рассеивать все еще гудящую толпу, в то время как другие приступили к интенсивному изучению трупа.

Один маленький, очень темнокожий человек небрежно взглянул на органические остатки, а затем быстро подошел и встал перед падре.

— Здравствуйте, Намото.

— Сэр,— признал падре, с таким большим почтением в голосе, что Флинкса вытянуло из его собственных личных мыслей любопытство к новоприбывшему.— Он был хорошо замаскирован.

— ААнн,— заметил пучок психической энергии.— Они набрались сверхъестественной смелости, раз пытаются просунуть одного из своих сюда. Хотел бы я знать, какая у него была цель?

У Флинкса имелась одна мысль, но она составляла часть информации, которую он предпочел бы не открывать. Пусть эти блестящие церковники догадаются сами. После того как он отберет у Чаллиса потерянную часть самого себя, он сообщит им свои догадки. Не раньше.

Пока новоприбывший разговаривал с Намото, Флинкс вернул свое внимание к рою специалистов, изучавших труп. Он не впервые встречал рептилоподобных ААннов, хотя и впервые во плоти.

Между Содружеством хьюманксов и обширной звездной империей ААннов существовало непрочное перемирие. Но это не мешало рептилиям нащупывать при каждом удобном случае слабые места в человеко-транксийском союзе.

— Кто разоблачил его маскировку?

— Я, сэр,— проинформировал его Флинкс,— или скорее, мой приятель, Пип.

Он нежно погладил гладкую треугольную голову, и глаза мини-минидрага зажмурились от удовольствия.

— Откуда,— указующе спросил Намото,— змей узнал?

Он повернулся к своему начальнику и добавил для пояснения:

— Мы в то время находились в отделе генеалогии, сэр. На полпути через комплекс.

Ответ Флинкса шел по тонкой линии между правдой и увиливанием от нее. Однако то, о чем он умалчивал, было важнее того, что он сказал.

— Мини-минидраг может чувствовать опасность, сэр,— гладко объяснил он.— Пип — эмпатический телепат, и мы живем вместе достаточно долго, чтобы развить особую связь. Он, очевидно, почувствовал, что ААнн представлял угрозу, хотя и отдаленную, для меня и прореагировал соответственно.

— Очевидно,— уклончиво пробормотал себе под нос коротышка. Он повернулся лицом к молодой транксийке.— Каким образом попали в это вы, падре-элект?

Она перестала чистить антенны и вытянулась почти по стойке смирно.

— Я находилась на дежурстве у лифта, сэр. Я думала, что он — человек. Он подошел ко мне и сказал, что должен спуститься на Командный уровень.

«Спуститься на»,— в мозгу Флинкса начал вырисовываться некий неясный образ.

— Я поинтересовалась, почему он просто не воспользовался своим пропуском в лифт. По идее, никому без пропуска не позволили бы и добраться досюда. У него он имелся, и он показал его мне. Он настаивал, что либо тот не срабатывал, либо приемник лифта был не в порядке.

Она опустила глаза.

— Я полагаю, мне следовало бы тогда что-то почувствовать, но я не почувствовала.

— Откуда вы могли знать? — утешающе сказал Намото.— Как вы сказали, он же добрался досюда. Однако его личина была недостаточно хороша, чтобы одурачить компьютер безопасности лифта.

— Так или иначе,— продолжала она,— я попробовала свой собственный пропуск на лифте № 1,и тот отреагировал превосходно. Затем я попробовала его пропуск, и компьютер даже не включил надписи «Признан». Поэтому он попросил меня вызвать ему лифт. Я сказала, что лучше будет сперва проверить его пропуск на не-

исправность. Он сказал, что у него нет времени, но я заупрямилась. Вот тогда-то он и вытащил оружие и велел мне вызвать ему лифт, или же он убьет меня.

Флинкс заметил, что она все еще нетвердо стояла, несмотря на поддержку четырех конечностей.

— Затем прибыли эти два господина, как раз когда я собиралась вызвать лифт.— Она показала на Флинкса и Намото.

— Разве вы не могли включить тревогу? — грубовато поинтересовался коротышка.

Она сделала иструками сложный транксийский жест беспомощности:

— Когда он вытащил оружие, я была далеко от кнопки бесшумной тревоги на столе, сэр. Я не могла придумать причины вернуться к нему... и я была напугана, сэр. Я сожалею. Это случилось так неожиданно...— она снова задрожала.— У меня не было никаких причин подозревать, что он ААнн.

— Он выглядел человеком и для всех остальных,— утешающе сказал Флинкс. Сердцеобразная голова благодарно посмотрела на него. Хотя это лицо было неспособно улыбаться, она щелкнула ему жвалами, говоря «спасибо».

— Всякий опыт, который не заканчивается смертью, ценен,— авторитетно изрек коротышка. На этом, похоже, ее участие, с его точки зрения, заканчивалось. Его внимание снова направилось к людям, работающим с телом.

— Очистите коридор и доложите мне, как только будет завершен предварительный анализ,— резко скомандовал он.— Движения его, заметил Флинкс, были резкими, стремительными, словно он двигался так же, как и думал, стремительней, чем обычный человек. Одно из этих движений заставило Флинкса застыть под проницательным взглядом.

— Интересный у тебя приятель, сынок. Эмпатический телепат, говоришь?

— С планеты, называемой Аляспин, сэр,— любезно снабдил его информацией Флинкс.

Коротышка кивнул:

— Я знаю о них, но никак не ожидал увидеть хотя бы одного. И уж, разумеется, не прирученного. Он чувствует опасность для тебя, хм-м-м.

Флинкс слегка улыбнулся:

— Из него получается очень хороший телохранитель.

— Смею надеяться.— Он протянул руку, слишком большую для его тела.— Я — Младший Советник Джошуа Джив.

Теперь Флинкс понял причину того почтения, что оказывалось этому человеку. Он медленно пожал ему руку.

— Никак не ожидал встретить кого-нибудь, столь высоко стоящего в Церковной иерархии, сэр.— Хотя и не добавил, что в лице Брана Цзе-Мэллори и Трузензузекса, охотившихся с ним за тар-айимским Крангом, он встречал носивших одно время и еще более высокое звание.

— Я возглавляю службу безопасности Корпуса,— снова резкий поворот головы, вместо нормального, лицом к Намото.

— Что вы знаете об этом юноше?

— Он прошел долгий путь в поисках своих природных родителей. Я делал все, что в моих силах, чтобы помочь ему обнаружить их следы.

— Ясно.— Джив снова круто обернулся к Флинксу.— Вам, несомненно, не терпится уйти.

— Я здесь сделал все, что мог,— признался Флинкс. Джив мог оказаться человеком, задающим неудобные вопросы, которых всегда страшился Флинкс.

Младший Советник напоминал ему каниша, небольшого, сверхактивного, мелкого хищника, обитавшего в холодных лесах Мота. Это был быстрый, востроглазый убийца, чьи движения было также трудно засечь, как приглушенное ругательство в толпе, и являлся угрозой существам, во много раз превосходящих его размерами.

Как и этот Джив, подозревал Флинкс. Этот человек слишком уж заинтересовался Пипом и отношениями мини-минидрага с Флинксом. Было, однако, трудно сосредоточиться на Дживе, когда в голове Флинкса все

еще бушевал шторм от знания, что Конда Чаллис появился в мыслях умирающего ААнна. Какое имел отношение ящер к человеку-коммерсанту?

— С вами все в порядке, Флинкс? — озабоченно поглядел на него Намото.— Вы выглядите ошеломленным.

— Так оно и было. Я мысленно переносился домой... куда должны бы отправить мое тело.

— И куда же это? — заинтересованно осведомился Джив.

Черт бы побрал этого субъекта!

— На Центральную торговую планету под названием Мот, в город Драллар.

На лице Советника появилось задумчивое выражение.

— Я знаю этот мир. Интересная, слабонаселенная планета, с долгой историей поселения. Очень независимо настроенный народ. Местное правительство, если я не ошибаюсь, демократическая монархия.

Флинкс кивнул.

— Я думаю, точнее было бы сказать безразличная монархия,— рискнул заметить Намото.

Советник улыбнулся:

— С точки зрения местных это одно и то же.

Он даже улыбается как каниш, заметил про себя Флинкс.

— И ты говоришь, сынок, что можешь иногда ощущать его мысли, а он — твои?

— Чувства, а не мысли, сэр,— поспешно поправил Флинкс.

Советник, казалось, с миг обдумывал, прежде чем спросить:

— Я хотел бы знать, не мог бы ты уделить мне минуту-другую? Мы не задержим очень надолго твой отъезд. Если ты только отправишься с нами вниз...

— Сэр...— хотел было перебить Намото, но Советник отмахнулся от его возражения.

— Это не имеет значения. Юноша наблюдателен, и он уже более чем достаточно услышал о том, что есть уровни и ниже видимого на поверхности Корпуса. Я ду-

маю, он достаточно зрел, чтобы знать, когда надо держать язык за зубами и о чем не нужно свободно болтать.

Он пристально посмотрел на Флинкса.

— Не так ли, сынок?

Флинкс энергично кивнул, и Советник вознаградил его еще одной плотоядной улыбкой.

— Хорошо... мне нравится свободный дух. Так вот, у нас имеется одна небольшая проблема, которую мы были не в состоянии разрешить. Возможно, ты сумеешь подойти к ней иначе, чем все остальные. Все, о чем я прошу тебя — это сделать для нас усилие. После, безносительно к результатам, мы посадим тебя в атмосферный челнок, и можешь бесплатно отправляться куда угодно на Земле. Что скажешь?

Поскольку он не очень-то мог отказаться от этого предложения, не сделав Советника вдвое подозрительнее к своим странным способностям, чем тот уже был, Флинкс весело улыбнулся и ответил с чудной имитацией невинного энтузиазма:

— Я, конечно, буду счастлив сделать все, что могу!

— Я думал, что ты так и скажешь. Я на это надеялся. Падре Намото, вы вполне можете присоединиться к нам, это может оказаться поучительным. Ваши обычные обязанности может временно исполнять кто-нибудь другой.— Он показал на труп рептилии.— Служба безопасности еще довольно долго будет разбираться с этим месивом.

Затем он повернулся лицом к молодой транксийке:

— Падре-элект Сильзензузекс, вы собирались вызвать лифт. Сделайте это теперь.

— Да, сэр.

Она, похоже, полностью отошла от шока своего почти похищения. Ответив на просьбу Советника отданием чести иструкой и левой антенной, она подошла к ближайшей двери лифта и вставила в щель справа от него сложную трехзубчатую карточку.

Вслед за хитрым толчком с поворотом карточки, щель немедленно вспыхнула мягким зеленым светом. Соответсвующее сигнальное устройство мигнуло над дверью и три раза бибикнуло. Бесшумно скользнув

в сторону, дверь открыла кабину лифта удивительных размеров.

Флинкс вошел вслед за падре-элект. Что-то... что-то в ней ворошило знакомые воспоминания. Мысль эта растаяла, когда его внимание захватил ряд цифр на доске прямо за дверью.

В нисходящем порядке цифры на панели гласили: 2-1-0-1-2-3 и так далее вплоть до двенадцатого. Двенадцать этажей ниже уровня земли и только три выше. Он мысленно улыбнулся, вспоминая. Теперь он был уверен, что его таксист был чем-то большим, чем просто разговорчивым стариканом. Но он не солгал Флинксу, он просто описал Корпус таким, каким он был снаружи, не потрудившись упомянуть то, чего нельзя было увидеть.

Транксийка вставила карточку в щель под панелью с цифрами. Флинкс увидел, что там не было никаких кнопок или других приборов управления. Кто-нибудь без карточки мог силой открыть дверь в лифт, но без этой хитрой штучки треугольной формы его нельзя было активировать.

Она чуть склонила голову в сторону Джива:

— Сэр?

— Седьмой уровень,— указал ей Советник.— Квадрат тридцать три.

— Это госпиталь, не так ли, сэр? Я не очень часто направляюсь в эту сторону.

— Совершенно верно, падре-элект.

Вставив карточку в щель, транксийка сделала ею еще один сложный поворот. На панели вспыхнула цифра семь, а на материале самой карточки появилась длинная серия крошечных цифр. Твердо держа карточку на месте, падре-элект просунула один зубец до цифры 33. Как только этот огонек был накрыт, дверь закрылась.

Флинкс почувствовал, что лифт движется вниз, набирает скорость и смещается в направлениях, за которыми он не мог уследить. Складывая перемены направления с их приблизительно постоянной, плавной скоро-

стью, он быстро решил, что они больше не находились под видимой частью Корпуса.

Когда дверь, наконец, скользнула вбок, Флинкс шагнул в толпу людей и транксов, поражавшую своей плотностью. Здесь в одежде преобладал белый цвет, хотя каждый мундир, ряса или комбинезон были помечены в том или ином месте опознавательным аквамарином.

Джив и Намото показывали дорогу, в то время как Флинкс отстал позади, держась рядом с юной транксийкой. Не дающее ему покоя предположение насчет нее, переросло в уверенность.

Она, однако, заговорила первая, положив изящную иструку на его свободное плечо:

— Мне не представилось случая поблагодарить вас и вашего приятеля за спасение моей жизни. Мне стыдно за свою задержку. Примите эту благодарность сейчас.

Он глубоко вдохнул ее естественный аромат.

— Все благодарности положены Пипу, а не мне,— смущенно промямлил он.— Послушайте, как вас там назвал Советник?

— Падре-элект. Это звание приблизительно.

— Не это,— поправил с любопытством он.— Ваше имя.

— А... Сильзензузекс.

— Оно должно расчленяться как Сил, из семейства Зен, клана Зю, улья Зекс?

— Совершенно верно,— признала она, ничуть не удивившись. Любой человек мог расчленить транксийское имя.— А ваше?

— Флинкс... Да, так прозывают. Но у меня есть еще одна причина удостовериться в вашем, выходящем за рамки обмена опознавательными знаками.

Они свернули за поворот в коридоре с пастельными стенами.

— Видите ли, по-моему, я знаю вашего дядю...

У транксов негнущиеся сочленения, но крайне уверенный шаг. Тем не менее заявление Флинкса заставило его инсектоидную спутницу споткнуться. Многолинзовые глаза пораженно уставились на него.

— Моего... что?

Флинкс поколебался, когда они еще раз свернули за угол. Интересно, насколько простирался в ширину этот подземный мир, гадал он. Наверное, на всю площадь острова?

— Я, может быть, неправильно понял произношение,— неуклюже стал оправдываться он.— Но разве вы не в родстве со старым философом Трузензузексом?

— Повторите еще раз,— настойчиво попросила она. Он так и сделал.

— Вы уверены, что ударение на семейном слоге? — утвердительный кивок.

— Я не уверена, что «дядя» будет подходящим земшарским аналогом, но, да, мы состоим в близком родстве. Я несколько лет не видела Тру, со своего отрочества.

— Вы хорошо его знаете?

— Вообще-то, нет. Он был одним из тех детских богов, понимаете, взрослый, которому поклонялись другие взрослые? Как вам довелось познакомиться с ним?

— Мы не так давно были спутниками в одном путешествии,— объяснил Флинкс.

— Он, знаете, был эйнт,— задумчиво продолжала она.— Очень знаменитый, придерживавшийся очень спорных воззрений. Слишком спорных, по мнению многих в Клане. Потом я услышала, что он покинул Церковь...

Предложение быстро умерло.

— В Клане это не обсуждалось. Я практически ничего о нем не слышала с тех пор, как он много лет назад исчез и занялся частными исследованиями совместно с человеческим партнером по стингеру своей юности.

— Браном Цзе-Мэллори,— добавил, вспоминая, Флинкс.

Девушка снова чуть не споткнулась:

— Никогда не знавала человека столь наполненного нектаром неожиданного. Вы странное существо, человек Флинкс.

Когда поднимался вопрос о его странности, это всегда было подходящим моментом сменить тему.

Он показал наверх:

— Так значит, Архивный Корпус над землей немногим больше, чем камуфляж настоящего центра Церкви.

— Я...— она посмотрела вперед, и Флинкс заметил, что Советник не упустил ни единого слова из их разговора, судя по быстроте, с которой он ответил.

— Валяйте, скажите ему, падре-элект. Если мы не скажем, он, вероятно, все равно угадает это. Как насчет этого, сынок, ты, часом, не ясновидящий?

— Если бы я был им, я бы не спрашивал, не так ли? — нервно отпарировал Флинкс, пытаясь скрыть свое нарастающее беспокойство из-за наводящих замечаний Советника. Он должен выбраться отсюда. Если он будет все еще здесь, когда слух о его необыкновенном побеге на Ульдоме просочится до уровня Джива, ему могут никогда не позволить уйти. Он станет тем, чего он всегда старался избежать: курьезом, изучаемым вдоль и поперек, словно наколотая бабочка под стеклом.

Но он не мог повернуться и убежать. Ему придется подождать, пока это не закончится.

Теперь, когда ей дали разрешение, Сильзензузекс с энтузиазмом объяснила:

— Наземный Корпус используется полностью, но большая часть сооружения простирается под значительной частью Бали, во многих направлениях. Есть только два входа и выхода. Через архивный центр, сейчас находящийся выше и позади нас, и через подводный челночный порт перед Ломбоком,— ее глаза заблестели.— Это чудесное место. Столь много материала для изучения. Столь многому можно научиться здесь, Флинкс!

Реакция Флинкса пока отнюдь не походила на безграничный энтузиазм. Он подозревал, что Сильзензузекс происходила из довольно изнеженной семьи. Его

собственное радостное доверие к почитаемым людям и учреждениям умерло где-то между восьми- и девятилетним возрастом.

Он заметил, как флюоресценция над головой наполняла ее огромные глаза постоянно меняющимися радугами.

— Активное вулканическое горло горы Агунг перехвачено каналом и контролируется. Оно обеспечивает всю энергию, требующуюся Церковному Комплексу. Весь остров совершенно самообеспечивающийся и замкнутый на себя. Он...

Она оборвала фразу, когда Намото и Джив остановились перед дверью, охраняемой с обеих сторон двумя Церковными Часовыми в аквамариновых мундирах. Их внешняя непринужденность, почувствовал Флинкс, была обманчивой, так же как кажущаяся небрежность, с которой они держали лучеметы.

Произошел обмен надлежащими удостоверениями, и их пропустили в намного меньший коридор. Два добавочных просвечивания еще шестью вооруженными людьми и транксами доставили их, наконец, ко входу в скромную палату. В центре этой комнаты находилась узкая койка. Она была, словно паук в паутине, в сверкающей массе крайне сложной медицинской аппаратуры.

Когда они подошли к койке, Флинкс увидел, что она содержала единственного неподвижного человека. Глаза его были открыты, уставясь в ничто. Косвенное, старательно отцентрированное освещение гарантировало, что его пустым глазам не будем вреда, и крошечное устройство регулярно увлажняло застывшие открытые орбиты. Бодрствующий, но не в мире яви, в сознании, но не осознающий человек плавал нагим, если не считать проводов и трубок, на постели из прозрачного медицинского желатина.

Флинкс попытался разобраться в путанице проводов, кабелей и трубок, которые только не переходили в металлическую мумификацию, и решил, что больше всего неподвижный человек напоминал сверхутилизированный энергетический терминал.

Джив взглянул на спящего.

— Это Мордекай Повало.— Он повернулся к Флинксу: — Слышал когда-нибудь о нем?

Флинкс не слышал.

Советник нагнулся над неподвижной фигурой.

— Он уже не одну неделю колеблется между жизнью и смертью. В определенные дни он показывает некоторые слабые признаки улучшения. В другие же дни требуются усилия дюжины врачей, чтобы сохранить ему жизнь. Осталась ли у него какая-то воля к жизни — никто не может сказать. Техники настаивают, что его мозг все еще активен, все еще функционирует. Тело его терпит машины, поддерживающие его работу. Хотя глаза его открыты, мы не можем сказать, регистрируют ли они образы. Одно лишь то, что его визуальные центры продолжают действовать, не значит, что он что-нибудь видит.

Флинкс обнаружил, что его так и тянет к застывшей фигурке.

— Он когда-нибудь выйдет из этой комы?

— По мнению врачей, это не совсем кома. У них нет еще для этого термина. Чем бы это ни было... нет. Они ожидают, что он будет оставаться в таком состоянии, пока его мозг не откажет или его тело не отторгнет, наконец, систему жизнеобеспечения.

— Тогда зачем же,— захотел узнать Флинкс,— сохранять ему жизнь?

На Эвории обитал транкс диэйнт по имени Тинтонурак, прославившийся на весь свет своим блестящим умом — хотя в настоящее время он выглядел счастливым идиотом.

Конечно, его инсектоидное лицо не могло произвести человеческого выражения, но за годы, прошедшие после Слияния, люди научились читать выражения транксов с такой же точностью, с какой их квазисимбиотические насекомые-помощники научились интерпретировать человеческие.

Никакой человек или транкс не заметил в данный

момент его выражения, выражения, чуждого лицу самого прославленного члена своего Улья.

Глава своего Клана, он был гордостью своих дядей и теток, своей улье-матки и своих настоящих родителей. Особая магическая сила Тинтонурака заключалась в способности претворять в реальность концепции и замыслы других — потому что он был Мастером-фабрикатором, или прецизионным инженером. Его механические создания не только улучшали первоначальные наброски задумавшего их, они были столь же привлекательны на вид, как и в высшей степени функциональны. Среди его поклонников бушевали споры относительно того, не правильнее ли считать их кумира скульптором, чем инженером.

Среди его многочисленных произведений числились: устройство, аккуратно устранявшее сильную человеческую болезнь, многосложная энергетическая система для гидроэлектростанций, преобладающих на транксийских планетах, и улучшение системы управления огнем для иногда неточной и все же неотразимой системы оружия СККАМ, которая была главной опорой соединенного хьюманксийского мироблюстительного флота. Были еще и другие, более экзотерические, чем можно было поверить, которые только его магия могла преобразить в действующие устройства.

Но ни одно из его изобретений не было причиной его легкомысленно-довольного выражения лица в этот восьмой месяц Хвостового конца Сезона Высокой Пыльцы на Эвории. Источником его удовольствия был сверкающий предмет, который он держал сокрытым в ящике рабочего стола. Теперь он уставился на него, упиваясь его посланием и блеском, сидя за работой в лаборатории с шестью помощниками, занимающимися вокруг него делами. Все они были сами по себе уважаемыми учеными и инженерами. Из этой группы четверо были транксами, а двое — людьми. Это было мерой восхищения, вызываемого Тинтонураком, что такие люди добровольно вызвались служить ему помощниками, когда они легко могли бы получить собственные лаборатории и сотрудников.

Жвалы диэйнта задвигались в транксийском смехе,

когда он хохотнул при новой мысли. Какая любопытная вещь пришла ему в голову! Что будет, если соединить два жидких металла в колбах его левой иструки с катализатором-растворителем, запертом в контейнере на другой стороне помещения.

Действуя словно в полусне, Тинтонурак подошел к шкафчику и достал растворитель. Вернувшись обратно в кресло, он открыл, что удовольствие стало глубже и тоньше, когда он предпринял этот курс действий.

Дриденвопа работал вместе с человеком Кэссиди, но не настолько интенсивно, чтобы не заметить действий диэйнта. Отвлеченный, он оставил свою работу и уставился, глядя, как Тинтонурак вылил сиропное содержимое одной колбы в другую. Похожие на составленные из драгоценных камней глаза неуверенно сверкнули, когда содержимое переполнившейся колбы выплеснуло новую смесь на стол, а затем на пол. Диэйнт производил свои физические манипуляции столь же чисто, как и мысленные, и это было непохоже на него. Равно как и маска чистого, бездумного восторга на его лице. Дриденвопа сделал было замечание, но затем сдержался. Диэйнт наверняка знал, что делал. Эта успокаивающая мысль отправила его обратно к собственной задаче, пока и он, и Кэссиди, не заметили, что диэйнт переложил контейнер с яркой этикеткой из стопоруки в иструку.

— Разве это не...— начал было человек Кэссиди на симворечи, универсальном галактическом диалекте, когда диэйнт открыл контейнер. Вместо того чтобы закончить вопрос, он издал странный нечеловеческий вой и попытался преодолеть метры разделяющих столов и оборудования, прежде чем случится неизбежное. Но он оказался не в состоянии добраться туда вовремя, чтобы помешать небольшой порции безвредной жидкости из контейнера попасть в колбу безвредной смеси жидких металлов. Вместе эти безвредные вещества создали быстро растущий шар, настолько горячий и интенсивно излучающий, что заставлял белый фосфор казаться арктически холодным.

Несмотря на увеличившийся накал, Тинтонурак сосредоточился на приятной красоте внутри предмета...

Всегда эффективная пожарная команда местного транксийского муниципалитета прибыла со своей обычной быстротой. Все, что они увидели — лишь опаленный участок между двумя зданиями. Невероятный жар испепелил металлические стены лаборатории. Ее органические обитатели погибли.

Следователи решили, что кто-то совершил необычную, но все же возможную ошибку. Даже самый блестящий ученый мог совершить роковую оплошность, даже транкс мог смертельно ошибиться, загипнотизированный великолепием, которое следователи могли бы понять, не будь оно кремировано вместе с остальным содержимым лаборатории, как и было отмечено.

Джив поразмыслил над вопросом Флинкса.

— Потому что он симптоматичен для того, что в последнее время происходило в внушающей беспокойство частотой по всему Содружеству. Большинство отказывается видеть в этом какую-то закономерность, какую-то связь между происшествиями. Очень немногие, среди них и я, не столь уверены, что эти события не взаимосвязаны.

За последние несколько лет важные лица с уникальными талантами проявляли тревожную тенденцию разносить себя в клочья, иногда — заодно с равно уникальной аппаратурой. Взятые индивидуально, эти происшествия затрагивают только жертвы. Взятые коллективно, они представляют собой нечто опасное для великого множества других.

Молчание в палате нарушалось только эффектным гудением системы жизнеобеспечения, жутковатым сопением механического зомби.

— Из дюжины случаев, Повало — единственный, кто не вполне основательно разделался с самим собой. Хотя, при всем том, что составляет разницу, он мог бы с таким же успехом быть мертвецом. От него, безусловно, теперь мало толку для него же самого.

— Вы говорите, что некоторые из вас считают эти самоубийства связанными между собой,— рискнул спро-

сить Флинкс.— Вы обнаружили что-нибудь, объединяющее их?

— Ничего достоверного,— признал Джив.— Вот потому-то нас так мало. Все они, однако, имеют одно общее. Похоже, что ни у кого из жертв не было никакой причины желать покончить с собой. Лично я думаю, что это крайне многозначительно. Но Совет не согласен.

Флинкс не проявил большого интереса. Сейчас настало время отбросить личное любопытство и заняться сматыванием удочек.

— Что вы хотите от меня?

Джив подошел к ближайшему креслу и рухнул в него.

— Повало был богатым, умным, вполне владеющим собой инженером, занимавшимся важными исследованиями. Теперь он растение. Я хочу знать, почему подобный человек... почему многие подобные люди и транксы вдруг находят необходимым убить себя. Да, убить себя... я не могу называть это самоубийством, когда на самом деле считаю, что тут нечто иное.

— Что мне предлагается сделать? — осторожно спросил Флинкс.

— Ты засек того проникшего ААнна, когда никто другой не подозревал о его присутствии.

— Это была просто случайность,— объяснил Флинкс. Он почесал Пипа под челюстью.— Это происходит, только когда Пип возбуждается, когда он воспринимает возможную угрозу мне.— Он показал на Повало.— Ваш пациент едва ли угроза.

— Я ничего не ожидаю,— успокоил его Джив.— Я просто прошу тебя попробовать. После того, как у тебя не получится, я попробую гадальщиков на картах и чайных листьях.

Флинкс безупречно вздохнул.

— Если вы настаиваете...

— Прошу,— мягко напомнил ему Советник,— а не настаиваю.

Семантика, сардонически подумал Флинкс, но послушно повернулся лицом к койке и сосредоточился на занимавшем ее обмякшем теле. Он постарался проник-

нуть за эти незрячие глаза, больше боясь того, что может что-то найти, чем того, что не найдет.

Почувствовав усилие своего хозяина, Пип рефлекторно сжал ему плечо. Флинкс без большой уверенности надеялся, что Джив не заметит реакции мини-минидрага. Он почему-то не учел того, что самого его беспокойства, когда он сосредоточился на Повало, будет достаточно, чтобы стимулировать Пипа. Тут имелась-таки угроза, даже если только у него самого в голове.

Никакой слабый туман не заволакивал его зрения. В его ушах не звучало никакой отвлекающей ритмичной музыки. Койка, ее кокон из проводов, сверкающая аппаратура и полупрозрачный раствор желатина — все было ясным для его глаз, как всегда. И все же... В мозгу у него было что-то, виденное им без этих глаз, что-то, чего там не было минуту назад.

Оно было частью существа на койке.

Молодой человек в расцвете юности — идеализированное искажение Мордекая Повало — ухаживал за женщиной сверхъестественной красоты. Они вместе плавали в густых кучевых облаках, насыщенных влажной любовью. Они бок о бок экстатически ныряли в зеленые глубины мелкого океана. Время от времени фигуры слегка изменялись по сложению, расцветке, но тема всегда была той же самой.

Без предупреждения женщина исчезала: уплывала, улетала, убегала, в зависимости от обстановки данного момента. Безнадежно обезумевший от горя мужчина шел к рабочему столу, нажимал кнопку на крошечном пульте, делавшем все снова хорошим.

В великолепии юности Повало еще ухаживал за гибкой грациозной женщиной, вихрясь и кружась около нее в любовных поворотах, когда они плыли среди розовых облаков...

Флинкс разок моргнул и отвел взгляд от койки. Джив внимательно наблюдал за ним.

— Сожалею,— тихо проговорил он.— Я не смог ничего заметить.

Советник еще с минуту пристально смотрел на него, а затем обмяк в кресле. Он, похоже, состарился на десять лет.

— Я получил то, что ожидал. Спасибо за попытку, Флинкс.

— Я могу теперь уйти?

— Хм? О, да, конечно. Падре-элект,— обратился он к Сильзензузекс,— вам лучше пойти с нашим юным другом и показать ему выход.

Затем он снова посмотрел на Флинкса.

— Я распоряжусь о бланке с поручительством для путешествия в любое место на Земле. Ты можешь забрать его на выходе.

— Если вы не против, сэр,— заявил Флинкс,— то я хотел бы сделать еще один заход в Архивы. Я думаю, что смогу найти информацию, относящуюся к моим родителям. И я хотел бы просмотреть копию уже полученной мною информации.

Джив недоуменно посмотрел на Намото, и тот напомнил ему:

— Родители этого паренька, помните?

— Да. Естественно, мы с радостью предоставим любую помощь, какую в состоянии оказать. Падре-элект, вы можете посодействовать нашему другу Флинксу в поисках любой требующейся ему информации. Одно последнее замечание, сынок,— закончил Джив, снова сумев слегка улыбнуться.— Если ты наткнешься еще на каких-нибудь визитеров, пахнущих словно старый пиджак, вместо человека или транкса, пожалуйста, сообщи об этом, прежде чем твой приятель убьет их, а?

— Сообщу, сэр,— согласился, улыбнувшись в ответ, Флинкс. Его облегчение, когда они покинули комнату, было огромным.

— Куда вы хотите отправиться? — спросила Сильзензузекс, когда они снова вышли в главный коридор госпиталя.— Обратно в «Генеалогию»?

— Нет... я думаю, что получил оттуда все, что мог. Давайте-ка попробуем ваш отдел Галографии. Мне думается, я смогу обнаружить мир, куда переселились мои родители.

Это была ложь.

— Никаких проблем,— заверила его Сильзензузекс, вежливо щелкнув жвалами.

Когда они продолжали идти по коридору, Флинкс размышлял над тем, что он увидел в мозгу Повало. Идеализированное видение его самого, женщина, облака, моря и пологие холмы — все мягкие, простые образы несложного рая.

За исключением пульта. Все было золотистым, красным и зеленым. Он, конечно же, видел не реальность, а всего лишь симуляцию ее, которую коматозный инженер принимал за реальность.

Эти простые цвета. Странные очертания тел. Флинкс видел их раньше.

Как раз перед своей смертью инженер Мордекай Повало имел и играл с Янусским Камнем.

Камень Повало, естественно, привел Флинкса к мыслям о Конде Чаллисе и его собственном кристаллическом театрике.

Конда Чаллис присутствовал в мозгу у проникшего ААнна, наряду с неизвестной планетой Ульру-Уйюрр.

Причудливая серия случайных совпадений, которая, несомненно, никуда не вела. Плевать на ААнна и проклятие, лежащее на бедном Мордекае Повало. В мозгу у Флинкса сейчас не было места ни для чего, кроме Чаллиса и изъятой им из Церковных архивов информации.

Вот потому-то он и направлялся в «Галографию». Его родители... они могли очень даже просто умереть прямо здесь, на Земле. Чтобы выяснить наверняка, он должен найти Чиллиса, а коммерсант вполне мог сбежать на незнакомую планету, вроде этого Ульру-Уйюрра, если такой мир и в самом деле существовал, а не был всего лишь каким-то аспектом неправильно истолкованного Флинксом мышления ААнна.

Ощущение возникло такое, словно они шли много часов, прежде чем снова добрались до ряда лифтов. Сильзензузекс снова применила сложную карточку-ключ, и они отправились в путь по пандусу на другой этаж.

Уровень, на котором они, в конечном итоге, вышли, был пустынен и не шел ни в какое сравнение с суетой госпитального сектора. Она провела его мимо дверей

с выгравированными на них сосавными названиями, пока они не вошли в ту, которую искали.

Внешне, «Галография» выглядела дубликатом «Генеалогических Архивов», за одним исключением. Это помещение было меньше и содержало больше кабинок. И к тому же дежурная здесь была намного моложе встреченной им прежде.

— Мне требуется некоторая помощь в розыске неизвестной планеты.

Дежурная гордо вытянулась:

— Нахождение информации ликвидирует неизвестность. Это — естественный строительный блок Церкви, на котором должны основываться все другие исследования. Потому что без доступа к знаниям как же можно узнать об узнанном?

— Пожалуйста,— вежливо попросил Флинкс,— не больше двух максим на речь.

За его спиной жвалы Сильзензузекс щелкнули в елеele придушенном веселье.

Профессиональная улыбка дежурной застыла.

— Вы можете воспользоваться катушками с каталогом, в трех проходах прямо,— показала она.

Флинкс и Сильзензузекс прошли к указанному ряду.

— Мир, который я хочу проверить, называется Ульру-Уйюрр.

— Уйюрр,— отозвалась она на симворечи, и это странное слово прозвучало естественней, когда произносилось ее ориентированным на согласные голосом. Флинкс внимательно следил за ней, но она не подала никаких признаков, что когда-нибудь прежде слышала это название.

Он не мог сразу решить, хорошо это или плохо.

— Это симворечевое написание? — спросила она после того, как он устроил спектакль с попыткой вчерне прикинуть, как же выглядит это название в письменном виде.

— Лента не говорит наверняка. Могут быть вариации. Давайте, однако, сперва попробуем фонетическое написание.— Дежурная, похоже, слегка заколебалась, гадая, наверное, могла ли быть Церковная лента столь

неопределенной. Но вариантное написание бывало и у намного лучше известных миров, напомнила она себе.

Они пошли по проходу между огромных, почти ничем не примечательных стен банков хранилища информации. В этих металлических брустверах, знал Флинкс, хранились триллионы битов информации о каждой известной планете в пределах и за пределами Содружества.

Эти архивы, вероятно, имели приложение, похороненное где-то под ними в истинном лабиринте Комплекса Корпуса, приложение, закрытое для случайного просмотра. По этой причине, если разыскиваемая Флинксом планета случаем имеет какой-то секретный, запретный характер, ее может и не оказаться в здешних катушках.

Он был несколько удивлен, когда они нашли то, что, похоже, было нужным отделением. Сильзензузекс нажала кнопку поблизости, и металлическая стена ответила устным подтверждением.

— Это может быть иной Ульру-Уйюрр,— предупредила она его, изучая ярлыки и мелкую печать, идентифицировавшие футляр катушки.— Но похоже, что нет никаких ссылок на другой мир со схожим названием.

— Давайте попробуем его,— нетерпеливо сказал Флинкс.

Она вставила карточку-ключ в соответствующую щель. Это устройство было намного проще того, которое управляло лифтами на многих уровнях. Они были вознаграждены крошечной катушкой с тонкой, как нить, лентой. Она прищурилась, глядя на нее — правда, это просто интерпретация ее жестов в человеческих понятиях, ведь у транксов нет век.

— Так, вообще-то трудно сказать, но впечатление такое, что эта лента содержит мало сведений,— сказала, наконец, она ему.— Иногда, однако, можно найти катушку, которая смотрится так, словно она содержит двести слов, а на самом деле имеет два миллиона. Эту систему могли бы сделать более эффективной.

Флинкс удивился, что кто-то мог назвать такую систему неэффективной. Но, напомнил он себе, даже самых низших членов Церковные иерархи постоянно убеждали находить средства улучшить организацию.

Они называли это духовной методологией.

Было занято только несколько кабинок. Они заняли одну в конце ряда, изолированную от других.

Флинкс взял стул, принесенный для людей, в то время как Сильзензузекс сложилась на узкой скамейке, сделанной для транксов, и вставила фрагмент запечатанного пластика в порт считывателя. Затем она, применяя ту же процедуру, что и ранее Намото, активировала видеоэкран. Тот сразу же засветился.

Был показан ожидаемый статистический профиль: Ульру-Уйюрр был примерно на двадцать процентов больше Земли или Ульдома, хотя и имел гравитацию лишь немного сильнее. Его атмосфера была неусложненной, пригодной для дыхания и содержала много воды. На обеих полюсах имелись обширные ледяные шапки. Дальнейшей характеристикой прохладного климата планеты была степень внешнего оледенения. Это был гористый мир, его умеренная зона могла похвастаться неумеренной погодой, и в первую очередь — ее ледяной север.

— Это не совсем ледяной мир,— заметил Флинкс,— но он прохладнее, чем многие пригодные для хьюманксийского обитания планеты.

Он внимательно изучил обширный список, а затем нахмурился.

— Немного холодная погода не должна бы отвадить все хьюманксийские поселения на благоприятные места в остальном мире, но я не вижу никаких указаний даже на научный наблюдательный пост. На всякой пригодной для обитания планете есть хотя бы такой. Мот содержит население приличных размеров, и есть довольно крупные поселения хьюманксов на куда менее гостеприимных планетах. Я не понимаю, Сильзензузекс.

Его спутница разве что не дрожала от воображаемого холода.

— Он называет ее прохладной, пригодной для обитания. Для вас, людей, Флинкс, возможно. Для транксов же это ледяной ад.

— Признаться, она довольно далека от вашего представления об идеале.

Он повернулся обратно к считывателю:

— Там явно есть животная и растительная туземная жизнь, но никаких описаний или подробностей. Я могу представить, как такая местность может ограничить подобное изучение, но она не может сделать его совершенно невозможным, как там, кажется, произошло.

Он становился более и более озадаченным.

— Там нет никаких значительных залежей тяжелых металлов или радиоактивных веществ.

Короче, хотя люди и могли бы жить на Ульру Уйюрре, но там попросту не было ничего, что заманило бы их туда. Планета находилась на окраине Содружества, едва-едва в пределах его космических границ и она была сравнительно далеко от ближайшего заселенного мира. Не очень привлекательное место для поселения. Но, черт побери, должен же быть там хоть какой-то аванпост!

Тут был конец ленты, за исключением одного едва разборчивого добавления:

«ЖЕЛАЮЩИМ ПРИОБРЕСТИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ПОДРОБНОСТИ ОБРАТИТЬСЯ К ПРИЛОЖЕНИЮ 4325 БМК...»

—Я полагаю,вам так же надоело читать статистику,как и мне,—сказала Сильзензузекс, ставя крошечную ленту на перемотку.—С точки зрения поиска ваших родителей, этот мир, наверняка, выглядит тупиком. Что вы желаете посмотреть теперь?

Пытаясь сохранить небрежный тон, он сказал:

— Давайте все же закончим сперва с этим.

— Но это означает копаться в подиндексах,— запротестовала она.— Наверняка ведь, вы...

— Давайте удостоверимся в этом,— терпеливо перебил он.

Она издала транксийский звук, указывающий на сдержанное смирение вместе с обертонами веселья, но спорить больше не стала.

После почти часа перекрестных проверок они разыскали «Приложение 4325, Сектор БМК», приобрели необходимый подиндекс, и вынудили почему-то неохотно отвечающую машину воспроизвести требуемую ленту подподзаголовка. Кто-то, подумал Флинкс, пошел на массу

хлопот, чтобы скрыть этот конкретный бит информации, не делая этого очевидным.

На этот раз его подозрения подтвердились. Просунув ленту в считыватель и активировав его, они увидели на экране пылающие красные буквы, гласившие:

«УЛЬРУ-УЙЮРР... МИР, ПРИГОДНЫЙ ДЛЯ ОБИТАНИЯ... ЭТА ПЛАНЕТА И СИСТЕМА НАХОДЯТСЯ ПОД ЭДИКТОМ...»

Была проставлена дата первого и единственного осмотра планеты, вместе с датой, когда она была помещена под Церковный Эдикт Большим Советом.

Тут был и делу конец, с точки зрения Сильзензузекс.

— Вы добрались до стенки Улья. Не могу себе представить, что привело вас к мысли, будто ваши родители могут быть на планете, находящейся под Эдиктом. Это означает, что ничему и никому не разрешается приближаться на челночное расстояние к ее поверхности. Вокруг нее на орбите должна быть по меньшей мере одна автоматическая мироблюстительная станция, запрограммированная перехватывать и останавливать все, что пытается добраться до планеты. Всякий, игнорирующий Эдикт... ну,— она сделала многозначительную паузу.— Обогнать или перехитрить мироблюститель нельзя.— Глаза ее блеснули.— Почему вы так на меня смотрите?

— Потому что я отправляюсь туда. На Ульру-Уйюрр,— уточнил он, видя ее недоверчивое выражение.

— Я беру назад свою ранее высказанную оценку,— резко сказала она.— Вы больше, чем странный человек, Флинкс — или ваш мозг сошел с резьбы из-за травматических событий сегодняшнего дня.

— Резьба моего мозга не сорвана и работает гладко, спасибо. Хотите услышать нечто действительно абсурдное?

Она осторожно поглядела на него:

— Не уверена.

— Я думаю, что все эти самоубийства важных людей, которые так беспокоят Джива, имеют какое-то отношение к Янусским камням.

— Янусским, я слышала о них, но как..?

Он очертя голову понесся дальше:

— Я видел порошок, который мог остаться от дезинтегрированного камня на теле лазутчика.

— Я думала, что он остался от уничтоженных кристаллических иглодротов.

— Он мог остаться также от целого кристалла.

— Ну так что?

— Ну так... не знаю что, но у меня просто такое ощущение, что все это как-то связано: камни, самоубийства, эта планета — и ААнн.

Она сумрачно посмотрела на него:

— Если у вас насчет этого такое сильное ощущение,тогда почему, ради Улья, вы не сообщили об этом Советнику?

— Потому что... потому что...— мысли его затуманились, наткнувшись на эту всегда присутствующую стену предупреждения.— Я не могу, вот и все. Кроме того, кто же станет выслушивать подобную сумасшедшую историю, когда она исходит,— тут он вдруг улыбнулся,— от сошедшего с резьбы юнца, вроде меня.

— Не думаю, что вы так уж молоды,— отпарировала она, подчеркнуто игнорируя земечание о резьбе.— Тогда зачем говорить кому-то... зачем говорить мне?

— Я... хотел услышать другое мнение, посмотреть, окажется ли моя история, произнесенная вслух, такой же безумной, как и у меня в голове.

Она нервно щелкнула жвалами.

— Ладно. Я думаю, она кажется безумной. Теперь мы можем забыть обо всем этом и перейдем к следующему миру, который выявил ваш розыск?

— Мой розыск не выявил никаких других миров. Он не выявил также и Ульру-Уйюрр.

Она выглядела раздраженной.

— Где же тогда вы нашли название?

— В...— он едва успел поймать себя. Он чуть было не признался, что выудил его из головы умирающего ААнна.— Этого я тоже не могу вам сообщить.

— Как же мне тогда помочь вам, Флинкс, если вы отказываете мне в разрешении на поиск?

— Отправившись со мной.

Она стояла словно парализованная.

— Мне нужен кто-то, имеющий право не считаться с мироблюстителем. Вы — падре-элект службы безопасности. В противном случае вы бы не дежурили на столь ответственном участке в поверхностном коридоре лифта. Вы можете это сделать.— Он с волнением уставился на нее.

— Вам лучше пойти поговорить с Советником Живом,— медленно проговорила она ему.— Даже предполагая, что я могла бы сделать такое, я никогда бы не подумала бросить вызов Церковному Эдикту.

— Послушайте,— быстро сказал Флинкс.— Член Церкви высокого ранга не станет и думать об этом и будет поддержан, хотя бы только по причинам безопасности. Даже военное судно Содружества не стало бы. Но вы не настолько высоко стоите в иерархии, чтобы возникла тревога, если вы вдруг исчезнете. Я также держу пари, что в вас есть что-то от вашего дяди, а он — самый способный и толковый индивидуум, какого я когда-либо встречал.

Сильзензузекс оглядывалась по сторонам с видом личности, осознавшей вдруг, что находится в запертой комнате с голодным хищником.

— Я ничего этого не слышала,— неистово забормотала она.— Не слышу. Это... это кощунство и... идиотизм.

Не отрывая от него глаз, она начала соскальзывать со скамьи.

— Как это я вообще с вами связалась?

— Не кричите, пожалуйста,— мягко предостерег ее Флинкс.— А что касается вашего вопроса, то если вы минутку подумаете... я спас вам жизнь.

Глава восьмая

Она остановилась. Все четыре беговые конечности поднялись под ней в готовности к быстрому спринту к столу дежурной. Слова Флинкса раскатывались у нее в голове.

— Да, призналась, наконец, она.— Вы спасли мне жизнь. Я на миг забыла.

— Тогда именем Улья, Царицы-матки и Чуда Преображения,— торжественно произнес он.— Я называю теперь этот долг обязательным.

Она попыталась казаться позабавленной, но он видел, что она потрясена.

— Что за странная клятва. Она придумана чтобы дразнить детей?

Ради усиления эффекта, он повторил ее вновь... Но сей раз на верхнетранксийском. Это было трудно, и он запинался на щелканьях и твердых голосовых остановках.

— Так значит, вы ее знаете,— прошептала она, заметно обмякнув, а затем взглянув на спокойно сидящую за отдаленным столом дежурную. Флинкс знал, что единственный крик может привлечь многочисленных вооруженных служителей — и сердитые вопросы. Он ставил все на то, что она не крикнет, что древняя и мощная обязанность жизнью по этой высшей клятве удержит ее.

Она удержала. Сильзензузекс умоляюще поглядела на него:

— Я едва успела повзрослеть, Флинкс. У меня все еще не вскрыты футляры для крыльев, и я только год назад сбросила свой подростковый хитиновый покров. Я никогда не была замужем. Я не хочу умирать, Флинкс, ради вашего необъяснимого помешательства. Я люблю свои исследования и Церковь, и свое потенциальное будущее. Не позорьте меня перед моей семьей и моим Кланом. Не... заставляйте меня это делать.

— Я хотела бы вам помочь... честное слово, хотела бы. Вы явно получили больше, чем положено, несчастья и безразличия. Но, пожалуйста, постарайтесь понять.

— У меня нет времени понимать,— отрезал он, затыкая ей рот прежде, чем она ослабит его решимость. Он должен был попасть на Ульру-Уйюрр, если существовал хотя бы один шанс, что Чаллис находится там.— Если бы я тратил время на понимание, я бы уже умер полдюжины раз. Я призываю вас выплатить мне свой долг по этой клятве.

— Тогда я согласна,— ответила она тусклым голосом.— Я должна. Вы втянули меня в свой кошмар.— И она добавила что-то, указывающее на безнадежность, смешанную с презрением.

На краткий миг, на секунду он готов был велеть ей исчезнуть, покинуть помещение, убежать. Миг прошел. Он нуждался в ней. Если он отправится прямо к кому-нибудь вроде Джива и скажет ему, что он должен ехать на Ульру-Уйюрр, Советник улыбнется и пожмет плечами. Если же он расскажет ему о своей теории относительно янусских камней, Джив потребует подробности, причины, источник подозрений. Это означало бы рассказать без утайки о своем таланте, чего он просто не мог сделать.

Церковь, при всей своей доброй воле и добрых делах, все-таки была массивной бюрократией. Она поставит свои собственные заботы выше его. «Разумеется,— скажут ему,— мы поможем вам найти ваших настоящих родителей. Но сперва...»

Это «сперва» может продлиться вечность, знал он, или, по крайней мере, до тех пор, пока заскучавший Чаллис не уничтожит последнее звено между Флинксом и его предками. И он не был убежден, что ему помогут, даже если он полностью откроется — он не был уверен, что приспособляемость Церкви к текущему моменту простиралась до нарушения ее же собственного Эдикта.

Он отправится на Ульру-Уйюрр, несмотря ни на что, хотя он не мог никому сказать о настоящей причине. Даже молчаливо ожидающей Сильзензузекс, уставившейся в пол с выражением живого трупа. Она, однако, наверняка будет полностью восстановлена в правах, когда станет известно, что она сопровождала его по принуждению.

Наверняка.

После того как Сильзензузекс запросила и, словно это было само собой разумеющееся, получила свой накопившийся отпуск в несколько земных недель, они отправились атмосферным челноком обратно в Брисбенский челночный порт. Спрашивающей машине она объяснила, что для нее настало время навестить своих родите-

лей на Ульдоме. Во время всего этого Флинкс ни разу не поколебался в своей решимости взять ее с собой. С этим ничего нельзя было поделать. Она отвечала на его вопросы с ледяной вежливостью. По взаимному согласию они не вступали в небрежную светскую беседу.

Они задержались в Брисбене больше чем на неделю, пока Флинкс завершал сложную организацию аренды маленького автопилотируемого корабля с КК-двигателем. Частные суда, способные к межзвездным путешествиям, не были общедоступны.

Малайка был очень щедр, но трехдневная арендная плата истощила оставшийся кредитный счет Флинкса. Его это не волновало, поскольку он и так уже был виновен в похищении личности. После того как пройдут эти три дня, едва ли будет иметь значение, когда корабельный маклер пошлет к нему сборщиков. Он будет беспокоиться об уплате навлеченного на себя астрономического долга в другой раз. Если вообще вернется, напомнил он себе — церковь пришпилила на Ульру-Уйюрр Эдикт не из-за скучающей извращенности. Была какая-то причина... и всегда был Чаллис.

Сильзензузекс понимала в астронавигации меньше его. Если маклер наврал ему насчет самообеспечения маленького корабля, они никогда не попадут на Ульру-Уйюрр, или куда бы то ни было.

Фактически, объяснила она, избранная ею область была археологией. Безопасность была только ее студенческой специальностью. Ее всегда завораживали древние первобытные инсектоидные общества Ульдома. Она мечтала изучать их до конца жизни, как только окончит учебу и вернется домой полным падре — чего никогда уже не случится теперь, с горечью напоминала она ему.

Он игнорировал ее. Он должен был, иначе затрещала бы по швам вся его решимость. Флинкс снова строил догадки о том, почему же внешне безобидную необитаемую планету вроде Ульру-Уйюрра поместили под Эдикт. Сведения, изученные ими в «Галографии», длинные списки холодной статистики, которые привели его в ускоренном порядке к похищению, мошенничеству

и долгу, не удосужились уточнить подробности этого мелкого вопроса.

По крайней мере одно беспокойство было быстро снято, когда мощное маленькое судно сделало сверхсветовой прыжок, выведший их из непосредственного диапазона преследования. По показаниям приборов, корабль продолжал полет с максимальной крейсерской скоростью по курсу на данные Флинксом координаты.

Флинкс не был по-настоящему озабочен тем, что он хуже чем снова разорился. В некотором смысле он испытывал почти облегчение. Всю свою жизнь он провел в безденежном состоянии. Внезапное возобновление этого знакомого положения было похоже на смену дорогого костюма на любимые старые поношенные рабочие штаны.

Время, потраченное ими на путешествие, не пропало даром. Флинкс постоянно советовался и запрашивал корабельный компьютер, улучшая свои мизерные знания навигации и управления кораблем, оставаясь в то же время на почтительном расстоянии от автопилота. Он не стыдился своего невежества. Все корабли с КК-двигателями, по существу, управлялись компьютерами. Звездные расстояния и скорости были слишком большими, чтобы ими могли манипулировать простые органические мозги. Челанксийский экипаж на больших КК-грузовых лайнерах предназначался всего лишь для обслуживания нужд пассажиров и груза, ну и в качестве предосторожности. Он представлял собой гибкую аппаратуру для устранения повреждений, готовую взять на себя управление в случае неисправного функционирования машинного мозга корабля.

Ему здорово повезло, что он так заинтересовался кораблем, потому что Сильзензузекс оказалась чем угодно, только не веселой спутницей. Вместо этого она предпочитала оставаться в своей каюте, появлялась только для принятия еды у автоповара. Постепенно, однако, ее привыкшее к подземной жизни терпение начало истощаться, и она проводила все больше и больше времени на псевдороскошном мостике корабля. И все же когда она вообще соизволяла что-нибудь сказать, ее

разговор ограничивался односложными замечаниями, свидетельствующими о полнейшей подавленности.

Такая безразличная покорность действительности раздражала натуру Флинкса даже больше, чем ее молчание.

— Я не понимаю, Сильзензузекс. Вы похожи на присутствующую на собственных поминках. Я же сказал вам, что подтвержу, что похитил вас вопреки вашей воле. Ведь наверняка же все должны будут признать вас неповинной во всем, что случится!

— Вы просто не понимаете,— с присвистом прошептала она.— Я не могу так вот солгать. Ни своим начальникам в Церкви, ни своей семье, ни своей уль-матке. И уж, конечно, не своим родителям. Я поехала с вами добровольно.

Ее прелестная головка, сияющая, словно море, в верхнем освещении, безутешно опустилась.

— Вы говорите бессмылицу,— яростно спорил Флинкс.— У вас не было выбора! Я призвал вас исполнять наследственный долг. Как же может кто-нибудь винить вас за это? А что касается нашей запретной цели, она была целиком моим выбором. Вы не имели никакого голоса в принятии моего решения и высказали массу возражений против него.

Пока он говорил, его заранее приготовленный обед лежал, остывая, поблизости в контейнере. В то же время черные глаза Пипа задумчиво смотрели на обеспокоенного хозяина.

Сильзензузекс посмотрела на него через рубку.

— В нас есть еще некоторые вещи, которых люди не понимают,— и отвернулась, словно это были ее последние слова по данной теме.

Очень удобная фраза, яростно подумал Флинкс. Человек ли, транкс ли, не имеет значения, всегда готовы охотно искать прибежища в абсолютах. Почему предположительно разумные существа так боялись разума? Он уставился, неизмеримо подавленный, в передний иллюминатор. Вселенная работала не на эмоциональных принципах. Он никогда не мог понять, как это удавалось людям.

— Будь по-вашему,— пробурчал Флинкс.— Будем придерживаться более непосредственных забот. Расскажите мне о мироблюстительной станции, которая предположительно помешает нам высадиться на эту планету.

Раздался свистящий звук, когда большая порция воздуха была выжата через дыхательные спикулы — транксийский вздох.

— Более вероятно, мироблюстители. Где-то от одного до четырех их должно находиться на синхронизированной орбите вокруг планеты. Я не уверена, потому что под Эдиктом находится так мало миров, что эта тема редко поднимается в дискуссиях. Поэтому, конечно, и нет какой бы то ни было информации о самих этих мирах. Нахождение под Эдиктом, говорят, ситуация, обсуждаемая больше как возможность, чем как факт.

— Я бы предположила,— заключила она, подходя к пульту и праздно глядя на приборы,— что нам просигналят или каким-то образом перехватят и прикажут убираться.

— А что, если мы проигнорируем такое предупреждение?

Она по-транксийски пожала плечами:

— Тогда нам, вероятно, сдуют футляры для крыльев.

Тон Флинкса стал саркастическим.

— А я думал, что Церковь — межвидовый поставщик мягкости и понимания.

— Совершенно верно,— отпарировала она.— И всем доставляет много утешения и уверенности знание, что декреты Церкви соблюдаются.— Ее голос поднялся.— Вы думаете, Церковь может поставить целый мир под Эдикт из-за каприза какого-нибудь Советника?

— Не знаю,— ответил он, ничуть не взволнованный.— Мы, вероятно, получим шанс выяснить...

Без предупреждения, из ниоткуда появилась летающая крепость. В одну минуту они были одни в свободном космосе, заходя на орбиту к четвертой планете ничем не примечательного солнца, а в следующую — судно с

шестью точками, выступающими с его главных осей, сравнялось с ними в скорости и крейсировало рядом с ними. Этот корабль во много раз превосходил размерами их маленькое судно.

— Автоматическая мироблюстительная станция двадцать четыре,— любезно сказал механический голос через громкоговорители. Трехмерный экран не взял никакого изображения.

— Неопознанному судну класса 16-Р. Именем Церкви и Содружества вы настоящим уведомляетесь, что планета, к которой вы приближаетесь, находится под Эдиктом. Вам предписывается свернуть со своего нынешнего курса и вновь запустить свой КК-двигатель. Никаким судам не разрешено ни спускать челнок на четвертую планету, ни оставаться поблизости от этого солнца.

— У вас есть тридцать стандартных минут после окончания этого уведомления для перепрограммирования своего навигационного компьютера. Ни в коем случае, повторяю, ни в коем случае не пытайтесь приблизиться на сканирующее расстояние к четвертой планете. Не пытайтесь подойти ближе, чем на пять планетных диаметров. С отказавшимися выполнить вышеупомянутые правила поступят соответственно.

— Вежливый способ сказать, что она разнесет нас на мелкие кусочки,— сухо заметила Сильзензузекс.— Теперь мы можем вернуться?

Флинкс не ответил. Он был занят изучением плывущей рядом с ними массы металла. Что она была в высшей степени быстроходной, намного быстрее, чем это маленькое судно, было уже продемонстрировано. Несомненно, даже пока он думал, что делать дальше, на мостик было наведено оружие различной разрушительной силы. Сделать отчаянный рывок к поверхности планеты — тоже самое, что обогнать в беге дьяволопу на равнинах, граничащих с Гелерийским болотом, там, дома, на Моте.

— Именно поэтому я и взял вас,— сказал он ожидавшей ответа транксийке.— Уж, разумеется, не ради удовольствия от вашего общества.— Флинкс посторо-

нился, открывая активированные приборы.— Вот трехмерный передатчик. Назовите свое имя, опознавательный Церковный номер, код Безопасности — что бы там ни требовалось для получения допуска на высадку.

Она не шевельнулась, ее ноги, казалось, приросли к металлическому полу.— Она не станет меня слушать.

— Попробуйте.

— Я... я не стану этого делать.

— Вы находитесь под присягой жизни, вы поклялись своим Ульем,— напомнил он ей сквозь стиснутые зубы, ненавидя себя все больше с каждым произнесенным словом.

Симметричная головка снова опустилась; снова низкий, подавленный голос: — Хорошо.

Она, волоча ноги, перешла к пульту.

— Я в последний раз говорю вам,— сказала она ему.— Если вы заставите меня это сделать, это будет все равно, что вы изгоните меня из самой Церкви, Флинкс.

— По воле случая у меня больше уверенности в вашей собственной организации, чем, очевидно, имеется у вас. Кроме того, если после полного объяснения обстоятельств они действительно выпрут вас, то я не думаю, что такая организация достойна вас.

— Как вы уверены,— негромко проговорила она, закончив таким резким звуком, что он заставил Флинкса вздрогнуть.

— Действуйте,— приказал он.

Она опробовала вешание, затем зарабанила сверхскоростную серию слов и цифр. Флинкс едва мог узнать их, не говоря уже о том, чтобы увидеть какой-то смысл в постоянном потоке гибридного лепета. Ему пришло в голову, что она вполне могла давать крепости команду уничтожить их. Эта неприятная мысль миновала, когда ничего не случилось. В конце концов, стремление выжить было у транксов столь же сильным, как и у людей.

Вместо этого он услышал желанную фразу.

— Чрезвычайная временная отмена запрета получена и понята,— произнес механический голос.— Следуйте своим курсом.

Две минуты, пока Флинкс ждал окончательного ответа, тянулись как два года.

Затем:

— Другие станции уведомлены. Можете приступать.

Нельзя было терять время на благодарность. Флинкс бросился к навигационному вводу и устно проинструктировал корабль занять низкую орбиту над умеренной экваториальной зоной, у самого большого континента. Затем детекторные устройства корабля должны были начать поиск любых признаков средств связи на поверхности, всего, что указывало бы на присутствие хьюманксийского поселения. Любого места, где мог существовать Чаллис.

— А что, если там нет ничего подобного? — спросила Сильзензузекс, бледнея лицом, когда корабль оторвался от крепости на орбите.— Там же внизу целый мир, больше, чем Ульдом, больше, чем Земля.

— Будет какое-то освоенное место,— заверил он ее. Его убежденный тон изобличал неуверенность у него внутри.

Было. Только не они обнаружили его, оно нашло их.

— Что за корабль... что за корабль?..— затрещали громкоговорители, как только они заняли зависающую орбиту. Запрос пришел на идеальной симворечи, хотя он не мог сказать из чьего горла, человека или транкса.

Флинкс переместился к передатчику.

— Кто вызывает? — спросил он.

— Что за корабль? — потребовал ответа голос.

Это могло продолжаться часами. Он ответил первым.

— Это частное научно-исследовательское судно «Шамоот», по связанному с Церковью делу, с Земли.

Это не было полной ложью. Похищение им Сильзензузекс буквально образовывало дело, связанное с Церковью, и его привела сюда информация из Церковной картотеки.

Последовала долгая пауза, пока невидимые существа на другом конце передачи переваривали это. Наконец: — Координаты челночного порта для вас следующие...

Флинкс зацарапал, записывая информацию. Его хитрость принесла им хотя бы это. После того как они приземлятся... ну, он продолжит импровизацию оттуда. Цифры показывали на место на довольно маленьком плато в горах южного континента. Согласно полученной информации взлетная полоса граничила с огромным озером на уровне 1400 метров.

Потея, ворча на собственную неловкость, Флинкс сумел расположить корабль над указанным местом посадки с минимумом поправок для автопилота. Оттуда начался тряский, разболтанный спуск на поверхность под управлением атоматики челнока.

Сильзензузекс теперь постоянно говорила, по большей части сама с собой.

— Я просто не понимаю,— снова и снова продолжала повторять она.— Там внизу ничего не должно быть. На планете под Эдиктом. Даже Церковного аванпоста. Это просто не имеет ни малейшего смысла.

— Почему же это не имеет смысла? — спросил ее Флинкс, стараясь удержаться в кресле, когда крошечный челнок сражался с перекрестными ветрами.— Почему бы Церкви не иметь дел на планете, от которой она хочет отвадить всех прочих?

— Но только крайняя угроза благу рода хьюманксийского достаточная причина для помещения планеты под Эдикт,— возразила она недоверчивым тоном.— Я никогда не слышала ни об одном исключении.

— Естественно,— согласился Флинкс, с уверенностью испытавшего много извращений природы человека и транкса.— Потому нет доступа ни к какой информации по находящимся под Эдиктом планетам. Ах, как удобно.

Челнок теперь накренился, ныряя между огромных горных склонов, поросших лесом. Более плотная атмосфера здесь намного подняла потолок высоты деревьев, по сравнению с существующим на Моте или Земле. Повсюду виднелись небольшие горные и альпийские озера. А повыше младенцы-ледники осторожно прорезали себе дорогу вниз, даже здесь, поблизости от экватора планеты.

— Начинаем заход на посадку,— уведомил их компьютер челнока. Флинкс уставился вперед и увидел, что плато, упомянутое базирующимся на земле голосом, было намного меньше, чем он надеялся. Это было не настоящее плато, а широкая ледниковая равнина, пропаханная льдом с гор. Одна сторона плато-равнины была заполнена узким озером, сверкавшим, словно вытянутый сапфир.

Когда челнок выправился, они пронеслись мимо крутого водопада высотой по меньшей мере в тысячу метров, падавшего стрелой в каньон, находящийся прямо под ними. Это, решил он, был великолепный мир.

Если бы только челнок посадил их на него в целости.

Его амортизационное кресло задрожало, когда корабль полыхнул тормозными реактивными двигателями. Он различил впереди взлетную полосу, тянувшуюся параллельно глубокому озеру. На противоположном конце над аллювиальным гравием и низким кустарником высовывалось крошечное скопление зданий.

По крайней мере, здешняя база — кто бы там на ней ни обитал — была достаточно развитой, чтобы иметь автоматические посадочные захваты. Встроенные в ткань самой взлетной полосы, они зацепляли соответствующие соединения в брюхе челнока. Сильный крен просигнализировал о завершении этого маневра. Затем компьютер взлетной полосы где-то под ними взял управление на себя и привел челнок к плавной безопасной посадке.

Сильзензузекс пялилась в левый боковой иллюминатор, даже когда расстегивала ремни.

— Это бред,— бормотала она, уставясь на приличный комплекс строений поблизости.— Здесь не может быть базы. Тут ничего не должно быть.

— Кое-что из этого ничего,— заметил он, показывая в сторону двигавшихся к ним по полю пары больших машин,— подъезжает поприветствовать нас. Помните теперь,— напомнил он ей, успокаивая нервозного Пипа и направляясь к проходному коридору, ведущему к люку,— вы находитесь здесь потому, что я вынудил вас приехать.

— Но не физически,— возразила она.— Я уже сказала вам, что не могу лгать.

— Конская Голова,— пробурчал он, подняв глаза к небу.— Тогда будьте уклончивой. А... делайте, что считаете наилучшим. Мне не более удастся обратить вас в разум, чем вам — убедить меня вступить в вашу Церковь.

Флинкс активировал автоматический шлюз, и тот начал цикл открывания. Если бы атмосфера снаружи, вопреки информации в Галографических архивах, оказалась непригодной для дыхания, шлюз бы не открылся. Когда дверь отъехала в сторону, вытянулся волнистый трап; сенсоры на противоположном конце остановили его, как только он коснулся твердой почвы.

Пип сильно зашевелился, но Флинкс держал своего приятеля твердой рукой. Очевидно, мини-минидраг снова воспринял какую-то угрозу, что было бы естественным, если бы, скажем, тут и в самом деле находилось Церковное поселение. В любом случае они не смогли бы разделаться со всей группой, которая, надо полагать, была вооружена. Потребовалось несколько минут, прежде чем он сумел убедить своего приятеля расслабиться, безотносительно к тому, что произойдет в дальнейшем.

Флинкс глубоко вздохнул и принялся спускаться по трапу. Сильзензузекс угрюмо шествовала позади, углубившись в угрюмые размышления. Несмотря на высоту, воздух здесь был плотным и насыщенным кислородом. Это более чем компенсировало немного непривычную гравитацию.

С трех сторон вокруг долины поднимались покрытые снегом скалы. За исключением ледниковой равнины, где они теперь стояли, долина и горные склоны были одеты густым мехом высоких деревьев. Зеленый цвет все еще преобладал, но попадалось и немало растительности желтого оттенка. Их ветки жестко поднимались к небу, чтобы, несомненно, полностью растопыриться к зимним снегопадам.

Температура была превосходная, около 20 °С. По крайней мере, таковой она являлась с точки зрения Флинкса. Сильзензузекс уже замерзла, а сухой воздух

никак не помогал гибкости ее экзоскелетных сочленений.

— Не беспокойтесь,— попытался он приободрить ее, когда машины приблизились,— тут должны быть квартиры, предназначенные для служащих-транксов. Вы скоро сможете согреться.

«И объяснить свою историю местным властям наедине, если пожелаешь»,— мысленно добавил он.

Его слова были прерваны, когда перед ними остановилась первая большая машина. Ожидая, Флинкс попрежнему плотно сжимал Пипа, держа напряженного мини-минидрага за сочленения крыльев, чтобы предотвратить любой внезапный полет. И все же, несмотря на минуты, уже потраченные им на успокоение своего приятеля, Пип все еще трепыхался. Когда он наконец попритих, то болезненно туго обвился вокруг плеча Флинкса.

Из машины начали появляться люди. Они не носили ни аквамариновых одежд Церкви, ни алых — Содружества. И к тому же они не походили на зарегистрированных в Содружестве оперативников, а держали наготове лучеметы.

Семеро мужчин и женщин рассыпались полукругом, охватывавшим двух прибывших. Двигались они с не понравившейся Флинксу ловкостью. Когда прибыла вторая машина и начала изрыгать своих пассажиров, несколько членов первой группы, сорвавшись с места, взбежали по трапу и исчезли в челноке.

— Послушайте-ка...— непринужденно начал Флинкс. Один из мужчин в группе угрожающе навел на него лучемет.

— Я не знаю кто ты, но пока — заткнись.

Флинкс охотно подчинился, тогда как Сильзензузекс — застывшая теперь не только от холода — стояла позади него и изучала конвоиров.

Прошло несколько минут, прежде чем пара забравшихся в челнок появилась вновь и крикнула своим товарищам:

— На борту больше никого нет, и нет никакого оружия.

— Хорошо. Вернитесь на свои места.

Флинкс повернулся к приказавшей это коренастой женщине среднего возраста. Она стояла прямо напротив него. У нее было лицо женщины, повидавшей слишком рано слишком многое, и чья юность была временем сгоревших надежд и несбывшихся грез. Яркий шрам тянулся ломаной кривой от уголка глаза до уха, а затем вниз по шее, исчезая под высоким воротником. Его мертвенная белизна бросалась в глаза на фоне ее смуглой кожи. Она щеголяла шрамом, словно любимым ожерельем. Он заметил, что ее простая одежда в виде рабочих штанов, сапог и верхней блузы с высоким воротником определенно долго была в употреблении.

Достав карманную рацию, она произнесла:

— Джавитсе говорит, что на борту больше никого нет, и нет никакого оружия.

Из компактного приемника говорившей раздались ответные звуки, слишком тихие и отдаленные, чтобы Флинкс понял их.

— Нет, приборы не показывают также никаких автоматических передатчиков сигналов. Корабль на орбите ответил вновь? — Еще одна пауза.— Похоже, их только двое.

Она отключила рацию, сунула обратно на свой утилитарный пояс и оглядела Флинкса и Сильзензузекс:

— Кто-нибудь знает, что вы прилетели сюда?

— Вы ведь не ожидаете же, что я буду облегчать вам работу, не так ли? — отпарировал Флинкс, чтобы как-то отвлечь внимание от Сильзензузекс, да и ответить на вопрос.

— Весельчак.— Женщина сделала осмотрительный шаг вперед, подняв лучемет к левому плечу. Пип зашевелился, и она внезапно осознала, что мини-минидраг вовсе не украшение.

— Я бы этого не делал,— мягко сообщил ей Флинкс. Она поглядела на змея.

— Ядовитый?

— Очень.

Она не улыбнулась в ответ.

— Мы, знаете, можем убить и его, и вас обоих.

— Разумеется,— любезно согласился Флинкс.— Но если вы нацелите на меня этот лучемет, то и я, и Пип постараемся вцепиться вам в горло. Если он вас не убьет, то, вероятно, убью я, как бы быстро ни двигалось это кольцо счастливых лиц. В том же маловероятном случае, если у нас ничего не получится, то я буду покойником, а ваш начальник будет чертовски недоволен, потеряв шанс допросить меня. В любом случае вы проигрываете.

К счастью, женщина была не из тех, кто действует, не подумав. Она шагнула назад, все еще держа лучемет направленным на него.

— Большой весельчак,— натянуто заметила она.— Может быть, Мадам позволит мне потолковать с вами, после того как закончит задавать свои вопросы. Остри себе сколько хочешь, у тебя недолгое будущее.

Она сделала резкий жест лучеметом:

— Вы оба, в первую машину.

Они прошли между лучеметов. Флинкс напрягся, когда вступил в большой салон, и, к своему разочарованию, увидел, что внутри его ждали двое вооруженных и равно напряженных людей. Значит, шансов броситься к управлению нет. Покорившись судьбе, он влез на место.

Сильзензузекс последовала за ним, вынужденная неудобно присесть на голом полу, потому что машина была оборудована сидениями только для людей, не подходящими для ее тела. За ними последовало несколько охранников. К облегчению Флинкса, коренастой женщины среди них не было.

Низкое гудение поднялось до воя, когда машина воспарила на воздушной подушке. Оставаясь в метре над землей, она двинулась к близлежащим зданиям, а вторая машина следовала за ней по пятам. Когда они подъехали ближе, Флинкс увидел, что комплекс построен на опушке леса. В отдалении он еле-еле различил несколько добавочных строений, обнимающих горный склон, возвышаясь среди деревьев.

Машины остановились перед пятиэтажным зданием с островерхой крышей. Их препроводили внутрь.

— Здания здесь — сплошные углы и наклоны,— заметил Флинкс Сильзензузекс, пока они проходили недолгий путь от машины до входа.— Деревья уже показывают, что снегопады здесь зимой, должно быть, ужасные. А это — местный эквивалент тропиков.

— Тропиков,— фыркнула она, сердито щелкая жвалами.— Я уже замерзаю.— Голос ее упал.— Это, вероятно, без разницы, поскольку нас, скорее всего, скоро убьют. Или до вас еще не дошло, что мы наткнулись на какое-то очень крупное незаконное предприятие?

— Такая мысль приходила мне в голову,— непринужденно ответил он.

Поднявшись лифтом на верхний этаж, они вышли в коридор, по которому двигались по разным делам несколько озабоченных мужчин и женщин. Они были не настолько погружены в себя, чтобы не выглядеть пораженными при появлении Флинкса и Сильзензузекс.

Группа сделала один поворот налево, продолжила путь почти до самого конца ответвлявшегося коридора, а затем остановилась. Обращаясь в дверной микрофон, коренастая женщина запросила и получила разрешение войти. Она исчезла за дверью, предоставив сильно охраняемой паре подождать и подумать, прежде чем дверь снова ушла в стену.

— Приведите их.

Кто-то дал Флинксу сильного тычка, отправившего его, спотыкаясь, вперед. Сильзензузекс ввели в помещение с равной грубостью.

Они стояли в роскошной палате. Панели, слегка тронутые пурпурным цветом, открывали розовую панораму озера и гор, взлетной полосы и, заметил с тоской Флинкс, их припаркованного челнока. Он казался сейчас очень далеким.

В одном конце помещения плясал маленький водопад, окруженный коврами, которые были больше мехами, чем тканью. В воздухе стоял густой запах духов, забивший его чувства до пресыщения. Дверь позади них бесшумно закрылась.

В помещении находилась еще одна особа.

Она сидела в кресле поблизости от прозрачных пане-

лей и была облачена в легкое платье. Ее длинные белокурые волосы были уложены тройной спиралью, свернутыми тремя прядями, по одной над каждым ухом и последняя на затылке. В данный момент она пила что-то испаряющееся из кружки «Тагану».

Лицо-со-шрамом почтительно обратилась к ней:

— Вот они, Мадам Руденуаман.

— Спасибо, Линда.

Женщина повернулась лицом к ним. Флинкс почувствовал удивление Сильзензузекс.

— Она же едва ли старше, чем ты или я,— прошептала она.

Флинкс ничего не сказал, а лишь бесстрастно ждал и глядел в ответ в эти хризолитовые глаза. Нет, «хризолитовые» неподходящее слово, больше подошло бы «оливиновые». За этими глазами таилась ледяная смертоносность, которую он почувствовал сильнее, чем плавающий запах духов.

— Прежде чем я распоряжусь убить вас,— начала приятным текучим голосом молодая женщина,— я потребую ответы на несколько вопросов. Прошу не забывать, что у вас нет никакой надежды. Единственное, над чем вы имеете какую-то власть, это образ вашей смерти. Она может быть быстрой и действенной, в зависимости от вашей готовности отвечать на мои вопросы, или медленной и утомительной, если вы проявите нежелание. Хотя и не скучной, заверяю вас...

Глава девятая

Флинкс продолжал изучать ее, когда она сделала еще один глоток парящего напитка. Он не мог не заметить, что она была почти прекрасной, хотя на ее лице отсутствовали всякие следы мягкости.

Протянув руку вбок, она взяла трость с искусной резьбой. С ее помощью она сумела подняться и прихромать к ним, чтобы изучить поближе. При ходьбе она оберегала левую ногу.

— Я — Телин ауз Руденуаман. А вы..?

— Мое имя Флинкс,— с готовностью ответил он, не видя никакой выгоды в том, чтобы гневить эту покалеченную женщину-бомбу.

— Сильзензузекс,— добавила его спутница.

Женщина кивнула, повернулась и вернулась обратно, снова опустившись в кресло, приказав им обоим тоже сесть. Флинкс занял кресло, уголком глаза замечая, что женщина со шрамом, именуемая Линдой, со своей позиции у двери следила за каждым движением его и Пипа. Сильзензузекс сложилась поблизости на меховом полу.

— Следующий вопрос,— сказала Руденуаман.— Как вы прошли мимо Церковного мироблюстителя?

— Мы...— начал было говорить он, но остановился, когда почувствовал деликатное и все же твердое пожатие своей руки. Посмотрев мимо иструки, он увидел, что Сильзензузекс умоляюще смотрит на него.

— Извини, Сил, но у меня антипатия к пыткам. Мы ничего не добьемся, и по крайней мере на данный момент я хотел бы...

Иструка убралась. Он не упустил брошенного ею на него взгляда, полного предельного презрения.

— Такой же благоразумный, как и бойкий,— одобрительно заметила Руденуаман.— Я слышала вас все время с тех пор, как вы приземлились.— Короткое мерцание улыбки исчезло, и она нетерпеливо повторила.— Крепости, как вы прошли мимо них?

Флинкс показал на Сильзензузекс.

— Моя подруга,— объяснил он, игнорируя вырвавшийся у нее пустой жвальный смех,— падре-элект, работающая в настоящее время в Церковной службе безопасности. Она уговорила мироблюститель пропустить нас.

Лицо Руденуаман стало задумчивым.

— Значит, обман был произведен устно? — Флинкс кивнул.— Нам придется посмотреть, нельзя ли что-нибудь предпринять насчет этого.

— Насчет крепости-мироблюстителя? — выпалила Сильзензузекс.— Как вы можете модифицировать... фактически, как вы сумели пройти мимо них? Что вы

здесь делаете, с этим незаконным предприятием? Это же мир под Эдиктом. Никто, кроме Церкви и высших эшелонов правительства Содружества не обладает кодами, необходимыми для прохождения мимо мироблюстительной станции; разумеется, никакой частный концерн не обладает такой способностью.

— Этот частный концерн обладает,— улыбнулась женщина.

— И что же это за концерн? — спросил Флинкс. Она обратила к нему свою лишенную юмора улыбку.

— Для человека обреченного вы задаете уйму вопросов. Однако мне не очень часто выпадает случай похвастаться. Это «Нуаман Энтерпрайзис». Слышали когда-нибудь о нем?

— Слышал,— ответил ей Флинкс, думая, что этот поиск родителей заводил ему уйму гнилостных деловых контактов.— Он был основан...

— Родственниками моей тетки,— закончила она за него,— а затем еще больше развит моей теткой Рашалейлой, да станет ее душа грязью.— Улыбка ее расширилась.— Но теперь во главе я. Я почувствовала, что на повестку дня встал вопрос о смене кадров на высшем административном посту. К несчастью, когда я в первый раз попыталась заменить ее, я выбрала себе в подручные человека с мускулами, но без мозгов. Нет, это не точно. С мускулами и без верности. Это стоило мне,— и она нахмурилась, вспоминая,— неприятного времени. Но я сумела сбежать из медицинского ада, куда меня упрятала тетка. Моя вторая попытка была лучше спланированной — и успешней. Теперь он, понимаете, «Руденуаман Энтерпрайзис». Я.

— Никакой частный концерн не имеет необходимых средств для обмана Церковного мироблюстителя,— настаивала Сильзензузекс.

— Несмотря на ваш допуск службы безопасности, вы, кажется, лелеете всякого рода дурацкие представления. Мы не только, признаю, с некоторой помощью, обманули их, но они еще и остаются действующими, чтобы предупреждать или уничтожать любых визитеров, не имеющих нашего допуска. Вы можете понять, почему

ваше внезапное появление первоначально вызвало у меня существенное беспокойство. Но больше я не беспокоюсь, поскольку вы оказались столь готовыми сотрудничать, следуя нашим инструкциям о приземлении. Конечно, вы не имели причин ожидать встречи с кем-либо, кроме компании удивленных Церковников.

— Вы не имеете права...— начала Сильзензузекс.

— О, пожалуйста,— пробормотала в негодовании Руденуаман.— Линда...

Лицо-со-шрамом покинула свое место у двери. Флинкс крепко держал Пипа, сейчас было не время и не место навязывать решающее столкновение. Пока еще.

Коренастая женщина нанесла внезапный удар ногой, и Флинкс услышал треск хитина. Сильзензузекс издала высокий, пронзительный свист, когда одна стопорука была сломана в главном сочленении. Красновато-зеленая жидкость начала постоянно течь, когда она упала на бок, стаскивая иструками и другой стопорукой поврежденную конечность.

Линда повернулась и возвратилась на свой пост у двери, словно ничего не случилось.

— Вы же знаете, что у нее открытая система кровообращения,— осторожно пробормотал Флинкс.— Она истечет кровью до смерти.

— Истекла бы,— поправила его Руденуаман.— Если бы Линда сломала ей саму ногу, вместо того чтобы просто сломать сочленение. Сочленения у транксов коагулируются. Ее нога исцелится, а моя — нет, после того, как медицинские экспериментаторы моей тетки с ней покончили.— Она постучал тростью по своей собственной левой ноге. Та зазвенела пустотой.— Другие мои части тоже пришлось заменить, но они оставили самую главную вещь,— она показала на свою голову,— нетронутой. Это была последняя ошибка моей тетки.

— У меня есть к вам еще один вопрос.— Она нагнулась вперед и в первый раз с начала допроса стала казаться искренне заинтересованной.— Что вообще, черт возьми, побудило вас явиться сюда, на планету под Эдиктом? И только вас двоих, без оружия?

— Это смешно,— сказал Флинкс,— но... у меня тоже

есть вопрос, на который нужно найти ответ.

Видя, что он говорит серьезно, она откинулась в кресле.

— Вы странный индивидуум. Почти такой же странный, как глупый. Что за вопрос?

Он вдруг был подавлен множеством конфликтующих возможностей. Один факт был ясен. Сообщит ли она ему то, что он желал узнать или нет, они с Сильзензузекс умрут. Когда молчание затянулось, даже Сильзензузекс стала достаточно любопытной, чтобы на миг забыть про боль в стопоруке.

— Я не могу вам этого сказать,— ответил наконец он.

Руденуаман подозрительно посмотрела на него.

— А это уже странно. Вы же рассказали мне все остальное. Зачем же колебаться с этим?

— Я мог бы вам рассказать, но вы ни за что не поверите.

— Я временами весьма доверчива,— возразила она.— Испытайте меня, и если я найду это интригующим, то может, в конце концов, и не убью вас.— Эта мысль, казалось, позабавила ее.— Да, скажите мне, и я оставлю вас обоих в живых. Мы здесь всегда можем применить неквалифицированный труд. И меня окружают не самые умные личности. Я могу сохранить вас ради новизны, для тех случаев, когда я приезжаю сюда.

— Ладно,— решил он, предпочтя принять ее предложение, как самое лучшее, на какое он мог надеяться.— Я прибыл сюда для того, чтобы отыскать правду о своем рождении.

Ее позабавленное выражение лица исчезло.

— Вы правы... я вам не верю. Если вы не сможете представить ничего лучше этого...

Ее перебил звонок, и она раздраженно посмотрела на дверь.

— Линда...

Возникло ожидание, пока коренастая женщина отодвинула дверь и неслышно поговорила с кем-то в коридоре. Одновременно что-то почти забытое вдруг завыло

в мозгу Флинкса. Этому соответствовал визг, который могли слышать все.

— Чаллис,— крикнула рассерженная Руденуаман,— неужели ты не можешь утихомирить это отродье? Почему ты продолжаешь всюду таскать ее с собой? Мне никогда не...— Она оборвала фразу, переводя взгляд с коммерсанта, стоявшего в полуоткрытых дверях, выпучив глаза, на Флинкса, а затем снова на коммерсанта.

— Ка... чт... ты! — сумел наконец выпалить Конда Чаллис, словно человек, прочищавший горло от застрявшей в дыхательном горле кости.

— Ты знаешь этого человека? — спросила Руденуаман Чаллиса. В ней поднималась страшная ярость, когда постепенно стало ясно, как Флинкс нашел эту планету. Права она была только частично, но именно этой части она могла поверить.

— Вы знаете друг друга! Объяснитесь, Чаллис!

Коммерсант совершенно потерял контроль над собой.

— Он знает о кристаллах,— залепетал он.— Я хотел, чтобы он помог мне в игре с кристаллом, а он...

Коммерсант неумышленно открыл нечто, подозреваемое Флинксом. «Так значит, янусские камни берутся отсюда. Это очень интересно и очень многое объясняет». Он посмотрел на Сильзензузекс:

— Совершенно очевидно, Сил, это объясняет, почему кто-то пошел на невероятные расходы и риск огромного штрафа, связанного с игнорированием Церковного Эдикта.

Взорвался миниатюрный, серебряный голосок.

— Ты здоровенный, жирный идиот! — не то провизжал, не то проорал он.

И так уже потрепанный Чаллис опустил взгляд, потрясенно видя всегда угодливую Махнахми, корчащей ему страшные рожи. Флинкс с интересом следил. Коммерсант сделал наконец что-то, достаточно опасное, чтобы заставить ее разбить свою заботливо сохраняемую скорлупу невинности.

Руденуаман поглядела с равным любопытством, хотя ее настоящее внимание и гнев были все еще припасены для Чаллиса. Она почти с жалостью посмотрела на него.

— Ты становишься подверженным глупости, Конда. Я не знаю, зачем явился сюда этот человек, но не думаю, что это связано с камнями. И больше не имест значения, что ты только что выдал лучше всего хранимую тайну во всем Содружестве, потому что она никогда не покинет этой планеты, и уж, конечно, не с кем-то из этих двоих.— Она показала на Флинкса и Сильзензузекс.

— Но он гонялся за мной, преследовал меня! — горячо возразил Чаллис.— Это должно иметь какое-то отношение к кристаллам!

Руденуаман повернулась к Флинксу:

— Вы преследовали Чаллиса? Но почему?

Коммерсант простонал, не сознавая, что дает подтверждение предыдущему ответу Флинкса:

— А, из-за какого-то законченного бреда насчет своих предков!

Он не добавил, к большой тревоге Флинкса, обладал ли он какой-то информацией по этому конкретному помешательству.

— Может быть, я вам и поверю,— осторожно сказала Флинксу Руденуаман.— Если это и предлог, то, разумеется, согласующийся.

Лучше отвлечь ее от темы о нем, решил Флинкс.

— Где добываются камни? Вон в том большом комплексе вверх по горному склону?

— А вы забавны,— уклончиво сказала она.— Да, я могу на время сохранить вам жизнь. Будет разнообразием получить некоторую умственную стимуляцию.

Она обратила строгое лицо к коммерсанту:

— Что же касается тебя, Конда, то ты стал чересчур часто позволять своим личным извращениям мешать бизнесу. Я надеялась...— она пожала плечами.— Чем меньше знающих о камнях, откуда они происходят, тем лучше. Учитывая, что здесь поставлено на карту, я думаю, мне придется найти другого внешнего реализатора.

— Телин, нет,— взмолился Чаллис, мотая головой. Он вдруг оказался разжалованным из крайне богатого, могущественного коммерсанта в испуганно толстого старика.

— И нам придется также что-то сделать с этим

скулящим отродьем,— добавила она, обратив ядовитый взгляд к молча следящей Махнахми.— Линда... отведи их к Райлзу. Он может делать с Чаллисом что хочет, лишь бы это было разумно и быстро. В конце концов,— великодушно добавила она,— он какое-то время был нашим партнером. Что же касается этой маленькой скулячки, приберегi ее для послеобеденного развлечения. Мы должны суметь заставить ее протянуть несколько дней.

— НЕТ!

Флинкс почувствовал себя поднятым в тисках мысленного вопля возмущения. Страшная сила проборoздила помещение, срывая якоря ковры, мебель и людей и швыряя их прочь от дверей. Вылетело несколько толстых розовых панелей полиплексисплава. Флинкс пытался овладеть своим телом, сумел остановиться у ложа, твердо прикрепленного к полу. Пип беспокойно парил у него над головой, гневно шипя, но не в состоянии сделать больше, чем удержаться в воздухе на месте перед лицом вихря.

С развевающимися волосами, Флинкс загородил лицо рукой и, прищурившись, посмотрел на этот ураган.

Сильзензузекс стремительно откатилась в противоположный угол. Охранница Линда лежала поблизости без сознания. Она стояла ближе всех к сильнейшему взрыву. Телин ауз Руденуаман лежала похороненная в массе толстых меховых ковров и сломанных подставок, в то время как объемистая туша Конды Чаллиса обнимала мех, прикрепленный поблизости от двери и цеплялась изо всех сил, когда ветер дергал и рвал его.

— Ты толстый недоумок! — визжал на него источник этого карманного тайфуна, по-детски топая ножкой по полу.— Ты свинячий зад, студенистый болван... Ты взял да испортил все! Почему ты не мог держать свой глупый язык за зубами? Сколько лет я не давала тебе споткнуться о собственный язык, сколько лет я принимала за тебя правильные решения, когда ты, ликуя, считал их своей заслугой! А теперь ты все это выбросил вон, все — вон! — Она плакала, по щекам у нее текли ручьем девчоночьи слезы.

— Деточка моя родная,— выдохнул Чаллис в ветер.— Вытащи нас из этого и...

— Деточка моя родная! — плюнула она в него.— Я и слов-то еще не знаю, чтобы описать, что ты думал со мной проделывать, или что сделал, правда, для тебя это больше не имеет значения. Я не могу больше спасать тебя, папочка Чаллис.— Она обвела помещение пылающим взором.

— А вы можете убираться ко всем чертям! Я никого из вас не боюсь. Но мне нужно время, чтобы вырасти в саму себя. Я пока не знаю, что я такое.

Она снова прожгла Чаллиса презрительным взглядом:

— Ты уничтожил мой шанс вырасти богатой и могущественной. Дьявол тебя побери.

Повернувшись, она исчезла, выбежав в коридор.

— В один прекрасный день,— уколол Флинкса тающий мысленный крик,— я буду достаточно сильной, чтобы даже вернуться за тобой.

Ветер медленно замер, постепенно стихая. Флинкс сумел перекатиться в спадающем бризе и пощупал свои синяки. Он увидел, что Сильзензузекс удалось защитить свою сломанную стопоруку. Твердый экзоскелет спас ее от дополнительных повреждений, так что хоть она и была ранена первой, но на самом деле оказалась по-настоящему помятой меньше других. За исключением, конечно, Пипа, устроившегося встревоженным, но невредимым на плече Флинкса. Только сила ветра помешала ему убить Махнахми.

Телин ауз Руденуаман была потрясена больше, чем хотела бы признать.

— Линда... Линда! — охранница как раз приходила в сознание.— Подними базу по тревоге, всех. Эту девчонку надо немедленно убить. Она Адепт.

— Да... Мадам,— ответила женщина, еле ворочая языком. Правая щека у нее кровоточила и побледнела, и она болезненно моргнула, когда коснулась левого локтя.

Руденуаман пыталась казаться уверенной.

— Мне наплевать, какие магические фокусы она

может выкинуть. Она всего лишь ребенок и не может никуда деться.

Словно в ответ на это, спустя несколько минут до них докатился сквозь выломанные оконные панели глухой грохот. Руденуаман поспешно прохромала к прозрачной стене. Флинкс тоже очутился там, как раз вовремя, чтобы увидеть нечто, чему он, единственый из находящихся в помещении, ничуть не удивился.

Их челночное судно — и все оставшиеся надежды на побег — быстро уменьшалось в небе на конце взлетной полосы, исчезающая точка меж горных вершин.

— Она... она умеет пилотировать челнок,— бормотал про себя ошеломленный Конда Чаллис.

— Тихо, Конда. Всякий может управлять судном, настроенным принимать устные команды. И все же, одна, в ее возрасте...

— Она использовала меня. Она использовала меня,— продолжал Чаллис, позабыв про все вокруг себя. Глаза его остекленели.— Все эти годы я считал ее такой очаровательной, хорошенькой, маленькой... а она использовала меня.

Начал сыпаться смех.

— Да заткнись ты! — вынуждена была наконец завизжать Руденуаман. Но коммерсант игнорировал ее, продолжал кататься по полу, истерически хохоча над сыгранной ею с ним чудесной, замечательной шуткой. Он все еще хохотал, хотя и более неровно, когда прибыли двое охранников, чтобы препроводить его.

Флинкс завидовал ему. Он-то теперь никогда не почувствует луча лазера, когда его казнят. Потряси достаточно сильно мир человека — развалится человек, а не мир. Сперва неожиданное появление Флинкса здесь, а потом Махнахми. Нет, даже вся королевская конница и вся королевская рать не смогли бы собрать Конду Чаллиса.

Руденуаман следила, пока дверь не закрылась, а затем рухнула, опустошенная, на пострадавшее ложе, одно из немногих, оставшихся не уничтоженными неконтролируемым инфантильным насилием Махнахми. Она поспорила с собой, затем сказала:

— Это надо сделать. Вызови Райлза.

— Да, Мадам,— ответила Линда.

Забытые на время Флинкс и Сильзензузекс отдыхали и как могли лечили друг другу раны. В скором времени в помещение вошел высокий мускулистый человек.

— Меня уведомили,— резко бросил он.— Как это могло произойти, Руденуаман?

Пип рыпнулся, и Флинкс наложил на своего приятеля плотный сдерживающий захват. Его собственные чувства трепетали. Нечто, почувствованное им с той минуты, как они покинули челнок, в присутствии этого новоприбывшего резко усилилось.

— Этого нельзя было предотвратить,— ответила ему на удивление кротким тоном Руденуаман.— Девчонка но психичка неизвестного потенциала. Она одурачила даже собственного отца.

— Нетрудная задача, судя по тому, что мне говорили о поведении Чаллиса. Он будет для нас полезнее мертвым,— сказала высокая фигура, разворачиваясь лицом к Флинксу и Сильзензузекс.— Это те двое пленников, проникших сквозь защиту?

— Да.

— Присмотрите за тем, чтобы они тоже не сбежали, если сможете,— рявкнула фигура.— Хотя, если девчонка сбежит и расскажет, что знает об этом месте, не будет иметь значения, что сделано с этими двумя. Весь этот обман начинает меня утомлять...— и тут он поднял руку, схватил себя за подбородок и стащил свое лицо.

Со стороны Сильзензузекс раздалось невнятное щелканье, когда раздраженный нечеловек повернулся, чтобы выйти из помещения. Флинкс тоже был потрясен. Теперь он знал, что тревожило его и Пипа с тех пор, как они приземлились на этой планете. Дело было не просто в том, что этот человек оказался ААнном, ибо такую возможность он всегда подозревал, с тех пор как выудил еще на Земле образ Конды Чаллиса и Ульру-Уйюрра из мозга рептильного лазутчика.

Дело было в том, что он знал этого конкретного ААнна.

Но барон Рииди ВВ никогда в глаза не видел Флинк-

са, который ни разу не попал в пределы диапазона трехмерной камеры, когда барон преследовал его и других, находившихся на борту корабля Максима Малайки, столь много месяцев назад. Флинкс, однако, чересчур много насмотрелся на это ледяное, полное предельного самообладания лицо, услышал слишком много угроз, произнесенных этим гладким голосом.

Рииди ВВ обернулся в дверях, и на мгновение Флинкс испугался, что ААннский аристократ все-таки узнал его. Но он остановился только для того, чтобы снова заговорить с Руденуаман.

— Вам лучше всего надеяться, что девочка не сбежит, Телин.

Хотя коммерсантка и не производила больше впечатления всемогущества, она отнюдь не перетрусила.

— Не угрожайте мне, барон. У меня есть свои собственные средства. Я могу причинить вам много затруднений, если внезапно исчезну.

— Моя дорогая Руденуаман,— возразил он,— я не угрожал вам. Я не стал бы... вы были слишком ценны для нас: и вы, и ваша тетка до вас. Я бы не желал иметь никакого другого человека, ведающего этими отношениями со стороны Содружества. Но если девчонка уйдет, то, клянусь песком-что-оберегает-жизнь, всю эту операцию придется прикрыть. Если последующая экспедиция Церкви откроет эту базу и выяснит, что она частично финансируется и управляется имперской расой, то это может послужить поводом к войне. Хотя Империя и не боится, она предпочитает не ввязываться именно сейчас во враждебные действия. Мы будем вынуждены уничтожить рудник и стереть все следы этого предприятия.

— Но ведь для замены всего этого потребуются многие годы,— указала она.

— По меньшей мере, несколько лет,— согласился барон.— И это только оптимистическая оценка. Что, если Церковь предпочтет патрулировать эту систему крепостями с экипажами, вместо легковерных автоматов? Мы можем вообще никогда не вернуться.

— Я была права,— провозгласила с удовлетворением Сильзензузекс.— Никакой частный концерн не име-

ет-таки достаточных средств, чтобы обойти Церковную мироблюстительную станцию. Это может суметь только другое космическое правительство, вроде Империи.

Барон отдал ей честь на ААннский манер, намекавшую, что она только что одержала пиррову победу.

— Именно так, юная леди. И равным образом Империя не озабочена тем, как могла бы частная корпорация находиться здесь, ведь ваша Церковь поместила этот мир под Эдикт. Нас заботит лишь то, что он находится на территории Содружества. Опасность нашего обнаружения заключается в дипломатических последствиях, а не в каком-то воображаемом дьяволе, помещаемом здесь кем-то в вашей иерархии.

— Неужели вы не нашли на этой планете ничего, оправдывающего ее карантин? — спросил Флинкс с любопытством, пересилившим его осторожность.

— Ничего, мой юный друг,— ответил высокий ААнн.— Она сырая и холодная, но в остальном предельно гостеприимная.

Флинкс внимательно посмотрел на барона, пытаясь проникнуть в этот расчетливый мозг, но безуспешно. Его непостоянный талант отказывался содействовать.

— Вы идете на риск межзвездной войны просто ради того, чтобы нажить несколько кредитов?

— А что плохого в деньгах? Империя процветает благодаря им, также как и ваше Содружество. Кто знает,— улыбнулся барон,— возможно, и моя рука в этом деле скрыта от моего собственного правительства. Что аркази не видит в песке, не кусает его, виа-нар? А теперь вы должны извинить меня, так как у нас есть сбежавшая девчонка, которой требуется дать нагоняй.

И он исчез за дверью. У Флинкса были дюжины вопросов, которые он мог бы бросить ААннскому аристократу. Однако, хотя барон не подал никаких признаков узнавания, когда отвечал на единственный вопрос, оставалась опасность, что в затянувшемся разговоре Флинкс мог допустить какую-то необдуманную оговорку, указывавшую на их знакомство. Если бы ААнн когда-нибудь заподозрил, что Флинкс был среди тех, кто обманом лишил его и Империю Кранга несколько месяцев тому

назад, он подверг бы юношу вивисекции с бесконечной медлительностью. Лучше не рисковать.

Они оставались там, ожидая, пока Телин вновь успокоится, оправившись от тяжкого испытания с побегом Махнахми и от травмирующего столкновения с разгневанным бароном. Флинкс смотрел из разбитого окна, как в отдалении скрытый лифт поднял два крупных военных челнока из-под земли под взлетной полосой. Единственная машина, несомненно, содержащая Рииди ВВ, проехала вдоль одного из челноков, и несколько фигур поспешно поднялись из нее на поджидающие корабли.

Как только машина убралась с дороги, два челнока ушли в небеса, где они, вероятно, встретятся, по меньшей мере, с одним ААнинским военным судном. Махнахми получила хорошую фору, но Флинкс знал, что его взятое напрокат суденышко никогда не сможет обогнать даже маленький военный корабль. Однако мозг у девочки был все рабно что неуправляемый реактор: невозможно предсказать, на что она окажется способна при достаточном стрессе. Барону, решил он, лучше поберечься.

Отвернувшись от окна, Флинкс заговорил с Сильзензузекс на пониженных тонах. Оба попытались вычислить причины присутствия здесь ААннов. Она не больше, чем он, поверила в небрежное отрицание барона, уверявшего, будто он находился на этой планете всего лишь ради прибыли. ААнны были главными врагами Содружества с самого его возникновения и никогда не переставали искать, осторожно и все же неустанно, какой-нибудь новый способ поторопить его разрушение и ускорить то, что они считали своей судьбой: править космосом и его «меньшими» расами.

Должна была существовать более глубокая причина, связанная с этими уникальными янусскими камнями, хотя ни он, ни она не могли придумать никакой жизнеспособной теории.

На Тарке IV жила женщина по имени Амасар, широко прославленная своей мудростью. В данный момент,

однако, она находилась в пьяном экстазе, упиваясь красотой находящегося в ее руке предмета.

Обожаемая своими избирателями и уважаемая противниками, она два десятилетия была постоянным представителем в Совете Содружества от Северного полушария Тарке IV. Ее ум никогда не знал покоя в поисках решения проблем или ответов на вопросы, и она работала в часы, смущавшие коллег и помощников наполовину моложе ее. В текущее время она занимала пост младшего Советника во главе Теории Дипломатии самого Совета. Она находилась в положении, дающем возможность оказать сильное влияние на направление внешней политики Содружества. Ей следовало бы изучить копию предстоящей повестки дня, но вместо этого ее ум был занят великолепием, находящимся в предмете у нее на ладони. Кроме того, по большинству вопросов, выносимых на голосование, решение у нее было уже принято. Ее мнение, как уважаемого советника, будет иметь мощное влияние. «Да» по этому вопросу, «нет» — по тому, склонна так-то и так-то по этому предложению, не отступать в этом деле, не уступать по этому особому пункту — список был длинный.

Сфокусировавшаяся мыслями на ином, Амасар отключила обозреватель, прокрутившийся несколько мгновений вхолостую. Откинувшись на спинку кресла, она продолжала неотрывно смотреть на сверкающую неровность предмета у нее на столе.

Завтра она поднимется на борт корабля, отправляясь на ежегодное заседание совета. Место сбора варьировалось между двумя столицами Содружества, Землей и Ульдомом. В этом году заседание пройдет на транксийской столичной планете. Это обещало быть всепоглощающей, стимулирующей сессией, с нетерпением поджидаемой ею. На голосование обязательно будет поставлено несколько важных вопросов, включая меры против этих хитрых убийц, ААннов. В Совете имелись некоторые, верящие в смягчение и умиротворение рептилий, но только не она!

Но зачем беспокоиться сейчас о таких делах? Двигаясь словно во сне, она открыла центральный ящик

письменного стола, чтобы произвести последнюю проверку. Все было на месте: дипломатические верительные грамоты, подтверждения брони на места, документация и ленты с информацией. Да, в этом году сессия будет интересной.

Она все еще сияла от удовольствия, когда сунула руку в самый нижний ящик справа от себя, достала маленький легковесный игломет и изжарила эту коварно соблазнительную вещь на столе, прежде чем вышибить себе мозги!

Очевидное самоубийство, было доложено местным следователем и подтверждено чиновниками Содружества, еще один из тех необъяснимых случаев, от каких страдали даже самые психологически устойчивые люди. Причиной могло быть все что угодно. Слишком мало уверенности, слишком мало денег, слишком мало приязни...

Или же слишком много особо смертельной разновидности красоты.

— Замечательное дитя,— произнесла наконец Телин ауз Руденуаман, перебивая их разговор. Она поглядела на них и заметила: — Сегодня, похоже, день замечательных детей.

Поскольку пленники продолжали хранить мрачное молчание, она пожала плечами и снова посмотрела на панели.

— Я знала, что у меня есть причина так сильно ненавидеть это отродье. Признаюсь, однако, что она меня полностью одурачила. Хотела бы я знать, сколько лет она манупулировала Чаллисом для своих собственных целей?

— Судя по тому, что она сказала, всю свою сознательную жизнь.— Флинкс подумал, что держать внимание коммерсантки сфокусированным на чем-то другом — неплохая мысль.— Вы намерены теперь нас убить? — спросил он с обезоруживающей обыденностью.— Или решили поверить мне?

— Ваша смерть не имеет никакого отношения к ва-

шей истории, Флинкс. Хотя Чаллис, кажется, подтвердил ее. У меня будет много времени, чтобы избавиться от вас. Я все еще нахожу вас новинкой.— Она оценивающе поглядела на него.— Вы являетесь охапкой интересных противоречий и плохо поддаетесь классификации. Я не уверена, что мне это нравится. У меня есть склонность расстраиваться от того, что я не понимаю. Это опасно, потому что я могу в итоге убить вас из прихоти, а это только еще больше расстроит меня, поскольку с вами умрут и все ответы.

— Нет, мне думается, я подожду возвращения барона, прежде чем сделать с вами двумя что-нибудь необратимое.— Она показала белые зубы.— ААнны — большие знатоки по части разъяснения противоречий.

Сильзензузекс поднялась на истноги и попробовала поврежденную конечность. Она будет вынуждена хромать на трех опорах, пока та не зарубцуется. Она прожгла коммерсантку гневным взглядом, составные глаза для этого особенно хороши.

— Работать так вот с заклятыми врагами рода хьюманксийского.

На Руденуаман это не произвело ни малейшего впечатления.

— Столько возмущения из-за мизерных денег.

Она с укором посмотрела на транксийку.

— ААнны дали мне исключительные права на распространение янусских камней в пределах Содружества. В обмен я разрешаю им брать определенный процент здешней продукции. Я снабжаю многими средствами для горнодобычи, а они нейтрализовали умиротворители.

— Я сделала «Нуаман», теперь «Руденуаман Энтерпрайзис», сильнее, чем он когда-либо был, сильнее, чем он был при моей тетке. Мы обнаружили только одну жилу кристаллов, которые, похоже, являются изолированной минералогической мутацией. Через пять-десять лет мы вытащим из этой горы последний камень. И тогда мы добровольно уберемся отсюда, без ведома Церкви и без малейшего вреда Содружеству. К тому времени «Руденуаман Энтерпрайзис» обретет несокрушимую фи-

нансовую позицию. И моя тетка, да сгниет она в лимбе, одобрила бы. Я думаю...

— Я думаю, что вы ослепляете себя,— вставил Флинкс,— добровольно. С точки зрения Империи здесь замешано куда больше, чем малость жалких наличных.

Руденуаман с любопытством посмотрела на него:

— Что дает вам право говорить нечто подобное?

— Прежде чем мы отправились сюда, я был в административной штаб-квартире Церкви. В то время там один ААнн в хирургической маскировке — схожей, но довольно-таки более искусной, чем надетая бароном, попытался проникнуть в командный центр. После того как он покончил с собой, я обнаружил рассеянную по всему его животу кристаллическую пыль. Она могла взяться от пульверизированного янусского камня.

— Но принесенные им кристаллические иглодроты...— начала было напоминать ему Сильзензузекс.

— ...могли быть сделаны из бракованных янусских камней,— сказал он ей.— Ты не подумала об этом? Разве это не было бы чудесной крышей? — Он повернулся, чтобы посмотреть на нее.— Я не думаю, что это лазутчик, ААнн покончил с собой, чтобы не дать себя допросить. ААнна нельзя сломить. Я думаю, что взрыв предназначался для уничтожения того, что он принес — янусского камня.

— Но для чего? — гадала она.— Чтобы кого-то подкупить?

— Не думаю, что для этого... но не уверен. Пока.

— Как будто меня волнует, что случится с Церковью,— с отвращением добавила Руденуаман.

— Церковь,— ответила с большим достоинством Сильзензузекс,— это все, что стоит между цивилизацией и варварством.

— А вот понравилось бы это представителям Содружества, моя милая? Они, похоже, считают себя опекунами хьюманксийского благоденствия.

— Содружество стоит только потому, что поддерживается нетленными стандартами Объединенной Церкви.

— Вот с кем я очень хотела бы встретиться,— колко заметила коммерсантка, перемещаясь на ложе.— С нетленным.

— Я тоже,— признался Флинкс.

Сильзензузекс круто повернулась к нему.

— На чьей ты все-таки стороне, Флинкс? — На спине ее грудной клетки-б поднялись дыбом тонкие волосы.

— Не знаю,— с чувством ответил он.— Я еще недостаточно внимательно изучил все стороны.

— А не хотели бы посмотреть мою? — вдруг спросила Телин.

— Очень сильно,— признался он. Сильзензузекс внешне выглядела безразличной, но он почувствовал ее интерес.

— Отлично,— решила явно под влиянием минуты коммерсантка.— Линда...

— Машину, Мадам,— и охрану?

— Только шофера и одного охранника.

Приземистая телохранительница выглядела неуверенной.

— Мадам, вы думаете, что?..

Руденуаман отмахнулась от возражения. Она была в настроении напрочь стереть огорчительные события полудня. Похвальба и пускание пыли в глаза будут превосходной терапией.

— Ты слишком много беспокоишься, Линда. Куда они могут деться? Их челнок украден, барон забрал наше судно, а в какую сторону не пойди, эта планета становится все негостеприимней. Им не убежать.

— Верно,— согласился Флинкс.— Кроме того, у моей спутницы повреждена конечность.

— Почему бы это имело для тебя значение? — фыркнула Сильзензузекс.

Он сердито повернулся к ней.

— Потому что, несмотря на все что случилось, а о многом из этого я сожалею, мне не все равно, что с тобой случится дальше, неважно, веришь ты этому или нет!

Сильзензузекс уставилась на его спину, когда он резко отвернулся от нее, запихнув руки в карманы комбинезона. Схематика безопасности, археологическая хронофизика — все это казалось простым рядом с этим непроницаемым юным человеком. Узнай она, что ее мнение о нем разделялось в равной степени двумя дру-

гими находящимися в комнате женщинами, это бы ее, наверное, не утешило. Несомненно, понять Флинкса было бы легче, если бы он сам себя понимал.

Глава десятая

Машина гладко свистела, так как была хорошо настроена, поднимаясь по пологой тропе, покрытой похожей на вереск порослью. Флинкс откинулся на сидении и уставился сквозь прозрачный верх. Как раз за зданиями рудника гора становилась почти вертикальной, поднимаясь на лишних 2500 метров над озером.

В данный момент его внимание не занимали ни невероятный пейзаж, ни их нынешние мрачные перспективы, ни раздававшиеся иногда свистящие стоны боли со стороны Сильзензузекс. Он думал вместо этого об украденной ленте, которая могла содержать раннюю часть его жизни. И по его мнению, лента эта все еще была крайне путано связана с Кондой Чаллисом, которому больше не убежать от него.

Флинкс уже увидел роскошные жилые покои, занимаемые Телин ауз Руденуаман. Чаллис, несомненно, обладал схожими, может, и менее просторными палатами где-то в комплексе за ними, вероятно, в том же самом здании. Комнаты Чаллиса в конечном итоге очистят, а его принадлежности устранят, чтобы дать пространству новое применение. Но пока они несомненно запечатаны и нетронуты, включая ту ленту, столь тантализирующе близкую.

Если можно будет убедить непредсказуемую молодую женщину еще на какое-то время оставить их в живых, у него все еще мог быть шанс увидеть, что имелось на украденной катушке. Хотя, если бы она узнала, как отчаянно он хотел ее посмотреть, то могла бы простонапросто раскрутить ее у него на глазах в тарелку с кислотой.

То, что она приказала убить Чаллиса, было мерой ее мании величия, или уверенности. Кому-то придется пой-

ти на существенные хлопоты, чтобы прикрыть его исчезновение, правда, его подчиненные в фирме не станут особенно выступать. Агенты Руденуаман без труда найдут среди оставшихся тех, которые охотно захватят бразды правления, не задавая вопросов. Кроме того, частная деятельность Чаллиса носила такой характер, что расхолаживала внимательное расследование. Человек, увлекавшийся такими противными хобби, много раз мог встретить внезапный, неожиданный конец.

Флинкс гадал, достаточно ли еще функционировал мозг коммерсанта для того, чтобы тот пожалел о простом способе своего перехода в иной мир. Он, несомненно, замышлял для себя финальную кончину грандиозной извращенности.

Машина остановилась на одном уровне с самой нижней частью сверкающих металлических зданий с отвесными стенами. Они были построены на более-менее плоском участке, выдолбленном в профиле горы. Подвешенная на большой высоте, серия квадратных металлических дуг прокалывала скальные стены, словно серебряные шприцы, высасывающие кровь из кита. Из строения на прибывших несся чистый горный воздух с постоянным тух-тах-тух-тах не знающих усталости машин.

Охранник, который мог быть, а мог и не быть таким человеком, каким он выглядел, небрежно отдал честь, когда они вошли в здание.

— Мы сейчас находимся в наружном здании,— объяснила Руденуаман,— где расположено все наше оборудование для горнодобычи и обработки.

— Это предприятие стоило невероятную сумму кредитов... капелька по сравнению с ожидающей нас в конечном итоге прибылью.

— Я все еще не пойму, почему ААнны так сильно нуждаются в вас,— сказал ей Флинкс, впитывая глазами все виденное, по принципу, что знание — это свобода.— Особенно потому, что именно они ответственны за нейтрализацию крепостей-мироблюстителей.

— По-моему, я уже внесла в это ясность,— ответила она.— Во-первых, Содружество — куда больший рынок

для драгоценных камней, чем Империя. У них нет иного пути выбросить на рынок свою долю, кроме как через человека-посредника... меня. Но еще важнее, как объяснил барон, то, что эта планета находится в пределах границ Содружества. Хотя она и сравнительно изолированная, между здешней звездой и ближайшим населенным миром Империи находится множество других деловых обитаемых планет Содружества, плюс многочисленные наблюдательные станции. ААннским техникам требуется безопасный проезд, что и обеспечивают корабли фирмы «Руденуаман».

Флинкс, вдруг подумавший о погоне барона за Махнахми, спросил:

— Значит, в этом регионе нет никаких Имперских военных судов?

Руденуаман, похоже, удивилась наивности Флинкса:

— Вы принимаете барона за дурака? Стоит только обнаружить один такой корабль, и этот квадрат космоса будет кишеть боевыми кораблями Содружества. Барон,— высокомерно уведомила она их,— мыслит куда тоньше, чем обычно ожидаешь от ААнна.

Настолько тонко, подумал со смешанными чувствами Флинкс, что, возможно, перехитрил самого себя. Если он преследовал Махнахми на грузовом судне вместо эсминца или фрегата, она могла, в конце концов, ускользнуть от него. Правда, он не был уверен, что желает спастись этому драгоценному таланту, но, по крайней мере, лихая погоня может продлить на некоторое время отсутствие барона на Ульру-Уйюрре.

Им придется разрешить их ситуацию, прежде чем это случится и барон вернется. Флинкс не думал, что ААнн-ский аристократ потерпит продолжительное существование его и Сильзензузекс. Если дело дойдет до столкновения между Флинксом и Руденуаман, она, недолго думая, казнит его и Сильзензузекс, чтобы успокоить своего напарника.

Хотя Руденуаман можно было управлять лестью и развлечениями, Флинкс не питал никаких иллюзий насчет своей способности манипулировать также и бароном.

— Телин,— рассеянно начал он,— ты когда-нибудь...

Она гневно повернулась, с холодным голосом и темным выражением лица.

— Никогда не называй меня так — или умрешь намного быстрее. Ты будешь обращаться ко мне «Мадам» или «Мадам Руденуаман», или следующий способ, каким ты будешь забавлять меня, это своими звуками, когда я велю содрать тебе кожу со спины.

— Простите, Мадам,— осторожно извинился он.— Вы все еще настаиваете, что интерес ААннов к янусским камням чисто финансовый? — Он сознавал, что Сильзензузекс наблюдает за ним.

— Вы все продолжаете поднимать эту тему. Да, конечно, настаиваю.

— Скажите, вы когда-нибудь видели какого-нибудь ААнна, например, барона, пользующегося шлемной связью для создания изображений-сюжетов внутри одного из кристаллов?

— Нет.— Эта мысль ее, похоже, не взволновала.— Это рудничный аванпост. Здесь нет гедонистов или бездельников.

— У вас есть здесь шлемы со связью?

— Да.

— А у Чаллиса? Я полагаю, у него тоже такой имелся? Коллоидные постановки были, кажется, одним из любимых его увлечений.

— Да, хотя и не единственным,— ответила она с отвращением, скривив губы.

— А что насчет барона? Он наверняка наслаждается камнями.

— Барон Рииди ВВ,— уверенно заявила она,— мыслит чисто деловыми и военными категориями. Я иногда видела, как он расслабляется в разных ААннских развлечениях, но никогда — с янусскими камнями.

— А что насчет других здешних знатных и чиновных ААннов?

— Нет, они все полностью поглощены своими задачами. А почему так любопытно узнать, видела ли я каких-либо рептилий, пользующихся камнями?

— Потому что,— задумчиво проговорил Флинкс,— я не думаю, что они на это способны. Не знаю, что делает барон с камнями, передаваемыми для предполагаемой продажи в пределах Империи, но я уверен, что они предназначаются не для развлечения богатых ААннов. Может быть, для подкупа в пределах Содружества, этого я еще не вычислил.

— ААннский мозг отличается от человеческого или транксийского,— продолжал он,— не обязательно слабее их — в некоторых отношениях, вероятно, сильнее, но отличающийся. Я немного читал об этом и не верю, что их мозги производят надлежащие импульсы для управления связью с янусским камнем. Они могут взболтать коллоидальную взвесь, но организовать ее во что-то узнаваемое — никогда.

— В самом деле,— пробормотала себе под нос Руденуаман по завершении этой небольшой лекции.— Что делает вас экспертом по таким делам?

— У меня большие уши,— отвечал Флинкс. Пусть лучше продолжает считать его диким отгадчиком, чем расчетливым мыслителем.

— Ладно, допустим, они не могут управлять кристаллами так, как мы.— Она безразлично пожала плечами.— Красота камня все равно остается непревзойденной.

— Это так,— допустил он.— Но до такой ли степени, чтобы оправдать подобное рискованное вторжение на территорию Содружества? Будь я проклят, если поверю, будто ААнны так сильно любят красоту. Эти камни каким-то образом используются против Содружества, против рода хьюманксийского.

Руденуаман не ответила, предпочтя игнорировать то, чего не могла опровергнуть. Они зашли далеко на более высокие уровни здания. К ним приблизился высокий ААнн, в идеальной хирургической маскировке, за исключением того, что теперь Флинкс знал, что за ней скрывается, и был способен узнать под ней рептилию.

— Это Меево ФФ ГВ,— уведомила их Руденуаман, подтверждая догадку Флинкса.— Он следующий по старшинству ААнн и помощник барона. Он также пре-

восходный инженер, курирующий здесь все операции по горнодобыче.— Она самонадеянно поглядела на Флинкса.— Я немного подумала о ваших обвинениях и знаете что я решила.— Она улыбнулась.— Мне наплевать, что ААнны причинят Содружеству своей долей камней, пока это не мешает моему бизнесу.

— Именно таких слов я примерно и ожидала от вас услышать.— Голос Сильзензузекс нес в себе презрение единственным доступным транксам способом: резко щелкающим тоном. Флинкс думал, что идти на антагонизм с их переменчивой хозяйкой было идиотизмом, но та, похоже, не волновалась. Если она что и испытывала, так разве что удовольствие, видя свою пленницу столь расстроенной.

— Ну разве не приятно видеть подтверждение своих мыслей? — Она повернулась к подошедшему.— Здравствуй, Меево.

Флинкс воспользовался удобным случаем детально изучить маскировку рептилии. Будь корабль Руденуаман остановлен инспекторами Содружества, он сомневался, что какой-нибудь небрежный наблюдатель мог разоблачить тщательно сработанную маскировку.

Однако если посмотреть повнимательней, глаза выдавали четко. Потому что у Меево ФФ ГВ, как и у барона, как и у всех ААннов были двойные веки. Моргание разоблачало скрывавшееся за этими глазами существо.

— Это те, которые сумели пройти мимо переналаженных крепостей? — спросил ААннский подручный, переводя взгляд с Сильзензузекс на Флинкса.

— Да, их только двое,— сообщила ему Руденуаман.

Маеево вроде как любезно полюбопытствовал:

— Тогда почему же они еще живы?

Сильзензузекс снова задрожала, на этот раз от совершенно нечеловеческого безразличия в этом голосе.

— Сейчас они меня еще забавляют. А когда вернется барон, у него могут найтись к ним свои собственные вопросы. Барон умеет допрашивать куда лучше, чем я. Я склонна становиться нетерпеливой.

У инженера вырвался тихий рептильный смешок.

— Я слышал о девчонке. Крайне неудачное, раздра-

жающее происшествие. Беспокоиться, однако, не о чем. Барон покончит с ней раньше, чем она сможет связаться с посторонними. Его умение распространяется и на другие области, кроме допросов.— Он усмехнулся, показывая фальшивые человеческие зубы на удлиненных фальшивых человеческих челюстях. В глубине же открытого рта Флинкс сумел едва-едва разглядеть блеск настоящих, куда более острых зубов.

— Вы находите их забавными... *любопытными*,— заключил инженер с жестом, который Флинкс не сумел интерпретировать. Его позиция намекала, что небрежное развлечение было ему столь же чуждо, как и рождение живого потомства.

Однако, ААнны тоже были любопытны. Меево следовал по пятам за ними, когда Руденуаман провела их через остаток комплекса.

— Внизу вы видели добычу и сортировку. Здесь происходит шлифовка и удаление поверхностных примесей.— Она показала на серию камер без дверей, откуда доносились музыкальные звуки.

— Здесь все сплошь ААнны, кроме вас и ваших телохранителей? — сардонически поинтересовалась Сильзензузекс.

— О, нет. Нас здесь *примерно поровну. В нашем любимом* обществе есть удивительно большое число талантливых хьюманксийцев, для которых повседневные проблемы жизни оказались слишком сложными. Бесчувственные власти довели их до поиска хоть сколь-нибудь респектабельной работы. Борьба за существование перевешивает любые имеющиеся у них сомнения относительно таких неосязаемых вещей, как межвидовая лояльность.

— Осмелюсь предположить, что никто из них не покидает этот мир живым.

Руденуаман, похоже, искренне удивилась.

— Смешная особа... это же было бы плохо для бизнеса. О, я не хочу сказать, что мы вдохновляем в них лояльность. Для большинства тех, кто здесь работает, это понятие больше ничего не значит, иначе они вообще бы здесь не находились. Любой из них с радостью продал

бы свое знание об этом незаконном предприятии в ту же минуту, как получит расчет.

— Мы применяем с их ведома и согласия селективное стирание памяти, очищающее их мозги от всяких воспоминаний о пребывании здесь. Это оставляет их со смутно неуютным ощущением, что они провели долгий период без сознания. Это и их жирный банковский счет гарантируют, что они не выдадут нашего присутствия здесь.

— Стирание памяти,— пробормотала ошеломленная Сильзензузекс,— запрещено применять кому-либо, кроме высших врачей Содружества или Церкви, да и то только при чрезвычайных обстоятельствах!

— Вы должны не забыть внести это в свой рапорт,— усмехнулась Руденуаман.

Они вышли в большое помещение, и температура заметно упала.

— Мы пойдем в главную шахту,— объяснила Телин, указывая на длинные вешалки находящейся поблизости спецодежды. Сильзензузекс увидела, что многие из них были скроены для транксов.

— Вы думали, что ваши драгоценные кузены невосприимчивы к приманке кредитами? — подколола ее Руденуаман.— Ни у какого вида нет монополии на жадность, детка.

— Не называйте меня деткой,— тихо возразила Сильзензузекс.

Ответ Руденуаман был не таким, какого ожидал Флинкс — первый настоящий смех, услышанный ими от нее. Она оперлась на свою трость, трясясь от смеха. Любопытные рабочие, проходя мимо, поворачивались чтобы взглянуть на них.

— Я буду называть тебя мертвой, если ты предпочитаешь,— наконец провозгласила коммерсантка. Она показала на длинные вешалки со спецодеждой.— А теперь наденьте одну из них, внутри горы довольно холодно.

Облачившись в защитную одежду, они последовали за ней и инженером-ААнном по широкой прямоугольной дороге. Металл вскоре уступил место голой скале. Размещенные с равными промежутками однопролетные ду-

ги из дюралесплава помогали поддерживать потолок.

Термальный костюм Флинкса был частично открыт, разрешая маленькой рептильной голове выглядывать изнутри, водя немигающими глазами, когда она наблюдала холодное окружение. Двойные ряды ярко пылающих световых трубок отбрасывали по туннелю ровное излучение.

— Этот сектор уже исчерпан,— объяснила Руденуаман.— Кристаллы находятся в жиле, уходящей горизонтально в гору.

Они замедлили шаг.

— Сеть из нескольких добавочных вспомогательных штреков тянется вдоль жил поменьше. Некоторые проходят чуть выше, а другие — ниже нашего нынешнего местонахождения. Мне говорили, что камни возникли в случайных очагах вулканической скалы, заполненных когда-то газом. Янусские камни создала необычная комбинация давления и жара.

— Сами камни находятся в разных сортах породы горы, как алмазы в кимберлите на Земле и Броникских радужных кратерах, разрабатываемых на Эврии. Во всяком случае, именно так говорят мне мои инженеры.

Игнорируя употребленное по отношению к нему притяжательное местоимение, Меево сделал краткий жест признания:

— Это так. Схожие примеры изолированных образований кристаллов имеются и в пределах Империи, хотя ничего столь необычного, как это.

Что-то щекотнуло мозг Флинкса, и он стал вглядываться в неясную глубину шахты.

— К нам кто-то идет,— наконец объявил он.

Руденуаман повернулась посмотреть и праздно заметила:

— Всего лишь несколько туземцев. Они примитивные, но достаточно разумные, чтобы сделаться хорошими чернорабочими. У них нет никаких орудий труда: никакой цивилизации и никакого языка, помимо немногих урчаний и имитированных человеческих слов. Они не носят даже минимальной одежды. Их единственная претензия на рудиментарный разум проявляется в про-

стых модификациях, делаемых ими в домах-пещерах: перекатывание валунов в переднюю часть, чтобы уменьшить вход, копание вглубь горы, и так далее. Они выполняют для нас тяжелую черновую работу, и они осторожны с обнаруженными ими камнями.

Мы упростили бурильное оборудование для них. Мех их достаточно густ, так что холод внутри горы, кажется, их не беспокоит, что является большим счастьем для нас. Даже в термальных костюмах для людей было бы трудно, а для ААннов — невозможно, дальше разрабатывать отложения кристаллов, учитывая, насколько глубоко тянется теперь шахта в гору. Если они и возражают против холода, то, кажется, готовы рисковать ради наград, выдаваемых им нами в обмен за каждый камень.

— И чем же вы их вознаграждаете? — с любопытством поинтересовался Флинкс. Объемистые фигуры все еще медленно приближались к ним. Волосы у него на затылке вздыбились, и Пип сильно зашевелился в складках теплого костюма.

— Ягодами,— с отвращением отрезал Меево.— Ягодами и фруктами, орехами и клубнями. Корнееды! — закончил он с характерным для всех плотоядных презрением.

— Значит, они вегетарианцы?

— Не совсем,— поправила Руденуаман.— Они явно вполне способны переваривать мясо, и у них есть необходимые для охоты зубы и когти, но они намного больше предпочитают фрукты и ягоды, которые им может добыть наш автоматический сборщик урожая.

— Грязекопатели,— буркнул инженер-ААнн. Он взглянул на Руденуаман: — Извините, что выхожу из вашей игры, но меня ждет работа,— он повернулся и неуклюже двинулся обратно по шахте.

К этому времени четверо туземцев подошли достаточно близко, чтобы Флинкс различил индивидуальные характерные черты. Каждый был выше рослого человека и в два-три раза шире, почти толстяки. Сколько от этого объема составлял невероятно густой коричневый мех, отмеченный черно-белыми кляксами, он не мог сказать. По сложению и общему виду они были, в сущ-

ности, урсиноидами, хотя и имели плоскую морду вместо вытянутого рыла. Она заканчивалась почти невидимым черным носом, выглядевшим чуть ли не комично на таком массивном создании.

Концы каждой из четырех семипалых лап увенчивали короткие толстые когти, и эти создания, похоже, могли с равной легкостью передвигаться на всех четырех лапах или стоя прямо. Никаких хвостов не было. На макушке располагались короткие округлые уши. Пока самыми отличительными чертами были глаза, как у долгопятов: огромные, словно блюдца, янтарно светившиеся в флюоресцентном освещении туннеля. В их центре плавали огромные черные зрачки, похожие на обсидиановые желтки.

— Судя по их внешности, они ведут в основном ночной образ жизни, а дневной — лишь минимально,— заметила заинтригованная Сильзензузекс. Туземцы заметили новоприбывших, и все поднялись на задние ноги, чтобы получше разглядеть их. Когда они стояли выпрямившись, то, казалось, заполняли собой весь туннель. Флинкс заметил легкий изгиб в уголках их ртов, создававший ложно комическую дельфиновидную улыбку на каждом массивном лице.

Он был готов задать Руденуаман еще один вопрос, когда что-то сильно зашевелилось в его термальном костюме. Лихорадочная попытка Флинкса схватить его оказалась слишком запоздалой, чтобы удержать Пипа. Летучий змей выскочил и устремился вперед по шахте к туземцам.

— Пип... подожди, нет же никакой!..

Он начал было говорить, что не было никакой причины нападать на мохнатых великанов. Ничего страшного или угрожающего не царапнуло его чувствительный мозг. Если мини-минидраг разъярит огромных туземцев, то сомнительно, что кто-нибудь из них выберется из этого туннеля живым.

Игнорируя призыв хозяина, Пип добрался до ближайшего из созданий. На задних ногах огромный зверь достигал почти трех метров ростом и весил, должно быть, по меньшей мере полтонны. Огромные светящиеся

глаза разглядывали крошечный призрак, чей яд почти всегда был смертелен.

Пип спикировал прямо на голову. В последнюю секунду перепончатые крылья забили в воздухе, когда мини-минидраг затормозил — чтобы приземлиться и легко обвиться вокруг плеча туземца. Монстр бесстрастно поглядел на мини-минидрага, а затем обратил свой тусклый взгляд на Флинкса, в шоке глядевшего в ответ на великана, разинув рот.

Второй раз в своей жизни, Флинкс потерял сознание.

Сон был новым и очень глубоким. Он плавал в середине бесконечного черного озера под угнетающе близким ночным небом.

Было так темно, что он не видел ничего, даже собственного тела... которого тут могло и не быть.

На фоне эбеновых небес дрейфовали четыре ярких огонька. Крошечные, пляшущие точечки немигающего золота двигались, вычерчивая непредсказуемые и все же рассчитанные узоры, словно светляки. Они плясали и кружились, проносились и скакали неподалеку от его глаз, которых он не имел, и все же ясно видел их.

Иногда они плясали вокруг друг друга, а однажды все четверо исполнили какое-то хитрое сплетение и расплетение, столь же сложное и многозначительное, сколь и быстро забытое.

— Теперь он вернулся,— заметил первый светляк.

— Да, он вернулся,— согласились одновременно двое других.

Флинкс с интересом заметил, что последний из четырех светляков не был постоянным, немигающим огоньком, как он сперва подумал. В отличие от других, он непериодически вспыхивал и гас, словно лампа, работающая при флюктуирующем токе. Когда он мигал, то полностью исчезал, а когда загорался, то вспыхивал ярче, чем любой из других.

— Мы напугали тебя? — поинтересовался мигающий.

Ответил бестелесный голос, странно похожий на его собственный:

— Я увидел, как Пип...— начал было говорить голос-сон.

— Сожалею, что мы крикнули тебе,— извинился первый светляк.

— Сожалеем, что закричали,— хором подхватили двое других.— Мы не собирались причинять тебе вреда. Мы не собирались пугать тебя.

— Я увидел, как Пип,— задумчиво произнес Флинкс,— обвился вокруг плеча одного из туземцев. Я никогда не видел, чтобы Пип делал это раньше с чужаком. Ни с матушкой Мастифф, ни с Трузензузексом, ни с кем.

— Пип? — переспросил третий голос.

— О,— объяснил второй светляк,— он имеет в виду маленький твердый ум.

— Твердый, но вкусный,— согласился первый.— Как чунут.

— Ты подумал, что маленький твердый ум собирался причинить нам вред? — спросил первый голос.

— Да, но вместо этого он ответил вам открытостью, какой я никогда раньше не видывал. Значит, вы тоже должны вещать на эмпатическом уровне, только ваши мысли дружеские.

— Если ты говоришь, что мы должны,— рассудил третий светляк,— значит — должны.

— Но только когда должны,— строго добавил четвертый голос, вспыхнув ярче, чем трое других, прежде чем исчезнуть.

— Почему четвертый среди вас приходит и уходит, словно туман? — пробормотал голос-сон Флинкса.

— Четвертый? А...— объяснил первый голос,— это Можетитак. Такое у него имя, на эту неделю, во всяком случае. Меня зовут Пушок.— У Флинкса возникло впечатление, что другие два огонька стали чуть поярче.— А это Ням и Голубой.— На миг вспыхнул четвертый огонек.

— Они пара,— сказал он, а затем снова погас.

— Опять пропал,— заметил Флинкс с бестелесной отвлеченностью.

— Это же Можетитак, помнишь? — напомнил голос-

Пушок.— Иногда он не здесь. Остальные из нас всегда здесь. И имен своих мы тоже не меняем, но Можетитак появляется и пропадает, и меняет свое имя примерно каждую неделю.

— Куда уходит Можетитак, когда он пропадает?

Голубой ответил откровенно:

— Мы не знаем.

— Тогда откуда он появляется, когда возвращается?

— Никто не знает.

— Спроси его,— предложили вместе Ням и Голубой.

Можетитак вернулся со своим огоньком, ярче, чем у любого из них.

— Почему ты меняешь свое имя каждую неделю, и куда ты уходишь, когда пропадаешь, и откуда ты являешься, когда возвращаешься? — поинтересовался голос-Флинкс.

— О, нет никаких сомнений в этом,— сообщил ему Можетитак напевным голосом-сном и снова погас.

Пушок заговорил конфиденциальным шепотом-сном:

— Мы думаем, что Можетитак немного безумен. Но все равно он хороший парень.

Флинкс рассеянно заметил, что он начинает погружаться под поверхность черного озера. Над ним курьезно кружились и ныряли четыре огонька.

— Ты первый, кто с нами заговорил,— произнес голос-Пушок.

— Приходи и поговори с нами еще,— с удовольствием попросила Ням.— Забавно иметь того, с кем можно поговорить. Маленький твердый слушает, но говорить не может. Это забавная новая штука!

Голос-сон Флинкса пробулькал сквозь углубляющуюся маслянистую жидкость:

— Куда мне следует пойти, чтобы поговорить с вами.

— К концу длинной воды,— сказала ему Ням.

— К концу длинной воды,— подтвердил Голубой.

— К противоположному концу длинной воды,— добавил Пушок, бывший довольно-таки точнее других.

— Никаких сомнений в этом,— согласился Можетитак, загоревшись едва ли на секунду.

«В этом, в этом...» слова тонули в мягкой ряби, производимой медленно погружавшимся телом Флинкса. Погружавшимся, погружавшимся пока он не коснулся дна озера. Сперва коснулись его ноги, потом бедра, потом спина и, наконец, голова.

«В этом месте есть что-то странное,— подумал он. Небо было чернее воды, а вода, по мере того, как он тонул, становилась светлее, вместо того чтобы темнеть. На дне же было так ярко, что стало больно глазам.

От открыл их.

Блестящее, почти металлическое сине-зеленое лицо, на котором господствовали два фасеточных драгоценных камня, озабоченно глядело на него. Вдохнув, он почувствовал запах кокосового масла и орхидей, что-то пощекотало его левое ухо.

Ища источник, он обнаружил лежащую у него на груди маленькую рептильную морду Пипа. Выскочил длинный острый язык и несколько раз ткнулся в его щеку. Явно удовлетворенный состоянием хозяина, миниминидраг расслабился и соскользнул с подушки, удобно свернувшись поблизости.

Подушки?

Глубоко вздохнув, Флинкс улыбнулся Сильзензузекс. Она отодвинулась и он увидел, что они находятся в маленькой, аккуратно меблированной комнате. Через высокие окна лился солнечный свет.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она с резкими щелчками и свистами симворечи. Он кивнул и посмотрел, как она благодарно осела на спальную-сидячую платформу по другую сторону комнаты.

— Слава Улью. Я уж думала, ты умер.

Флинкс положил голову на поддерживающую руку:

— Вот уж не думал, что это имеет для тебя такое большое значение.

— А, заткнись,— с неожиданной горячностью оборвала она его. Он заметил в ее голосе замешательство и подавленность, когда в ней соперничали чувства и факт.— Было много случаев, когда я с радостью перерезала бы тебе горло, если бы не находилась под клятвой защищать тебя. А потом было равное число других

случаев, когда я почти желала, чтобы у тебя был не скелет, а хитин. Вроде того случая, еще на Земле, когда ты спас мне жизнь, и когда ты противостоял этой варварской молодой самке.— Флинкс увидел, как нервно подрагивают ее антенны, неуверенно сжимается грациозный изгиб ее яйцекладов.— Ты — самое сводящее с ума существо, какое я когда-либо встречала, человек Флинкс!

Он осторожно сел и обнаружил, что внутри у него все действовало также хорошо, как и снаружи.

— Что случилось,— в замешательстве спросил он.— Нет, погоди... Я помню, что отключился, но не помню почему. Меня что-нибудь ударило?

— Тебя никто и пальцем не тронул. Ты рухнул, когда твой приятель кинулся на одного из туземных рабочих. К счастью, это маневр, кажется, был просто блефом. Туземец был не настолько знающим, чтобы испугаться,— ее выражение стало озадаченным.— Но почему бы это заставило тебя упасть в обморок?

— Не знаю,— уклончиво ответил он.— Вероятно, из-за шока, когда я представил тебе, как остальные туземцы разрывают нас на куски, после того как Пип убьет одного из их числа. Когда же он не убил, то шок умножился, потому что Пип попросту не относится так к чужакам,— Флинкс заставил себя казаться безразличным.— Так значит, естественный мех нравится Пипу больше, чем термальный костюм, и он прильнул к одному из туземцев. Вот что, вероятно, и случилось.

— И что это доказывает? — поинтересовалась Сильзензузекс.

— Что я слишком легко падаю в обморок,— скинув ноги с постели, он бросил на нее мрачный взгляд.— По крайней мере, теперь мы знаем почему этот мир находится под Эдиктом.

— Ш-ш-ш! — она чуть не упала со спальной платформы.— Почему... нет, подожди,— предостерегла она его. Прошло несколько минут, в течение которых она проделала тщательное обследование комнаты, проверяя места, которые Флинкс никогда бы не додумался проверить.

— Все чисто,— объявила наконец она с удовлетворением.— Я считаю, что по их мнению мы не можем сказать такого, что стоит слушать.

— Ты уверена? — спросил в замешательстве Флинкс.— Я об этом как-то не думал.

Сильзензузекс, похоже, обиделась.

— Я же говорила тебе, что проходила обучение в Службе Безопасности. Нет, кроме меня тебя здесь некому слушать.

— Ладно, причина, по которой этот мир был помещен под Эдикт, встретила нас сегодня в туннеле. Это туземцы... Урчащие гоблиноглазые чернорабочие Руденуаман. Они и есть причина.

Еще с минуту она продолжала пялиться на него, подумывала засмеяться, решила, что лучше не стоит, когда увидела, насколько он серьезен.

— Невозможно,— наконец пробормотала она.— Ты подвергся какой-то галлюцинации. Туземцы наверняка не больше того, чем кажутся: большие, дружелюбные и тупые. Они еще недостаточно развились, чтобы Церковь изолировала этот мир.

— Напротив,— возразил он.— Они куда больше того, чем кажутся.

Она выглядела раздраженной:

— Если это правда, *то почему они долгие часы* выполняют тяжелую черную работу при температуре замерзания в обмен на несколько несчастных орехов и ягод?

Голос Флинкса безутешно упал:

— Этого я еще не знаю,— он поднял взгляд.— Но я знаю вот что: они прирожденные телепаты.

— Иллюзия,— твердо повторила она.— Испытанная тобой галлюцинация.

— Нет,— голос его был твердым, уверенным.— Я сам обладаю некоторыми слабенькими талантами. И понимаю разницу между галлюцинацией и связью мозга с мозгом.

— Будь по-твоему,— вздохнув, провозгласила Сильзензузекс.— Спора ради давай временно считать, что эта была не иллюзия. И все же это не причина для

Церкви помещать мир под Эдикт. Целая раса телепатов — это только теория, но этого недостаточно, чтобы исключить их из ассоциированного членства в Содружестве.

— Дело не только в этом,— серьезно объяснил Флинкс.— Они... ну, умнее, чем кажутся.

— Я в этом сомневаюсь,— фыркнула она.— Но даже расу умных телепатов не сочли бы такой угрозой.

— Намного умнее.

— Я не поверю в это, пока не увижу доказательств,— возразила она.— Если бы они представляли какую-то серьезную угрозу Содружеству...

— Почему же еще Церковь поместила этот мир под Эдикт?

— Флинкс, у них нет никаких орудий, никакой одежды, никакого разговорного языка — никакой цивилизации. Они рыскают, урча, в поисках корней и плодов, живут в пещерах. Если они потенциально такие умные, как ты утверждаешь, почему они упорно прозябают в нищете?

— Это,— признал Флинкс,— очень хороший вопрос.

— У тебя есть на него очень хороший ответ?

— Нет. Но я убежден, что нашел причину действий Церкви. К чему приводит помещение расы под Эдикт?

— Никаких контактов с внешними сторонами, бороздящими космос народами,— процитировала она.— Самые строгие наказания за любое нарушение Эдикта. Раса вольна развиваться на свой собственный лад.

— Или вольна пребывать в состоянии застоя,— пробурчал Флинкс,— Содружество и Церковь помогали множеству первобытных народов. Почему же не уйюрийцам?

— Ты позволяешь себе судить о высшей политике Церкви,— пробормотала она, снова отодвигаясь от него.

— Не я! — почти крикнул он, шумно стукнув обеими руками по одеялу, и, быстро жестикулируя, продолжал.— Это Церковный Совет позволяет себе манипулировать судьбами рас. А если не Церковь, то правительство Содружества. А если не Содружество, то крупные корпорации и семейные фирмы. И потом, есть Империя

ААннов, которая ставит себя превыше всего.— Он принялся в гневе расхаживать вдоль постели.

— Господи, меня до смерти тошнит от организаций, думающих, что они имеют право устанавливать, как следует развиваться другим!

— А что бы ты предложил взамен? — бросила она ему вызов.— Анархию?

Флинкс снова тяжело сел на постели, уткнувшись лицом в ладони. Он устал и был чересчур молод.

— Откуда мне знать. Я знаю только одно: меня начинает чертовски тошнить от того, что сходит за разум в этом углу мироздания.

— Не могу поверить, что ты столь невинен,— проговорила она на сей раз помягче.— Чего ты еще ждешь от всего лишь млекопитающих и насекомых? Слияние было только началом выхода твоей и моей расы из долгого темного века. Содружеству и Объединенной Церкви всего несколько веков. Чего ты ждешь от них так скоро. Нирваны? Утопии? — она покачала головой, жест, позаимствованный транксами у человечества.

— Не мне и не тебе ставить себя превыше Церкви, помогшей вывести нас из этих темных времен.

— Церковь, Церковь, вечно твоя всемогущая Церковь! — закричал он.— Почему ты ее защищаешь? Ты думаешь, она состоит из святых?

— Я никогда не утверждала, что она совершенна,— ответила она на это, проявляя и сама некоторую горячность.— Сами Советники утверждали бы это последними. Это одно из ее достоинств. Естественно, она несовершенна, она никогда не стала бы утверждать обратное.

— Именно это однажды и сказал Цзе-Мэллори,— задумчиво произнес он.

— Что... кто?

— Некто, кого я знал, тоже покинувший Церковь по своим собственным причинам.

— Цзе-Мэллори, снова эта фамилия,— задумчиво проговорила она.— Он был тем напарником по стингеру моего дяди, о котором ты упоминал раньше. Бран Цзе-Мэллори?

— Да.

— На собраниях клана говорили о нем также, как и о Трузензузексе,— она встряхнулась, резко возвращаясь к настоящему, беполезно грустно думать о том, чего она, вероятно, уже никогда не сможет испытать вновь.— Ну а теперь, когда ты решил, что вселенная несовершенна и что орудия разума несколько меньше, чем всеведущи, что ты предлагаешь нам на этот счет предпринять?

— Поговорить с нашими будущими друзьями, уйюрийцами.

— И что же они сделают? — усмехнулась она.— Забросают камнями челноки барона, когда тот вернется? Или лучеметы, которые здесь наверняка запасены в избытке?

— Возможно,— допустил Флинкс.— Но даже если они ничего не смогут сделать, я думаю, среди них у нас будет куда больше шансов выжить, чем тут, ожидая, когда Руденуаман надоест держать нас при себе. Когда это случится, она отделается от нас как от старого платья.— Он дал своему мозгу прозондировать, не видя больше причин прятаться от Сильзензузекс.— За дверью стоит только один охранник.

— Откуда ты знаешь... ах да, ты мне сказал,— ответила она сама себе.— Насколько обширны твои таланты?

— Не имею ни малейшего представления,— честно ответил он ей.— Иногда я могу воспринять паука в комнате. А другой раз...— он почувствовал, что лучше сохранить несколько секретов.— Просто положись на мое слово, что снаружи только один охранник. Полагаю, наша покорность убедила Руденуаман, что нам не требуется пристальное наблюдение. Как она выразилась, нам тут некуда бежать.

— Не уверена, что я не согласна с ней,— пробормотала Сильзензузекс, обратив взгляд к холодным горам за окном.— Хотя должна признать, что если мы сбежим, она может оставить нас в покое. В горах мы будем проявлять для нее не больше опасности, чем здесь.

— Надеюсь, она так и думает,— признался он.— Барон бы с ней не согласился. Нам нужно убираться

сейчас же.— Соскользнув с постели, он подошел к двери и тихо постучал.

Дверь ушла в стену, и охранник внимательно посмотрел на них, с расстояния в несколько шагов, заметил Флинкс.

Это был высокий худощавый человек с усталым выражением лица и волосами, ставшими слишком рано седыми. Насколько мог судить Флинкс, он не был ААнном в человеческой личине.

— Вы прервали мое чтение,— кисло уведомил он Флинкса, указывая на расположенный поблизости лентопросматриватель. Это напомнило Флинксу о другой ленте, которую он сам хотел прочесть. Несмотря на бушующее в нем беспокойство, ему придется подождать с просмотром этой ленты до куда более позднего времени, если он вообще когда-нибудь состоится.

— Что вам надо? — было ясно, что этот человек хорошо осведомлен об их пока полном сотрудничестве. Флинкс мысленно закричал, вызывая у себя ощущение страха.

Пип вырвался из-под подушек на постели и пролетел через дверь, прежде чем охранник успел отложить свой просматриватель. В руке у него появился лучемет, но вместо того, чтобы стрелять, охранник скрестил обе руки перед лицом. Флинкс прыгнул через дверной проем и двинул ногой в солнечное сплетение противнику. Только закрытые веки помешали его глазам выскочить из орбит.

С громким «бум» часовой ударился о противоположную стену, осел и привалился, словно тряпичная кукла, к ножке стула. На этот раз мини-минидраг ответил на зов Флинкса. Он снова напряженно устроился на плече Флинкса, прожигая взглядом потерявшего сознание охранника.

Сильзензузекс поспешно подошла к нему сзади:

— Почему он не выстрелил сразу же? Фактически...— Она заколебалась, и Флинкс почувствовал как работает ее ум.

— Совершенно верно. Здесь никто не признал в Пипе опасного зверя. Единственная, кому я сказал,— это

телохранительница Руденуаман. Во всей этой суматохе она пренебрегла уведомить об этом всех прочих. Мы же здесь в капкане без надежды на побег, помнишь? Единственными, кто еще знал, были Чаллис и Махнахми. Он мертв, а она сбежала.

Флинкс сделал жест в сторону охранника:

— Вот почему я отозвал Пипа и вырубил его сам. Все по-прежнему не ведают полных способностей Пипа. Раньше или позже Линда вспомнит, что надо рассказать об этом хозяйке. Но к тому времени мы уже должны оказаться на свободе. Второго шанса Руденуаман нам не даст.

— Что мы будем делать теперь?

— Нас никто не видел, кроме небольшого корпуса вооруженных сотрудников службы безопасности и нескольких человек на руднике. Предприятие это приличных размеров. Веди себя так, словно ты знаешь, что делаешь, и мы сможем выйти отсюда неостановленными.

— Ты сумасшедший,— нервно пробормотала она, когда они вошли в лифт.— Может, это и большая база, но все равно она замкнутая община. Здесь все должны друг друга знать.

— Ты сама служила в бюрократической системе, а все еще не понимаешь,— печально заметил Флинкс.— При подобной сложной операции все очень сильно склонны придерживаться собственной специальности. Каждый взаимодействует с людьми в пределах этой специальности. Здесь едва ли однородное маленькое общество. Если мы не наткнемся на одного из охранников, встречавших нас на взлетной полосе, мы сможем передвигаться вполне свободно.

— Пока наш часовой остается без сознания,— напомнила она ему.— А потом они бросятся искать нас.

— Но, держу пари, не за пределами границ базы. Руденуаман будет больше раздражена, чем разгневана. Она будет считать, что здешняя окружающая среда позаботится о нас сама. И так оно и случится, если уйюррийцы нам не помогут.

Они вошли в кабину лифта и тронулись вниз.

— Что заставляет тебя думать, будто они помогут?

— У меня сложилось впечатление, что им не терпится поговорить со мной. Если бы с тобой было десять тупоголовых транксов, говорящих только на нижнетранксийском, и вдруг появляется одиннадцатый, разве бы ты не захотела с ним поговорить?

— Может быть, на какое-то время,— допустила она.— Конечно, после того как я услышала бы все, что он может рассказать, я могла бы также захотеть его съесть.

— Не думаю, что уйюррийцы это сделают.

Лифт достиг уровня земли.

— Что придает тебе такую уверенность? Ягоды, не ягоды, а они всеядны, помни. Что, если они просто телепатические болваны?

— Если я неправ насчет их, то мы умрем куда более чистой смертью, чем в руках у Руденуаман. Я ставлю на две вещи: на сон и на тот факт, что я никогда раньше не видел Пипа, летящим к какому-либо существу, которое он не собирался атаковать.— Протянув руку вниз, он погладил затылок Пипа сквозь ткань комбинезона.

— Ты была права, Сил, когда сказала, что он летел к большему теплу, но тепло заключалось не в мехе уйюррийца.— Дверь лифта ушла в стенку, и они смело вышли в пустынный холл.

Покинув строение, они начали идти между зданиями, направляясь к озеру. Мимо них прошло несколько человек, Флинкс никого из них не узнал, и, к счастью, никто из них тоже не узнал двух пленников.

Когда они приблизились к окраинам базы, Флинкс замедлил шаги, обострив чувства ко всему, что должно быть автоматикой обороняемого периметра. Сильзензузекс поискала скрытую сигнализацию. Они не нашли даже простой ограды. В этой долине явно не водилось никаких крупных плотоядных, а мнение коммерсантки о туземцах они уже знали.

Добравшись до скрывающих деревьев, они сразу ускорили шаг, двигаясь настолько быстро, насколько позволяла поврежденная стопорука Сильзензузекс. Несмотря на ненормально долгий день, солнце находилось

низко в небе. Когда солнце, наконец, ушло за один из возвышающихся заснеженных пиков, его тепло быстро растворилось в горном воздухе. На Сильзензузекс это подействует в первую очередь и наиболее жестоко, но Флинкс не сомневался, что он тоже был опасно незащищенным в своем тонком комбинезоне.

Он надеялся, что их мохнатые хозяева смогут что-нибудь предпринять насчет этого. Если их никто не ждет на противоположном конце озера — «длинной воды» его сна,— он будет очень смущен. И очень сожалеть.

На нижнем конце озеро сужалось до маленькой отдушины, а затем кувыркалось с ярким весельем всех горных ручьев вниз по склону, танцуя и падая с текучей хореографией на скалы, сломанные стволы и ветви. Несмотря на густоту верхнего леса, плотный, похожий на земной вереск, покров рос здесь буйно.

Флинкс сорвал маленькие кустики с цветами, со странными похожими на иглы листьями и центрами размножения. По этим джунглям нижнего уровня зарывались, извивались и шмыгали мелкие мохнатые существа.

Сильзензузекс пренебрежительно понюхала, свистя своими спикулами, когда они следили, как крошечное создание с десятью мохнатыми ножками и миниатюрными копытами юркнуло в нору на противоположном берегу ручья.

— Примитивный мир,— прокомментировала она. Никаких насекомых.— Она уже дрожала.— И не удивительно. Этот мир слишком холоден для них — и для меня.

Флинкс начал рыскать глазами по лесу и тер ладони друг о друга. Время от времени он совал руку за пазуху комбинезона погладить Пипа. Мини-минидраг тоже происходил из парникового мира. Он становился недвижим в инстинктивном усилии сохранить энергию и тепло тела.

— Я, знаешь, тоже не чувствую себя здесь как дома,— сказал ей Флинкс. Обеспокоенно посмотрев вверх, он увидел, что солнце уже наполовину проглочено горой с хребтом, как у покалеченного динозавра.

— Мы можем здесь до смерти замерзнуть сегодня ночью или вернуться и рискнуть встретиться с той самкой,— запинаясь, выдавила Сильзензузекс.— Чудесный выбор ты предоставил нам.

— Не понимаю,— озадаченно пробормотал он.— Я был настолько уверен. Голоса были такими ясными.

— Во сне все ясно,— философски заметила она.— Это реальный мир никогда не имеет смысла, теряет четкость по краям. Я все еще не уверена, что ты не потерял немного четкость по краям, Флинкс.

— Хо, хо,— грянул голос, словно молоток ударил по дну большого металлического котла. Это был настоящий голос, а не телепатический шепот.

— Шутка. Я люблю шутки!

Сердце Флинкса вернулось к нормальному стуку, когда он и Сильзензузекс стремительно обернулись и увидели огромную широкую фигуру, выходившую вперевалку между двух деревьев. Особых физических отличий между туземцами не наблюдалось.

Флинкс, однако, теперь знал, что надо искать нечто менее очевидное. Оно ярко замигало ему, сильное, скрытое мысленное свечение, похожее на светляка, напомнил он себе.

— Здравствуй, Пушок. У тебя есть чувство юмора, но, пожалуйста, больше к нам так не подкрадывайся.

— Чувство юмора,— откликнулся, словно эхо, великан.— Это означает, что я люблю устраивать шутки? — он возвышался над ними на задних ногах, словно башня.— Да. Что лучше, чем устройство шуток? Кроме, может быть, строительства пещер, еды, сна и занятия любовью.

Флинкс заметил, что широко улыбающийся рот двигался.

— Вы разговариваете,— заметила одновременно с ним Сильзензузекс. Она повернулась к Флинксу: — Мне показалось, что ты сказал, что они телепаты?

— Можем пользоваться и мыслеречью тоже,— сказало что-то у нее в голове, заставив подпрыгнуть.

— Так вот что значит телепатия,— прошептала она, переживая этот новый опыт.— Она, в своем роде, очень пугающая.

— Зачем же утруждать себя речью? — поинтересовался Флинкс.

— Это менее действенно, но более забавно,— прохрипел в ответ Пушок.

— Намного более забавно,— подхватили два голоса. Появились бредущие к ручью Ням и Голубой. Опустившись на четвереньки, они принялись лакать воду.

— Почему же вы говорите так с людьми на базе?

— База? Большие металлические пещеры?

Флинкс кивнул и был вознагражден мысленным пожатием плечами.

— Никто не просит нас много говорить. Мы видим у них внутри, что им нравится, чтобы мы говорили вот так,— и он продолжал, выдав несколько урчащих слов и фыркнутых фраз.

— Это делает их счастливыми. Мы хотим, чтобы все были счастливы. Поэтому мы так и говорим.

— Не уверен, что понимаю,— признался Флинкс, усаживаясь на камень и дрожа. У его плеча материализовалась чудовищная фигура, и Сильзензузекс подпрыгнула на полметра вверх.

— Никаких сомнений в этом,— прогремел Можетитак. Одна лапа сжимала два скомканных предмета, в то время как другая держала большой пластиковый футляр. Флинкс почувствовал, как теплая мысль окатила его, словно ведро горячей воды, а затем Можетитак пропал.

— Что это было? — захотела узнать разинувшая рот Сильзензузекс.

— Можетитак,— рассеянно ответил ей Флинкс, изучая принесенное подвижным уйюррийцем.— Термальные костюмы: один — для тебя, один — для меня.

Забравшись в самообогревающуюся облегающую одежду, они провели несколько роскошных минут, размораживаясь, прежде чем начали исследование содержимого большого футляра.

— Еда,— заметила Сильзензузекс.— Два лучемета...

Флинкс сунул руку вглубь контейнера, сознавая, что

дрожит. «И это... даже это». Он вытащил руку, держа маленькую, слегка помятую катушку.

— Как? — спросил он с благоговейным трепетом Пушка.— Как он узнал? — Улыбка Пушка была искренней и выходила за пределы застывшей у него на устах.

— Можетитак играет в свои собственные игры. Для Можетитака все — игра, и он очень хорош в играх. Лучше, чем любой из семьи. В некоторых отношениях он как переросший детеныш.

— Детеныш,— согласилась Ням.— Но большой огонек.

— Очень большой огонек,— согласился Голубой, поднимая голову и слизывая длинным языком воду с морды.

— Забавно, когда есть с кем поговорить,— игриво заметил Пушок. Затем он выдал впечатление обиженно нахмурившегося.— Другие прибыли, но не высадились. Можетитак видел их и говорит, что они делали какие-то странные вещи своими конструкциями, орудиями вроде тех, что в металлических пещерах. Они очень разволновались, а потом улетели.

— Церковная изыскательская партия,— без нужды прокомментировал Флинкс.

— Мы не поняли, почему они улетели,— сказал обеспокоенный Пушок.— Мы желали, чтобы они спустились и поговорили. Мы опечалились и хотели им помочь, потому что они были чем-то напуганы.— Снова мысленное пожатие плечами.— Хотя мы могли и ошибиться.

— Не думаю, что вы ошибались, Пушок. Их кое-что напугало, что и говорить.

Сильзензузекс не обращала на него внимания. Она с отвисшими жвалами уставилась на Пушка. Флинкс повернулся к ней и спросил:

— Теперь ты понимаешь, почему этот мир поставили под Эдикт?

— Под Эдикт,— повторил Пушок, смакуя звуки устной речи.— Общее предостережение, заключающее в себе философские рационализации, проистекающие...

— Быстро ты учишься, Пушок,— сглотнул Флинкс.

— О, разумеется,— с детским энтузиазмом согласился великан.— Это забавно. Давай поиграем в игру. Ты придумай понятие или новое слово, а мы попробуем усвоить его, идет?

— Для изыскательской партии, проводившей здесь замеры, это была не игра,— вдруг объявила Сильзензузекс. Она посмотрела на Флинкса.— Я вижу, что ты пытаешься мне сказать.

И к великану:

— Они не высадились, потому что... потому что побоялись вас, Пушок.

— Побоялись? Зачем меня бояться,— он хлопнул лапой, способной обезглавить человека, по своему торсу метровой ширины.— Мы всего лишь живем, едим, спим, занимаемся любовью, строим пещеры и играем в игры... и устраиваем шутки, конечно. Чего тут бояться?

— Твоего потенциала, Пушок,— медленно объяснил Флинкс.— И вашего, Ням и Голубой, и твоего тоже, Можетитак, где бы ты ни был.

— Где-то там,— любезно помогла Ням.

— Они увидели ваш потенциал и шарахнулись, как черт от ладана, вместо того чтобы спуститься и помочь вам. Поместили вас под Эдикт, чтобы никто другой тоже не пришел вам на помощь. Они надеялись обречь вас всех на невежество. У вас неисчислимый потенциал, Пушок, но у вас, кажется, нет большого стремления им воспользоваться. Лишая вас этого, Церковь позаботилась о том, чтобы она могла...

— Нет! — закричала в муке Сильзензузекс.— Я не могу в это поверить. Церковь не стала бы...

— Почему же это? — фыркнул Флинкс.— Всякий может побояться, что большой ребенок свалит глыбу.

— Бояться неправильно,— скорбно заметил Пушок.— И печально.

— Прав в обоих случаях,— согласился с ним Флинкс. Вдруг осознав, что его желудок требовал внимания, он выудил из пластикового контейнера большой кубик обработанного мяса и сыра и присел на камень. Удалив оберточную фольгу, он откусил большой кусок

от него, а затем принялся искать в контейнере что-нибудь пригодное для Пипа.

Сильзензузекс присоединилась к нему, но проверяла припасы в лучшем случае без энтузиазма. В голове у нее крутился мощный водоворот конфликтующих, сбивающих с толку и деструктивных мыслей. Знание того, что сделала Церковь, вдребезги разбивало веру, которой она придерживалась с самого окукливания. Каждый раз, когда еще один идеал с треском рушился, он вызывал у нее болезненный укол.

Флинкс принял решение:

— Вы хотели поговорить, поиграть в игру понятий и слов?

— Да, давай поиграем,— с энтузиазмом прогнусавила, подходя мелкими шажками, Ням.

— Давай поговорим,— согласился Голубой.

Флинкс выглядел мрачным, учитывая, что он затеял совершить, и порадовался, открыв, что это решение заставляло его испытывать большее удовлетворение, чем любое принятое им за всю его жизнь.

— Уж не сомневайтесь, поговорим.

Глава одиннадцатая

— Но не здесь,— вставил Пушок.

— Определенно, не здесь,— откликнулся Голубой.— Пошли в Пещеру.

Отвернувшись от Флинкса, он и Ням зашагали в ногу через лес. Пушок вперевалку тронулся за ними, предложив жестом Флинксу и Сильзензузекс следовать за ним.

— Пещеру? — переспросил Флинкс попозже, когда он и дрожащая транксийка, натирая волдыри от быстрого шага, взбирались на гору.— Вы все разделяете одну пещеру?

Пушок, казалось, удивился:

— Все разделяют одну Пещеру.

— Значит, вы все принадлежите к одной семье? — выдохнула Сильзензузекс.

— У всех одна семья,— рослый туземец был явно озадачен этими вопросами.

Флинксу пришло в голову, что на уме у Пушка могло быть нечто иное, чем непосредственные родственные отношения. Слово со множеством значений могло сбить с толку и человека, не говоря уже об инопланетянине, едва-едва знающем язык.

— А мы из той же семьи, Пушок? — медленно спросил он. Тяжелые мохнатые брови задумчиво наморщились.

— Еще не уверен,— сообщил ему, наконец, их скромный спаситель.— Когда узнаю, дам тебе знать.

Еще час изнурительного путешествия по камням и канавам — и Флинкс оказался запыхавшимся. Для его спутницы, истощившей силы и прилегшей посреди группы цветущей поросли, дело обстояло намного хуже.

— Извини,— прошептала она.— Я не могу удержаться на ногах. Устала и замерзла.

— Подожди,— сказал он.— Пушок, подожди нас!

Впереди трое уйюррийцев остановились и выжидающе посмотрели назад.

Флинкс опустился на колени и осторожно изучил сломанную стопоруку. Хотя Сильзензузекс и не подвергала ее давлению, сочленение, кажется, не зарубцовывалось как положено.

— Нам придется наложить шину на этот перелом,— тихо пробормотал он. Она кивнула, соглашаясь.

— Сделаешь это в пещере,— посоветовал Пушок, вернувшись к ним.

— Сожалею, Пушок,— объяснил Флинкс.— Но она не сможет дальше идти, если мы не исправим этот перелом.— Он подумал и предложил: — Вы, трое, идите дальше, оставляя след в виде сломанных веток, а мы позже догоним вас.

— Глупо,— возразил туземец. Он придвинулся поближе, его огромная туша заставляла стройного юношу выглядеть рядом с ним карликом. Флинкс заметил, что Пип не шелохнулся. Если его приятель не выражал никакой озабоченности, значит, он не чувствовал никакой угрозы за этими надвигающимися светящимися глазами.

Пушок изучил дрожащую Сильзензузекс и с любопытством спросил:

— Что делать, друг-Флинкс?

— Если ты думаешь, что с нашей стороны глупо идти по вашему следу,— осторожно сказал он уйюррийцу, внимательно следя за любыми признаками гнева,— то вы могли бы подвезти нас.

Голубой почесал задней ногой под челюстью:

— Что такое подвезти? — с интересом спросил он.

— Значит нести их вместо камешков,— фыркнул глухой голос с легким презрением к несообразительности Голубого. Флинкс развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как чуть фосфоресцирующая фигура Можетитака пропадает куда-то там.

— Теперь понятно,— удовлетворенно проурчал Пушок.— Что нам делать?

— Просто стой тут,— проинструктировал Флинкс, гадая, когда он шел к этой коричневой стене, окажется ли эта идея в конечном итоге такой уж умной. Большая урсиноидная голова повернулась, наблюдая за ним.— А теперь ляг на живот.

Пушок быстро плюхнулся с пневматическим «Тум». Осторожно поместив одну стопу на его левый бок, Флинкс поднял руки и, захватив две пригоршни жестких волос, с силой подтянулся. Когда не раздалось никакого протеста, он потянул снова, на этот раз достаточно сильно, чтобы взметнуть себя на широкую спину.

— Отлично, теперь можешь снова встать на четвереньки,— сказал он своему шутливому одру.

Пушок поднялся с гидравлической плавностью, мысленно улыбаясь. «Ясно. Это мысль лучше».

— Новая забавная штука,— согласилась Ням. Она и Голубой подошли мелкими шажками к Сильзензузекс и потратили целую минуту, споря из-за того, кому следует первым испробовать этот новый опыт. Спор выиграла Ням. Она подошла к наблюдавшей транксийке и улеглась рядом с ней.

Сильзензузекс с опаской изучила этот мускулистый торс и взглянула на Флинкса, тот поощряюще кивнул,

и она осторожно влезла на Ням, вонзила свои когти в густой мех и крепко уцепилась.

Они обнаружили, как медленно прежде шли уйюрийцы, чтобы дать двум своим жалким друзьям возможность не отставать от них. Если Пушок или Ням и замечали груз у себя на спине, то это ни в чем не проявлялось, и маленькая группа летела через лес.

В дальнейшем у них возникла только одна неприятность, когда Флинкса чуть не выбросило. Он едва-едва сумел удержаться, когда Пушок без предупреждения поднялся на задние ноги. Он продолжал бежать на двух ногах, как будто и не умел по-другому и со скоростью, какую не мог показать никакой земной медведь.

Сильзензузекс, имевшая возможность цепляться семью конечностями, держалась куда надежней, когда Ням тоже поднялась, чтобы не отстать от длинного двуногого шага Пушка.

Невозможно было сказать, как долго или как далеко они пропутешествовали, когда спустились в последнюю долину. Во время бега ни один из урсиноидов не сбавил скорости, хотя к тому времени они слегка пыхтели.

В этой третьей долине господствовал ручей, параллельно которому они и бежали во время своего отхода. Он расширялся здесь в другое озеро, хотя и намного меньшее, чем граничившее с горнорудным поселением, оставшимся теперь далеко позади. Здесь, среди квазихвойных, рос новый вид дерева. У него были широкие желто-коричневые листья. Определенные разновидности, разглядел в темноте Флинкс, имели различные сорта ягод, хотя те были скудноваты. Другие могли похвалиться скоплениями орехов в овальной скорлупе, некоторые величиной с кокосы.

— Вы их едите? — спросил Флинкс, показывая на отягощенные ветви.

— Да,— ответил Пушок.

— И вы также едите мясо?

— Только в снежное время,— спокойно объяснил ему хозяин.— Когда не цветут байга и магинак. Мясо не забавно и требует больше труда. Оно убегает.

Теперь они двигались к крутому горному склону.

В мягком лунном свете Флинкс видел, что это была голая скала, лишенная осыпи. Несколько кругов создавали темные пятна на фоне серого гранита. Между темной береговой линией и пастями пещер прыгали уйюррийцы разных размеров, включая первых увиденных ими детенышей.

— Если не есть для разнообразия мясо,— продолжал Пушок,— то начинаешь чувствовать себя больным.

— А почему вы не любите есть мясо? — поинтересовалась Сильзензузекс.

Флинкс молился, чтобы она не втянула их впечатлительных хозяев в какой-нибудь абстрактный духовный диалог.

Пушок объяснил, словно детям:

— Даже жизнь наджака или шестиногого уродца койвета равна куску солнца. Когда его гасят, тепло покидает его.

— Мы не любим делать яркие вещи темными, развил тему Голубой.— Мы бы скорее делали темные вещи яркими. Но...— скорбно заключил он,— не знаем как.

Они замедлили шаг и, наконец, совершенно остановились перед первой из пещер. Флинкс заметил, что вход состоял из аккуратно сложенных валунов, со щелями, замурованными за отсутствием железобетона меньшими камнями и галькой.

Уговорив Пушка лечь, он начал соскальзывать со спины урсиноида.

Взглянув назад, Флинкс увидел длинное стеклянное копье лунной дорожки, разбитой на куски рябью и водоворотами озера. Осмотр лежащей впереди пещеры не открыл ничего, кроме черноты.

— Пушок, ты сказал, что все разделяют одну Пещеру, но я вижу в горном склоне и другие отверстия.

— Это все одна и та же пещера,— объяснил туземец.

— Ты имеешь в виду, что они все соединяются где-то внутри горы?

— Да, все встречаются друг с другом.— До него дошла теплая мысленная улыбка.— Это все часть игры, в которую мы играем.

— Игры? — откликнулась Сильзензузекс, порядком

подзамерзшая, несмотря на то, что ее термальный костюм был установлен на максимум. Когда Пушок никак это не прокомментировал, она подумала вслух: — Как ты думаешь, мы сможем устроить костер?

— Разумеется,— весело сказала Ням.— Что такое устроить костер? Это все равно что построить пещеру?

Флинкс терпеливо объяснил, что для этого требовалось, уверенный, что ему придется сделать это только раз.

— Мы пойдем и соберем мертвое дерево,— вызвались Ням и Голубой, когда он закончил объяснять.

— В какую такую игру вы играете, Пушок, та, что связана с вашим медвежьим лабиринтом? — спросил Флинкс, когда двое других отбыли.

— Пушок проигнорировал вопрос и попросил их зайти в пещеру, где он молча обменялся приветствиями с другим огромным туземцем.

— Это Мягкогладкая, моя подруга,— уведомил он их в ответ на мысленно высказанный Флинксом вопрос.— Ты спрашиваешь об игре, друг-Флинкс... Наши прапрапрародители забеспокоились, что однажды холод может остаться навек и много огоньков в семье угаснет.

— Я бы не сказала, что сейчас жара,— заметила Сильзензузекс.

— Холод приходит, когда горы гасят солнце,— объяснил Пушок.— Наши прапрапрародители чувствовали, что с каждым годом становится все холоднее. Им казалось, что с каждым годом солнце становится меньше, чем годом раньше.

Флинкс медленно кивнул:

— У вашего мира, Пушок, орбита эллиптическая, но не постоянная, согласно виденным мною статистическим данным, она с каждым веком раскачивается, удаляясь все дальше и дальше от вашего солнца — хотя не могу представить, как это поняли ваши предки.

— Много новых понятий,— нахмурился Пушок.— Так или иначе, наши покойные прапрапрародители решили, как все наладить. Следует соответствующим образом придвинуться поближе к солнцу.

— Они говорили о регуляции орбиты Ульру-Уйюр-

ра,— прохрипел Флинкс.— Но как они узнали?

— Надо спросить предков,— пожал плечами Пушок.— Очень трудно сделать.

— Да уж, я думаю,— охотно согласилась Сильзензузекс.

— Был, однако, и новый способ,— продолжал рослый туземец.— Копатели...

— Люди на руднике?

— Да. Они делают свои собственные пещеры очень теплыми. Мы спросили у них, как и нам тоже сделать пещеры теплыми.

— И что же они предложили? — поинтересовался Флинкс.

Пушок, похоже, был сбит с толку:

— Они сказали нам выкопать в земле большую яму, а затем засыпать там себя. Мы попробовали и обнаружили, что это создает тепло. Но так невозможно двигаться и скоро становится скучно. А также нет света. Мы не поняли, почему они сказали нам делать это таким способом. Сами они так не делают. Почему же они сказали нам сделать так, друг-Флинкс?

— Это ААннский способ веселиться в действии,— с тихой яростью ответил он.

— ААннский? — переспросил Пушок. Вернулись Ням и Голубой, оба зарытые под охапками мертвых веток.

— Некоторые из людей на руднике — ААнны,— объяснил Флинкс.— Те, что с холодным умом.

— А, холодные умы,— откликнулся, узнавая, Пушок.— Мы не понимали, как такие холодные могут дать нам знание того, как стать теплым. Но мы все равно попробовали.

Флинкс не мог смотреть на дружелюбного туземца:

— Сколько... сколько из экспериментаторов умерло?

— Экспериментаторов?

— Тех, что попробовали закопать себя?

— О, друг-Флинкс зря беспокоится. Никто не умер,— заверил его Пушок, чувствуя успокоение ума человека при этих словах.— Понимаешь, мы закопали Можетитака...

— Вот дерево,— перебила Ням.

— Вам нужно еще? — спросил Голубой.

— Я думаю, нам этого хватит, чтобы протянуть по меньшей мере неделю,— сообщил им Флинкс. Пока он говорил, Сильзензузекс укладывала часть дерева в треугольный стог, тонкие иструки делали скульптуру из прутьев и тонких стволов.

Флинкс прислонился к стене пещеры, ощущая прохладу камня сквозь термальный костюм:

— Как, по мнению ваших прапрапрародителей, вы могли отрегули... придвинуться ближе к солнцу?

— Играя в игру,— снова сказал ему Пушок.— Игра и создание пещеры-дома — одно и тоже.

— Предполагалось, что копание пещер приблизит ваш мир к его солнцу? — переспросил Флинкс, не уверенный, что правильно расслышал.

Но Пушок просигналил согласие:

— Это часть схемы игры.

— Схемы? Какой схемы?

— Это трудно объяснить,— лениво ответил Пушок.

Флинкс поколебался и огласил неожиданную мысль:

— Пушок, сколько времени ваш народ играл в игру копания системы пещер?

— Сколько времени?

— Сколько ваших дней?

— Дней.— Пушок решил, что настало время справиться у других. Он позвал Голубого, а с Голубым подошла и Ням. К ним присоединилась Мягкогладкая, и на короткий миг возник, чтобы добавить свое замечание, Можетитак.

В конечном итоге Пушок повернулся обратно к Флинксу, называя с уверенностью цифру. Большую цифру. Чрезвычайно большую.

— Вы уверены в своем исчислении? — медленно спросил, наконец, Флинкс.

Пушок ответил утвердительно:

— Число верно. Научились системе счета на руднике.

Сильзензузекс вопросительно глядела на Флинкса, когда тот отвернулся, снова прислонился к стене и уста-

вился на темный холодный потолок. Она спросила, прежде чем разжечь костер:

— Сколько?

Возникла долгая пауза, прежде чем он, казалось, вернулся издалека и взглянул на нее:

— Судя по тому, что говорит Пушок, они играли в эту игру с копанием взаимосвязанных туннелей чуть меньше четырнадцати тысяч земных лет. Должно быть, этот сектор континента пронизан ими как голландский сыр. И к тому же невозможно сказать, насколько глубоко они тянутся.

— Что такое сыр? — поинтересовалась Ням.

— Что такое голландский? — вопросил Голубой.

— Насколько далеко находится глубоко? — хотел знать Пушок.

Флинкс ответил новым вопросом:

— Сколько еще предполагается копать, прежде чем эта схема будет закончена, Пушок?

Уйюрриец помолчал, ум его деловито работал.

— Не слишком долго. Еще двенадцать тысяч ваших лет.

— Плюс-минус несколько сот,— тупо сглотнул Флинкс.

Но Пушок укоряюще поглядел на него:

— Нет... точно.

Огромные бесхитростные глаза уставились в глаза Флинкса.

— И что же должно случиться, когда эта схема будет завершена, когда игра будет окончена?

— Две вещи,— любезно объяснил Пушок.— Мы определенным образом приблизимся к теплу и начнем искать новую игру.

— Ясно,— пробормотал про себя Флинкс.— А Руденуаман считала этот народ первобытным, потому что он проводит все свое время копая пещеры.

Сильзензузекс не двигалась, забыв о костре. Лицо ее стало маской неуверенности:

— Но как может копание нескольких пещер изменить орбиту планеты?

Нескольких пещер? Не знаю, Сил,— тихо про-

бормотал он.— Сомневаюсь, знает ли кто-нибудь вообще. Может быть, завершенная схема произведет достаточно крупное изменение в коре планеты, чтобы создать катастрофическую складку, которой хватит для сжатия в нужный момент нужного объема пространства. Если бы я побольше знал математику катастроф — и если бы мы могли воспользоваться самым большим компьютером Церкви,— я мог бы это проверить.

Или, может быть, туннелям предназначено черпать энергию планетного ядра, или комбинация этого и складки... Чтобы ответить на это, нам нужно несколько блестящих математиков и физиков.

Сильзензузекс осторожно посмотрела на Пушка:

— Ты можешь объяснить, Пушок, что предположительно произойдет, и как?

Грузный урсиноид траурно посмотрел на нее, простая задача при этих выразительных глазах:

— Печально, но для этого нет понятий.

Затем в пещере стало тихо, пока, оживая, не закашлял костер. Сразу появилось несколько язычков пламени, и через несколько секунд костер с энтузиазмом пылал. Сильзензузекс ответила длинным тихим свистящим вздохом и устроилась поблизости от уютного жара.

— Тепло! — издала удивленный возглас Ням.

Голубой сунул лапу поближе к пламени и поспешно отдернул ее:

— Очень тепло,— подтвердил он.

— Мы можем научить вас, черт, мы уже научили вас как развести сколько угодно костров вроде этого. Я не говорю, что вам следует бросить свою игру, но если вы заинтересованы, мы с Сильзензузекс можем показать вам, как гарантировать тепло во время вашего афелия намного раньше, чем через двенадцать тысяч лет.

— Так легче,— допустил Пушок, показывая на костер.

— Слушай, Пушок,— энергично начал Флинкс,— почему ваш народ так долго и тяжко работает для холодных умов и других в руднике?

— Ради ягод и орехов, которые они приносят нам из

далеких мест,— сообщила Мягкогладкая из маленькой ниши, вырезанной в стене пещеры.

— Из далеких мест,— закончил Голубой.

— Почему бы не отправиться туда и не добыть их самим?

— Слишком далеко,— объяснил Пушок,— и слишком трудно, как говорит Можетитак.

Флинкс отделился от стены, заговорив самым серьезным тоном:

— Неужели ты не понимаешь, Пушок? Я пытаюсь показать вам, что люди с рудника вас эксплуатируют. Они дают вам работать сколько угодно, с огромной прибылью для себя, а в обмен платят вам ровно столько орехов и ягод, чтобы вы продолжали работать на них.

— Что такое прибыль? — спросила Ням.

— Что такое платить? — хотел знать Голубой.

Флинкс начал было отвечать, а затем сообразил, что у него нет времени. Во всяком случае, для объяснения современной экономики, соотношения работы с производимыми ценностями и сотни других концепций, которые пришлось бы подробно растолковывать, прежде чем он мог бы объяснить этому народу два простых понятия.

Снова прислонившись к стене, он уставился на вход в пещеру, проглядывавший за мерцанием костра. Пригоршня незнакомых звезд поднялась над кольцом гор, опоясывавшим противоположную сторону озера. Углубившись в размышления, он простоял не один час, в то время как хозяева расслабились в вежливом молчании и ждали, когда он вновь заговорит. Они признали его озабоченность и сосредоточенность и держались на почтительном расстоянии от его мыслей.

Один раз он помог Сильзензузекс наложить на ее сломанное сочленение шину из куска дерева покрепче, а затем вернулся на свое место к своим мыслям. Через некоторое время эти звезды сменились другими, а потом, в свою очередь, скрылись и они.

Он все еще сидел там, размышляя, когда услышал звук, похожий на издаваемый дверью склада на старых, скрипучих петлях. Пушок вторично зевнул и перекатился на другой бок, открывая блюдцеобразные глаза и глядя на него.

В скором времени в пещеру вливалось солнце, а Флинкс все еще не сказал хотя бы «Доброе утро». Все с любопытством следили за ним, даже Сильзензузекс сохраняла почтительное молчание, чувствуя, что под этими нечесаными рыжими вихрями формируется что-то важное.

Бесконечную тишину нарушил Пушок:

— Прошлой ночью, друг-Флинкс, твой ум постоянно шумел, словно много падающей воды. Сегодня он все равно что земля после того, как вода упала и замерзла — высоко наваленная одинаковость, белая и чистая.

Сильзензузекс сидела на корточках. Она чистила иструками и здоровой стопорукой брюшко, яйцеклады, большущие фасеточные глаза и антенны.

— Пушок,— непринужденно обратился Флинкс, словно с тех пор, как они разговаривали в последний раз, не прошло так много времени, словно долгая ночь была всего лишь минутной паузой.— Как бы тебе и твоему народу понравилось начать новую игру?

— Начать новую игру,— серьезно повторил Пушок.— Это большое дело, друг-Флинкс.

— Да,— признал Флинкс.— Она называется цивилизацией.

Сильзензузекс закончила чиститься и резко вскинула голову в его сторону, хотя в ее голосе было теперь намного меньше уверенности, когда она высказала свои возражения:

— Флинкс, ты не можешь. Ты теперь знаешь, почему Церковь пометила этот мир под Эдикт. Какие бы мы лично не испытывали чувства по отношению к Пушку и Ням и остальным из этого народа, мы не можем оспаривать решения Совета.

— Кто сказал? — огрызнулся Флинкс.— И кроме того, мы не знаем, что Эдикт был провозглашен Советом. Несколько бюрократов в нужном месте могли принять свое собственное богоподобное решение предать уйюррийцев невежеству. Извини, Сил, но хотя я и признаю, что Церковь ответственна за некоторые добрые деяния, она все же организация, состоящая из людей. И подобно всем существам, они преданы в первую оче-

редь себе, и уж во вторую — всем прочим. Будет ли Церковь распущена, если ее можно будет убедить, что это было бы в наилучших интересах Содружества? Я в этом сомневаюсь.

— Тогда как ты, Филип Линкс, озабочен в первую очередь всеми прочими,— съязвила она.

Нахмурившись, он принялся расхаживать по теплеющему полу пещеры:

— Откровенно говоря, я не знаю, Сил. Я даже не знаю, кто я такой, не говоря уже о том, что я такое,— его голос усилился.— Но я знаю, что в этом народе я вижу невинность и доброту, которой никогда не встречал, ни в каком хьюманкснйском мире.— Он внезапно остановился и уставился на звезды, созданные на озере утренним солнцем.

— Может быть, я молодой дурак, узко мыслящий идеалист, называй это чем угодно, но мне думается, что теперь я знаю, чем хочу быть. То есть, если они примут меня. Первый раз в своей жизни я знаю.

— И чем же это? — спросила она.

— Учителем,— он повернулся лицом к терпеливым уйюррийцам.— Я хочу научить тебя, Пушок, и тебя, Ням, и вас, Голубой и Мягкогладкая, и даже тебя, Можетитак, где бы ты ни был.

— Здесь,— проворчал голос снаружи. Можетитак лежал на низкой, похожей на вереск поросли перед входом в пещеру, катаясь и потягиваясь от удовольствия.

— Я хочу научить вас всех новой игре.

— Большое дело,— медленно повторил Пушок.— Это не нам одним решать.

— Надо сообщить другим,— согласился Голубой.

На сообщение всем другим потребовалось некоторое время. Если точнее, то на это потребовалось одиннадцать дней четыре часа и маленькая тележка минут и секунд. Затем им пришлось ждать еще одиннадцать дней, четыре часа и несколько минут для того, чтобы все ответили.

Но для решения каждому индивидууму потребовалось очень мало времени.

На двадцать третий день после того, как был задан вопрос, перед пещерой появился Можетитак. Флинкс и Сильзензузекс сидели вместе с Пушком, Ням и Голубым на берегу озера. Новоприбывшего они не заметили.

В тот момент Флинкс держал длинную прочную лозу с присоединенными к одному концу острыми осколками кости. Он учил Пушка ловить рыбу, в то время как другие из их маленькой группы следили.

Пушок, похоже, пришел в восторг, когда он вытащил четвертую рыбину за день, округлый серебристый организм, выглядевший словно гибрид рыбы-шара и форели.

Водоплавающие, объяснили уйюррийцы, содержали в себе меньше света, чем наджаки и другая сухопутная добыча. Следовательно, рыболовство являлось меньшим злом, чем охота.

— Это тоже часть новой игры? — спросила Ням, с первой же попытки превосходно воспроизводя устройство из лозы и постоянного крючка.

— Да,— признал Флинкс.

— Это хорошо,— заметил Голубой.

— Надеюсь, что все с этим согласятся.

Сильзензузекс проглотила еще одну пригоршню ягод. Содержание сахара было удовлетворительным, а свежесть оживляла ее диету.

Слегка обиженный, Можетитак исчез и вновь появился рядом со входом в пещеру. Сильзензузекс чуть не упала с гладкого гранита, где сидела.

— Все ответили,— объявил Можетитак.— Почти все говорят «Да». Теперь мы играем в новую игру.

— Выбросить четырнадцать тысяч лет копания в выделительный канал,— прокомментировала Сильзензузекс, снова поднимаясь на ноги и отряхивя брюшко.— Надеюсь, ты осознаешь, что делаешь, Флинкс.

— Не беспокойся,— фыркнул ей Можетитак.— Только здесь мы теперь играем в новую игру. Другие места на окраинах мира будут продолжать старую. Если новая игра не забавна,— он сделал легкую паузу,— мы вернемся к старой игре,— он обратил к Флинксу мощный взгляд.— Навсегда,— добавил он.

Флинкс неуютно поерзал, когда загадочный уйюрри-

ец исчез. Несколько недель назад он был так уверен в себе, горел никогда прежде не испытываемым им мессианским рвением. А теперь его совесть начинали грызть первые настоящие сомнения. Он отвернулся от обращенных на него со всех сторон взглядов, урсиноиды были хорошо снаряжены, для того чтобы пялиться.

— Это хорошо,— вот и все, что пробормотал Пушок.— Как мы начнем игру, Флинкс?

Тот указал на завершенные всеми превосходные устройства из крючка и лозы.

— Костер был началом. И это начало. А теперь я хочу, чтобы все, кто работает на людей в руднике, пришли сюда учиться с нами, по ночам, чтобы холодные умы ничего не заподозрили. Это было бы,— он лишь ненадолго заколебался,— плохо для игры.

— Но когда же мы будем спать? — захотела узнать Ням.

— Я буду говорить не слишком долго,— ответил Флинкс.— Это необходимо. Может быть,— добавил он без большой уверенности,— мы сможем выполнить первую часть игры, не делая никаких светлых мест темными. Наших или чьих-то других.

— Это хорошо,— провозгласил Пушок.— Мы скажем другим на руднике.

Когда урсиноиды рассеялись, Сильзензузекс бочком приблизилась к нему.

— Научить их кое-каким основам цивилизации, помогая в то же время и себе самим,— пробормотал он себе под нос.— Коль скоро они избавятся от людей на руднике, у них появится основа для приобретения всех орехов и ягод, каких только они захотят...

Глава двенадцатая

— Надеюсь,— заметила Телин ауз Руденуаман,— что барон скоро завершит свою охоту. У нас иссякает разная синтетика и сырье для синтезаторов пищи, и почти не осталось запасов некоторых других незаменимых предметов.

— О бароне незачем беспокоиться,— заверил ее из-под своего неподвижного человеческого лица Меево.

И в самом деле, не было никаких причин для озабоченности, настаивала она про себя, поворачиваясь, чтобы посмотреть наружу через заново вставленные розовые оконные панели. Выше на горе работали как всегда ровно и умело горняки.

Барон и раньше неоднократно путешествовал через территорию Содружества. Тем не менее она не могла не испытывать укол озабоченности каждый раз, когда один из ее кораблей перевозил замаскированных рептилий. Если бы патрульный корабль Содружества перехватил одно из этих судов и обнаружил на борту ААннов, она могла бы уцелеть только благодаря паутине путаных объяснений.

Но она потеряет незаменимого делового помощника. Не все же члены ААннской аристократии так понимали человеческие побуждения или мыслили так по-деловому, как Рииди ВВ.

Загудел телефон, требуя ответа. Меево поднялся и ответил на звонок. Отвернувшись от перспективы леса и гор, Телин увидела, как его гибкая гуманоидная маска несколько раз дернулась, признак того, что под ней происходили непостижимые рептильные сокращения.

— Сказал что... что случилось? — невнятный голос ААнна повысился.

— Что происходит, Меево? — нагнулась поближе Телин.

Инженер-ААнн медленно положил трубку внутренней связи:

— Это звонил Чаргис с рудника. Сбежавшие человек и транксийка вернулись живыми. Он докладывает что с ними множество туземцев, и что новоприбывшие объединились с работающими на руднике в вооруженном бунте.

— Нет, нет...— она почувствовала слабость, так как его слова подавляли ее.— Туземцы, вооруженные... это невозможно.— Голос ее поднялся до визга, когда она снова овладела собой.— Невозможно! Они не ведают разницы между энергобуром и лучеметом. Зачем им

вообще захотелось бы взбунтоваться? Чего они хотят... побольше орехов и ягод? Это безумие! — лицо ее вдруг опасно вытянулось,— нет, подожди, ты сказал, что с ними вернулись человек и транксийка?

— Так утверждает Чаргис.

— Но это тоже невозможно. Им полагалось умереть от холода много недель назад. Каким-то образом,— сделала она неизбежный вывод,— они, должно быть, сумели наладить общение с туземцами.

— Я бы сказал, что это преуменьшение,— сказал инженер.— Мне говорили, что туземцы не имеют никакого языка, никаких средств передавать абстрактные понятия друг другу, не говоря уже о посторонних.

— Мы что-то проглядели, Меево.

— Как минимум, я бы сказал, что именно так,— согласился инженер.— Но, в конечном итоге, это не будет иметь значения. Одно дело научить дикаря стрелять, а другое — объяснить ему тактику ведения войны.

— В любом случае, где они достали оружие? — недоумевала Телин, снова посмотрев на горный склон. Отдаленные строения не показывали никаких признаков происходящего внутри конфликта.

— Чаргис сказал, что они одолели охранника и вломились в заводской арсенал,— объяснил Меево.— Там был только один охранник, так как здесь нет никого, кто украл бы оружие. Чаргис далее сказал, что туземцы вламывались неуклюже и недисциплинированно, и что человек и транксийка упорно старались утихомирить их,— он злобно усмехнулся.— Возможно, они спустили с цепи нечто такое, с чем не могут управиться. Чаргис сказал...— инженер заколебался.

— Что еще сказал Чаргис?

— Он сказал, что туземцы вызвали у него впечатление, будто они рассматривают все это как... игру.

— Игру,— медленно повторила она.— Пусть так и продолжают думать, даже умирая. Свяжись со всем персоналом на базе,— приказала она.— Вели им покинуть все здания, кроме тех, которые сосредоточены здесь, вокруг Администрации. У нас есть ручные лучеметы и достаточно большая лазерная пушка, чтобы

сбить в небе военный челнок. Мы будем просто спокойно сидеть здесь, удерживая средства связи, производство пищи, это здание и электростанцию, пока не вернется барон.

— После того как мы испепелим кое-кого из их числа,— небрежно продолжала она, словно говорила о выпалывании сорняков,— игра, возможно, потеряет для них интерес. Если же нет, то челноки достаточно быстро покончат с ней,— она снова взглянула на него.— Вели также Чаргису собрать нескольких хороших стрелков в две группы. Они могут воспользоваться двумя большими машинами и держать наших дружелюбных рабочих загнанными в бутылку, там где они находятся. Однако поосторожней со стрельбой, я не хочу повредить ничего в зданиях рудника, если в этом не будет абсолютной необходимости. Это оборудование слишком дорого. За исключением этого, они могут потренироваться в стрельбе по любым туземцам, каких найдут снаружи.

И добавила про себя:

— Но они ни при каких обстоятельствах не должны убивать человеческого юношу или транксийку. Они оба нужны мне целыми и невредимыми!

Она в отвращении покачала головой, когда инженер двинулся передавать ее распоряжения.

— Чертовски неудобно. Нам придется завезти и обучить целиком новый набор чернорабочих...

«Все,— с яростью подумал Флинкс в начале,— прошло гладко и по плану». А потом он беспомощно наблюдал, как месяцы планирования и инструктажа были отброшены в сторону, опрокинутые неконтролируемым удовольствием, которое получали уйюррийцы, вламываясь в арсенал, чтобы захватить игрушки, заставлявшие вещи исчезать. Даже Пушок не мог их успокоить.

— Они наслаждаются, Флинкс,— объяснила Сильзензузекс, пытаясь утешить его.— Можешь ли ты их винить? Эта игра куда более волнующая, чем все, во что они когда-либо играли раньше.

— Хотел бы я знать, будут ли они по-прежнему так

думать, когда погасят несколько их огней,— сердито пробурчал он.— Будут ли они по-прежнему считать мою игру забавной, после того как увидят некоторых своих друзей, лежащими на земле с выжженными лучеметами Руденуаман внутренностями? — он отвернулся, потеряв дар речи от гнева на себя и уйюррийцев.

— Я хотел захватить рудник бесшумно, внезапно, никого не убивая,— пробурчал, наконец, он.— Со всем этим шумом, который они устроили, вламывясь в арсенал, я уверен, что остальные находящиеся в здании сотрудники услышали и доложили вниз. Если Руденуаман умна, а это так, то она поставит своих оставшихся людей на круглосуточное дежурство и будет ждать, когда мы к ней заявимся.

Он осознал стоящего поблизости Пушка, посмотрел глубоко в эти ожидающие глаза. «Боюсь, Пушок, что твоему народу теперь придется убивать».

Урсиноид, не колеблясь, ответил ему таким же взглядом: «Понятно, друг-Флинкс. Серьезная это игра, в которую мы играем, эта цивилизация».

— Да,— пробормотал Флинкс,— она всегда была такой. Я надеялся избежать прежних ошибок, но...

Голос его пропал, и он сел на пол, угрюмо уставясь на металлическую поверхность между коленей. Прохладная дубленая морда потерлась о его лицо, Пип. Чего он не ожидал, так это мягкого давления ниже шеи, там, где у него была бы грудная клетка-б, будь он транксом.

Оглянувшись, он увидел глядящие на него фасеточные глаза.

— Теперь ты можешь только делать все, что в твоих силах,— тихо прошептала она. Тонкая иструка мягко двигалась, массируя ему спину.— Ты начал это дело. Если ты не поможешь закончить его, то поможет та самка внизу.

От этого он почувствовал себя немного лучше, но лишь немного.

Четко прозвучал резкий треск, похожий на звук разрываемой фольги. Флинкс вскочил на ноги, побежал в направлении звука, за которым вскоре последовал второй. Через прозрачную панель, проходящую вдоль

проходного коридора, они посмотрели вниз, на пологий склон с правой стороны большого здания. Он был лишен растительности, расчищенный на расстоянии в двадцать метров от стены строения.

По другую сторону, почти у лесной опушки они увидели парящие силуэты двух машин. Те же машины, отметил Флинкс, которые встретили их челнок по прибытии сюда так много недель назад.

На каждой машине спереди была установлена небольшая лазерная пушка. Пока они смотрели, из одного такого оружия выскочил тонкий красный луч на каменистый склон впереди и выше. Там было несколько мелких, уходивших в гору, шахт.

Вскоре чистая скала была изуродована тремя черными эллипсоидами, скромными пятнами разрушения там, где завяли кусты и расплавились в стекло более светлые силикатные скалы.

Откуда-то из верхнего конца рудника сверкнула голубая линия ручного лучемета, ударившая по наружной части машины. Экран машины оказался более чем достаточно прочным, чтобы поглотить и рассеять такие крошечные вспышки энергии.

Неожиданно две машины повернули и быстро двинулись обратно вниз по склону к главному зданию. Их приглушенное гудение проникло в коридор, где Флинкс и другие молча следили, как машины, плавно проплыв в метре над поверхностью на толстых воздушных подушках, повернули и остановились как раз за пределами досягаемости лучемета.

Минуту спустя из-за угла к ним протопала знакомая туша. Резко затормозив, она дала своим словам выплеснуться в промежутках между вздохами, как у паровой машины.

— Они убили А, Бэ, Вэ,— вздохнул он с расширенными больше обычного огромными глазами.

— Как это случилось?— спокойно спросил Флинкс.— Я же сказал всем, что они не станут стрелять по этим зданиям. Они не рискнут повредить свое оборудование, так как все еще не убеждены, что мы представляем для них серьезную угрозу.

Пушок взял объяснение на себя, уже связавшись молча и быстро с Голубым: «А, Бэ и Вэ пошли к металлическим пещерам».

— Но почему? — то ли спросил, то ли заплакал Флинкс.

— Они подумали, что создали новую идею,— медленно объяснил Пушок. Флинкс не продемонстрировал ни малейшего понимания, так что урсиноид продолжил: — Эти последние много дней ты постоянно твердил нам, что в эту игру, которую ты называешь цивилизацией, следует играть согласно здравому смыслу, логике, разуму. Судя по тому, что рассказывает мне Голубой, А, Бэ и Вэ решили между собой, что если это так, то холодные умы и другие увидят, что будет разумно и логично сотрудничать с нами, поскольку мы отобрали у них рудник.

— Они вышли без оружия поговорить разумно и логично с машинами. Но,— и в голосе Пушка появилась боль от этой неожиданности,— те даже не выслушали А, Бэ и Вэ. Они убили их, даже не выслушав. Как же может такое быть? — лохматая голова озадаченно посмотрела на Флинкса.— Разве холодные умы и другие, вроде тебя, тоже нецивилизованные? И все же они сделали это без разговоров. Это ли разум, о котором ты говоришь?

Флинкс и Сильзензузекс *пока еще не видели ни* одного из веселых урсиноидов разгневанным. Пушок, похоже, был близок к этому, хотя это был в действительности не гнев. Это была подавленность и отсутствие понимания.

Флинкс попытался объяснить:

— Есть, Пушок, такие, кто играет в игру нечестно. Те, кто мухлюют.

— Что такое мухлевать? — поинтересовался Пушок.

Флинкс постарался объяснить.

— Понятно,— торжественно объявил Пушок, когда юноша закончил.— Это необыкновенная концепция. Я бы не поверил, что такое возможно. Надо сообщить другим. Это многое объяснит в игре.

Повернувшись, он и Голубой оставили Флинкса и Сильзензузекс одних в коридоре.

— Сколько, по-твоему,— спросила она, глядя через оконную панель на отдаленный комплекс,— они будут там сидеть, прежде чем потеряют терпение и двинутся на нас?

— Вероятно, пока не вернутся челноки. Если мы не разрешим до того эту задачку...— нет, мы должны с ней покончить прежде, чем возвратится барон. У нас здесь нет ничего, кроме ручных лучеметов. У них же есть по меньшей мере две поставленные на турели у взлетной полосы лазерные пушки класса земля-космос и, вдобавок, две поменьше, установленные на машинах. Возможно, есть и еще. Мы не можем бороться с таким оружием. Надеюсь, Пушок и Голубой сумеют втемяшить это в волосатые черепа своей семейки.

Он подошел к ней посмотреть сквозь панель.

— Я уверен, что прямо сейчас на нас направлены две большие пушки. Если мы попытаемся осуществить массовый отход, они испепелят множество наших, точно также, как А, Бэ и Вэ. Нам придется...

По коридору вдруг, потрясая, проплыл на высоком тоне вопль. Он поднялся от среднего тенора до высокого, дрожащего визга предельно ужаснувшегося... а затем прекратился. Принадлежал он, бесспорно, человеку.

Второй вопль — нет. Он исходил от ААнна. Затем раздались новые вопли обоих разновидностей.

Пип нервозно воспарил над плечом Флинкса, и из-под шапки рыжих волос заструился холодный пот.

— А теперь что? — встревоженно пробормотал он, когда они бросились в направлении воплей. Время от времени слышались новые вопли, а за ними, с регулярными интервалами, следовали звуки из противоположного лагеря.

Они услышали должно быть две дюжины воплей, прежде чем встретили Ням и Голубого.

— Что случилось? — потребовал ответа Флинкс.— Что это за вопли?

— Огни,— начала Ням.

— Гаснут,— закончил Голубой.

Флинкс обнаружил, что дрожит. От природы улыбающийся рот Ням был в крови. Обе широкие плоские

морды были запятнаны ею. Несколько небольших групп рабочих и охранников не сумели убежать с захваченного рудника.

— Вы убили пленных,— вот и все, что он мог, заикаясь, выдавить из себя.

— О, да,— признала Ням с веселостью, от которой свертывалась кровь,— некоторое время мы были не уверены, но Пушок объяснил нам и семье. Холодные умы и народ там внизу,— тут жест в направлении главной базы,— мухлюют. Мы думаем, что поняли теперь, что такое мухлевать. Это значит играть в игру не по правилам, да?

— Да, но это не мои правила,— ошарашенно прошептал он,— не мои правила.

— Но нам это подходит,— вмешался Голубой,— мы понимаем, что правила не твои, друг-Флинкс. Нехорошие правила. Но холодные умы создают новые правила, и мы играем по ним тоже хорошо.

Уйюррийцы потопали дальше по коридору.

Флинкс опустился на колени, прислонившись к стене.

— Игра, для них это все еще игра,— он вдруг посмотрел на Сильзензузекс и содрогнулся.— Проклятье, я не хотел, чтобы это случилось вот так вот.

— Ты тот, кто *скачет на гризеле,— без гнева сказа*ла Сильзензузекс.— Ты пробудил его. Теперь ты должен скакать на нем.

— Неужели ты не понимаешь,— безутешно прошептал он.— Я хотел, чтобы Пушок, Ням, Голубой и все остальные из них были избавлены от всех наших ошибок. Я хочу, чтобы они стали такими великими, какими могут быть, а не...— зло закончил он,— просто более умной версией нас.

Сильзензузекс придвинулась поближе:

— Ты все еще держишь гризела за хвост, Флинкс. Тебя еще не сбросили. И не ты научил их убивать, вспомни, они охотятся за мясом.

— Только когда вынуждены,— напомнил в свою очередь он.— И все же,— он показал некоторые признаки успокоения,— может быть, это и есть время, когда

они вынуждены. Да, охота в снежное время, чтобы выжить. Правила были изменены, но у нас, все же, есть права. Просто их нужно определить и дальше.

— Совершенно верно, Флинкс, скажи им, когда правильно убивать, а когда — нет.

Он странно посмотрел на нее, но если что и было спрятано в ее словах, то он не смог этого почувствовать.

— Это именно то, чего я никогда не хотел делать, даже передоверив другому.

— А что заставило тебя думать, будто у тебя когда-то возникнет такая возможность?

— Кое-что... случившееся не так давно,— туманно ответил он,— теперь это мне так или иначе навязано. Меня запихнули в положение, которого я дал обет никогда не занимать.

— Не знаю, о чем ты болтаешь, Флинкс,— сказала, наконец, она.— Но либо ты скачешь на гризеле, либо он растопчет тебя.

Флинкс посмотрел вперед по коридору, куда свернули за угол Ням и Голубой:

— Хотел бы я знать, кто на ком скачет?

Ответ пришел несколько дней спустя. Как он и предполагал, никаких атак снизу не было, хотя две машины ежедневно гарцевали прямо рядом со стенами строений рудника, побуждая кого-нибудь высунуть свою мохнатую голову.

Пушок разбудил их в маленьком кабинете, избранном Флинксом и Сильзензузекс в качестве спальных покоев.

— Мы приготовили западню,— весело сообщил он,— и теперь собираемся поймать машины.

— Западню... подожди, что за?..— Флинкс постарался проснуться, лихорадочно протирая все еще богатые сном глаза. Он, кажется, смутно помнил, что Пушок или Мягкогладкая, или еще кто-то рассказывали ему о западне, но не смог составить из сказанного какую-то четкую картину.

— Вы не сможете поймать машину...— начал было он возражать, но Пушок уже тянул его за собой.

— Поторопись, друг-Флинкс,— настаивал он, слу-

шая что-то, находившееся за пределами диапазона нормального слуха,— началось.

Он провел их в кабинет управления заводом, изогнутый прозрачный купол, установленный в самом южном конце здания.

— Там,— показал Пушок.

Флинкс увидел нескольких урсиноидов, бегущих на четвереньках по расчищенной, голой земле. Они мчались к склонам повыше, неподалеку от места, где в гору входила главня штольня. Флинкс различил две преследующие машины, все еще далеко позади.

— Что они там делают! — закричал, нагнувшись к прозрачному полиплексисплаву, Флинкс. Он беспомощно посмотрел на Пушка: — Я же говорил тебе, что никто не должен выходить за пределы зданий.

Пушок не был встревожен.

— Это часть новой игры. Смотри.

Не в состоянии делать что-либо другое, Флинкс снова вернул свое внимание к надвигающейся бойне.

Мчась с огромной скоростью, трое урсиноидов пробежали мимо ближайшего конца здания ниже нынешнего местонахождения Флинкса. Однако, как ни резво они мчались, они не могли обогнать машины. Из стволов лазерных пушек выскочила сперва одна вспышка, затем другая. Один луч ударил как раз позади бегущего в хвосте, вынудив его еще больше увеличить скорость. Другой ударил между двух бегущих впереди, оставляя за собой расплавленный камень.

Троим бегущим, увидел Флинкс, ни за что не успеть добраться до открытых дверей в верхнем конце предприятия. Машины, казалось, внезапно удвоили скорость. Когда они выстрелят вновь, то будут почти над отступающими уйюррийцами.

Ему рисовалось, как еще трое невинных, в жизнь которых он вмешался, превращаются в пепел на сером камне горного склона.

В этот момент земля под машинами исчезла.

Раздался сильный треск, вой протестующих механизмов, когда машины не смогли достаточно быстро скомпенсировать неожиданную перемену поверхности.

Все еще двигаясь вперед, они внезапно нырнули вниз и врезались на высокой скорости в противоположную стену огромной ямы.

Флинкс и Сильзензузекс смотрели безмолвно, разинув рты, на неожиданно появившуюся в земле трещину.

— Ловушка,— удовлетворенно заметил Пушок.— Я помню, что ты нам рассказывал о том, как работают эти маленькие машины, друг-Флинкс.

Помятые люди и ААнны — хирургические маски последних были теперь сбиты набекрень — усиленно пытались выбраться из-под обломков двух машин.

Из зданий рудника к яме хлынула толпа мохнатых бегемотов. Флинкс смог различить узкие выступы из твердой земли и скалы, паутиной протянувшиеся через трещину. Они создали безопасные тропки, по которым отступили три убегавших манка.

Они были чересчур узкими, чтобы обеспечить адекватную опору для машин. Поверхность, по которой ударяли их воздушные струи, оказалась внезапно выдернутой.

Сотни тонких деревцев пронизывали теперь края ямы. Их использовали для поддержки тяжелого покрытия из прутьев, листьев и земли, заботливо приготовленных для придания вида твердой почвы.

Новые вопли. Яму осветили голубые вспышки ручных лучеметов, когда в нее хлынули урсиноиды. Флинкс увидел, как трехсоткилограммовый подросток поднял извивающегося ААнна и обошелся с его головой как с бутылочной пробкой. Почувствовав тошноту, Флинкс отвернулся от резни.

— Почему друг-Флинкс обеспокоен? — захотел узнать Пушок.— Мы теперь играем в игру по их правилам. Это справедливо, не так ли?

— Скачи на гризеле,— предупредила Флинкса Сильзензузекс на верхнетранксийском.

«В аверсе, не в реверсе»,— что-то откликнулось в нем. Он заставил себя обернуться и проследить за концовкой короткого боя.

Как только для наблюдателей внизу стало ясно, что произошло, из маленькой башни на противоположном

конце протянулся вверх красный луч толщиной с человеческое тело. Он прошел, не прерываясь, через несколько участков леса, срезая деревья, словно прямой серп, и оставляя дымящиеся пни, пока не ударил по горному склону слева от ямы. За вспышкой интенсивного света последовал глухой взрыв.

— Отзови всех внутрь, Пушок,— крикнул Флинкс. Но в приказе не было необходимости. Завершив свою работу, атаковавшие яму урсиноиды уже бежали, игриво увертываясь, обратно в рудник.

Флинксу подумалось, что он увидел движение далеко внизу, когда вершина башни начала разворачиваться к нему, но явно верх одержали более трезвые головы. Сам завод был все еще за пределами досягаемости разрушительного оружия. У Руденуаман по-прежнему не было пока причин сбривать горный склон, превращать комплекс рудника и завода в большой дубликат небольшого очерченного шлаком кратера, который теперь бурлил и дымился там, куда ударил тяжелый лазер. Как ни сильно она могла сожалеть о потере двух машин и их экипажей, до отчаяния она еще не дошла.

Поэтому не появилось никакого луча возмездия, уничтожающего здания. Простакам-туземцам разрешили одержать их единственную бесполезную победу. Несомненно, с иронией подумал Флинкс, Руденуаман отнесет эту блестящую победу на его счет, чикак не представляя, что огромные и тупые вьючные животные совершенно самостоятельно задумали и осуществили этот разгром.

— Хотел бы я знать;— сказал он Сильзензузекс за завтраком из орехов, ягод и трофейной консервированной пищи,— есть ли какой-то смысл продолжать это. Я никогда по-настоящему не чувствовал, что управляю событиями. Может быть... может, было бы лучше убежать обратно в пещеры. Я по-прежнему могу учить их там — мы оба сможем,— и в нас останется много жизни.

— Ты все еще контролируешь, Флинкс,— заверила его Сильзензузекс. Она отстучала одной иструкой на столе на условном языке, который узнали бы немногие

человеческие уши: «Уйюррийцы хотят, чтобы ты управлял. Но, пожалуйста, Флинкс. Скажи им всем,— она махнула рукой, охватывая рудник в целом,— что им следует возвратиться в пещеры и вернуться к их первоначальной игре. Скажи им это. Но они не забудут того, чему научились. Они никогда не забывают».

— О, Морион знает, сколько знаний они приобрели уже с этого рудника,— промямлил Флинкс, пережевывая пищу.

— Они вернутся к копанию своей системы пещер, но сохранят эти знания,— продолжала она.— Ты оставишь их с правилами игры, установленными мясниками Руденуаман. Если же они когда-нибудь проявят собственную инициативу, после того как нас не станет...— она по-транксийски пожала плечами.— Не вини себя в том, что случилось. Уйюррийцы не ангелы,— свистящий транксийский смех вынудил ее на минуту замолкнуть.— Ты не можешь играть для них роль и Бога, и Дьявола, Флинкс. Не ты познакомил этих существ с убийством, но нам лучше обрести уверенность, что мы не научим их наслаждаться им. Хандра и стенания из-за собственных ошибок не помогут ни нам, ни им. Ты засунул свою истногу в свое жевательное отверстие. Ты можешь вытащить ее или поперхнуться ей, но игнорировать ее нельзя,— она проглотила пригоршню сладких оранжево-красных ягод размером с грецкий орех.

— Мы не наслаждаемся убийством,— прогремел голос. Они оба подпрыгнули. Уйюррийцы двигались с поразительной для таких массивных существ вкрадчивостью и бесшумностью.

— Почему же? — спросила Сильзензузекс.— Почему нам не следует об этом беспокоиться?

— Не забавно,— коротко объяснил Пушок, отметая саму эту мысль, как нечто слишком нелепое и не заслуживающее обсуждения.— Убивать мясо, когда необходимо. Убивать холодные умы, когда необходимо. Если,— и глаза-маяки засветили в сторону другого обитателя комнаты,— Флинкс не скажет иное.

Флинкс медленно покачал головой:

— Никогда, Пушок.

— Я так и думал, что ты это скажешь. Настало время закончить эту часть игры,— он сделал лапой приглашающий жест.— Вы тоже идете?

— Не знаю, что вы запланировали на этот раз, Пушок, но — да,— согласился Флинкс.— Мы тоже идем.

— Забаву,— прогремел гигантский уйюрриец, показывая, что должно последовать нечто большее, чем обычное развлечение.

— Я не хочу, чтобы были повреждены какие-либо здания там внизу, если этого можно избежать,— проинструктировал Флинкс урсиноида, когда тот вел его и Сильзензузекс вниз по коридорам и лестницам.— Они полны знаний, правил игры. Руководства по обучению механизмам, архивы и, разумеется, полная библиотека по геологии. Если нам придется до конца своей жизни оставаться в этом мире, как на необитаемом острове, то мне, Пушок, понадобится для вашего обучения каждая кроха этого материала.

— Понятно,— хмыкнул Пушок.— Часть игры: не причинять вреда внутренностям зданий. Скажу семье. Не беспокойся.

— Не беспокойся,— передразнил Флинкс, думая о ждущих их у основания горы настороженных и вооруженных сотрудниках базы. И думая также о двух пронзающих атмосферу *лазерных пушках, свободно вращающихся* на маленькой башне.

Пушок провел их вниз через несколько этажей завода и рудника к единственному складскому уровню под землей.

Вниз, мимо комнат, камер и коридоров, вдоль стен которых выстроились терпеливо ждущие, дремлющие, игривые уйюррийцы. Туда, где был разодран самый нижний пол. Тут они остановились.

Их ждали Ням, Голубой и Мягкогладкая, и смутно мелькнувшее мерцание, которое могло быть Можетитаком, или могло быть иллюзией, вызванной фокусом слабого верхнего света.

Вместо остановки перед твердым железобетонным барьером они обнаружили три огромных туннеля, ведущих в полную темноту. Свет из помещения только чуть-

чуть проникал в эти наклоненные вниз штреки, но Флинкс подумал, что заметил дополнительные боковые туннели, ответвлявшиеся дальше от главных.

— Удивлен, да? — выжидающе спросил Пушок.

— Да,— только и смог ответить ошарашенный Флинкс.

— Каждый туннель,— продолжал урсиноид,— выходит под одной частью нескольких металлических пещер внизу, в спокойном месте, где нет холодных умов.

— Вы можете определить, где этажи не охраняются? — в изумлении прошептала Сильзензузекс.

— Можем почувствовать,— объяснил Ням.— Это легко.

— Это хорошая мысль, друг-Флинкс? — поинтересовался обеспокоенный Пушок.— Это одобряемая часть игры, или попробовать что-нибудь другое?

— Нет, это одобряемая часть игры, Пушок,— признал, наконец, Флинкс. Он повернулся лицом к бесконечному морю большеглазых животных.— А теперь обратите внимание,— по массе тел пробежала дрожь массивного шевеления.— Те, кто ворвутся на электростанцию, должны все выключить. Нажмите каждую кнопку и рубильник в...

— Знаем, что значит выключить,— уверенно сказал ему Голубой.

— Мне, вероятно, следовало бы оставить вас в покое, вы прекрасно справились без моей помощи,— проворчал Флинкс.— И все же это важно. Это вызовет затемнение везде, кроме башни, где находятся две большие пушки. У них автономное питание, также как и у челночного ангара под взлетной полосой. Те из вас, кто попадет в башню с пушками, должны...

— Сожалею, друг-Флинкс,— перебил скорбный Пушок.— Нельзя сделать.

— Почему?

— Полы не такие, как этот,— объяснил урсиноид, пылая глазами в косвенном освещении. Он показал на лежащий кругом разломанный железобетон.— Там толстый металл, нельзя подкопаться.

Флинкс упал духом.

— Тогда всю эту атаку придется отложить, пока мы не сумеем придумать что-нибудь такое, что ликвидирует эту башню. Они могут всех нас уничтожить, даже если им придется для этого расплавить все оставшееся поселение. Если Руденуаман ускользнет и доберется до башни, я думаю, она не поколеблется отдать такой приказ. На данном этапе ей будет больше нечего терять.

— Не хотели заставлять тебя беспокоиться, друг-Флинкс,— утешил его Голубой.

— Не о чем беспокоиться,— добавила Ням.

— Есть еще кое-что, чтобы позаботиться о башне,— объяснил Пушок.

— Но вы же...— Флинкс остановился, и спокойно продолжал.— Нет, если ты говоришь, что вы сможете, значит, у вас должны быть средства.

— Что насчет тех троих, которые дали себя убить? — прошептала Сильзензузекс.— Они тоже думали, что у них что-то есть. На этот раз на кон поставлено намного больше жизней.

Флинкс медленно покачал головой:

— А, Бэ и Вэ играли по другим правилам, Сил. Для нас самое время доверить им свою жизнь. Они достаточно часто рисковали своими, полагаясь на наше слово. Но просто на всякий случай...— Он повернулся к Пушку: — Я должен сделать одно дело, даже если эта операция провалится и мы все окажемся покойниками. Я хочу выйти наверх через пол большого жилого дома, Пушок. Там есть кое-что, чем мне нужно будет воспользоваться.

— В этот туннель,— сказал ему Пушок, показывая на штрек слева.— Значит, готов?

Флинкс кивнул. Огромный уйюрриец обернулся и мысленно крикнул инструкции. Они сопровождались несусветной эмоциональной командой.

Ответил тихий угрожающий гром, звук, от которого волосы вставали дыбом, когда десятки, сотни массивных силуэтов зашевелились в длинных рядах, тянущихся в разные концы рудника.

Затем они двигались вниз по туннелям. Флинкс и Сильзензузекс тесно прижимались к Пушку, крепко вцепившись рукой в его мех. Ночное зрение у Силь-

зензузекс было намного лучше, чем у Флинкса, но туннель был слишком темен даже для ее острых глаз.

Если деятельность уйюррийцев заметили, размышлял Флинкс, они никогда уже не выйдут на свет. Их могли поймать здесь в западню и перебить с минимальными усилиями.

— Один вопрос,— спросила Сильзензузекс.

Ум Флинкса был занят чем-то другим, когда он ответил:

— Какой?

— Как они прорыли эти туннели? Порода здесь скальная, а туннели кажутся довольно протяженными.

— Они четырнадцать тысяч лет копали туннели, Сил,— Флинкс обнаружил, что шагает все с большей и большей уверенностью, когда ничто, похоже, не собиралось обрушивать на них сверху смерть.— Как мне представляется, они стали весьма опытны в этом...

Телин ауз Руденуаман отчаянно и тяжело дышала, почти задыхалась, когда, хромая, продвигалась по этажу. Снаружи и снизу доносились звуки тяжелого боя.

Наверху только что покинутой ею лестницы появилась массивная коричневая фигура. Обернувшись, Телин выстрелила в ее направлении из лучемета. Та исчезла, хотя она не могла сказать, попала в нее или нет.

Телин отдыхала в своих жилых покоях, когда произошло нападение, не из отдаленного рудника, а у нее из-под ног. Одновременно сотни огромных разгневанных чудовищ вырвались из субуровней всех зданий. Всех зданий, то есть, кроме башни с пушками. Она едва успела отдать приказ обслуге этого мощного оружия пройтись лучом по всем строениям, кроме того, в котором находилась она, как их уничтожили.

Странный фиолетовый луч не толще ее большого пальца перескочил пропасть между верхним этажом далекого рудника и подножием башни. Там, где он коснулся, теперь остался только глубокий горизонтальный шрам в земле. Все произошло так быстро, что она не

увидела, не услышала никакого взрыва.

В один миг башня была тут — три этажа бронеколпака больших пушек,— а в следующий она услышала громкий шипящий звук, словно уронили в воду раскаленный уголек, и когда она обернулась взглянуть, башня исчезла.

Теперь некуда было бежать, не осталось ничего, что дало бы возможность поторговаться. Ее сильно превосходящий в численности корпус сотрудников-люди, транксы, ААнны — был погребен под коричневым обвалом.

Она попыталась пробраться в подземный челночный ангар, в надежде спрятаться там до возвращения барона, но нижние этажи этого здания тоже были забиты стаями лемуроглазых бегемотов. Территория же снаружи, казалось, кишела ими.

Это не имело никакого смысла. Существовало, наверное, с полсотни тупоумных туземцев, живших в непосредственной близости от рудника. Наблюдения открыли еще несколько сот, обитающих в пещерах подальше.

Теперь же их были тысячи, всех размеров, заполонивших все поселения — заполонивших все ее мысли. Внизу раздавался треск переворачиваемой мебели и разбитого стеклосплава. Выхода не было. Она могла отступать только наверх.

Прохромав до другой лестницы, она начала подниматься в свои апартаменты, кабинет на верхнем этаже. Бой был разве что не окончен, когда ликвидировали башню с пушками. Меево подтвердил это, когда доложил, что электростанция взята. Это были последние слова, услышанные ею от рептильного инженера.

Вместе со станцией пропала энергия для средств связи и лифтов. Ей было трудно взбираться по лестнице с ее травмированной ногой. Ее комбинезон был порван, заботливо наложенный грим, прикрывавший шрамы у нее на лице, сильно размылся. Она встретит смерть в своих собственных покоях, без паники, до конца показав присущую Руденуаман истинную уверенность в себе.

На верху лестницы она замедлила шаги. Ее покои находились в противоположном конце коридора, но из ближайшего к лестнице помещения лился свет. Осто-

рожно двигаясь, она отодвинула взломанную дверь немного дальше в стену, заглянула вовнутрь.

Свет был того типа, который мог исходить от небольшого электроприбора. На базе было много таких приборов с собственными источниками питания — но кто бы, кто бы то ни был, что он мог делать с ним здесь и сейчас, когда ему полагалось держать в руке лучемет?

Крепко сжимая свой собственный, она осторожно вошла в помещение.

В этих покоях не жили со времени смерти их бывшего обитателя. Свет исходил из противоположного угла. Его производил портативный считыватель. Маленькая худощавая фигура сгорбилась перед ним, забыв про все остальное.

Она подождала, и в скором времени фигура со вздохом выпрямилась, протянув руку отключить машину. Ярость и отчаяние попеременно сменяли в ее мыслях друг друга, уступив, наконец, место холодному, спокойному чувству покорности судьбе.

— Мне следовало бы догадаться,— пробормотала она себе под нос.

Фигура удивленно дернулась и стремительно обернулась.

— Почему ты не умер достойно, как тебе и полагалось?

Флинкс поколебался и ответил без намека на улыбку:

— Этому не суждено было стать частью игры.

— Ты шутишь со мной... даже сейчас. Мне следовало убить тебя в то же время, когда я прикончила Чаллиса. Но так нет же,— зло бросила она.— Мне потребовалось сохранить тебя для развлечения.

— Ты уверена, что это единственная причина? — спросил он так мягко, что она на мгновение растерялась.

— Ты к тому же играешь со мной в слова,— она подняла дуло лучемета.— Я только сожалею, что у меня нет времени убить тебя медленно. Ты не оставил мне даже этого.— Она устало пожала плечами.— Цена, которую платишь за недосмотр, как сказала бы моя тетка, да разложится ее дух. Мне, однако, любопытно, как ты

сумел приручить и обучить эти создания?

Флинкс с жалостью посмотрел на нее.

— Ты все еще ничего не понимаешь, не так ли?

— Только то,— ответила она, сжимая палец на курке лучемета,— что это происходит с запозданием на несколько месяцев.

— Подожди! — умоляюще крикнул он.— Если ты дашь мне только одну мин...

Палец конвульсивно сжался. В то же самое мгновение кто-то залил ей глаза жидким огнем. Она пронзительно вскрикнула, и луч прошел как раз справа от Флинкса, уничтожив стоящий поблизости считыватель.

— Не три,— крикнул было он, бросаясь вокруг кресла, на котором сидел — слишком поздно. В момент контакта она выронила лучемет и начала инстинктивно тереть до ужасной боли в лице. Теперь она каталась по полу.

Расстояние между ними было теперь невелико, но к тому времени, когда он добрался до нее, она уже была без сознания и парализована. Тридцать секунд спустя она была мертва.

— Ты никогда не уделяла времени на выслушивание, Телин,— прошептал он, оцепенело опускаясь на колени рядом со скрюченным телом. Нервно выбрасывая и убирая свой длинный язык, Пип мягко расположился на плече Флинкса. Мини-минидраг был напряженным от гнева.

— Твоя жизнь была слишком стремительной. Моя тоже бывала слишком стремительной.

В дверях что-то двигалось. Подняв голову, Флинкс увидел дышащую с присвистом Сильзензузекс, оберегающую стопоруку в шине. Одна иструка твердо держала лучемет транксийских размеров.

— Я вижу, ты нашел ее,— заметила она, дыхание выходило через спикулы ее груди-б с длинными свистками.— Мягкогладкая говорит мне, что теперь почти очищены последние крохи сопротивления.

Ее фасеточные глаза вопросительно рассматривали его, когда он снова опустил взгляд на тело.

— Не я нашел ее. Она нашла меня. Но прежде чем

я смог заставить ее выслушать, вмешался Пип. Полагаю, он вынужден был это сделать, иначе она убила бы меня.— Он неожиданно взглянул на нее и улыбнулся.

— Видела бы ты себя, Сил. Ты выглядишь словно атавизм из неспокойных времен Ульдома. Словно воин, только что завершивший успешный налет за личинками на соседний улей.

Она не ответила на эту шпильку. Что-то было в его голосе...

— Это не похоже на тебя, Флинкс,— она изучала его, когда тот вернулся к осмотру тела, пытаясь вспомнить все, что знала о человеческих эмоциях. Ей казалось, что его интерес к этой женщине, которая за несколько тамоввaнеля добровольно сотрудничала с заклятыми врагами рода хьюманксийского, был ненормальным.

Сильзензузекс не могла сравниться со своим дядей, когда дело доходило до дедукции, но не была и глупа.

— Ты знаешь что-то большее об этой человеческой самке, чем ты говорил.

— Я, должно быть, знал ее прежде,— прошептал он.— Хотя я совсем не помню ее. Если верить данным на ленте промежуткам времени, это не слишком удивительно.— Он вяло показал на покои позади него: — Это были апартаменты Чаллиса.— Рука его вернулась показать на тело. На мгновение его глаза показались столь же бездонными, как у Ням.— А это была моя сестра.

Только на следующий полдень, после того как уйюррийцы умело закопали тела, Сильзензузекс настояла на том, чтобы услышать обо всем, что было записано на похищенной катушке.

— Я был сиротой, Сил, выращенным на Моте человеческой женщиной по имени матушка Мастифф. Найденная мною информация гласит, что я был рожден профессиональной рысью по фамилии Руд, в Аллахабаде, на Земле. Записи также гласят, что я был вторым ребенком, хотя и не дают подробностей. Эти факты приходилось отыскивать на похищенной Чаллисом ка-

тушке, которую я не прочел до прошлой ночи.

— У моей матери была также старшая сестра. Муж моей матери, который согласно ленте, не являлся моим отцом, предоставил той старшей сестре пост в своей коммерческой фирме. После того, как он умер, при все еще невыясненных обстоятельствах, сестра взяла управление фирмой на себя и превратила ее в крупную деловую империю.

— Кажется, моя мать и ее сестра никогда особенно не дружили. Некоторые из деталей того, что закончилось пленением моей матери, а именно так это и читается, являются...— он вынужден был на миг остановиться.

— Легко понять, как подобные детали привлекли такого человека, как Чаллис. Моя мать умерла вскоре после своего мужа. Последовало множество необъяснимых происшествий. Никто не мог быть уверен, но была выдвинута теория, что их можно каким-то образом отнести за счет племянницы главы фирмы. Поэтому... от меня отделались. Мелкая продажа в таком крупном коммерческом концерне,— зло добавил он.

— Старшую сестру, Рашалейлу, забавляло держать при себе племянницу. Фамилия сестры была. Нуаман. Племянницу, мою сестру, звали Телин. Она стала зеркальным отражением своей тетки, отняла у нее фирму и соединила свою материнскую *фамилию с теткиной.* Засимворечила ее. Телин из семейства Руд и Нуаман... Телин ауз Руденуаман.

Что же касается меня, про меня все давно забыли. Сыщиков Чаллиса заинтересовала та часть, в которой говорится о том, что я вызвал «необъяснимые явления», как их назвали. Он так никогда и не потрудился выделить из этой информации какие-нибудь иные связи.

Они молча шли дальше, мимо длинной выемки в земле, где раньше стояла башня с пушками. Пушок, Ням, Голубой и Мягкогладкая топали следом. Они подошли к небольшому зданию, стоявшему у взлетной полосы. Ранее один из уйюррийцев открыл, что оно вело вниз к обширному челночному ангару. В ангаре имелось полное оборудование для ремонта и строительства чел-

ночных судов, что и требовалось на подобной изолированной планете. Там также находились механическая мастерская и огромная техническая библиотека по всем аспектам эксплуатации и ремонта КК-кораблей Содружества. Она образует очень полезный филиал уйюррийской школы, которую планировал открыть Флинкс.

— У меня не было времени спросить прошлой ночью, Пушок,— начал Флинкс, когда они прошли конец шрама в земле.— Как вы сумели это сделать?

— Было забавно,— весело ответил большой урсиноид.— Идея принадлежала по большей части Ням. А также молодке по имени Маска. Пока другие копали туннели, они вдвоем прочли многое, что было в книгах на руднике.

— Сделали несколько изменений в пещерокопателе холодных умов,— уточнила Ням.

— Пневмопресс,— прошептала Сильзензузекс.— Они, должно быть, модифицировали пневмопресс. Но как?

— Изменили здесь, добавили там,— объяснила Ням.— Было забавно.

— Хотел бы я знать, совсем ли подходящее слово «модифицировали» для превращения безвредного инструмента в совершенно новый вид оружия,— пробормотал себе под нос Флинкс. Он посмотрел на небо.— Может быть, мы дадим Ням, Маске и их друзьям «поиграть» с библиотекой и механической мастерской внизу. Но сперва мы должны спешно произвести кое-какие иные изменения...

Большой грузовой корабль вышел из КК-режима как раз за орбитой второго спутника Ульру-Уйюрра, приближаясь на коротких вспышках очень мощного ближнепространственного двигателя. Грузовой корабль зашел на низкую орбиту вокруг громадного сине-коричневого мира, оставаясь прямо над единственным поселением на его поверхности.

— Достопочтенный, нет никакого ответа,— доложил замаскированный ААнн, отвечающий за корабельную связь.

— Попробуй снова,— скомандовал глухой голос.

Связист так и сделал. И беспомощно поднял голову.

— Нет никакого ответа на всех частотах замкнутого радиосигнала. Но есть нечто другое, нечто очень странное.

— Объясни,— коротко приказал барон. В голове у него все завертелось.

— Есть явное субатмосферное вещание всех видов, но ничего нет на тех частотах, к каким я могу подключиться. И ничего, направленного на нас, несмотря на мои неоднократные вызовы.

Человек по фамилии Джозефсон, бывший очень важным администратором в «Руденуаман Энтерпрайзиз», вплотную приблизился к барону.

— Что там происходит? Это не похоже на Мадам Руденуаман.

— Это ни на что не похоже,— осторожно заметил барон.

Он переключил внимание на другого из дежуривших у пульта:

— Каков облачный покров над базой?

— Ясно и небольшой ветер, сэр,— доложил дежурный метеоролог.

— Сэр Джозефсон,— тихо прошипел барон,— пройдемте, пожалуйста, со мной.

— Куда мы идем? — захотел узнать сбитый с толку администратор, следуя за бароном по коридору, ведущему в противоположный конец командного отсека.

— Сюда,— барон стукнул по кнопке и дверь ушла в переборку.— Мне требуется максимальное разрешение,— проинструктировал он дежурного техника.

— Сию минуту, достопочтенный,— откликнулся замаскированный ААнн, поспешив сделать необходимую настройку поверхностного перископа. Сев рядом с техником, барон сам выбил требуемые координаты на компьютере перископа.

Затем он несколько минут оставался недвижим, уставясь на обзорный экран. В конце концов, он подвинулся, жестом пригласив Джозефсона занять его место. Человек так и сделал, слегка подправив фокус. И издал

устный и физический признак испуга.

— Что вы видите? — осведомился барон.

— База исчезла, но на ее месте что-то есть.

— Тогда я, может, не сошел с ума,— заметил барон.— Что вы видите?

— Ну, взлетная полоса все еще на месте, но от берега озера в горы поднимается что-то вроде маленького города. Зная местность, я бы сказал, что некоторые из незаконченных построек высотой в пару сотен метров,— голос у него пропал от удивления.

— И что это, по-вашему, предполагает? — спросил барон.

Джозефсон оторвался от перископа, медленно покачав головой.

— Это предполагает,— прошипел сквозь зубы барон,— что постройки могут быть встроены глубоко в горы. Кем или насколько глубоко, мы не узнаем, если не спустимся посмотреть сами.

— Не советовал бы этого,— прогремел новый голос.

Джозефсон издал крик и вывалился с кресла, прижавшись спиной к пульту. Техник и барон круто повернулись, потянувшись одновременно за оружием.

В центре помещения твердо стоял призрак. Он был добрых три метра ростом, стоял на задних ногах, и его туша чуть ли не прогибала палубу. Огромные желтые глаза прожигали их недобрым взглядом.

— Не советовал бы,— повторил призрак.— Уматывайте.

Ручной лучемет барона уже был нацелен — но теперь было не во что стрелять.

— Галлюцинации,— предположил дрожащий Джозефсон, после того как к нему вернулся дар речи.

Барон ничего не сказал, подошел к месту, где стояло это создание. Он опустился на колени так, как не смог бы ни один человек, разыскивая что-то на полу.

— Очень косматая галлюцинация,— заметил он, изучая несколько толстых жестких волосков. Его мозг бешено перемалывал все увиденное.

— Вы знаете, я никогда не бывал за пределами главной базы,— заявил Джозефсон.— Что это было?

— Уйюррийский туземец,— задумчиво объяснил барон, потирая волоски между пальцев с фальшивой кожей.

— Что... о чем он говорил?

Отвращение в голосе барона было очевидным.

— Бывают времена, когда я гадаю, как это вы, люди, вообще достигли и половины того, что имеете.

— Послушайте-ка,— сердито начал администратор,— незачем прибегать к оскорблениям.

— Да,— признал барон. В конце концов, они все еще находились в пределах территории Содружества.— Нет причин прибегать к оскорблениям. Я извиняюсь, сэр Джозефсон.

Повернувшись, они покинули помещение, оставив там техника, широко открывшего глаза.

— Куда мы теперь идем?

— Сделать то, что сказало это создание.

— Минуточку,— Джозефсон твердо посмотрел в неморгающие глаза ААнского аристократа.— Если Мадам там в беде...

— СссИссТТТ... пошевели мозгами, теплокровный,— презрительно фыркнул барон.— Там, где была небольшая база, теперь быстро растущий город. Там, где раздавался единственный встречающий сигнал, теперь множество странной местной связи. От нескольких скоплений обитавших в пещерах туземцев приходит телепортация, кратко советующая нам не приземляться. Кратко советующая нам — на вашем жаргоне, хочу добавить, сэр Джозефсон,— поспешить куда-нибудь подальше.

— Думаю, для нас будет разумным, учитывая все увиденное, побыстрее подчиниться. Я действую согласно реальностям, а не эмоциям, сэр Джозефсон. Вот почему я всегда буду тем, кто отдает приказы, а вы всегда будете тем, кто их выполняет.

Он ускорил шаг, опередив человека и оставив его стоять в коридоре, глядя ему вслед, разинув рот.

По указанию барона грузовой корабль с максимальной скоростью покинул район близ Ульру-Уйюрра. Отдыхая в своей роскошной каюте, барон размышлял над

тем, что же произошло в его отсутствие. Что-то существенно важное, с неизвестным значением для будущего.

В одном он был уверен: Мадам Руденуаман и их совместное предприятие больше не существовали.

Но могла быть уйма причин этому.

То, что туземцы были больше, чем невежественными дикарями, казалось теперь очевидным... но насколько более очевидным, он сказать не мог. Единственного гения среди них можно было мнемонически проинструктировать доставить то, что было, с очень кратким сообщением. Новое экспериментальное устройство могло спроецировать его на борт корабля.

Бурно растущий внизу город мог быть продуктом Церкви, Содружества, делового конкурента. Этот сектор рукава все еще оставался, по большей части, неисследованным — на изолированной, непосещаемой планете, вроде Ульру-Уйюрра, могло обосноваться все, что угодно.

Он в этом предприятии действовал удачно. У него все еще имелось множество мелких камней, которые он мог медленно годами распространять по Содружеству. Его статус при дворе Императора существенно повысился, хотя замысел имперских психотехников имплантировать сценарии самоубийственных импульсов в янусские кристаллы, а потом продавать их важным людям и транксам теперь придется забросить.

А жалко, так как программа шла очень успешно. Тем не менее, все могло быть и хуже. Что бы там ни стерло с лица земли базу и Мадам Руденуаман, оно могло также захватить и его, не отправься он в погоню за человеческим ребенком.

Жаль, что ей удалось встретить то человеческое патрульное судно, вынудив его оставить всякую надежду ликвидировать ее. Впечатление такое, словно она знала, что делает. Но это не имело большого значения, знал он. Пусть себе мелет об Ульру-Уйюрре всякому достаточно доверчивому, ибо теперь эта планета уже не его забота.

В будущем, учитывая неизбежный триумф Империи, он мог вернуться с имперским флотом, вместо того

чтобы красться, как сейчас, в вынужденном обществе презренных млекопитающих и насекомых. Тогда он сможет восстановить контроль, нет, суверенитет над загадочной планетой, оставив таким образом всю обретенную славу и прибыль для себя и дома ВВ.

Может и так, предавался он приятным размышлениям, может и так.

Он не услышал голоса, отозвавшегося в ответ из глубины. Где-то там. Голоса, сказавшего:

— А может и нет!

День начинался ярким и теплым. Сильзензузекс обнаружила, что может свободно разгуливать со всего лишь тончайшим покровом.

У нее сложилось особое взаимопонимание с робкой уйюррийкой, самкой-подростком по имени Маска, оказавшейся чудесным наставником по истории и неожиданно сложным взаимоотношениям уйюррийцев. Так что Сильзензузекс упивалась изучением дорогого ее сердцу предмета.

Наверное, когда-нибудь оно образует основу для монографии или даже настоящей диссертации, достаточно важной, чтобы завоевать ей восстановление в Церкви. Хотя открытие, что Церковь и в самом деле ответственна за карантин этого народа, по-прежнему заставляло ее ставить под вопрос стандарты этой организации и свое будущее членство в ней.

Она покинула свою квартиру в здании, намереваясь напомнить Флинксу о вчерашних откровениях. Но его, кажется, нигде не было, ни в школе при взлетной полосе, ни в каком-либо из фабричных центров, окружавших старый рудник. Наконец один из урсиноидов направил ее к месту в противоположном конце долины, куда она однажды бежала из когтей Руденуаман. После порядочного подъема на крутой обрыв она нашла его, сидящего, скрестив ноги, на краю и занятого общением с местным насекомым, размерами не превышавшими его пальца. Оно было покрыто охрово-зеленой эмалью, с крыльями в желтых пятнах.

Пип стремглав носился по кустам, тревожа рассерженное извилистое млекопитающее, вдвое меньше его.

Отсюда можно было обозреть всю долину, увидеть лазурное озеро в объятиях двух увенчанных снегами пиков и наблюдать за постоянным ходом строительства на южном берегу.

Когда Флинкс наконец повернулся к ней, на лице его было такое печальное выражение, что просто потрясло ее.

— Что случилось? Почему ты такой печальный? — спросила она.

— Кто такой печальный?

Она медленно покачала своей сердцеобразной головой. Когда он никак не откликнулся, она показала на приозерную долину.

— Не знаю, чем тебе быть разочарованным. Твои подопечные, кажется, взялись за твою игру в цивилизацию с большим энтузиазмом. Можетитак ведь побывал на борту корабля? Что бы там он ни сказал им, оно, должно быть, оказалось действенным. Они не вернулись, и с тех пор много месяцев нет никаких признаков другого корабля.

В ответ он показал на северный берег озера. Там росла огромная металлическая суперконструкция. Она была почти такой же длинной, как само озеро.

— Что-нибудь из-за корабля?

Он покачал головой:

— Нет... из-за причины его постройки. Сил, я достиг только половины того, что наметил сделать. Я знаю, что мать моя умерла, но я по-прежнему не знаю, кем был мой отец, что с ним случилось,— он посмотрел на нее твердым взглядом.— А я хочу знать, Сил. Может быть, он тоже давно умер, или жив, и даже худшее животное в человеческом образе, чем оказалась моя сестра, но я хочу знать, и я узнаю,— закончил он с неожиданной страстностью.

— А как это связано с кораблем?

Теперь он раздвинул губы в невеселой улыбке.

— А зачем, по-твоему, уйюррийцы строят корабль?

— Не знаю... для забавы, ради исследований... зачем?

— Это подарок для меня от них, маленький сюрприз Пушка. Он знает, что я хочу отправиться на поиски отца, поэтому они делают все, что в их силах, чтобы помочь мне в поисках. Я им сказал, что они не смогут сконструировать здесь корабль с КК-двигателем... что это надо делать за пределами гравитации планеты. Знаешь, что он мне ответил? «Мы устроим... иным способом слишком много хлопот».

— Он отыскал уйюррийку — самую тощую, какую я когда-либо видел,— мыслящую только математическими категориями. Она такая ненормальная — перевод ее имени вышел как «Интегратор»,— что может почти понять Можетака. Ням поставила перед ней задачу. Две недели назад она расколола проблему посадки в гравитационный колодец на КК-двигателе. Ученые Содружества пытались разрешить эту задачку пару сотен лет.

Он вздохнул.

— И все для того, чтобы помочь мне найти отца, Сил... Что случится, если уйюррийцы найдут, что остальной космос, наша цивилизация им не по нраву? Что, если они решат «поиграть» с ней? Что мы спустили с привязи?

Она уселась на истноги и стопоруки и поразмыслила. Прошли долгие минуты. Инкрустированный эмалью жук улетел.

— Если и ничего другого,— сказала, наконец она, глядя на корабль,— то это способ отправиться домой. Ты слишком много беспокоишься, Флинкс. Я не думаю, что наша цивилизация будет сильно интересовать этих существ. Их интересуешь ты. Помнишь, что сказал Можетитак? «Если новая игра нам наскучит, мы вернемся к старой».

Флинкс обдумал это и немного посветлел, затем внезапно встал.

— Полагаю, ты права, Сил. Мне не будет никакого толку от беспокойства об этом. Когда они закончат корабль, настанет время отправиться домой. Мне нужна твердость матушка Мастифф, и мне нужно будет на время снова затеряться.— Он странно посмотрел на нее.— Ты поможешь?

Сильзензузекс обратила взгляд огромных многофасеточных глаз на Пипа, наблюдая, как мини-минидраг сложил перепончатые крылья и спикировал в нору вслед за отступающим млекопитающим. Из-под земли донеслись звуки драки.

— Это обещает быть интригующим... с чисто научной точки зрения, конечно,— задумчиво произнесла она.

— Конечно,— согласился Флинкс с невозмутимым, как и положено, видом.

Из норы высунулась узкая рептильная голова, и заостренный язык быстро метнулся в их направлении. Пип надменно поглядел на них, чешуйчатый чеширский кот...

КОНЕЦ МАТЕРИИ

Пролог

Возьмите божественных масштабов бутылку, наполненную стопроцентной ночью, разлейте ее на нескольких десятках световых годов, и вы получите феномен, который человечество называет Бархатной Дамбой. Темная туманность такой плотности, что ни одна близкая звезда не может заставить ее светиться, Дамба непроницаемым занавесом отгородила значительный участок пространства. Сквозь нее в обитаемый район, известный под названием Федерация Хьюманксов (людей и транксов), не пробиваются лучи ни одного солнца. Сквозь эту обширную черную стену нельзя осуществить связь, даже послать поздравление с днем рождения.

Туманность расположена выше выступа Федерации и примерно параллельно галактическому экватору. Но так как запретный плод сладок, хьюманксы уже начали исследования по краям туманности.

Для космического зонда один полет ничем не отличается от другого. Для его не знающего усталости мозга безразлично, где добывать новую информацию: за считающейся неисследованной Дамбой или на поверхности спутника Земли. Впрочем, зонд совсем не был глуп. Огромные расстояния, которые преодолевают эти исследовательские машины, делают невозможным постоянное руководство ими. Поэтоу вдобавок ко множеству воспринимающей аппаратуры и научного оборудования, независимые работы-зонды снабжаются сложным электронным мозгом. При необходимости они обладают определенной способностью самостоятельного принятия решений.

Невероятно сложное собрание миниатюрных контуров изменило запрограммированный курс зонда. Для

такого изменения требовалось, чтобы новый объект представлял значительный научный интерес. И вот робот ушел с запрограммированной орбиты, включил свой небольшой КК-двигатель и передал свое решение на контрольную станцию слежения.

Хотя зонд невелик, он может передвигаться со скоростью, недоступной для корабля с экипажем из хьюманксов. Устремившись к источнику возмущений, он продолжал передавать данные своих наблюдений на станцию. И очень скоро (по собственному времени зонда) он приблизился на расстояние, с которого стали возможны визуальные наблюдения. Не рассуждая, не оценивая, зонд напряженно трудился, отправляя поток информации на станцию, которая находится в углу Бархатной Дамбы.

Зонд наблюдал (и сообщал об этом) поглощение в космическом масштабе. Он поискал в своей электронной памяти аналог наблюдаемому, но ничего не нашел. Это было поразительно, потому что в памяти зонда содержались сведения о всех астрономических явлениях, наблюдавшихся хьюманксами.

Мозг зонда напряженно работал. Предварительные наблюдения были завершены. Должен ли он улететь, чтобы выполнить первоначальное задание, или продолжать изучать это необычное явление? Предстояло критическое решение. Зонд сознавал собственную ценность, но ему казалось несомненным, что любая новая информация, которую он здесь добудет, ценнее для его создателей, чем что-нибудь другое. И вот с религиозным рвением включились необходимые контуры. Зонд придвинулся ближе, все время продолжая получать новые сведения и отправлять их, пока даже без электронного стона сам был поглощен.

Зонд протестовал против собственного разрушения, но его протест не был услышан. И это не его вина. В момент поглощения некому было слышать. Но другие инструменты оказались лучше подготовлены для наблюдения за последними секундами зонда и сообщили станции все необходимое.

Прошло несколько месяцев.

В центре управления станции замкнулся контур. Заработали мощные машины. Вся информация, собранная десятками зондов, разлетевшихся на огромные расстояния, сосредоточилась в направленном луче и была подготовлена к передаче через пространство. Станция выбросила эту информацию на другую — станцию с экипажем на далекой колонии хьюманксов. Эта станция передала информацию на другую планету, та еще дальше, и в конечном счете информация достигла Земли, одного из двух центров Федерации. Здесь, на высокой горе, на окраине большого города, жители которого некогда приносили человеческие жертвоприношения, располагается Научный Центр Федерации.

Компьютеры терпеливо расшифровали послание и сделали его воспринимаемым. Часть послания была отмечена особо — для внимательного рассмотрения. В должном порядке эта информация попала на глаза компетентному, но скучающему человеку, женщине. Но когда она прочла сообщение, глаза ее распахнулись и скука исчезла. Она известила других: людей и транксов,— и первоначальное изумление сменилось растерянностью, а потом и смирением. Информацию обработали, перепроверили, рассмотрели заново. Научный коллектив станции смирился с невероятным.

На другом конце планеты была назначена встреча. Присутствовали четверо: два человека и два транкса. Все чрезвычайно высокопоставленные, настолько, что уже перешли от высокомерия к скромности.

Одним из транксов был президент Федерации, другой возглавлял все научные исследования, финансируемые Федерацией. Один из людей — Последний Оплот Объединенной Церкви. Другой в обычных обстоятельствах не считался бы таким значительным, как остальные трое, но таким его временно сделали обстоятельства. Это был глава станции в Мехико, где обрабатывали информацию с зондов.

Когда были сообщены все необходимые сведения, престарелый президент Друсиндромид сложил свои истинные руки на груди и вздохнул через спикулы. От возраста его хитон приобрел фиолетовый цвет, и антен-

ны свисали ниже блестящих фасеточных глаз. Он посмотрел своими многоцветными сложными глазами на техника.

— Информация точна. Ошибок нет. Вы в этом уверены?

И человек, и транкс, глава научных исследований, кивнули, и человек добавил:

— Мы направили другой зонд в эту область, сэр. Он идет по маршруту перехвата. К тому времени поглощаемая звезда совершенно исчезнет, и нам придется полагаться на невизуальные наблюдения. Но я не считаю это вообще необходимым, сэр. Отчет первого зонда не вызывает никаких сомнений.

— Я знаю, с какой скоростью передвигаются эти зонды,— сказал президент.— Но этот объект очень массивен. Неужели он полностью поглотит звезду к прилету нового зонда?

— Да, почтенный,— печально ответил ученый транкс.— Радиация, которая привлекла внимание первого зонда, исходила от солнечной плазмы с поверхности. Все пространство было заполнено радиацией, особенно гамма-лучами.— Ученый почтительно смолк, видя, что технические подробности президента не интересуют.

Старый транкс медленно покачал головой — этот жест транксы усвоили в самом начале Объединения, несколько сот лет назад, когда человечество и общество транксов начали сливаться.

— Сколько еще времени? — спросил он, указав руконогой на трехмерное изображение звезды в центре панорамы над столом.

Отбросив светло-каштановые волосы, техник механически ответил:

— Если только какая-то невообразимая причина не изменит его путь, сэр, массивный коллапсар выйдет из Бархатной Дамбы через семьдесят два и одну десятую стандартного года Федерации. Еще через пятнадцать с половиной лет оно пройдет по касательной на критическом расстоянии от звезды, вокруг которой вращаются две населенные планеты Федерации Кармадж-Коллан-

гатта. Мы считаем,— он остановился и глотнул,— что звезда этих двух планет полностью исчезнет в течение недели.

— Так быстро, прошептал президент,— так быстро.

— Еще через двадцать семь и три десятых года,— безжалостно продолжал техник,— такая же катастрофа произойдет со звездой планеты Твоски Брайт.— Он немного помолчал, потом продолжил.— Ни одна другая планета Федерации не находится на критическом расстоянии от маршрута коллапсара через нашу галактику. Коллапсар минует ось галактики. Через несколько тысяч лет он покинет Млечный Путь и двинется в общем направлении RNGC185.

— Как может коллапсар двигаться так быстро? — спросил президент.

Техник взглянул на своего начальника; ответил глава научных работ.

— Мы все еще не вполне понимаем природу коллапсаров, почтенный. Такие радикальные искажения звездной матрицы заключают в себе множество тайн. Достаточно знать, что коллапсар движется с указанной скоростью по определенной орбите.

Президент кивнул и коснулся кнопки. На потолке развернулась большая карта. Он некоторое время изучал карту, не обращая внимания на вид из окон на изнемогающие от жары джунгли и болота.

— Что это за три планеты?

Встав, Последний Оплот подошел к главе научных исследований. Высокий человек, он превосходил президента — но только ростом. Одна из трех планет населена почти исключительно транксами, но это часть его паствы, такая же преданная и набожная, это его семья. Одет он был в удобную простую одежду аквамаринового цвета — цвета Церкви. Только золотой знак на рукаве и воротнике свидетельствовал, что это самый старший член самой главной духовной организации Федерации.

— Кармадж и Коллангатта — четвердая и двенадцатая по населению планеты Федерации, сэр,— сказал он.— Твоски Брайт двадцать третья, но по промышленному производству — пятнадцатая. На всех трех ока-

завшихся в опасности планетах население три с половиной миллиарда. И в гуманистическом, и в экономическом отношениях их уничтожение окажется страшным ударом.

Большие сложные глаза в ожидании смотрели на него. Президент надеялся, что в них отражается мудрость, а не тревога и беспомощность, которые он ощущал.

— Что мы можем сделать?

Верховный духовный лидер Федерации опустил глаза, но крытый плиткой пол не принес ему вдохновения.

— Церковные логики сообщили мне... очень мало, сэр. Даже учитывая девяносто лет в нашем распоряжении, эвакуация невозможна. Потребуются ресурсы всего флота плюс все корабли миротворцев Церкви, чтобы успешно и безопасно перевезти хотя бы часть населения на другие планеты. Но как только начнется переселение, причину его невозможно будет скрыть. Начнется паника. Естественно, этого мы допустить не можем. Федерация сейчас ослаблена, и найдутся желающие воспользоваться этой слабостью.

— Знаю,— ответил президент Друсиндромид.— Какое количество можем мы спасти, не ослабляя свои силы, чтобы не привлечь стервятников?

— Данные неточны...— извиняющимся тоном сказал Последний Оплот.

Голос президента прозвучал резко.

— Мне не нравится неточность, когда речь идет о жизнях хьюманксов, Энтони!

— Да, сэр. Мне сказали, что если нам повезет, мы сможем эвакуировать пять процентов.

В комнате на верху башни наступило молчание. Президент что-то сказал про себя на высоком транксском. Потом громче добавил:

— Начинайте необходимые приготовления. Если даже будет спасен один процент, я считаю усилия не напрасными.

— Остается проблема паники, сэр,— заметил Последний Оплот.

— Мы придумаем правдоподобное объяснение,— за-

верил его президент.— Но это нужно сделать. Пять процентов — это почти двести миллионов. Спасение двухсот миллионов жизней стоит риска паники. А если повезет, спасем и больше.

— Наука не очень позволяет надеяться на удачу,— прошептал глава науки Федерации, но только про себя. Президент по очереди посмотрел на всех троих.

— Еще что-нибудь, джентльсэры? — все трое молчали.— Нам многое предстоит сделать, а у меня через полчаса очередная встреча. Эта окончена.

Последний Оплот, глава науки и техник пошли к выходу. Президент проводил их, используя в дополнение к четырем истинным ногам руконоги. Как всегда, все ложится на эти старые антенны, подумал техник, прощаясь с президентом. Но его остановила истинная рука.

— Минутку, молодой человек,— технику было почти семьдесят. Президент, однако, намного старше.— Разумеется, никакого способа остановить, повернуть или уничтожить коллапсар не существует?

Помня, с кем он говорит, техник устранил всякую снисходительность из голоса.

— Вряд ли, сэр. Что бы мы ни применили: миллион ракет или даже другую звезду — все это будет проглочено. Чем больше мы будем стараться уничтожить его, тем больше он будет становиться, хотя мы его роста не заметим. Он останется точкой в пространстве. Больше того, мы по данным первого зонда знаем, что он состоит больше чем из одной коллапсировавшей звезды. Гораздо больше. Вероятно, в нем несколько сотен звезд.— Он пожал плечами.— Некоторые мои коллеги на основании скорости пришельца и его теоретической массы считают, что это объект, о котором современные математики только догадываются,— коллапсар. Коллапсировавшая галактика, сэр, а не просто одна звезда.

— Ага,— сразу ответил президент. Его верхние жвалы скребли нижние, пока он обдумывал информацию.— Существует политическая аналогия, молодой человек,— наконец сказал он.— Похоже на идею, время которой пришло. Чем больше бросаешь ей обвинений и доказательств, тем сильнее она становится, пока не овладевает всеми.

— Да, сэр,— согласился техник.— Я бы хотел, чтобы мы имели дело только с идеей, сэр.

— Не недооценивайте разрушительную силу идей, недавно вылупившийся,— посоветовал президент. Потом взглянул на часы на истинной руке.— Двадцать четыре минуты до начала следующей встречи. Всего хорошего, джентльсэр.

— Всего хорошего, господин президент,— ответил техник и вышел из комнаты.

Все вернулись к своим делам. У каждого оказалось много дел, не связанных с темой встречи, и все были этому рады. Быть занятым — благословение. Можно попытаться забыть о неизбежной преждевременной гибели свыше трех миллионов разумных существ.

Глава первая

— Твое предложение стоит пинка в пах! — закричала старуха. Потом, чуть понизив голос: — Но я старая слабая женщина. Ты моложе, больше, сильнее, здоровее и богаче меня.— Одной рукой она вызывающе ухватилась за рукоять кривого кинжала, которая торчала из дыры в ее грязном коричневом платье. В другой находился обсуждаемый предмет.— Что же мне делать? — выжидательно закончила она.

— Пожалуйста, не нужно так волноваться,— просил стоящий против нее молодой человек, делая руками успокаивающие жесты и в то же время нервно поглядывая по сторонам.

Никто в густой толпе уличных торговцев и покупателей не обращал внимания на этот спор. Но, будучи инопланетянином, молодой человек оказался чувствителен к обвинениям старухи. В конце концов они с женой пробудут на Моте только три дня, а потом по расписанию тура отправятся на Новый Париж. Меньше всего ему хотелось в свой медовый месяц оказаться в тюрьме за драку с туземцами.

— Правда, тридцать кредитов — это все, что я могу заплатить,— отчаянно объяснял он, поправляя мокрый горчичного цвета плащ-дождевик.— Имей ко мне сочувствие. Моя жена в отеле. Она себя не очень хорошо чувствует. Я думаю, ее угнетает этот ежедневный дождь и постоянные тучи. Я хочу чем-нибудь подбодрить ее. Но нам еще долго путешествовать. Тридцать кредитов — это все, что я могу дать за безделушку.

Старуха гордо выпрямилась во весь рост. Теперь ее глаза оказались на уровне груди молодого человека. Она крепко держала в руке спорный предмет и обвинительно

трясла им. Тонкий изящный браслет из какого-то серебристого металла, украшенный кусочками полированного дерева и камня.

— Этот браслет изготовлен самим Койонсом Катлером, малыш! Ты представляешь себе, что это значит?

— Прости,— пытался, чихая, объяснить молодой человек,— я говорю, что я здесь только турист.

Очевидно, женщина сдержалась только огромным усилием.

— Ну, хорошо,— напряженно сказала она,— не будем поминать честное имя Кайонса Катлера.— Она показала на овальные украшения браслета.— Ты только посмотри на эти кабошоны, забудь на время о топазах.— Она поворачивала браслет, и природный затвердевший полированный древесный сок заблестел лазурно-зелеными огоньками в дневном свете.

— Одно дерево из миллиона способно произвести такой цвет, мальчик. Меньше, чем одно из миллиона, да и те растут только на крайнем севере Мота, где кочевники охотятся на дьяволоп Демичина. Да ведь нужно...

— Ох, ну ладно.— Молодой человек раздраженно вздохнул.— Чтобы покончить с этим. Тридцать пять кредитов.— Ему не больше двадцати двух-двадцати трех лет. Лицо у него мягкое и искреннее.— Нам придется в Новом Париже остановиться в отеле низшего класса.

Старуха посмотрела на него и недоверчиво покачала головой.

— Ты говоришь об отелях мне? У меня трое детей и муж давно умер. Можешь стоять тут и говорить об отелях, бесстыдный юнец, и даешь тридцать пять кредитов за лучший браслет, какой мне попадался за двадцать лет. Двадцать лет! — Голос ее снова поднялся до крика.— Давай приличную цену или иди поселяйся у дьявола, я говорю! — кричала она, достаточно громко, чтобы головы в толпе начали поворачиваться.— Не стой здесь так невинно, если оскорбляешь старую женщину!

— Ради Христа,— взмолился молодой человек,— потише.

Юноша, укрывшийся под капюшоном фиолетово-

серого заряженного дождевика и незаметно наблюдавший за шумным разговором продавца и покупателя, слизал с пальцев остатки медового печенья. Потом встал и пошел к спорящим.

Чуть выше среднего роста, с выступающими скулами и смуглой загорелом кожей, он не особенно бросался в глаза. Курчавые рыжие волосы цвета огненного дерева в тундре падали ему на лоб и уши. Только слабое движение на правом плече под плащом свидетельствовало о чем-то необычном, но что там двигалось, определить было невозможно.

— ...и если ты больше ничего не можешь сказать,— горячилась старуха,— тогда иди и...

— Прошу прощения,— прервал ее спокойный голос,— я считаю, что тридцать пять кредитов за браслет — справедливая цена.

Раскрыв изумленно рот, молодой супруг смотрел на юношу, не понимая, зачем местному за него вступаться. Старуха яростно обернулась к нахалу.

— Не знаю, кто ты такой, сэр,— грозно начала она,— но не лучше ли тебе заняться своим... — Она остановилась на полуслове, и рот ее от удивления образовал большое О.

— А иначе что, старуха? — спросил юноша.— Пошлешь меня спать без ужина?

Почувствовав преимущество, но не зная, каково его происхождение, ошеломленный покупатель сказал:

— Вот и он говорит, что тридцать пять кредитов,— справедлива цена.

— Да... я... — Старуха, тоже ошеломленная, казалось, его не слышит.— Ну, ладно, тридцать пять, и по рукам.

— Точно? — Инопланетянин, обрадованный завершением торговли, решил снискать расположение продавщицы. Будучи гораздо крупнее вмешавшегося, он сделал шаг вперед.— Если парень угрожает тебе, я...

Что-то шевельнулось и частично высунулось из-под плаща. Что-то кожистое, тонкое и ярко расцвеченное. Не узнавая это существо, турист все же получил впечатление чего-то змеиного и смертельно опасного.

И вместо того чтобы сжать руку в кулак, он вытащил свою кредитную карточку.

— Вот твои деньги.

Загипнотизированная фигурой в капюшоне, старуха механически сунула карточку в щель счетчика. И, даже не проверяя, вернула покупателю.

— Браслет,— нетерпеливо сказал молодой турист.

— Гммм? А, да.— Она протянула браслет. Довольный покупкой, высокий турист исчез в толпе людей и чужаков.

Старуха молча разглядывала невзрачную фигуру. Потом неожиданно обняла своими худыми, но еще мускулистыми руками.

— Флинкс! — восторженно воскликнула она.— Флинкс, мальчик, ты вернулся домой! — Она радостно трясла худого юношу, ради знакомого ощущения близости. Минидраг Пип беспокойно зашевелился на плече Флинкса и попытался со змеиным равнодушием вынести грубое обращение.

— Ненадолго, матушка Мастифф,— негромко ответил юноша. Он улыбнулся и кивнул в сторону удаляющегося покупателя.— Я вижу, ты, как всегда, развлекаешься.

— Развлекаюсь! — презрительно фыркнула она и сделала неприличный жест в общем направлении рынка, в котором растворился покупатель.— Ничтожества все они. Из-за них удовольствие торговли исчезает. Удивляюсь, как держится Федерация на таком цементе.— Треугольная голова с горящими огненными глазами показалась из-под плаща.— Ты все еще таскаешь с собой это существо.

Пип ответил отвратительным шипением. Между матушкой Мастифф и минидрагом никогда не было особой любви.

— Я часто думаю, что это Пип таскает меня с собой,— возразил юноша.

— Ну, не могу я избавить тебя от этого извращения, мальчик. Но по крайней мере ты здесь.— И она с деланным гневом ударила его по левому плечу.— Вот и ты... бездельник, бродяга, забывчивый бессердечный

кусок недозрелого мяса! Где ты был? Ведь прошел год. Год, образец неблагодарности! Ни ленты триди, ни открытки — ничего!

— Прости, матушка Мастифф,— сказал он, обнимая ее за костлявые плечи. Она рассерженно вырывалась, но не настолько сильно, чтобы снять его руку.— Я о тебе все время думал. Но я был далеко от современных средств связи.

— Опять неприятности? — Она покачала головой.— Разве таким я тебя растила? — Он попытался ответить, но она оборвала его.— Неважно. Где ты был? Идем, расскажешь по дороге в магазин.

Они двинулись по улице. Воздух заполняли ароматы и крики внутреннего рынка Драллара.

— Пошли, мальчик, и рассказывай, где это такое место, откуда даже нельзя сообщить, цел ли твой никуда не годный каркас.

Флинкс обдумал ответ. У него было достаточно причин хранить место своего пребывания в последний год в тайне. То, чего не знает матушка Мастифф, она и не узнает.

— Я нанялся на работу,— наконец объяснил он.

Она разинула рот.

— Ты... на работу?

— Я не лгу,— неловко ответил он, не глядя в эти неверящие глаза.— Но я сам устанавливал часы работы и работал столько, сколько хотел.

— Ну, могу тебе поверить. Что за работа?

Снова он отвел взгляд.

— Не могу сказать точно. Ну, что-то вроде учителя, частного учителя.

— Учитель,— сказала она, явно пораженная.— Частный гувернер? — Она заржала.— Чему же ты учил? Карманным кражам? Умению незаметно входить и выходить? Общим основам воровского дела?

— Откуда мне все это знать? — возразил он.— Неужели ты меня так воспитывала? — Юноша рассмеялся.— Нет, я обучал основам существования.

— Понятно.— Больше она ничего не сказала и избавила его от необходимости объяснять, что это за основы

и кто были его ученики. Особенно кто ученики. Не время матушке Мастифф и всем остальным узнавать об ульру-уджуррианах, племени, принявшем Флинкса. И которое принял он сам. Племя, которое может вывернуть наизнанку свой угол вселенной.

— Забудем обо мне,— сказал он, глядя на матушку Мастифф.— Я дал тебе денег и оставил в лучшем районе Драллара с большим запасом товаров. И какой же я тебя нахожу? Вот какой! — Он указал на рваную одежду, изорванное платье и куртку, старую отвратительную шляпу, еле державшуюся на длинных растрепанных волосах.— На улице в дождь и сырость, одетую в лохмотья.

Теперь настала очередь матушки Мастифф отводить взгляд. Они свернули с мощеной улицы и оказались в менее оживленном районе города.

— Я нервничала, мальчик, сидя в этом роскошном магазине целый день. Мне не хватало улиц, общения, шума...

— Споров и криков,— закончил за нее Флинкс.

— И сплетен,— продолжала она.— Особенно сплетен.— Она вызывающе посмотрела на него.— В моем возрасте это одно из немногих удовольствий, для которых я еще не слишком стара.

Флинкс указал на улицу впереди.

— Поэтому мы не идем в магазин?

— Нет, не в эту душную табакерку, особенно в такой прекрасный день.— Флинкс посмотрел на серое затянутое тучами небо, на вечный туман, но ничего не сказал. Для Драллара это действительно прекрасный день. Дождя нет. Он уже две недели дома и ни разу не видел солнца.

— Пошли в трактир Драмьюза. Я угощу тебя обедом.

Флинкс сделал вид, что удивляется.

— Ты угощаешь обедом? Ну, правда, ты заработала, продав браслет...

— Пфа! Я легко выторговала бы у этого неотесанного простака пятьдесят кредитов. Знала это, как только он увидел браслет. Но ты мне помешал.

— Однажды, матушка, ты наткнешься на опытного инопланетянина, и он отведет тебя в королевскую полицию. Я вмешался, потому что он показался мне приличным человеком. У него медовый месяц, и мне не хотелось, чтобы его сильно надули.

— Много ты знаешь! — ответила она.— Он не так уж неопытен, как ты думаешь. Видел бы ты, как загорелись его глаза, когда я сказала ему, на какой улице мой магазин. Я сказала, что украла там браслет. Ну, он знал об этом. И что? Позвал полицию? Нет, он вцепился в возможность приобрести краденое, как всякий порядочный горожанин. Вот здесь.— Она остановилась и указала на столики под ярко раскрашенными навесами.

Они оказались в последнем из концентрических кругов, образующих дралларский рынок. Это внешнее кольцо состоит в основном из ресторанов и киосков, торгующих едой. Начиная от небольших, с одним продавцом и примитивной печкой на дровах, и кончая дорогими заведениями, где на роскошной посуде из веридиана подают деликатесы, привезенные с самых дальних уголков Федерации. Тут много народу, привлеченного ароматами пищи.

Они вошли в ресторан, где не используют ни дрова, ни веридиан, в смысле меню средний между изобилием и почти несъедобным. Сев за столик, сделали заказ существу, похожему на грифона с щупальцами вместо ног. Потом матушка Мастифф оставила свои нежные обвинения и перешла к серьезному разговору.

— Ну, мальчик, я знаю, что ты отправился искать своих природных родителей.— Признаком ее силы служило то, что она сказала это без малейшей запинки.— И отсутствовал больше года. Должно быть, узнал что-то.

Флинкс откинулся и немного помолчал. Пип высунулся из-под его плаща, и Флинкс почесал летающую змею под подбородком.

— Насколько я знаю,— наконец кратко ответил он,— оба они давно мертвы.— Пип беспокойно зашевелился, ощутив перемену в настроении хозяина.— Моя мать... теперь я знаю, кто она была. Она была линкс,

была наложницей. И еще я нашел сводную сестру. А, найдя ее, кончил тем, что убил.

Принесли еду, ароматную и горячую. Некоторое время они ели молча. Несмотря на острые приправы, пища обоим показалась безвкусной.

— Мать мертва, сводная сестра мертва,— сказала наконец матушка Мастифф.— Других родственников нет? — Флинкс коротко покачал головой.— А отец?

— О нем я ничего не узнал.

Матушка Мастифф подавила какого-то своего личного демона и наконец сказала:

— Ты много и далеко искал, мальчик. Но остается еще возможность.

Он пристально взглянул на нее.

— Где?

— Здесь. Да, прямо здесь.

— Почему ты мне не говорила? — негромко спросил он.

Матушка Мастифф пожала плечами.

— Не видела причины. Слабый шанс, мальчик, напрасная трата времени, абсурдная мысль.

— Я целый год гонялся за абсурдными мыслями,— напомнил он.— Давай, матушка.

— Когда я купила тебя на рынке,— легко, словно речь идет об обычной покупке, начала она,— ничего особенного не было. До сих пор не понимаю, что заставило меня зря потратить такие деньги.

Флинкс сдержал улыбку.

— Я тоже. Но я тебя не понимаю.

— Найди того, кто продавал тебя, Флинкс. Может, он еще занимается этим делом. Всегда есть шанс, что в фирме ведутся аккуратные записи. Меня не очень интересовала твоя родословная. Может в записях фирмы есть дополнительная информация, которой не было в торговом объявлении. Ну, это маловероятно. Меня только интересовало, не болен ли ты. Ты выглядел больным, но на самом деле был здоров.— Она отхлебнула из кружки.— Иногда торговцы рабами сообщают не все сведения. У них есть для этого причины.

— Но как мне найти фирму, которая меня продала?

— В городском архиве,— ответила она, вытирая жидкость с подбородка.— Эта сделка облагается налогом. Просмотри записи королевских налогов за тот год, что я тебя купила. Но это напрасная трата времени.

— У меня теперь достаточно времени,— загадочно ответил Флинкс.— С радостью попробую.— Он протянул руку через стол и погладил щеку словно из старой замши.— Но на остаток дня будем матерью и сыном.

Она хлопнула его по протянутой руке и начала браниться... но негромко.

Глава вторая

Следующий день начинался хорошо. Шел легкий дождь, и тучи как будто собирались расходиться. Впрочем, Флинксу не пришлось увидеть редкое зрелище — солнце на Дралларе: когда он двинулся к обширному району государственных учреждений, тучи снова затянули небо. Здания теснились, как рабочие муравьи вокруг царицы. Этой царицей был королевский дворец.

Влажная холодная погода оживила Флинкса. Туманный воздух ему приятно знаком; таким всегда был единственный дом, какой он знает. Вернее, какой помнит, поправился он.

Он остановился поболтать с двумя уличными торговцами. Этих людей он знает с детства. Но вначале ни один из них не узнал его. Неужели в семнадцать лет он стал совсем не таким, каким был в шестнадцать? Правда, он многое испытал за этот год. Но Флинкс посмотрел в зеркало и не заметил перемен. Никакие свежие морщины не появились на гладкой коричневой коже, никакой трагедии в глазах цвета какао. И все же его не узнали.

Возможно, просто поразительный калейдоскоп Драллара заставляет людей забывать. Флинкс решительно отвернулся от криков и возбуждения города, прошел мимо прилавков и уличных торговцев. Некогда тратить время на эти детские развлечения, сказал он себе. Те-

перь у него есть ответственность. Как предводитель целого народа в Большой Игре, он должен отказаться от детских интересов.

Да, но ребенок по-прежнему живет в нем, и какое же это трудное дело — становиться взрослым...

* * *

Как гранитный океан, мириады стен Старого Драллара разбивались застывшими волнами о разросшийся бастион бюрократии, который был административным центром Драллара и всей планеты Мот. Современные сооружения прихотливо чередовались с средневековыми. Вместе с башнями королевского дворца, шпилями, минаретами и куполами они напоминали гигантскую диатомею. Подобно всему городу, эти здания выглядели так, словно их создал компьютер, запрограммированный на «Тысячу и одну ночь», а не на современную технологию.

Флинкс проходил внешнее кольцо киосков и лотков, когда его опередили две поразительные фигуры — мужчина и женщина, оба чуть выше Флинкса, но в физическом отношении ничем не примечательные. Поразительным было то, как реагировали на них другие. Все старательно избегали их, даже избегали смотреть в их направлении. Но так осторожно, чтобы не оскорбить.

Эти двое были квармы.

Квармы, едва терпимые правительством Федерации, клан профессионалов, чья деятельность распространялась от сбора долгов до убийства. И хоть общество порицало квармов, их клан процветал вместе с ростом Федерации. С начала времен всегда была потребность в услугах, которые они предлагают.

Флинкс знал, что двое идущих перед ним каким-то образом связаны со всеми квармами Федерации. На обоих облегающие черные комбинезоны и черные сапоги. Он знал, что, помимо ног, в этих сапогах еще множество других предметов. Декоративная связка черных и красно-рыжих лент спускалась от воротника к поясу, как хвост экзотической птицы.

Флинкс слышал о квармах, но никогда не видел их

раньше и потому задержался у киоска. Сделав вид, что разглядывает медно-хризаколловый кувшин, он незаметно рассматривал уходящих незнакомцев.

Стоя за ними, он не видел их лица, но знал, что тела под комбинезоном безволосы, как и головы под черными ермолками. На каждой ермолке красный узор — единственное украшение, если не считать разноцветных лент. У каждого на черном поясе многочисленные сумки и карманы, а в них — Флинкс знал — самые разнообразные способы смерти. Если он правильно помнит, каждый пояс впереди застегивается пряжкой, вырезанной из цельного оранжево-красного ванадиевого кристалла, а на пряжке инкрустация — золотой череп и кости. Одежда, специально созданная, чтобы их узнали.

Толпа расступалась перед ними без паники. Бежать — значит оскорбить. Никто не хочет оскорблять квармов.

Флинкс шагнул от киоска — и застыл. Непрошеный, как это часто случалось, ожил его дар. Флинкс увидел готовящееся убийство. Он не просил об этой информации. Самое неприятное в его даре то, что наиболее эффективно он проявляется, когда это Флинксу не нужно.

Он мгновенно узнал, что мужчина и женщина — супружеская пара и одновременно партнеры, что их добыча очень близко. Он попытался увидеть эту добычу, но не смог.

Еще поразительнее было то, что сами квармы были смущены и озадачены. Флинкс слышал, что квармов никогда ничего не удивляет, особенно связанное с их работой. Но кто-то поблизости, кого они должны убить, удивляет их. Странно. Что может так удивить пару профессиональных убийц?

Флинкс попытался найти объяснение и столкнулся с мысленным блоком. Он снова человек, всего лишь человек. И теперь разрывается между здравым смыслом и своим проклятым любопытством. Если бы это ощущение неуверенности у пары впереди не было воспринято его мозгом! Ничего не может удивить кварма. Ничего! Озаботить — да: ведь убийство по-прежнему незаконно,

и убийца может быть схвачен и наказан властями.

Но смущение? Невозможно!

И неожиданно Флинкс обнаружил, что идет не по направлению к административному центру, а назад, в глубину хаотического огромного рынка. Идти за черной парой легко. Они ничего не подозревают. Квармы преследуют других, никто не следит за квармами.

Несмотря на то, что Пип нервно заерзал на плече, Флинкс придвинулся ближе. Квармы по-прежнему не показывали, что подозревают о его присутствии. И в этот момент в сознании Флинкса не было ничего, кроме желания следовать за квармами и выяснить, что их смущает.

Впереди в узком месте образовалась небольшая толпа. Черная пара остановилась и принялась негромко разговаривать. Флинксу показалось, что он заметил, как напрягаются их мышцы. Они перестали разговаривать и пытались заглянуть вперед, через головы толпы.

Пройдя вперед, Флинкс увидел часть низкой древней стены. На ней сидели зрители и смотрели куда-то вперед. Никто не посмотрел на него, когда он тоже сел на эту стену. Удобно усевшись на влажном скользком камне, Флинкс смог легко смотреть поверх голов даже высоких птицеобразных. Толпа в основном состояла из местных жителей, слегка разбавленных несколькими тепло укутанными транксами и другими чужаками. Положение позволяло Флинксу ясно видеть, что привлекло всеобщее внимание. Видны были ему и квармы справа.

Впереди перед полумесяцем смеющихся довольных зрителей был небольшой помост. Флинкс мгновенно понял. Жонглеры, волшебники и другие уличные артисты на таких сценах показывают свои представления для развлечения толпы и пополнения пустых кошельков. Всего года полтора назад он сам выступал на такой сцене. Они с Пипом прошли через многое с тех дней. Флинкс чувствовал, как змея расслабилась, тоже охваченная ностальгией.

Жонглер, работавший на сцене, кончил представление с четырьмя разноцветными шарами. Один за другим он бросал их в воздух, и один за другим они исчезали,

к явному замешательству исполнителя и под одобрительные охи и ахи толпы. Зрители зааплодировали. Жонглер собрал плату. Жизнь продолжалась.

Флинкс улыбнулся. Материал, из которого сделаны шары, остается видимым, пока к нему прилагается тепло — например тепло быстро движущихся рук жонглера. Когда это тепло исчезает, даже на несколько секунд, шары становятся невидимыми. Флинкс знал, что за сценой помощник жонглера ловит точно брошенные невидимые предметы. В этом представлении очень важен точный расчет времени, и помощник должен находиться в нужном месте и поймать шары.

Жонглер удалился. Началось очередное представление. Флинкс ощутил слабое прикосновение к сознанию. На мгновение он испытал такое же чувство, как квармы. Посмотрев на них, он увидел, что они стараются лучше разглядеть сцену.

И Флинкс занялся предполагаемой жертвой.

Человек, появившийся на сцене, высокий и сильный, не такой смуглый, как Флинкс. Черные волосы грязными прядями падали ему на шею. Он был одет в сандалии, свободные непромокаемые брюки и рубашку, раскрытую на груди, так что видны были курчавые густые волосы. Рукава с буфами, вероятно, используются во время представления.

Как ни старался, Флинкс не видел ничего примечательного в этом человеке, ничего такого, что привлекло бы внимание даже не одного кварма, а целых двух. Но кого-то он достаточно беспокоит, чтобы нанять пару страшных убийц.

Держа в руках блесящую веревку, человек тащил что-то, скрытое за задником сцены. Шутки и оскорбления, с которыми он обращался к тому, что на другом конце веревки, не были особенно остроумными, но толпа заинтересовалась, ей хотелось видеть, кто терпит такие замечания и не отвечает.

Снова пошел дождь. Толпа, привыкшая к вечным осадкам, не обратила на него внимания. Шутки начали повторяться, и толпа проявляла признаки недовольства. Создав нужное настроение, человек, державший верев-

ку, яростно выругался и сильно рванул ее. Флинкс слегка напрягся: ему не очень хотелось видеть, кто же на другом конце веревки.

Когда существо неуверенно выбралось из-за задника, его наружность вызвала такую разрядку напряжения, казалась такой нелепой, что Флинкс рассмеялся со смесью облегчения и недоверия. Так же поступила вся толпа.

Более вялого и нелепого существа он в своей жизни не видел. И относится оно к совершенно неизвестному виду. Метра полтора ростом, по форме напоминает грушу. Яйцеобразная голова сужается к конической шее, а та в свою очередь расширяется в верхнюю часть тела. Существо передвигается на четырех круглых ногах с короткими пальцами. Там, где шея начинает переходить в пухлое тело, торчат четыре руки, каждая оканчивается длинными пальцами без суставов. Существо кажется бескостным, резиновым.

Оно одето в халат с дырами, прорезанными для четырех рук. Мешковатые комичные брюки завершают наряд. В голове четыре больших отверстия. Флинкс предположил, что это органы слуха. Под ними четыре прозрачных глаза тупо смотрят во всех четырех направлениях. Изредка один или два мигают, показывая двойные веки, которые закрываются, как ставни.

От вершины головы отходит орган, напоминающий гибкий слоновый хобот. Заканчивается он ртом, который служит, решил Флинкс, и для еды, и как орган речи... конечно, если это существо способно производить звуки.

И как будто этой гротескной смеси органов, конечностей и одежды было недостаточно, существо окрашено в яркий небесно-голубой цвет с зелеными вертикальными полосами от шеи до ног. Владелец-менеджер-укротитель снова резко дернул веревку, и привидение двинулось вперед, испустив комичный крик. Толпа снова расхохоталась.

Флинкс только сморщился. Хотя рывок не причинил существу вреда, Флинксу не понравилось, как с ним обращаются. К тому же, как бы сильно ни тянул владе-

лец, Флинкс видел, что существо движется со своей обычной скоростью.

И вдруг Флинкс удивился, что он здесь делает. Он должен искать чиновников и архивные записи, а не смотреть это ничем не примечательное представление. Начинали сказываться навыки, которые спасли ему жизнь в Дралларе в детстве. Какое ему делу, если квармы хотят убить какого-то бродячего укротителя? Он ничего не добьется, вмешиваясь в это дело, холодно напомнил себе Флинкс. Любопытство и так причинило ему в прошлом немало неприятностей.

Он начал слезать со стены, а укротитель продолжал представление, прыгая по сцене, толпа смеялась над его уловками и ужимками забавного, но плохо выученного существа. Укротитель пытался заставить существо демонстрировать различные движения, а существо неуклюже их повторяло, и толпа смеялась все громче.

Флинкс уже собирался уйти, когда произошло нечто, заставившее его остановиться: по приказу укротителя существо заговорило.

У него оказался привлекательный, выразительный и несомненно разумный голос, и говорило оно на вполне членораздельном терроанглийском, несмотря на необычные органы речи. По другому приказу оно перешло на симборечь — торговый и общественный язык Федерации. У чужака оказался высокий сладкозвучный голос, почти девичий.

Но нес он вздор. Каждое слово имело значение, но чужак соединял их совершенно бессмысленно. Заглушая его непрерывный монолог, укротитель объяснил толпе:

— Увы, это странное существо, которое забавляет вас, возможно, так же разумно, как вы и я. Но оно не может говорить понятно, хотя, наверно, превосходит нас.

И тут чужак испустил — по какому-то сигналу укротителя, решил Флинкс,— очередной истерический вопль. Толпа, на время загипнотизированная болтовней укротителя, снова рассмеялась.

— К несчастью,— продолжал укротитель, когда смех немного стих,— бедняга Аб совершенно безумен. Верно, Аб? — спросил он чужака. Тот ответил безоста-

новочной галиматьей, только на этот раз в рифму.

— Может, он рад, может, печален, но, как сказал философ, он несомненно безумен,— заметил укротитель, и чужак снова закричал.

Флинкс попытался углубиться в сознание чужака. И получил то, что ожидал,— ничего. Если там есть разум, способный на нечто большее, чем подражание, от него он скрыт. Вероятнее, там просто нечего воспринимать.

Спрыгнув со стены и отряхивая влажную одежду, Флинкс пожалел существо и бегло подумал, откуда оно могло взяться. Он не сомневался, что вскоре квармы займутся своей работой, и ему совсем не хотелось узнавать, какой способ они изберут на этот раз.

И тут, на полпути к улице, его настигло, словно ударом. Образ пришел от квармов. Повернувшись и быстро идя назад, Флинкс успел заметить, что квармы направляются к ближайшему зданию. Образ, который он уловил, объяснял смущение убийц: их жертва вовсе не простой укротитель животных, а само животное.

Хорошо известно, что квармы не убивают дешево или легкомысленно. Поэтому приходится предположить, что совершенно серьезно и со значительными затратами для кого-то они собираются убить глупого и, по-видимому, безвредного чужака.

В сознании укротителя никакой тревоги или подозрения, а в тупом сознании его подопечного вообще ничего. В сознании квармов только замешательство и стремление побыстрее завершить свое задание. Вслух они не выражали сомнений, но про себя удивлялись.

Они исчезли в двухэтажном сооружении из камня и дерева, за ним другие такие же здания. Как в тумане, Флинкс двинулся туда же. Вслушиваясь ушами и сознанием, напрягая зрение, он остановился на пороге. Никто не охраняет вход. Да и к чему? Никто не пойдет по следу квармов, особенно этих квармов.

Флинкс зашел в здание. В противоположном конце коридора один из квармов поднимался по лестнице. Это была женщина, и она что-то доставала из сумки. Флинк-

су показалось, что это маленький искусно сделанный пистолет из черного металла.

Предупредив Пита, чтобы он молчал, Флинкс приблизился к лестнице и двинулся вверх, напряженно следя за движением там вверху. Поднимаясь по шаткой спирали, он еще раз мысленно представил себе эту женщину, какой видел ее только что. Вероятно, пистолет, стреляющий иглами. Органические стрелы мгновенно растворяются в теле жертвы. И вскоре и саму стрелу, и яд, который она принесла, невозможно обнаружить.

Лестница вела на второй этаж. Флинкс медленно повернул голову. Оба кварма стояли у окна. Один из них отвел занавеску и осторожно выглянул.

Быстрый взгляд показал, что помещение жилое. Меблировано удобно, хотя и не тесно. В дальнем темном углу привлекательная молодая женщина с усталым видом жмется среди подушек, держа на руках маленькую девочку. Она со страхом смотрит на квармов.

Флинкс снова занялся убийцами. Мужчина отводил занавес, а женщина готовила свой черный пистолет, рука ее неподвижно легла на подоконник. Она, несомненно, собиралась убить чужака.

Флинкс узнал все, что мог; нет смысла оставаться дальше. Он уже начал отступать к лестнице, но в этот момент женщина в темном углу увидела его, и у нее перехватило дыхание. Обычный человек не заметил бы этого, но для квармов это все равно что крик. Оба сразу отвернулись от окна. Пип сорвался с плеча Флинкса, прежде чем юноша смог удержать минидрага.

Наклонившись к голенищу сапога, Флинкс услышал лекий хлопок. Пуля разорвалась у стены, к которой он только что прислонялся. Но тут Флинкс выпрямился и плавным движением бросил нож в другого кварма, который схватился за пояс. Нож попал мужчине в горло. Тот упал, стараясь остановить кровь, бьющую из перерезанной артерии.

Женщина на мгновение заколебалась, не зная, стрелять ли ей в Флинкса или в летающий кошмар над головой. Это колебание оказалось смертельным. Пип

плюнул, и яд попал женщине в глаз. Как ни невероятно, она не закричала, только схватилась за лицо. Ударилась о стену, упала на дергающееся тело мужчины и покатилась по полу.

Через пятнадцать секунд она была мертва.

Мужчина продолжал истекать кровью, но перестал двигаться. Флинкс вошел и быстро осмотрел соседние комнаты и шкафы. Он в безопасности — пока. Девочка в углу негромко заплакала, но женщина продолжала молча смотреть на Флинкса широко раскрытыми глазами. Она слишком испугалась, чтобы закричать.

— Никому не говори об этом,— посоветовал ей Флинкс, когда нервничающий Пип вернулся к нему на плечо.

— Не буду... пожалуйста, не убивай нас,— прошептала в страхе женщина. Флинкс посмотрел на пустые молящие глаза. Девочка смотрела на два неподвижные тела, стараясь понять.

Флинкс пошел к лестнице. Даже не пряча нож, он спустился по ступенькам. Каким-то образом он потерял контроль над событиями, и теперь, как бывало и в прошлом, события контролируют его.

Внизу лестницы он остановился, посмотрев враждебно на выход. Взгляд направо и налево показал, что этот этаж необитаем. Должен быть другой выход. Флинкс поискал и обнаружил редко используемый выход в узкий дурно пахнущий переулок. Переулок пуст. Убедившись в этом, Флинкс быстро пошел по нему. Вышел на улицу. Установив, что за ним никто не следит, Флинкс повернул назад и направился к сцене, подходя к ней с нового направления.

Что касается женщины с девочкой, Флинкс решил, что она постарается как можно быстрее отыскать новую квартиру. Возможно, известит полицию, а может, и нет.

К тому времени как он добрался до сцены, представление заканчивалось. Флинкс скользнул за защитной стеной из тел. Ничего не изменилось: укротитель по-прежнему шутил над нелепой внешностью чужака, а чужак терпел это с безразличием мягкоголового придурка. Голова у него действительно кажется мягкой, заметил

Флинкс. Но почему же квармы решили пользоваться разрывными пулями?

В конце представления укротитель был вознагражден аплодисментами и несколькими монетами, не за изысканность зрелища, а за его редкость, как решил Флинкс. Не заботясь о достоинстве, укротитель принялся собирать монеты.

Толпа начала расходиться. Очевидно, это последнее представление на сегодня. Флинкс небрежно прошел за сцену, где укротитель пересчитывал монеты и осматривал свой реквизит. Он сразу обнаружил присутствие Флинкса и пристально посмотрел на него. Видя, что перед ним всего лишь юноша, он успокоился.

— Чего тебе, малыш? — резко спросил он.

— У нас есть нечто общее, сэр.

— Не могу представить себе что.

— Мы оба укрощаем чужаков.— Пип неожиданно шевельнулся на плече Флинкса, показав свои яркие цвета. Мужчина нахмурился и присмотрелся внимательней.

— Не узнаю твое животное, парень.

Кем бы он ни был, решил Флинкс, этот человек мало путешествовал и мало что знает. Минидраги встречаются не часто, но о них широко известно. Но этот человек не узнал минидрага, увидев его.

Внимание Флинкса перешло к чужаку, который терпеливо стоял сбоку, ритмично говоря что-то на незнакомом языке.

— Во всяком случае,— объяснил юноша,— меня интересует твое животное. Никогда такого не видел.— И, чтобы поддержать разговор, продолжал: — Откуда ты взял его имя?

Вежливость Флинкса слегка разоружила мужчину.

— Оно пришло вместе с беднягой,— объяснил он, проявляя больше сочувствия, чем мог заподозрить Флинкс.— Я купил его у одного торговца животными, который ни во что его не ставил. Но у этого существа есть разум. Оно может говорить, как ты и я, и на множестве языков. Но ни на одном его слова не имеют смысла. О, Аб совершенно сумасшедший, но он умеет учиться.

Медленно, но он учится участвовать в представлении.— Он гордо улыбнулся.— Я был достаточно умен, чтобы понять его уникальность. Никто до сих пор не смог узнать, какого он вида, парень. Надеюсь, он долгоживущий. Его ведь не заменить.

— А что касается имени, то это забавная история. Единственный случай, когда он проявляет разумность.— Укротитель нахмурился.— Я пытался решить, как его назвать, когда он произнес очередной бессмысленный набор слов.— Он повернулся к чужаку, который смотрел одним действующим независимо от других глазом с желтым зрачком. Флинкс заключил, что существо, способное одновременно смотреть во все четыре стороны, должно обладать сложным мозгом, просто чтобы справиться с таким потоком нервных импульсов.

— Как тебя зовут, идиот? — спросил укротитель, говоря медленно и отчетливо.— Как твое имя?

— Мана орикс джелп нор пандра,— быстро и живо ответил тот.— Меня зовут Абаламахаламатандра.

Пока существо продолжала нести рифмованный вздор, укротитель снова взглянул на Флинкса.

— Понятно, почему я называю его Аб? — Он наклонился и протер грязную обувь.— Торговец, у которого я его купил, не знал, какого он вида. Только заверил, что он покорен и дружелюбен. Так и оказалось.

— Замечательно,— заметил Флинкс, льстя мужчине и продолжая наблюдать за сине-зеленым чужаком.— Он так туп, а ты все же научил его многому.

— Говорю тебе, парень, я его научил только правилам представления. У Аба есть свой мозг. Я ведь сказал, что он может говорить на многих языках? — Флинкс кивнул.— Терроанглик и симборечь — только два из них. Аб часто заставляет меня вздрагивать. Кажется, он говорит что-то разумное.— Он пожал плечами.— Но когда я пытаюсь понять, он что-то болтает о вкусе неба или о цвете воздуха или вообще что-то непонятное. Тебя он интересует? Иди поздоровайся с ним.

— Правда?

— Я сказал, что он настроен дружелюбно. Да у него и зубов нет.

Флинкс осторожно приблизился к чужаку. Существо наблюдало за ним двумя глазами. Флинкс невольно улыбнулся. Протянул руку, словно собрался обменяться рукопожатием.

Два глаза опустились. Протянулась рука и сжала ладонь Флинкса. Флинкс резко отдернул руку, не от боли, а от удивления. Как бы в наказание, протянулась вторая рука и шлепнула ту, что коснулась Флинкса. Чужак продолжал хлопать всеми четырьмя руками, очевидно, совершенно позабыв о Флинксе.

Рука чужака оказалась жесткой, плоской и прохладной на ощупь.

Владелец снова заговорил.

— Аб ест все, кроме,— он улыбнулся,— меня и тебя.— Встав, он подошел к существу и пнул его ногой. Оно перестало хлопать себя и возобновило болтовню, негромко бормотало, как работающая вхолостую машина.— Садись, ты, глупое чудище.

Не проявляя никаких признаков боли, Аб сел на землю и принялся руками чистить свои четыре ноги. В такой позе он походил на сумасшедшего триклопа, который старается выдернуть себе *пальцы ног. Флинкс* снова обнаружил, что невольно улыбается.

— Приходится так делать, когда я на него не смотрю,— объяснил мужчина,— иначе он может уйти.

— Я понимаю, почему ты используешь Аба в комедийном представлении,— заметил Флинкс.— Но понимаю, почему кто-то может хотеть убить его. Особенно квармы.

При упоминании клана убийц укротитель утратил свою самоуверенность, дружелюбие и нормальный цвет лица.

— Квармы? — переспросил он.

— Их было двое,— объяснил Флинкс. Он повернулся и указал на здание с окном, выходящим на сцену. Но потом передумал.— Не знаю, почему они изменили свое намерение,— солгал он.— Но точно знаю, что они хотели убить твое животное.

— Квармы? — повторил мужчина. Аб в этот момент казался из них двоих более уравновешенным. Лихора-

дочно оглянувшись, мужчина схватил маленький черный ранец. Из полуоткрытого кармана выпало несколько монет. Он не обратил на них внимание.

— Ты тоже учишь чужаков? — торопливо спросил он.— Теперь он твой, парень.

— Минутку! — возразил Флинкс. Снова события начали разворачиваться слишком быстро.— Я не хочу...

— Пока и удачи тебе, парень! — крикнул мужчина. Он перепрыгнул через ограждение и смешался с толпой.

— Эй, подожди! — крикнул Флинкс, подбегая к перилам.— Вернись, я не могу...

Сзади послышался неуверенный крик. Флинкс повернулся и увидел, что Аб смотрит прямо на него, продолжая нести вздор. А когда снова посмотрел на толпу, укротителя уже не было видно, хотя его ужас продолжал висеть в воздухе, как запах гвоздики.

Флинкс осмотрел полосатого голубого чужака.

— Ну и что же мне с тобой делать? — Разумеется, в затруднительное положение он попал по собственной вине. Если бы он не стал упоминать квармов... Ну, сейчас уже неважно. И Флинкс пошел прочь. Его остановил новый, более громкий крик.

Аб встал и шел за Флинксом. При виде этого совершенно открытого беспомощного лица холодность Флинкса рассеялась. Он не может бросить этого беднягу. Тот, вероятно, так и будет сидеть и чиститься, пока кто-нибудь не позаботится о нем или он не умрет с голоду.

Ничего себе. Он начал день, надеясь что-нибудь узнать о себе, а кончил тем, что убил двух квармов и приобрел придурковатого чужака.

— Я не могу держать тебя,— сказал он бормочущему существу,— но мы как можно быстрее найдем для тебя место.— Один большой глаз обезоруживающе посмотрел на него.

— Мертил хертил? — пропел чужак.

— Да, идем,— сказал Флинкс.— Закончу день тем же, чем начал.— И он пошел. Оглянувшись, убедился, что существо послушно идет за ним, покачиваясь на четырех ногах. Продолжая болтать чепуху, оно вслед за Флинксом прошло через толпу, очевидно, столь же до-

вольное новым хозяином, как и прежним.

Флинкс не был доволен взглядам, которые бросали на его спутника, но сделать ничего не мог. Покончив дела в архиве, он постарается избавиться от этого создания.

* * *

В дверь постучали.

Женщина посадила молчащую девочку в ванную. Потом подошла к двери и прислушалась, держа одну руку на замке.

— Да? — наконец негромко спросила она.

— Доставка,— ответил мягкий голос.

Это кодовое слово. Женщина взглянула на укрытые тела мужчины и женщины в черном, лежащие под окном, и раскрыла дверь.

— Спасибо, что пришли так быстро,— благодарно сказала она.— Мне неважно, как вы от них избавитесь, но... — И она подавилась остальными словами.

Мужчина по ту сторону двери не из тайного агентства, с которым она связалась. Одетый во все черное, безволосый, даже безбровый, он явно был напарником мертвецов в ее комнате.

Взгляд его свидетельствовал, что он не настроен враждебно, но убьет ее с такой же легкостью, с какой говорит. Она поднесла руки к губам и медленно попятилась от дверей, а мужчина вошел. Он высок, очень высок. Ему пришлось нагнуться, чтобы войти в дверь.

Он прошелся по комнате, на мгновение задержавшись возле двух тел под одеялом. Вечерний свет отразился на красном узоре на его ермолке и на черепе на поясе. Они заблестели, как кровь в комнате.

— Это не я,— начала женщина, потом смирилась, опустив безвольно руки.— Какая разница,— прошептала она, отказываясь от надежды. Села на подушки в дальнем углу, где обычно занималась своей профессией.— Постылая жизнь, и для девочки, наверно, тоже. Убей меня, если хочешь. Это уже слишком. Я больше не могу сопротивляться.

Не обращая на нее внимания, мужчина вернулся к телам и склонился к ним. Казалось, он не верит, что эти двое мертвы. Закончив, он встал и повернулся к женщине. Глаза его так яростно сверкали, что женщина плотнее вжалась в подушки.

— Я не ссорюсь ни с тобой, ни с твоим ребенком,— объяснил он, коротко кивнув в сторону ванной.— Почему ты не известила нас, а позвала других, чтобы убрали трупы?

Женщина неискренне рассмеялась.

— Никто не связывается с квармами, если этого можно избежать, каким бы ни было положение.

— Верно. Я тебя понимаю,— без юмора признал высокий призрак.— Наверно, было бы слишком этого ожидать.— Подойдя к окну, он выглянул и сделал жест.

Тут же в комнате появилось еще четверо. Не квармы. Они тщательно уложили тела в два длинных цилиндра. Потом ушли, а высокий охотник снова обратил внимание на молчаливую женщину в углу. Из ванной слышались негромкие звуки.

— Мама...: можно мне выйти?

Неожиданно женщина снова испугалась. Она быстро перевела взгляд с высокой фигуры на дверь ванной, потом обратно.

— Я сказал, что не ссорюсь с тобой, женщина.— Он наклонился к ней — глаза как лед, втянувшиеся щеки.— Вражда у нас с теми, кто был настолько глуп, что сделал это.— Сунув руку в карман, он извлек несколько металлических брусков.

Несмотря на страх, глаза женщины блеснули. Столько денег она в своей жизни не видела. Это означало бы много-много недель, когда ей не придется развлекать посетителей в этой комнате.

— Опиши их,— сказал кварм, протягивая металл.

Женщина облизала губы и задумалась. Но долго думать ей не пришлось.

— Не их,— поправила она.— Его.

Впервые на лице привидения появилось какое-то чувство — удивление.

— Только один? — спросил он недоверчивым угро-

жающим голосом.— Ты уверена? Может, у него были друзья, сообщники?

— Не знаю,— настаивала она.— Я видела только одного мужчину. Скорее мальчика. Молодой. Меньше двадцати, это точно.— Она сморщилась.— Я хорошо такие вещи оцениваю. Не выше меня, смуглая кожа, рыжие волосы... — Она как можно точнее описала Флинкса — от одежды до поведения.

Когда она кончила, мужчина протянул ей металлические бруски, не бросил к ногам, как обычно поступают ее посетители. Проявляя вежливость, от которой она нервничала, он сказал «Спасибо», и повернулся, собираясь уходить.

— Ты... ты не убьешь нас? — удивилась женщина, не в силах поверить в свою удачу.

Вторично на лице высокого мужчины отразилось удивление.

— Ты была лишь свидетельницей неблагоприятных событий, которым не могла помешать. Ничего вредного мне и нашим ты не сделала, зато оказалась полезной. Мы с тобой больше не увидимся, а это дело скоро удовлетворительно закончится.— И он неслышно закрыл за собой дверь.

Пораженная, женщина сидела на подушках и смотрела на блесящий металл в руках. Она старалась не думать о том, что пообещала юноше молчать, когда тот уходил из ее комнаты. Но что она могла сделать? Она и без денег рассказала бы квармам все, что им нужно,— добровольно или — она вздрогнула — по-другому. А ей нужно подумать о ребенке.

Она слегка улыбнулась. Ну, по крайней мере небольшой шанс юноше она дала. Она сказала кварму правду, говоря, что видела только одного мужчину. Но не упомянула маленького летающего дракона, который убил одного из двоих. Пусть квармы сами заключат это по состоянию трупов.

Высокий мужчина выполнил свои обещания, вероятно, выполнит и еще одно — что они никогда не увидятся. Тем не менее, выпустив испуганную дочь из

ванной, женщина принялась готовиться к переезду на новую квартиру. Деньги позволяют ей даже покинуть Мот, и она торопилась сделать это.

Глава третья

Административные здания обвивали друг друга, как совокупляющийся осьминог. Флинкс, хоть и вырос в Дралларе, с огромным трудом отыскал нужное ему.

С первого взгляда мелкие чиновники склонны были смотреть на настойчивого юношу с презрением. Но их воинственные мысли сразу вызывали появление дрожащей вопрошающей маленькой головы из-под складок одежды Флинкса. Поразительно, как быстро только что равнодушные гражданские чиновники начинали интересоваться проблемой Флинкса. Но как они ни старались помочь, Флинкс бесконечно переходил из одного отдела в другой. Отдел ресурсов отослал его в налоговое управление, оттуда его снова направили в ресурсы. Наконец он оказался в маленьком душном кабинете, занятом правительственным королевским чиновником шестого разряда. Этот незначительный перебиратель лент оказался высохшим стариком, который начинал жизнь с большими надеждами, но однажды обнаружил, что уже состарился. Он неодобрительно вздохнул, когда Флинкс объяснил свое дело.

— Здесь нет данных о рабах, мальчик.

— Я знаю это, сэр,— признался Флинкс, садясь на древний стул; он был сделан из дерева, а не из пластика.— Но деньги переходят не только из рук покупателя в руки продавца, продавец и покупатель еще платят налоги государству. Продажа рабов и в наши дни требует большого количества документов. Я думаю, что в прошлом, скажем, десять лет назад, было так же.

— Не знаю, мальчик, не знаю. Ну, что ж, попробуем. Как тебя зовут и как зовут того, чьей продажей ты интересуешься?

— Меня зовут Флинкс. Имя того, кого я разыскиваю,

Филип Линкс, и мне известна точная дата продажи.— Чиновник кивнул, когда Флинкс назвал ему дату.

— Без этого мало что можно сделать,— признал он. Встал и направился к стене за собой. От стены до стены и от пола до потолка она была занята маленькими квадратами. Осмотрев стену, чиновник нажал несколько кнопок. Один из квадратов щелкнул и вытянулся в метровый поднос. На нем оказался единственный тонкий листок темного пластика.

Взяв этот листок, старик вставил его в машину в виде ящика на своем столе. Потом повернулся к левой стене, покрытой серебристо-белым материалом.

Тут он остановился, протянув сморщенную руку к приборам управления машиной.

— Мне нужно знать точную причину и иметь разрешение для того, чтобы показать это, мальчик,— заявил он. Флинкс положил солидную взятку в его протянутую руку. Спрятав деньги в карман, рука включила машину.

— Ты, конечно, можешь мне не говорить,— продолжал старик,— и это не мое дело, но почему именно эта сделка?

— Ты прав, это не твое дело.— Старик покорно, но неодобрительно отвернулся от Флинкса. Побуждаемый каким-то извращенным импульсом, Флинкс выпалил: — Это меня тогда продали. Я и есть Филип Линкс.

Слезящиеся глаза скосились на него, но старик ничего не сказал, только медленно кивнул. Понимая, что узнал больше, чем должен был, он включил проектор. На стене появился бесконечный ряд мелких цифр. Старик был опытным работником. Он просматривал цифры и слова, которые мелькали на стене быстрее, чем Флинкс мог их разглядеть. Неожиданно бег цифр остановился, пошел назад и снова остановился.

— Вот оно,— довольно заявил чиновник, с помощью световой стрелки указывая на одну строку.— Налог в двадцать два кредита выплачен в городской бюджет за продажу мальчика, Линкса Филипа. Продажная цена... — Он начал перечислять цифры и факты, которые Флинкс уже знал. Дата продажи, время... Флинкс улыбнулся, услышав имя покупателя. Значит, матушка Ма-

стифф заплатила налог под вымышленным именем.

— Это все? — спросил он, когда стена потемнела.— Ничего о происхождении партии, откуда прибыли рабы?

— Мне очень жаль, мальчик,— искренне сказал старик. Повернулся и сложил руки на столе.— А чего ты ожидал? В этом отделе только финансовые документы. Но... — Он поколебался, потом продолжил: — Если тебе нужна дополнительная информация, на твоем месте я поискал бы «Аркадию Органикс» в конторах работорговцев. Это фирма, которая продала тебя. У них могут быть собственные архивы. Это не самый большой концерн на Моте, но и не самый маленький. Вот что я бы сделал на твоем месте, мальчик.

— Не хочется,— признался Флинкс. Возвращаться на рынок рабов ему не хотелось ни при каких обстоятельствах.— Но так как это моя последняя надежда, вероятно, придется.— Встав, он благодарно кивнул старику.— Ты был очень добр ко мне, сэр.— И повернулся, собираясь уходить.

— Минутку, мальчик.— Флинкс повернулся и невольно мигнул, поймав что-то брошенное в него. Это была кредитная карточка с приличной суммой, та самая, которую он дал старику несколько минут назад. Он удивленно посмотрел на старика, который вряд ли еще увидит в своей жизни столько денег. В глазах Флинкса был невысказанный вопрос.

— У меня никогда не было особого честолюбия, и я незнаком с алчностью,— объяснил тот медленно.— К тому же сочувствие не способствует успешной карьере.

— Понимаю, сэр,— сказал Флинкс, с уважением бросив назад карточку. Она ударилась о стол.— Поэтому тебе придется взять себе это.

— Я не беру взяток,— твердо сказал старый чиновник, не обращая внимания на карточку,— у тех, кто несчастнее меня.

— Внешность обманчива, старик,— настаивал Флинкс. Видно было, что он не лжет.— Оставь это себе.— Он повернулся и вышел. Чиновник, слегка растерявшийся и благодарный, смотрел ему вслед.

* * *

Ночь Флинкс провел в доме матушки Мастифф, развлекая ее рассказами о своем путешествии на Землю. Он подробно рассказал о своем посещении главного центра Объединенной Церкви на острове Бали, о том, как постепенно узнал, кто его мать, о ее смерти.

Он рассказывал тщательно отредактированную версию, умолчав о своей встрече с дочерью Рашаллейлы Нуаман, которая оказалась его сводной сестрой. Не упоминал он и о эйэннском бароне, Рииди ВВ, о Конде Чаллис и о загадочной дочери этого несчастного торговца Махнами, девушке с ангельской внешностью и неуправляемым даром. И что самое важное, он ничего не сказал о своем путешествии на Ульру-Уджурр и своем решении просветить невинных гениев, которыми оказались ульру-уджурриане.

Флинкс не мог сказать, догадалась ли она, что он рассказал не все. С матушкой Мастифф никогда нельзя быть уверенным, просто ли она терпит ложь или верит в нее. Во всяком случае она ничего не говорила, пока он не упомянул, что намерен поискать фирму по торговле рабами, которая его продала.

— Не знаю, мальчик,— сказала она.— Ты думаешь, это разумно?

— А что? Они могут только отказать мне.

— Меня беспокоит твое состояние, Флинкс. Ты уже давно ищешь. И меня тревожит, что ты будешь делать, когда последний след никуда не приведет.

Он не смотрел на нее.

— Посмотрим сначала, что скажет «Аркадия Органикс».

Она постучала по ручке своего мягкого кресла.

— Лучше оставить себе немного надежды. Ты слишком быстро ее истощаешь.

Теперь он удивленно посмотрел на нее.

— Матушка Мастифф, чего ты боишься? Того, что я могу узнать?

— Я не становилась тебе поперек дороги, мальчик, во время этого безумного поиска. Ты это знаешь. Хотя

предпочла бы, чтобы ты тратил время на поиски молодой леди, богатой и с хорошей фигурой, и осел бы здесь.— Она наклонилась вперед в кресле.— Просто мне не нравится, что ты так втянулся в эту дикую охоту. Ты ведь сам говорил, что несколько раз едва не погиб.— Флинкс подумал, что она сказала бы, если бы он рассказал ей о своей — и Пипа — встрече с двумя квармами, которых они убили сегодня утром.

— Прости, матушка Мастифф. Похоже, поиск управляет мной, а не наоборот. Я должен узнать. О своей матери я узнал. Допустим... допустим, мой отец еще жив.

— Ну, и что! — гневно воскликнула она.— Что бы это значило? Это изменило бы тебя, мальчик? Отразилось бы на твоей жизни?

Флинкс начал говорить одно, спохватился и решил сказать другое.

— Вот что я тебе скажу, матушка. Если он хороший человек, богатый, я привезу его сюда и, может быть, тогда окончательно осяду.

Она взглянула на него и разразилась громким кашляющим смехом, который, казалось, не стихал, пока совсем не стемнело.

— Ну, хорошо, мальчик, иди,— наконец согласилась она, фыркая и прочищая нос.— Но убедись, что эта горгулья с тобой.— И она указала в дальний угол комнаты, где кричал и рифмовал сам с собой Абаламахаламатандра.— Я не позволю этому чудовищу жить в своем доме и тем более не допущу его в магазин. Он мне всех покупателей распугает.

— Кто, Аб? — отчаянно заспорил Флинке. Он надеялся переложить бесполезную нагрузку на матушку Мастифф.— А что мне еще с ним делать? Я не могу таскать его за собой повсюду.

— Почему? — возразила она.— Он с удовольствием ходит за тобой.

— Я думал, может, ты немного позаботишься о нем,— просил Флинкс.— К тому же Аб не пугает людей, он их смешит.

— Может, тебя он смешит,— фыркнула она,— мо-

жет, других тоже.— Матушка Мастифф ударила пальцем по своей костлявой груди.— Но меня он не смешит. Я хочу, чтобы его не было в моем доме и в моем магазине, мальчик.— Она немного подумала и более веселым тоном продолжила: — Я знаю, что тебе с ним делать. Ты ведь идешь на рынок рабов завтра. Продай его. Да,— закончила она, довольная собой,— может, даже получишь прибыль от этого неудобства.

— Не могу,— шепотом ответил он.

— Почему?

Он быстро соображал.

— Я был сам когда-то продан, матушка, и не могу продавать другое существо. Пусть ходит за мной, пока я не найду для него хороший дом.

Флинкс посмотрел на своего нового подопечного, а матушка Мастифф в отвращении фыркнула. Он не может сказать ей, что держит Аба, потому что ему по-прежнему интересно, зачем квармам понадобилось убивать его.

Аб закричал и загадочно посмотрел на него двумя пустыми голубыми глазами.

* * *

Следующий день снова был влажным и дождливым. Но Флинкс вздрогнул не из-за этого. Небольшая прогулка привела его на рынок рабов, и он обнаружил, что, несмотря на всю решимость, здесь его охватывает дрожь. Пип беспокойно зашевелился у него на плече, на него подействовало состояние хозяина. Единственный член маленькой группы, на которого ничего не действовало, неутомимо продолжал бормотать за Флинксом:

— Нейтрон, нейтрон, кто ты такой, почему есть орган камельбар?

— Заткнись,— сказал Флинкс, понимая, что его слова не дадут результата.

С застывшим лицом он прошел по рынку. Как в рассказах старых космонавтов и продавцов, присутствовали прекрасные женщины и танцующие девушки, но танцевали они неохотно и без всякого энтузиазма, совсем не

так, как в этих рассказах. И не были такими чувственными и возбуждающими, как говорят.

Но они все же здесь были. Флинкс знал это. Драллар — главный рынок рабов, перекресток Федерации. Мужчины и женщины, двуполые и чужаки — их не выставляли на улицы просто для потехи толпы. Сделки заключались незаметно, тайно. Так лучше: говорят, не все эти души продавались свободно и честно.

Продавалось множество различных существ, представленных в Федерации. Было несколько транксов, но совсем немного. Насекомые, слившиеся с человечеством, с их клановым инстинктом, обычно лучше заботились о своих. Флинкс видел торпсов и несколько разумных тюленей с Ларжесса; на влажном Моте им лучше, чем на большинстве планет Федерации.

На одном крытом балконе располагались сидения для немногих хорошо одетых покупателей. Флинкс знал, что вряд ли кто-нибудь из них будет подлинным владельцем. Большинство просто посредники респектабельных нанимателей, которые не хотят показываться в таком месте.

Вскоре Флинкс увидел оживленную торговлю из-за одурманенного наркотиками мальчика лет шести. Несмотря на светлые волосы и совсем другое лицо, мальчик напомнил Флинксу одинокого ребенка много лет назад. Его самого.

На мгновение он подумал, не купить ли мальчика и отпустить его на свободу. И что тогда? Матушка Мастифф ни за что не возьмет еще одного приемыша; Флинкс до сих пор не понимает, что заставило ее купить его самого.

Аб вернул Флинкса к реальности, толкнув его сзади.

— Смотри, куда идешь, ты, упрямый кусок эластичной изоляции!

На него уставился выпуклый голубой шар глаза, неуверенно задрожали веки.

— Оскорбить словно побить,— начал он вполне разумно, но закончил: — Локс метафизическая птица, как говорится.

— Несомненно,— с отвращением ответил Флинкс.

Он заставил себя идти быстрее. Ему не терпелось оставить это место.

Вывеска над входом в контору на улице сразу за невольничьим рынком хорошая — не кричащая, но со вкусом. Она свидетельствовала о том, что фирма обладает прочным положением и гордится им. Дверь чистая, полированная и сделана из резного дерева, которое привозят с покрытого снегом северного континента Мота. На вывеске значилось. «АРКАДИЯ ОРГАНИКС».

Дом беспомощных и бездомных, подумал Флинкс. Это название звучит гораздо лучше, чем просто «Торговля рабами».

Он поднял руку и коснулся кнопки звонка. После недолгого ожидания дверь неслышно скользнула в сторону. Она оказалась гораздо толще, чем выглядела снаружи. Дерево тонким слоем покрывало металл.

Вход заполнял массивный мрачный гуманоид. Он сверху вниз взглянул на Флинкса и спросил глубоким низким голосом:

— Какое у тебя дело, парень?

— Я пришел поговорить с владельцем об одной давней покупке.

Гигант помолчал, как будто к чему-то прислушиваясь. Флинкс заметил у него на черепе блеск металла — встроенный передатчик. Устройство казалось постоянным.

— В чем суть жалобы? — спросил гигант, напрягая мышцы, похожие на светлый дурапласт.

— Я не сказал, что жалуюсь,— жизнерадостно поправил Флинкс.— Просто хотелось бы кое-что выяснить.— Он знал, что с помощью Пипа легко минует гориллу, но это не поможет ему получить нужные сведения.— Проблема родословной.

Снова гигант куда-то передал информацию. На этот раз он отодвинулся с той же механической точностью, что дверь.

— Тобой займутся,— заверил он Флинкса. Флинкс предпочел бы, чтобы приглашение было сформулировано по-другому.

Тем не менее он прошел в небольшое помещение. Аб

следовал за ним, наполняя небольшое пространство своим рифмованным вздором. В помещении совершенно не было мебели.

Рука размером с обеденную тарелку осторожно коснулась плеча Флинкса — к счастью, не того, на котором сидел Пип, иначе могли бы возникнуть осложнения.

— Стой на месте.

Не видя, куда идти, Флинкс с готовностью послушался.

Палец, подобный шесту, нажал кнопку. Что-то загудело, и Флинкс почувствовал, что опускается. Заставив себя сохранять спокойствие, он принял равнодушное выражение, а пол и все помещение опускались. Вскоре он оказался в гораздо большей комнате, просторной и хорошо обставленной. Ей вполне соответствовал мужчина, который встал из-за стола, чтобы поздороваться с вышедшим из лифта Флинксом.

Темные кольца волос падали ему на лоб и шею. Мужчина чуть выше Флинкса и раза в три старше его, хотя выглядит моложаво. Заостренная бородка и изогнутые усы придают ему вид щегольской вороны с подрезанными крыльями. Только большой рубин на мизинце этого человека кажется слишком показным и не соответствует общему стилю помещения.

Вежливо поздоровавшись с Флинксом, мужчина провел его к мягкому креслу. Предложенная выпивка была отклонена. Флинксу показалось, что мужчина разочарован молодостью посетителя, но старается не показать этого. На Дралларе немало не только избалованных взрослых, но и избалованных детей.

— Чем могу быть полезен, молодой хозяин? Меня зовут Чар Мормис, я представитель третьего поколения владельцев «Аркадии Органикс». Не говори мне — ты ищешь молодую женщину. Я знаю. Я всегда могу сказать! — Руки Мормиса подчеркивали каждое его предложение, как стрелка сейсмографа.— Я всегда могу определить, что нужно покупателю.— Он похотливо подмигнул.— Расскажи о своих вкусах, молодой хозяин. «Аркадия» поможет тебе.

— Мне жаль, мистер Мормис,— ответил Флинкс,—

но я здесь не для того, чтобы покупать.

— Ага.— Работорговец выглядел огорченным. Он откинулся в кресле и потянул себя за бороду.— Хочешь продать? — неуверенно спросил он, глядя на Аба, который стоял у входа в лифт, продолжая бормотать в рифму.

— Нет,— твердо сказал Флинкс.

Мормис неохотно вздохнул.

— Значит, тебя действительно интересует родословная. Ну, ладно. Чем могу помочь, молодой хозяин? Какая-то неточность? — Эта перспектива, казалось, искренне его расстраивает.— Мне больно думать, что мы могли допустить ошибку. Наш товар не самый дорогой,— тоном заговорщика добавил он,— но у нас есть огромное преимущество: мы ведем торговлю честно.

— Успокойся,— сказал Флинкс работорговцу.— Я ни в чем тебя не обвиняю. Мне нужны некоторые сведения. Относительно мальчика по имени Филип Линкс, который был вашей фирмой продан женщине по имени,— он улыбнулся,— это не ее подлинное имя, но не имеет значения. Имя мальчика правильное. Во время продажи он был в возрасте четырех-пяти лет.

Мормис развел руки.

— Конечно, я скажу тебе все, что знаю. Мы сохраняем данные о всех сделках.

— Какой он гладкий, какой вежливый,— подумал Флинкс.

— Но вначале, молодой хозяин, ты должен доказать, что имеешь право на получение этих сведений. Понимаешь, у рабов тоже есть право на скрытность. Мы уважаем права не только покупателей, но и тех, кого продаем.

— Рад слышать,— сказал Флинкс.

Мормис посмотрел на уверенного молодого человека, сидящего перед собой.

— Позволь высказать догадку. Мальчика купили, чтобы он был твоим товарищем. Ты вырос вместе с ним. А теперь тебе интересно, каково его происхождение. А может, он сам попросил тебя об этом. Ты выглядишь примерно его ровесником.

— Конечно,— согласился Флинкс.— Я и есть он.

Мормис не удивился этой новости, как старый чиновник в архиве. Он просто сел с усталым видом.

— Я боялся чего-нибудь такого. Ты должен понять, мистер Линкс...

— Просто Флинкс.

— Хорошо. Ты должен понять, Флинкс, что в подобных случаях мы должны защищать своих клиентов. Если ты ищещь мести, если ведешь какую-то личную вендетту...

Флинкс нетерпеливо покачал головой.

— Ничего подобного. Даю тебе слово, я только пытаюсь узнать, что стало с моими природными родителями.

Мормис выглядел опечаленным.

— Такие случае известны. Настойчивые люди, получив свободу, часто разыскивают такие сведения. Насколько я знаю, ни разу в подобных случаях ничего не было установлено. Если продажа ребенка произошла добровольно, родители очень стараются — и почти всегда успешно — скрыть свою личность. Если продажа насильственная, тогда свою личность — и тоже успешно — скрывает продавец. Даже если бы ты побывал в архивах самой Земли...

— Я уже был там,— сообщил Флинкс.

Глаза Мормиса чуть расширились.

— Ты был на Земле?

— Я был в церковных архивах на острове Бали. И сумел узнать, кто моя мать. Но она уже много лет как умерла.— Как ни удивительно, но он смог сообщить это, не испытывая боли. Как будто говорил о ком-то другом, не о себе. В нем осталась только холодная пустота.

Мормис с новым уважением посмотрел на него. Это было очевидно и по его тону.

— Ты необычный молодой человек.

— Мне говорили об этом,— сухо заметил Флинкс.— Так как же моя просьба?

— Да, конечно.— Мормис включил электронный архив, гораздо более современный, чем тот, что Флинкс навещал вчера. Появился небольшой прямоугольник, который работорговец вставил в проектор.

— Вот оригинал записи о продаже,— сказал Мормис, указывая на экран.— Смотри сам.

Флинкс уже увлеченно делал это. На стене его прежняя суть, человеческое существо, превращенное в цифры. Рост, вес, цвет волос и глаз, все остальные данные ярко светятся на стене. Он снова улыбнулся, увидев имя покупателя: леди Фиона Флорафин. Матушка Мастифф права: работорговец интересует только законность денег покупателя.

Но опять то, что он надеялся найти, отсутствует. Указывалось, что плата переводится в дом Нуаманов, очевидно, его недавно скончавшейся тетке, жестокой Рашаллейле. Это соответствовало тому, что он уже знал.

О родителях сведений было меньше, чем ему уже известно; ничего такого о матери, что могло бы сравниться с теми сведениями, что он раздобыл за год, и вообще ничего о загадочном отце.

— Спасибо, Чар Мормис,— заставил он себя сказать, скрывая разочарование. Как и опасался, он зашел в тупик. Некуда идти, негде искать.

Дело кончено.

— Я высоко ценю твою доброту.— Рука Флинкса устремилась к счетчику кредитных карточек.

Мормис взмахнул рукой.

— Нет, спасибо, Флинкс. Рад был помочь. Всегда приятно узнать, что сделка привела к хорошим результатам. Ты теперь независимый гражданин?

— И был таким с момента покупки, благодаря покупателю.

— Знаешь, это странно... Не хочешь ли коньяку?

Флинкс покачал головой. Несмотря на свою вежливость, Мормис все равно относится к тем людям, для которых человеческие жизни все равно что фишки на игорном столе. Флинкс хотел уйти.

Но Мормиса что-то беспокоило.

— Очень странно... У меня прекрасная память на людей. Это профессиональное свойство, понимаешь? — Флинкс молча кивнул.— Мне кажется, я помню эту продажу.

Флинкс снова сел.

— Да, я уверен в этом. В то время «Аркадией» владел мой отец, Шен Мормис. А я только учился. Но твоя продажа... твоя продажа... она почему-то засела у меня в памяти. Ты заставил меня вспомнить кое-что. Во-первых, покупателя. Старуха?

Флинкс энергично кивнул.

— Это громкое имя в документе,— хозяин указал на стену,— не соответствовало ее внешности. Для тебя это имеет смысл?

— Приземистая тяжелая женщина, одетая в аккуратные лохмотья, с речью как у космического бродяги?

— Описание соответствует,— подтвердил Мормис, захваченный возбуждением Флинкса.— Ты поддерживаешь контакты со своей прежней владелицей?

— Она никогда не была владелицей в обычном смысле,— объяснил Флинкс. Мысленно он видел ворчливую, но добрую матушку Мастифф.

— Я так и думал, учитывая твое нынешнее положение. Такой контраст между внешностью и именем — как можно такое забыть? Второе воспоминание касается человека, который торговался из-за тебя.— Мормис выглядел смущенным.— Ты был не очень ценным приобретением.

— Меня не смущает такая оценка,— заверил его Флинкс.

— Самоосуждение — хорошее свойство товар... гражданина,— торопливо поправился работорговец.— В моей памяти сохранился необычный торг двух необычных людей из-за такого незначительного товара.

— Что это за второй покупатель? — оживленно спросил Флинкс.

— Ну, это был человек, настоящий человек. Огромный, сложен, как городская стена. За него можно было бы получить хорошую цену на помосте. Но он, к сожалению, был на другой стороне бизнеса. Весил не меньше двух обычных мужчин. Несомненно, вырос на планете с большой силой тяжести. Седовласый, хотя мне его седина показалась преждевременной. Ростом не меньше двух метров.— Мормис замолчал, и Флинксу пришлось подтолкнуть его.

— Должно быть что-то еще.

Работорговец продолжил:

— Тебя ценили не очень высоко, Флинкс. Мне кажется, у этого типа была причина покинуть торг. Ушел он быстро, и как я припоминаю, появилось необычное количество солдат. Но своего имени он не упоминал.

— Еще что-нибудь? — настаивал Флинкс, отказываясь сдаваться.— Почему он хотел купить меня?

Мормис посмотрел в сторону, словно Флинкс затронул тему, которую он предпочел бы не обсуждать.

— Мы не интересуемся мотивами своих клиентов. После завершения сделки контроль переходит к администрации. Наше дело — продавать, а не судить.

— Но он ушел до окончания торгов,— размышлял Флинкс.— Можно предположить, что он предложил бы больше, чем купившая меня женщина.

— Естественно, это возможно.

— Ты больше ничего не вспомнишь о нем?

Мормис неодобрительно поджал губы.

— Через двенадцать лет? Хорошо, что я вообще вспомнил. Могу высказать предположение. Учитывая ограниченность суммы, этот тип рассматривал тебя как инвестицию.

Флинкс не ответил. Он думал. Очень рослый человек, преждевременно поседевший, с золотым кольцом в одном ухе... Он поморщился. Не очень много для начала.

— Мне нужно больше сведений! — Проснувшийся Пип высунул голову.

Мормис вздрогнул.

— Клянусь цепями неба, вот оно!

— Что именно? — спросил удивленный Флинкс.

— Твой поиск невозможен, молодой хозяин, но я не стану разубеждать тебя. Есть кое-что еще.— Он указал на Пипа. Заинтересованный, минидраг вопросительно протянул к работорговцу язык. Сзади напевал Аб.

— Я вторично вижу такого. А первый... первый был на плече у сбежавшего покупателя. Я бы поклялся, что это то же самое существо, только то было немного поменьше.

Тщательное мысленное построение Флинкса рухнуло, как мост без фундамента. На его месте началось смятение.

Насколько ему известно, Пип — единственный аляспинианский минидраг на Моте. Если бы на крылатой планете жил еще один, Флинкс знал бы об этом. Предположим, Пип — тот самый минидраг, который, как утверждает Мормис, был на плече возможного покупателя? То, что он отыскал Флинкса, кажется невероятным совпадением. Может, этот неудачливый покупатель сам посадил Пипа в переулок, чтобы Флинкс смог найти его?

Если это так, то слишком уж заинтересован покупатель во Флинксе, чтобы не быть связанным с домом Нуаманов. Наемник его тетки? Но с какой целью?

«Я с ума сойду», молча воскликнул Флинкс.

— Имя,— попросил он,— назови мне имя, Чар Мормис!

Работорговец вздрогнул.

— Я тебе сказал, что он его не назвал. И не могу сказать, откуда он. Никакого акцента я не помню. Кроме его размера и этого кольца в ухе, ничего сказать не могу.

— Понимаю, понимаю,— сказал Флинкс, стараясь взять себя в руки. В голове его мелькали мысли.

Аляспин, Аляспин.

— Рецепт салата... два бруска пирата,— бессмысленно бормотал Ад.— Рассуждая о композиции, не забывай про василиска,— закончил чужак. И продолжал на неизвестном языке.

Приведя мысли в порядок, Флинкс заставил себя говорить медленно.

— Что бы ты сделал на моем месте? — спросил он работорговца.— Я ценю твой совет.

— На твоем месте,— ответил Морис, задумчиво сплетя пальцы,— я вернулся бы домой, занялся работой и сберег бы свои деньги, а возможно, и рассудок.

— Следующее предложение.

— Имея неограниченное время и средства, молодой хозяин, я бы отправился на Аляспин. Ведь твой маленький зверь оттуда, верно? — Мормис протянул по-отцов-

ски руку к Пипу, но торопливо отдернул ее, когда минидраг резко засвистел.— Если это существо такое редкое, как говорят, и опасное...

— Это так,— заверил его Флинкс.

— ...тогда у тебя есть шанс найти другого владельца.

Вот к чему все пришло, подумал Флинкс: к поискам человека, который двенадцать лет назад был на Моте с минидрагом на плече. Человека, который, возможно, никогда не был на Аляспине, а приобрел смертоносного любимца где-нибудь в другом месте. Но хоть какая-то цель лучше, чем ничего.

— Еще раз благодарю тебя, Чар Мормис.— Флинкс встал, видя, что лифт вернулся вместе с громоздким лифтером.— Я бы только хотел,— добавил он на прощание,— чтобы такой приятный человек, как ты, занимался каким-то другим делом.

— Да, моральные соображения временами бывают очень тяжелы,— признался работорговец, перед тем как за Флинксом и Абом закрылась дверь.— Однако не настолько,— негромко закончил он, когда лифт начал подниматься,— чтобы отказаться от дела.

Глава четвертая

День был напряженный и плодотворный, и Мормис больше не думал о своем интересном посетителе. Когда стемнело и он закрывал контору на ночь, он совершенно забыл об этом разговоре.

Скромный дом Мормиса находился в пригороде по соседству, в одном из многих закрытых районов Драллара. Вечер приятный, и Мормис решил пройтись пешком. Его могучий слуга успокоительно шел рядом.

По необходимости улицы Драллара относительно хорошо освещены. Постоянные тучи скрывают свет, который мог бы дать единственный яркий спутник планеты— Пламя.

Мормис плотнее запахнулся в свой плотный плащ. Он страдал бурситом, этой старинной болезнью. Печаль-

но думал он, что единственное в его жизни, что недостаточно хорошо смазано, это скрипящие суставы. Ни врачи, ни знахари — никто не мог помочь.

На полпути к дому его окликнул сильный, но вежливый голос из тени.

— Удели нам несколько минут твоего времени, Чар Мормис из «Аркадии». Мы не задержим твое возвращение домой.

Несмотря на такую вежливость, Мормис реагировал, как большинство людей его профессии. Голоса ночью обычно на Моте означают только одно, тьма скрывает существа с далеко не благородными побуждениями.

Отбросив плащ, чтобы свободней двигаться, Мормис повернулся в сторону голоса. Как бы в ответ из тумана показалась фигура. Она приблизилась на четырех истинных ногах. Истинные руки и руконоги были сложены в обычной для инсектоида позе просьбы. Сверкали большие сложные глаза, отражая уличное освещение.

Мормис увидел блестящий шелушащийся хитон пурпурного цвета. Но ни явно преклонный возраст транкса, ни его примирительные манеры не успокоили Мормиса. Он уже давно не имел никаких дел с транксами. Не в том дело, что у них не бывает рабов. Несмотря на всю свою хваленую логику, транксы бывают разные, и многие из них подвержены тем же порокам, что и люди.

Поэтому Мормис отскочил от приближающегося транкса и приказал слуге принять защитные меры. Когда инсектоид будет прижат, может быть, он с ним поговорит.

Мощный големит в синем плаще двинулся вперед. Работорговец не успокоился, видя, что хрупкое насекомое не уступает.

— Послушай, Чар Мормис,— заметил транкс своим великолепным звучным музыкальным голосом,— негостеприимство вряд ли прилично преуспевающему бизнесмену. Я разочарован. И эти поиски спрятанного оружия на мне...

Мормис собирался прервать его, сказав, что этот транкс разочаровал его, когда его страхи частично подтвердились. Из тумана навстречу слуге выдвинулась вторая фигура.

Это был человек, чуть выше среднего роста, но худой и не производящий внушительного впечатления. Возраст его не соответствовал проворству движений. Он походил на ходячую березу. Седые волосы, глубокие морщины и другие признаки старости противоречили глазам-углям.

Это чучело преградило дорогу слуге, который немедленно и решительно начал действовать. Посредине улицы произошла короткая ожесточенная схватка. Огромная масса слуги Мормиса, казалось, совершенно подавила противника, но когда схватка кончилась, оказалось, что высокий худой незнакомец стоит над неподвижным телом големита.

Высокий человек, внешне уроженец Востока, встряхнул левой рукой. Слышно было, как встают на место суставы. Заговорил он спокойно и тем же уверенным и рассудительным тоном, что и наблюдавший транкс.

— Я его не поранил. Он скоро придет в себя, после нашего разговора.

Левый глаз Мормиса невольно дернулся. Пальцы его дрожали.

— Ты не успеешь достать лучевое оружие,— сказал транкс таким уверенным голосом, что Мормис отказался от всякой надежды.— Пожалуйста, будь добр, воздержись от неразумной враждебности и выслушай нас.

Работорговец обдумал его слова. Потом медленно убрал руку от спрятанного оружия. Он утешал себя тем, что странная пара, кто бы это ни был, не выглядит грубой и неосмотрительной. Поэтому он постарался успокоиться, и престарелый транкс приблизился к нему. Худой человек, заметил с облегчением Мормис, остался у тела слуги.

Транкс высок для своего вида, понял Мормис, настолько высок, что его радужные сложные глаза оказались на одном уровне с глазами работорговца. Транкс тепло одет, хотя Мормис знал, что влага нравится насекомым. Эти существа с планеты-теплицы. Он слышал негромкий шум воздуха в спикулах насекомого.

— У вас преимущество,— сказал Мормис, опуская руки.— Я могу только выполнить ваше желание.— Тем

временем он искал определяющие знаки. Есть обе пары рудиментарных крыльев, они слегка выступают из блестящих покровов на спине транкса. Холостяк, никогда не вступающий в брак.

Насекомое заметило взгляд работорговца.

— Нет, ты меня не знаешь. Мы никогда не встречались, Чар Мормис,— на Мормиса произвело большое впечатление, что его собеседник говорит на превосходном терроанглике, а не на галактической лингва франко-симборечи. Мало кто из транксов справляется с гласными главного языка человечества. Впервые напряжение несколько покинуло его. Существа, склонные к насилию, редко бывают высокообразованными.

— Все преимущества на вашей стороне, сэр.

— Нам нужны некоторые сведения,— ответил инсектоид, не проявляя желания назвать свое имя или имя своего спутника. Мормис постарался скрыть свое разочарование.— Мы знаем, что сегодня у тебя был посетитель.

— У меня было много посетителей,— уклончиво ответил Мормис.

— Молодой человек. Или юноша, в зависимости от твоего восприятия. Его сопровождали маленькая опасная летающая рептилия и необычного вида чужак.

Так как транкс уже знает это, Мормис не видел смысла отрицать.

— Признаю, что у меня был описываемый тобой человек.

Странно человеческим жестом транкс наклонил голову словно из свернутой бумаги.

— Чего хотел от тебя парень?

Природная осторожность взяла верх в Мормисе, и он без колебаний ответил:

— Я сказал, что помню молодого человека,— он говорил медленно, заинтересованно глядя на лужи на улице.— Но у меня было множество посетителей. Я не могу припомнить подробности каждого разговора. Дни проходят лихорадочно, и все разговоры смешиваются.

Высокий человек сделал несколько шагов вперед.

— Мы зря тратим с ним время,— он протянул руку

с длинными гибкими пальцами, и Мормису это не понравилось.— Я могу...

— Нет, нет, никаких осложнений,— прервал его транкс, к облегчению Мормиса.— Но ты правильно сказал, что мы тратим время. Не будем спорить о морали...— Он сунул руку в карман и достал кредитный куб значительного размера. Мормису было достаточно взгляда, чтобы убедиться в его подлинности.

— Но в моем деле иногда бывает необходимо восстановить все подробности,— гладко продолжал он.— Странно, но сейчас я все припоминаю.

— Удивительно,— саркастически заметил высокий человек.

Убедившись, что опасная ситуация неожиданно может принести ему прибыль, Мормис свободно продолжал:

— Дело обычное, интересно в нем только одно. Этого мальчика некогда продала «Аркадия».

— А что я говорил? — сказал высокий человек своему спутнику.

— Похоже, парень преуспел с тех пор,— продолжал Мормис.

— Несомненно,— загадочно заметил транкс.

— Теперь сирота усердно и глупо пытается найти своих настоящих отца и мать. Безвредное, но дорогое увлечение. Сейчас он ищет отца.

— И ты смог сообщить ему нужные сведения? — спросил человек.

— Нет, я не знал этих подробностей. Однако я рассказал ему забавное происшествие, связанное с его продажей. Если хотите, я могу...

Транкс нетерпеливо прервал его, поглядев на свой наручный хронометр.

— Не нужно. Нам нужно только знать, куда он намерен отправиться, что собирается делать.

Мормис попятился.

— Раскрывать такую информацию было бы неэтично, сэр,— он многозначительно взглянул в сторону кредитного куба.— Это означало бы нарушение доверия.

— Ты не врач и не священник,— проворчал высокий

человек.— Поэтому нечего болтать о конфиденциальности и откровениях.

— Тебе заплатили достаточно,— негромко сказал транкс, вежливо, но угрожающе добавив: — Нам надоело тратить время.

— Парень может отправиться на Аляспин,— как можно быстрее сказал работорговец.— Он собирался улететь туда. Можно сказать, он словно одержимый. Я полагаю, что в эти минуты он находится на пути в Дралларпорт.

— Мы уважаем твою любезность и здравый смысл,— сказал транкс и несколько саркастически добавил,— а также твою удивительно отзывчивую память. Больше мы тебя не будем беспокоить. Иди домой, Чар Мормис.

Повернувшись, как это делают транксы, инсектоид рысью устремился в туман. Высокий человек легко последовал за ним, переступив через слугу Мормиса.

Работорговец смотрел, как странную пару поглощает туман.

— Я-то уж точно вас не стану беспокоить,— сказал он про себя, убирая в карман кредитный куб. Слуга начал шумно дышать. Мормис подошел к нему и пнул лежащее тело в ребра. Второй пинок вызвал слабый стон.

Массивный гуманоид сел. Он помигал и посмотрел на Мормиса.

— Прошу увольнения, хозяин,— тупо пробормотал он.— У меня нет извинений, но противник оказался гораздо...

Мормис еще раз пнул его.

— Я знаю это, идиот,— он обнаружил, что дрожит, хотя и не от сырости.— Пошли быстрее домой...

* * *

— Экзалла каделла морфине центелла, затерян в лесах, все лицо в волосах,— негромко бормотал Аб.

Флинкс повернулся и обратился к своему приобретению, деловито шагавшему за ним следом. В голосе едва звучало нескрываемое отвращение:

— Хоть бы иногда говорил что-нибудь разумное.

Четыре руки делали непонятные бессмысленные жесты. Верхняя часть голубого тела слегка наклонилась вперед. Один ярко-голубой глаз тупо мигал, и хобот на голове чужака время от времени начинал раскачиваться в странном ритме.

Флинкс вздохнул и пошел дальше. Машины в этот час ночи — скорее раннего утра — редки. Он не видел ни одной, выйдя от Мормиса.

После ужина Флинксу стало теплее. Он поел в небольшой столовой на окраине города. Поел похлебки и развлекался, время от времени бросая в воздух соленое печенье. Пип молниеносно срывался с плеча и подхватывал куски, не давая им упасть на пол. Минидрагу особенно нравится все соленое. Флинкс прекратил забаву, только когда к нему обратился владелец и в отчаянии попросил кончить. Отчаянные прыжки и кульбиты ядовитой змеи заставляли нервничать остальных посетителей.

Скоро будет светло, подумал Флинкс, приближаясь к главной дороге, ведущей из Драллара к городскому шаттлпорту. Шаттлы перевозят местные товары на большие космические корабли с КК-двигателями, ждущие на орбите, и привозят в город инопланетные грузы. На этой дороге он обязательно встретит либо водителя джинкса, ищущего ранних клиентов, либо большие грузовые транспорты. На этих транспортах всегда можно подъехать — с ведома водителя или без него. Несмотря на нынешнее относительное благополучие, Флинкс знал, что прежние способности не раз ему пригодятся.

Приближалось утро, сгущался утренний туман. Для инопланетянина он представляет непреодолимую преграду в пути. Для уроженца Мота он так же привычен и ожидаем, как восход солнца. Дождь стекал каплями по плащу Флинкса. Так это во всяком случае показалось бы несведущему наблюдателю. На самом деле капли даже не касались материала. Устойчивый статический разряд не давал влаге прикоснуться к всегда сухой поверхности.

Флинкс заметил большой скиммер, припаркованный

у склада на полосе отчуждения. Он был забит многими тоннами груза.

Из тумана неожиданно показалась двуногая фигура и направилась к нему. Пип мгновенно слетел с плеча. Флинкс решил извлечь из-за голенища нож, но заколебался. Он не чувствовал опасности в приближающемся. Приказ вернул Пипа на место; встревоженный минидраг тугой спиралью повис над головой Флинкса. Ответ Пипа подтвердил, что приближающаяся фигура не опасна; иначе Пип не обратил бы внимания на приказ.

Фигура приближалась, сжимая что-то в руке. Приблизившись, человек как будто впервые заметил Флинкса. Его остекленевший взгляд слегка прояснился. Собравшись с силами, человек распрямился и пошел дальше. Флинкс подумал, не выпустить ли Пипа. Но тут глаза человека снова помутнели. Он споткнулся на ровном месте и упал в сточную канаву с правой стороны дороги, по которой шел Флинкс.

Тело его образовало преграду на пути воды. Вода начала подниматься и перелилась через руку и плечо человека, через все его окровавленное тело. Человек ранен не только в плечо. Кто-то очень профессионально вывел его из строя.

Осторожно скользнув к трупу, Флинкс одновременно пытался смотреть во всех направлениях. Его непостоянный дар, естественно, в этот момент бездействовал. Но никто: ни здоровый, ни раненый — не появлялся больше из тьмы. Флинкс снова обратил внимание на тело.

Черная ермолка с красным узором упала с безволосой головы, когда упал сам человек. В нескольких местах его облегающий черный костюм промок от крови. Плащ порван. И свисает на единственной застежке.

Дальнейший осмотр не был нужен. Кварм мертв. Но Флинкс недоверчиво продолжал приглядываться. Известно, что квармы искусно имитируют многие телесные функции. Иногда полезно притвориться мертвым, чтобы усыпить подозрительность намеченной жертвы. Однако Флинкс был убежден, что этот кварм не притворяется и вообще больше никогда не сможет притворяться.

Он с любопытством наклонился, разглядывая предмет, зажатый в правой руке убийцы,— короткий серый металлический цилиндр, очень похожий на оловянную кружку. Посредине цилиндра еще горел слабый красный огонек.

Флинкс подобрал кусок дорожного покрытия и осторожно провел им в воздухе перед заостренным концом цилиндра. Послышался негромкий звук, и в камне появилась миллиметровая дыра.

Чтобы уберечь любопытных детей, которые бродят по ночным улицам Драллара, Флинкс нажал кнопку на ручке оружия. Красный огонек погас. Повторное приближение камня не вызвало появления отверстия. Флинкс вытащил оружие из смертельной хватки его прежнего владельца.

Игрушка квармов оказалась фоническим стилетом. Он производит тонкий направленный звуковой луч, который в любом материале пробивает дыру. Размером с ладонь вместе с генератором, его легко спрятать, почти невозможно обнаружить и защититься.

Флинкс встал и с тревогой огляделся. Убив недавно двоих квармов, он понимал, почему к нему с таким оружием подходил еще один кварм. Но встретился с кем-то еще, прежде чем смог подстеречь Флинкса. А может, ему на самом деле не Флинкс нужен?

Подошел на четырех ногах-пеньках бормочущий Аб, наклонился и стал по-идиотски разглядывать одежду мертвеца. Руки и глаза его двигались; очевидно, его поглотило зрелище крови, смешивающейся с водой.

Охотился ли убийца за Флинксом или по-прежнему преследовал его слабоумного подопечного? Флинксу не хотелось обдумывать первую возможность. Это означало бы, что квармы знают о том, что он отвечает за смерть двух членов их клана в старом доме, выходящем на сцену. В таком случае ему нужно двигаться еще быстрее. Установив своего врага, клан квармов никогда не остановится, пока не умрут либо враг, либо все члены клана. Хорошо бы установить, что они знают.

Туман с дождем быстро смывали все следы, но капли крови еще видны на мостовой, видно, что они огибают

нос большого грузового скиммера. И ведут к входу в склад. Внимательно присмотревшись, Флинкс обнаружил, что дверь открыта, причем явно не владельцем.

Все инстинкты протестовали против входа в темное здание. Им, однако, противостояло, как всегда, ненасытное любопытство. Флинкс скользнул в открытую дверь. В углу, возле огромной груды пластиковых контейнеров, горел тусклый свет. Неслышно, с парящей над ним смутно видной змеей, Флинкс направился к свету.

Неожиданно он ощутил беспокойство, даже страх. С ними боролась ужасающая холодность. Но и то и другое далеко и быстро удаляются. В освещенном районе Флинкс ничего не увидел. Очень медленно заглянул за последний четырехметровый желтый ящик.

Его удивленный взгляд обнаружил шесть тел. Шесть! Лежали на ящиках, на металлическом полу, под перевернутыми контейнерами. Четыре женщины и двое мужчин. Все в слишком знакомой теперь черной одежде. У нескольких безволосые черепа, с которых свалились ермолки. Огромные количества крови усиливали зловещий эффект всей этой сцены. Несколько небольших контейнеров раскололись. Требуется огромная сила, чтобы разбить эти, без единого шва, вместилища.

Флинкс знал, что через несколько часов явится владелец и испытает сильнейший в жизни шок.

Только мертвые квармы, никаких следов их противников. Флинкс не мог себе представить, чтобы кто-то смог напасть на такое количество профессиональных убийц. И всех перебить. Он напрягся. Донесся намек на далекий мысленный крик, но он продолжает удаляться. Однако, подумал Флинкс, может и перестать удаляться.

Флинкс снова осмотрел неподвижные тела, среди них и лишившиеся конечностей. Посмотрел на небрежно разбросанные разбитые контейнеры. Кто-то очень сильный действовал здесь, но почему — Флинкс не знал. Отдаленный мысленный крик продолжал звучать в его сознании, и он обнаружил, что медленно пятится от этой кошмарной сцены.

Что-то коснулось его плеча.

С огромным облегчением он увидел, что это Пип,

вернувшийся на свое обычное место. И вот он выбрался из склада и побежал к дороге. Туман перестал быть другом и превратился в обманщика, скрывающего что-то ужасное и загадочное.

Немного погодя он добрался до дороги. Слышался шум повозок, в которые запрягаются кинкизы, и гул моторов машин. Флинкс вскарабкался на насыпь, спустился с нее и оказался на самой дороге. Аб на всех четырех ногах безропотно двигался за хозяином.

Владелец повозки с мипой попятился, увидев четвероногого спутника Флинкса. Но кредиты преодолели его нерешительность. Вскоре двуногий мипа на большой скорости тащил повозку к шаттлпорту. Флинкс получил скорость, за которую заплатил. К счастью, из тумана не появилось ничего, что могло бы ударить владельца повозки или пассажира.

В порту Флинксу не повезло. Он встретил одного из тех мелких чиновников, единственной целью жизни которых является усложнение жизни других. Они при этом получают ложное и жалкое сознание своего превосходства.

— Покажи-ка разрешение на проход, парень,— снисходительно потребовал этот человек.

Флинкс повернулся и с беспокойством посмотрел туда, откуда пришел. Подвижная дорожка, ведущая к главному зданию вокзала, почти пуста. Несмотря на ранний час и отсутствие преследования, Флинкс ожидал, что каждую минуту среди усталых деловых людей и туристов появятся одетые в черное фигуры. Дралларпорт действует круглосуточно, все двадцать восемь часов в сутки.

— У меня нет разрешения на проход, сэр,— ответил он, заставляя себя не отвечать слишком резко.— Я...

Но этого было достаточно, чтобы вызвать довольную ухмылку на толстом лице чиновника. Нет, он был совсем не глуп. Его умственное расстройство гораздо глубже простого невежества. Злоба тоже требует определенного разума, только в крайних проявлениях она приводит к настоящему безумию.

— У тебя нет разрешения, и ты пытаешься войти

через проход для владельцев частных кораблей,— фыркнул чиновник и поджал губы. Картинно нажал кнопку вызова у себя на поясе. Появились два рослых человека и угрожающе надвинулись на Флинкса. Вскоре к ним присоединился запыхавшийся пожилой маленький человек. Внешне он выглядел совершенно обычно.

— В чем дело, Бельком? — с любопытством спросил он у толстяка, разглядывая Флинкса.

— Этот малыш,— заявил Бельком так, словно только что опознал убийцу-маньяка,— пытается пробраться в запретную зону без разрешения.

— Я не пытаюсь пробра...— раздраженно начал Флинкс, но вновь прибывший прервал его.

— Это запретная зона, мальчик. Сюда не разрешается заходить,— этот человек, выглядящий устало, очевидно, после ночной смены, по крайней мере вежлив.— Если хочешь взглянуть на корабли, попробуй через проход для грузов.

— У меня нет разрешения,— наконец сумел объяснить Флинкс, роясь под плащом в карманах пояса,— потому что я не пассажир.— Он достал маленький, буквально неуничтожимый листок полиплекса. Стереть с него информацию невозможно.

Устало мигая, маленький человек разглядывал карточку. Когда он снова взглянул на Флинкса, во взгляде его не было усталости и скуки. Он яростно повернулся к своему самодовольному подчиненному. Тот заметил взгляд начальника и реагировал, как человек, увидевший у себя на ноге ядовитое насекомое, но не решающийся смахнуть его, чтобы оно не ужалило.

— Разумеется, у джентльмена нет разрешения, Бельком. Вам что, трудно спросить, прежде чем выставлять себя идиотом?

Зная, что любой ответ еще больше унизит его, ничего не понимающий Бельком тупо смотрел на маленького человека. Подождав немного, начальник заключил:

— У него нет разрешения, проклятый глупец, потому что он не пассажир. Он владелец. Частный законно зарегистрированный корабль.

— Я...— начал Бельком, запинаясь и беспокойно поглядев на Флинкса,— я не подумал...

— Две причины, почему ты не получишь повышения. И обе первостепенные,— яростно рявкнул начальник. Повернувшись к Флинксу, он принес официальные извинения.— Прошу прощения за неудобства, сэр. Если я чем-нибудь могу загладить это оскорбление, чем угодно...

Флинксу показалось, что он заметил какое-то смятение в дальнем конце движущейся дорожки.

— Просто пропустите меня,— резко сказал он. Оба охранника молча расступились; они смотрели вслед Флинксу и его странному подопечному. Никто не стал слушать оправдания и извинения несчастного Белькома.

Хотя последние полтора года Флинкс напряженно учился, настоящим пилотом он еще не был. Но управление кораблем так сложно, что вручную это могут делать только самые опытные пилоты, и шаттл, в котором Флинкс приземлился, не был исключением. Поэтому он был снабжен автоматическим управлением. Всякий, кто может отдать приказ корабельному компьютеру, может управлять и кораблем.

Перегрузка вдавила Флинкса в противоперегрузочное кресло, маленький корабль устремился в небо из ракетной шахты. И вскоре оказался в открытом космосе.

Невесомость благотворно подействовала на физическое состояние Флинкса; сознание, что никакой кварм не сможет подобраться сзади и всадить фонический стилет или что-нибудь такое же экзотическое, сказалось на душевном состоянии. Аб посвистывал и весело рифмовал. Чужак воспринял невесомость с таким же добродушием и готовностью, как влажную атмосферу Мота. Приближаясь по касательной к нужной орбите, Флинкс залюбовался широкой золотой полосой в небе. Это одно из знаменитых «крыльев», которые дали название планете (Мот, Moth, по-английски — бабочка, мотылек.— Прим. перев.). Бог, создавший планету Флинкса, закончил причудливым росчерком. Крылья веерообразной формы состояли из частиц и газа с высоким коэффициентом отражения, у поверхности они узкие, но все боль-

ше расходятся и становятся реже по мере того, как слабеет притяжение.

Как роющая оса, шаттл аккуратно углубился в эллипсоидный фюзеляж корабля Флинкса. Из фюзеляжа торчала длинная труба, заканчивавшаяся чем-то вроде фужера — позигравитационный проектор КК-двигателя.

Корабль Флинкса — это дар его необычайно одаренных учеников, народа медведеподобных — урсиноидов, которые живут на запретной планете Ульру-Уджурр. Для сооружения они использовали чертежи и материалы разбитых кораблей. По форме и возможностям корабль напоминает гоночную яхту бывшего благодетеля Флинкса Максима Малайка. Отличается только гораздо менее роскошной меблировкой.

Ульру-уджурриане назвали корабль «Учитель».

Флинкс набрал координаты Аляспина, задал максимальную крейсерскую скорость и позволил себе лечь. По самому общему описанию он собирается найти человека, который, возможно, никогда не был на Аляспине. К тому же работорговца могла подвести память. И, конечно, не нужно забывать, что квармы намерены помешать ему вообще находить кого-нибудь.

Некоторое утешение приносили выходки Аба. Чужака зачаровал корабль. Конечно, Аб и раньше бывал на кораблях, но в помещениях для рабов мало что можно увидеть. Флинксу пришлось быть осторожным. Конечно, корабль управляется автоматически и надежен, но случайное вмешательство такого идиота, как Аб, может помешать путешествию.

Флинкс не представлял себе, что будет делать, если и на Аляспине ничего не узнает. Иногда он задавал себе вопрос, зачем он все это делает. Что такое в конце концов мать и отец, как не случайное сочетание хромосом, произведшее на свет... его самого?

Из мириадов непонятных ему проблем самая непонятная — мотивы его собственных поступков. По сравнению с этим астрофизика проста, как детская игра. Попытка справиться с одиночеством? Но знание своего происхождения не поможет. Может быть, подумал он, знание позволит ему не так часто плакать в тишине.

Двигаясь почти со скоростью миротворца Федерации, «Учитель» мчался в пустоте, неся в себе небольшой груз: одного меланхолического юношу, одну равнодушную летающую рептилию и безумного чужака-поэта, окутанного тайной.

* * *

За свою долгую полную событий жизнь худой старик проходил много проверок службы безопасности. Но та, которой он подвергался сейчас, оказалась самой тщательной и дорогостоящей.

Пройдя проверку, он наконец был допущен в темный кабинет. Обставлен кабинет случайной мебелью, без внимания к эстетике или функциональности. Никаких украшений.

Это относилось и к единственной ожидавшей его фигуре. Как и комната, тщательно закутанная фигура производила впечатление затхлости. Она не сидела, а стояла за единственным тяжелым столом. На месте лица множество складок темной ткани. Одежда скрывает даже размер и форму своего носителя. Но ничего обманчивого не было в мягком голосе, доносившемся из-под тяжелой одежды. Голос свистящий, так что высокий человек едва понимал.

— Дело закончено? — спросил закутанный. Никакого приветствия, никакой напрасной траты времени. Никакого обмена именами.

Из-под своей вышитой ермолки старейшина квармов ответил:

— Нам помешали,— потер пальцем верхнюю губу, устраняя зуд. Безволосые веки мигнули.

Под своей массой одеяний второй собеседник как будто яростно дернулся, хотя голос его оставался неизменным.

— Не может быть. Ни Церковь, ни правительство Федерации не сознают...

Резко качнув головой, высокий предводитель квармов объяснил:

— Никаких свидетельств официального вмешательства или даже простой заинтересованности мы не обна-

ружили. Оба члена клана, которым было поручено задание, заняли позицию и готовы были к выполнению, когда им помешали. Мы пока не знаем, случайно им помешали или сознательно. Но сейчас это не имеет значения. Оба члена клана мертвы.

— Но для меня это имеет большое значение,— сказал собеседник в капюшоне.

— Вас известят о личности вмешавшегося глупца, когда мы осмотрим его тело,— холодно заявил кварм.— Пока мы знаем не больше вас. Мы считали, что сумеем это узнать и одновременно выполнить задание сразу вслед за этим. Но кое-что... произошло.— В мудрых старых глазах появилось тревожное выражение.— Смерть нашего брата и сестры вызвала сильный гнев клана. Уже давно такого не случалось. Было объявлено о необходимости наказания. Собралась большая группа членов клана, такая большая никогда не собиралась вместе. Она должна была отомстить.— Гнев кварма уступил место змешательству.

— Мы считали, что вмешавшийся первоначально действовал в одиночку. Очевидно, это не так. У него оказались сильные, хотя пока неизвестные нам помощники или союзники. Мы знаем только, что они никак не связаны с правительством. Все собравшиеся были загадочно убиты,— длинные, обманчиво тонкие пальцы разжались и медленно сжались.

Закутанная фигура осторожно наблюдала за этим жестом. Старик опасен, как пристрелянное оружие: снаружи тусклое и изношенное, но по-прежнему убивает эффективно. Не стоит давить на него, особенно когда он в таком настроении.

— Если нет официального вмешательства Церкви или правительства,— послышался мягкий голос,— у нас еще есть время удовлетворительно завершить дело.— И добавил, как бы вдогонку: — Ты должен понимать, что дополнительной оплаты не будет.

— Это неважно.

— Неужели? — в шепчущем голосе послышалось легкое презрение.— Мне казалось, деньги имеют для вас первостепенное значение.

— Прежде всего мы клан, расширенная семья,— поправил его кварм,— дело на втором месте. Репутация защищает нас лучше наших способностей. Поэтому мы не можем позволить жить никому убившему даже одного кварма. Рассказы об этом скажутся на нашей репутаии и подвергнут опасности членов клана.

— Убийство — это все-таки прежде всего дело,— просвистела фигура из-под складок.

— Успокойся,— ответил предводитель квармов.— Для тебя все равно, считаем ли мы это делом или вопросом морали. Ты нас нанял. Мы выполним условия контракта, даже если придется дойти до конца галактики.

— Я не хочу с тобой встречаться, пока ты не сообщишь мне об этом,— энергично сказал закутанный. По-видимому, речь кварма не произвела на него впечатление.— Ваше дело, убьете ли помешавшего и его друзей. Убивайте, сколько хотите, но прежде всего обязательно убейте существо, по имени Абаламахалама-тандра.

— Как я уже сказал, это будет сделано,— встреча, по-видимому, подошла к концу, но кварму не чуждо было чисто человеческое любопытство. На мгновение его профессиональная маска соскользнула, приоткрыв человека, испытывающего эмоции.

— Я все же хотел бы знать, почему кому-то нужно заплатить нелепо большую сумму в миллион кредитов за убийство единственного чужака.

— Конечно,— ответила закутанная фигура с насмешливой ноткой в голосе. Больше она ничего не добавила, и встреча закончилась.

Покидая комнату, кварм увидел, как закутанная фигура шевельнулась. Из открытой двери ударил свет. И хотя фигура быстро отвернулась, столб света в темной комнате сверкнул на роговице нечеловеческого глаза под покровами.

Впрочем, думал старый кварм, идя по коридору восемьдесят второго этажа, он мог ошибиться в это короткое мгновение.

Но это не имеет значения. Клан квармов и в прошлом принимал заказы на убийство от нелюдей и не-

транксов. И желание нынешнего нанимателя сохранить анонимность тоже не исключение.

Гнев кипел в кварме, хотя он не показывал этого, выходя из башни. Так много членов клана погибло! Люди видели его напряженное лицо и расступались. Для клана это уже не просто работа. Неважно, что никто, кроме женщины и ребенка — их безболезненно, хотя и с некоторым опозданием устранили,— не знает в коммерческом мире Мота о неудаче квармов. Достаточно, что знают сами квармы. Достаточно, чтобы они пришли в ярость.

И вот представители закона по всей Федерации отметили необычайную активность одетых в черное, в черных ермолках, мужчин и женщин на самых разных планетах. И гадали о прчинах этого. Они бы удивились гораздо больше, если бы узнали, что все это вызвано одним невинно выглядящим молодым человеком...

Глава пятая

«Учитель» перешел на стабильную парковочную орбиту над Аляспином. Немногие приготовления, и Флинкс с Абом начали спуск на планету.

Пип негромко шипел, а Флинкс обдумывал, что же он узнал по пути к малоосвоенной планете, к которой он приближается. Планета теплая, хотя не особенно влажная, в основном покрыта джунглями с полосами обширных саванн и поросших тростником речных равнин. Аляспинпорт по масштабам Федерации — небольшой город. Вообще на малоисследованном полушарии совсем небольшое население хьюманксов.

Обдумывая все это, Флинкс поразился количеству кораблей на орбитах над поверхностью Аляспина. Обширное межзвездное движение явно не соответствовало населению. Это не должно было бы удивить его. Аляспин обладает двумя сокровищами: драгоценными камнями и историей. Планетой интересуются старатели, шахтные компании и многочисленные университеты и иссле-

довательские институты, и это объясняет оживленное движение к поверхности и от нее.

Тем не менее Флинкс легко нашел стоянку в порту. Жилья было в избытке, Флинкс снял номер в скромном отеле в городе.

Бродя по жарким улицам, он заметил, что население почти поровну делится на людей и транксов. Активных деловитых насекомых было даже больше, чем людей. Сухость они переносят легко и процветают в жару полдня.

Создалась странная смесь ученых и искателей удачи. Флинкс прошел мимо группы, обсуждавшей социологию чужаков, потом услышал разговор о цене контрабанды на Кашалоте. Аляспин заполнен двумя типами учреждений: библиотеками и борделями.

В этой части галактики возникло и исчезло множество цивилизаций с самыми разнообразными культурами еще до того, как Федерация появилась в умах мечтателей.

— Это правда, Флинкс,— сказала ему величественная, как Юнона, с волосами цвета хны, консьержка, когда он вернулся в отель.— Говорят, аляспиниане когда-то исследовали весь район Федерации и бывали за его пределами.

— Почему же от них ничего не осталось? — задал он логичный вопрос.

Она пожала плечами.

— Ученые болтают, что местные жители любили далекие экспедиции, но никогда не думали колонизировать другие планеты,— и она сделала вид, что поправляет сложный комплекс бретелек под одеждой, показывая Флинксу, как действует очиститель воды и другие устройства в номере.

— Ксеноисторики, которые у меня останавливались, рассказывали, что аляспиниане вымерли свыше восьмидесяти тысяч стандартных земных лет назад. Они считают, что это произошло постепенно, а не внезапно. Как будто аляспиниане прожили весь срок жизни народа, устали и решили исчезнуть,— она включила очиститель воздуха и кондиционер. Послышалось негромкое гуде-

нис, и комнату заполнил прохладный воздух.

Флинкс подозревал, что крашенная хной прическа и яркая косметика — все это маскировка. Под этой раскраской чувствовалась трогательная уязвимость.

— Ты гораздо моложе большинства одиночек, которые селились у меня, Флинкс. Говоришь, ты не шахтер?

— Нет,— признался он, начиная сомневаться в том, что она так уж уязвима. И улыбнулся, как он надеялся, приятно, но равнодушно.— Я больше склоняюсь к исследованиям. Это можно назвать социологией.

— Все в порядке,— дружелюбно сказала хозяйка.— Мне и интеллектуалы нравятся. Конечно, если они не снобы. Ты ведь не сноб?

Аб избавил Флинкса от необходимости ответить, загудев особенно громко. Владелица отеля с отвращением взглянула на чужака. С легким отвращением: нельзя было посмотреть на Аба и не улыбнуться.

— Ты собираешься держать эту штуку с собой?

— Если можно. Аб никому не помешает. Неприятностей не будет.

— Да мне все равно,—равнодушно ответила женщина.—Он чистый?

— Насколько мне известно.

Она нахмурилась.

— Что это значит?

— Аб справляет телесные надобности, если они у него есть, не у меня на глазах.

— Ну, хорошо. Не знаю только, какой счет предъявить: за номер на двоих или на одного с домашним животным.

— Как хочешь,— ответил Флинкс.

Не стоило так говорить. Женщина широко улыбнулась ему.

— Как хочу? Я это запомню,— она осмотрела его с ног до головы. Почему-то у него сложилось впечатление, что его одежда не привела ее в восторг.— Да, ты гораздо моложе большинства. Если тебе что-нибудь понадобится... позже... кондиционер не будет работать нормально... дай мне знать.— Голос ее понизился на октаву.— Днем жарко, но ночью становится прохладно.

Флинкс глотнул.

— Конечно, я дам тебе знать, мадам.

— Мирабль,— поправила она.— Мирабль Дикту.— И направилась к двери.— Приятно встретить еловека, который не относится как фанатик к тому, что здесь есть. Ученые слишком заняты своими мыслями, а старателей мало что интересует. Я рада, что у меня гость, который отличается от тех и других.

Он в последний раз увидел ее фигуру, плавно движущуюся к лестнице. И чуть не окликнул. Однако... Флинкс вздохнул. Пока серьезные дела не завершены, у него нет времени для подобных глупостей. Но если Аляспин тоже окажется тупиком, как он подозревает, у него найдется время для общества сочувствующей женщины. В таком случае могут завязаться боле серьезные отношения с пышной Мирабль.

Ее первую он спросил о рослом мужчин с седыми волосами и золотой серьгой. Как он и ожидал, Мирабль не знала никого, кто соответствовал бы этому описанию.

Несколько дней расспросов по всему городу дали ему воспоминания о многочисленных мужчинах с ольцами в ушах, иногда золотыми или окрашенными под золото. Но если человек оказывался нужного размера, он не носил кольцо, а если носил, то бывал слишком маленьким. Или мог быть нужного размера и с кольцом, но тогда волосы каштановые, рыжие, черные или светлые.

Один грузчик рассказал Флинксу о своем приятеле, который почти соответствовал описанию. Единственное, в чем он не был уверен, так это в кольце. Флинкс, волнуясь, расспросил об этом человеке и узнал, что он все еще работает на Аляспине.

К несчастью, ему оказалось двадцать года и он никогда не бывал на Моте. И не слышал о ком-нибудь, кто напоминал бы его, но был старше.

Это разочарование чуть не заставило Флинкса сдаться.

— Ах, мой красивый молодой гость,— насмехалась над ним Мирабль,— ты столько лет думал об этом, а прошло всего несколько дней, и ты готов отказаться?

Он остался на Аляспине и продолжал расспрашивать.

Расспросы по всему городу на следующий день ничего не дали, но привели Флинкса в кабинет болтливого восторженного чиновника. Тот ведал временным пребыванием, и Флинксу необходим был его штамп, чтобы законно оставаться на Аляспине.

— Въезд на Аляспин строго ограничен, и все тщательно проверяются,— говорил чиновник.— Ты уже отведал наших проверочных процедур в порту.— Флинкс кивнул. Проверка была очень основательной для такой пограничной планеты, как Аляспин.— Это из-за наших драгоценных камней.— Чиновник подмигнул.— Местная полиция должна следить за всеми. Присвоение заявок, грабеж — все это у нас есть. Добавляет остроты жизни.

Конечно, подумал Флинкс, когда сидишь в удобном прохладном кабинете и смотришь аресты и стрельбу по триди.

— Но дело не только в драгоценных камнях,— продолжал чиновник.— О, нет. Постоянные стычки между исследователями и старателями. Постоянные. Нелегко поддерживать мир между ними. Каждая группа недолюбливает другую. Ученые считают шахтеров разрушителями неандертальцами, а шахтеры думают, что ученые — мечтатели, но с большими кредитами.

— Не понимаю,— открыто признал Флинкс.— Небольшие стычки — это понятно, но постоянная борьба — зачем? Разве у этих групп не разные цели?

Чиновник покачал головой, удивившись неосведомленности новичка.

— Позволь привести пример. Ты когда-нибудь слышал об Идонианской маске?

Флинкс покачал головой.

— Она стоила жизни шестнадцати человек — на Аляспине и за ее пределами, прежде чем Федерация положила этому конец. Объявила ее всенародным достоянием и отправила в музей Дофедеративных Культур на Хайвхоуме.— Он посмотрел на Флинкса.— Маска примерно с тебя высотой и вдвое шире, чем ты, Флинкс, она украшена шестьюдесятью тысячами каратов безупречных голубых бриллиантов, которые изображают внеш-

ность и историю давно исчезнувшего местного бога или вождя — так до сих пор и неизвестно. Сама маска из обработанного пористого хризориллиума.

— О нем я слышал,— прервал его Флинкс.

Чиновник кивнул, мудро улыбаясь.

— Гм... Редкий тяжелый металл, похожий на радужный малахит, только более зеленый и гораздо прочнее. Транксы называют его фонхиз, или металл Деворирара. Они его высоко ценят, но для людей он еще более ценен, потому что на Земле его нет совсем, а на исследованных планетах очень мало. Здесь его называют синим золотом.

— Первым нашел эту маску бродячий старый разгребатель грязи около сорока лет назад,— продолжал чиновник.— Я помню первые факсы о ней. Прекрасная вещь. Местные ученые с ума сошли. Заявили, что в ней ключи к ста неизвестным годам аляспинианской истории. Конечно, шахтер и его приятели интересовались только тем, сколько в ней бриллиантов и сколько килограммов хризориллиума.

— Маска переходила из рук в руки, побывала у шахтеров и ученых, возвращалась, теряя по дороге некоторое количество металла и бриллиантов, но возмещая их большой кровью. И погибали не только соперничающие шахтеры и ученые, нет. Я помню историю двух ученых транксов, которые одновременно опубликовали одинаковые объяснения верхних украшений маски. Кончили они дуэлью и убили друг друга. Поэтому вмешалось правительство Федерации и конфисковало вещь, чтобы предотвратить дальнейшие жертвы. Последних двух человек маска «убила», когда они составили заговор с целью ее похищения из музея.

Чиновник махнул рукой на оживленную улицу за окном кабинета.

— Установлено, что на Аляспине было несколько сотен различных обществ, объединенных всепланетной системой коммуникации, мер и весов и тому подобным. Но каждое общество особое. На поверхности планеты отмечены десятки тысяч развалин городов, Флинкс, и считается, что это лишь небольшая часть всего. Каждая

культура поклонялась своим богам. Так что у них было нечто вроде спортивного состязания: чьи храмы будут богаче украшены. Джунгли и болота поглотили большинство из них, но все равно здесь рай для искателей сокровищ, для каждого, кто готов рискнуть и встретиться с местным климатом, враждебной фауной и флорой и аборигенами.

— Аборигены? — воскликнул Флинкс. Этого было вполне достаточно, чтобы чиновник пустился в новые объяснения.

— Работающие здесь социологи мало что знают об этих аборигенах. Они как будто не похожи на первоначальных обитателе Аляспина. Никто не знает, каково их происхождение. Может, они регрессировавшие потомки прежних господствовавших культур. А может, полуразумная раса, самостоятельно эволюционировавшая и занявшая место исчезнувших.— Он порылся в лентах.— Мне нужно вернуться к работе, молодой человек. Прости, если я тебе наскучил.

— Нет, ты сообщил мне много интересного,— искренне сказал инкс.

— Это Аляспин, сынок. Место, где создаются состояния и репутации, иногда и то, и другое вместе. Прости,— добавил он, вспомнив, с чем пришел к нему Флинкс,— что я ничего не знаю о твоей переросшей добыче с золотым кольцом.

Флинкс вышел из кабинета и принялся без особой цели бродить по городу. Случайные разговоры и редкие расспросы ничего ему не дали. Лучшая возможность отыскать человека — в местном отделении миротворцев Федерации. У них должны быть данные обо всех, кто когда-либо ступал на Аляспин и проходил проверку в порту. Но прямой запрос вызовет встречное любопытство. Полиция не снабжает факсами и биографиями всякого, кто зайдет с улицы и попросит об этом. Флинкс не думал, что ему помогут, если он предварительно не ответит на несколько вопросов. А отвечать на них он не хотел.

Проходя мимо уличного торговца, он незаметно взял пищевую палочку и так же незаметно положил на место.

Трудно отделаться от старых привычек. Однако украсть нужную ленту очень трудно, вероятно, даже невозможно. Местные миротворцы — совсем не мягкие горожане.

Оставалась только перспектива бесконечных расспросов. Флинкс сердито подумал, что, вероятно, прилет сюда был ошибкой. Матушка Мастифф права: он ничего не найдет. Разозлившись, он не заметил, что попал в район города, в котором еще не был.

У него есть обязанности перед ульру-уджуррианами. Без его присмотра их невинный эксперимент может оказаться опасным — для них самих и для других. Он должен объяснить им правила цивилизации, пока они создают собственную.

Почему же он тогда тратит здесь время? Вероятно, человек, которого он ищет, никогда не бывал на Аляспине, приобрел своего минидрага где-то в другом месте, как сам Флинкс. Время проходит. Еще немного, и ему будет двадцать. Двадцать! Старик.

Движение на плече заставило его поднять голову, посмотреть и успокаивающе сказать:

— Я знаю, Пип... не волнуйся,— Минидраг смотрел на него узкими беспокойными глазами.— Я просто нервничаю, вот и все.— Но тревогу его любимца вызвало не состояние хозяина. Источник тревоги находился впереди.

Группа местных — судя по одежде, старателей — болтала перед входом в заведение с кричащим фасадом во все еще ярком свете дня. Закончив разговор, мужчина и две женщины пошли по улице. Они помахали руками, и оставшиеся двое мужчин вошли в здание.

Флинкс хорошо рассмотрел одного из них, похуже — другого. Ближайший к нему шахтер невысокого роста, кожа у него более смуглая, чем у Флинкса, но не черная. Зато волосы черные и прямыми гладкими прядями падают на плечи. Скулы выпирают, как яблоки в кармане ребенка, а нос острый и кривой, как плавник атмосферного флаера. Второй мужчина почти такой же смуглый, но другого этнического происхождения.

Эти подробности интересны, но незначительны по сравнению с тем, что заставило Флинкса и его минидра-

га напрячься. У каждого мужчины на плече утолщение, у одного на левом, у другого на правом. Даже на расстоянии невозможно не узнать свернувшихся с розово-красной сверкающей кожей животных.

Минидраги!

Прирученные, вероятно, такие же домашние, как Пип. Его любимец — единственный миниатюрный дракон, какого приходилось видеть Флинксу. Он знал, откуда происходит его минидракон, но не подозревал, что их приручение распространено. Конечно, они все равно встречаются редко: он прошел через весь город и не видел ни одного ручного летающего змея. До сих пор.

Он пошел быстрее и оказался перед входом в здание. По крайней мере хоть что-то узнает о своем любимце. Эти два человека, живущие на родине минидрагов, конечно, знают о них больше Флинкса. Видя их вместе, он заподозрил, что у людей, способных приручить минидрага, должно быть нечто общее. Мнение одновременно наивное и разумное. Если он прав, они его встретят по-дружески.

Несмотря на нетерпение, у входа он задержался: эти двое вошли в симиспин. Флинкс слышал об этих очень популярных, но с трудом терпимых заведениях. Обычно их устанавливали в местах самых низкопробных развлечений.

В этих установках прочитываются мысли человека, усиливаются и в трехмерном изображении возвращаются в мозг посетителя. Реальность изображения подтверждается самыми разнообразными ощущениями: зрением, обонянием, осязанием — всем. И все это за умеренную плату.

Естественно, в кабинках симиспина можно рассчитывать на анонимность. Вторжение в такую кабинку, где посетитель переживает какое-то интимное видение, одно из наиболее осуждаемых в Федерации преступлений. Потому что в них скромный посетитель может избавиться от своих самых ужасных фантазий, какими бы дьявольскими они ни были, никому не повредив.

Поскольку владельцев не интересовали фантазии посетителей и они их не ограничивали, сими когда-то

считались непристойными и были запрещены. Развернулось сражение законников, результатом которого явилась победа производителей сими. В этом споре апеллировали к свободе мысли, одному из главных принципов Федерации, и именно это в конечном счете позволило отменить запрет. Это, а также торжественное свидетельство медицинской церковной группы. Группа заявила, что хоть иногда сими используются предосудительно, одновременно они имеют определенную терапевтическую ценность.

То, перед чем стоял Флинкс, являлось одновременно и более респектабельным, и более тревожащим. В сущности симиспин — это значительно увеличенная кабинка сими, окруженная различными вспомогательными заведениями: рестораном, баром, иногда туристическим агентством. Заранее запрограммированные, механизмы симиспина производят массовую трехмерную иллюзию. Она предоставляет постоянно меняющееся окружение, настраиваясь на мысли посетителей. Главное заключается в том, что посетитель никогда не знает, где окажется в следующую минуту.

Симиспины различаются подробностями программы и интенсивностью иллюзии. Известны случаи, когда неосторожные посетители испытывали приступы безумия, не в силах справиться с постоянно меняющимся окружением, но таких случаев оказалось слишком мало, чтобы закрывать заведения. Соответствующие предупреждения у входа останавливали неосторожных и неуверенных в себе.

Заплатив за вход и войдя, Флинкс обнаружил, что принимаются и другие меры предосторожности. Он оказался в длинном коридоре, темном и украшенном светящимися фресками с изображением сцен с различных планет. Это не просто проход. Он почувствовал покалывание в сознании.

За декоративными росписями располагается дорогое чувствительное оборудование, которое закон считает необходимым. Если оно обнаружит, что мозг Флинкса или любого другого посетителя не в состоянии справиться с постоянно меняющимся окружением, прозвучит

тревога и тут же появится человек или робот. И с сожалением заявит, этому посетителю лучше поискать развлечений в другом месте.

Интересно, хотя в симиспине подают еду и напитки, которые сами по себе могут вмешиваться в работу сознания, закон не устанавливает возрастных ограничений. Требуется только устойчивая связь с реальностью. Дети, как известно, уязвимы в этом отношении, и поэтому обычно вход им запрещен. Но некоторых детей машины пропускают, в то же время преграждая вход взрослым. Это могло привести и приводило к замешательству слишком самоуверенных родителей, когда им вход не разрешали, а их потомка пропускали.

Флинкс подумал, сколько политиков не получили бы разрешения войти в симиспин. Он не удивился, когда механизмы пропустили и Аба. Его «хвостик»-чужак вообще не имеет представления о реальности и потому допускается к гораздо более слабой форме безумия.

Перед Флинксом оказалась пульсирующая рубиновая дверь, она обещала скрытые удовольствия. Чувственный механический голос негромко произнес:

— Вы заплатили и получили разрешение отведать нашу палитру тысячи миров. Ваше животное,— это относится к Абу,— тоже может войти, но должно находиться под постоянным присмотром. С вас будет причитаться...— голос начал произносить числа; чем больше находишься в симиспине, тем меньше средняя плата за единицу времени.— По пути познакомьтесь с предлагаемыми освежающими напитками,— закончил голос. Флинкс кивнул. Как он и подозревал, это бар.

Пульсирующая дверь плавно ушла в пол. Флинкс мысленно напрягся и вошел. И сразу же испытал разочарование. Помещение симиспина оказалось огромным, высотой три этажа. Но в данный момент оно не казалось обычным местом для сборищ. Вместо скамей, кабинок и стойки он увидел пологий берег, усеянный камнями. Вечер. Солнце, гораздо более яркое и горячее, чем на Моте или Аляспине, окрасило кучевые облака в цвет вина. Небо походило на океан, чьи пурпурно-зеленые волны плескались о желтый песок. Несколько странных

растений лениво раскачивались на жарком ветерке, почти в такт гудению из неизвестного источника.

Поблизости, сплетясь, лежали мужчина и женщина. Грязная одежда старателей удивительно не соответствовала идиллической сцене, но никто не обращал на это внимание. Особенно эти двое, которые потягивали из ближайшего камня какую-то жидкость через длинные пластиковые трубки.

— Где мы? — спросил Флинкс; любопытство победило в нем нежелание вторгаться в частную жизнь этой пары.

Но мужчина не возражал. Оторвавшись от трубки, он посмотрел на Флинкса и сонно пробормотал:

— На Квофуме, я думаю. На Квофуме.

Об этой планете Флинкс как-то слышал. Предположительно она находится далеко от границ Федерации, где-то на внешнем краю Рукава. Лишь несколько людей и транксов побывали на ней. Что-то не в порядке с пространством в том районе, что-то заставляет Квофум появляться на зарегистрированных координатах только время от времени.

Легендарный Квофум, где небо ясно, как совесть девственницы, и где окрашенные в винный цвет моря имеют вкус от узо до сладкого ликера. Океаны Квофума различны, хотя обычно в их воде 9 процентов алкоголя. И в этих океанах, как говорит легенда, плавают всегда довольные и счастливые рыбы.

Сойдя с деревянной площадки, Флинкс обнаружил, что его ноги мягко увязают в теплом песке. И вот он на самом берегу моря, которое уходит за горизонт. Флинкс склонился к воде. Закат превзошел себя. Пурпурный комфорт распространился по ногам и вытянутым рукам. Пип беспокойно шевельнулся на плече Флинкса, заставив его вернуться к реальности. Такой совершенной иллюзии Флинксу не приходилось встречать.

Сложив руки, Флинкс зачерпнул морской воды, поднес ко рту и сделал глоток. У морской воды богатый и сильный фруктовый вкус с разнообразным букетом и с добавочным согревающим эффектом.

Распрямляясь, Флинкс заметил пятна на костюме, и нахмурился.

Кто-то рассмеялся.

Оглянувшись, Флинкс увидел двоих укротителей минидрагов, за которыми вошел сюда. Они сидели у обветренной скалы. К нему обратился человек с орлиным носом. Невозможно было определить происхождение его акцента.

— Присоединяйся к нам, юный повелитель драконов. Посиди с нами вместе со своей рептилией.

Флинкс оглядел берег, тщетно пытаясь очиститься.

— Не волнуйся,— успокоил его смуглый,— когда выйдешь, пятна исчезнут. Они так же нереальны, как песок и этот пьяный океан.

Все равно Флинкс чувствовал во рту вкус вина, влажность океанской воды. Песок под ногами оставался горячим. Но Флинкс вдруг понял, что несмотря на жару, ему очень приятно. Неудивительно, что только людям с устойчивым сознанием разрешается посещать такие места! Человек, не очень прочно связанный с реальностью, здесь вообще может спятить.

И тут, словно для проверки его состояния, небо вверху неожиданно расплылось вместе со всем окружающим ландшафтом. Миновал краткий момент потери ориентации, и Флинкс увидел над головой грозовые тучи. Шел сильный дождь, вокруг сверкали молнии.

Флинкс смахнул с глаз капли, которые — он это знает — нереальны. Они производное оборудования, такого сложного и чувствительного, что лишь немногие хьюманксы понимают, как оно действует. Но пришлось мигать, потому что капли мешали смотреть.

Вокруг сомкнулись джунгли и высокие папоротники — поразительная растительность дождевого леса в холодную погоду. Флинкс был подавлен, он лихорадочно озирался в поисках выхода из симиспина. И, естественно, не нашел ничего, что нарушило бы полноту иллюзии леса. Дождь продолжал стегать его по голове и плечам, заставив Пипа заползти поглубже под складки одежды. Аб напевал сзади, не обращая внимания на холодный поток.

Но только... Флинксу не было холодно.

— Мы здесь,— послышался смеющийся голос.

Флинкс поискал, но никого не увидел.

— Где?

— За большим деревом, прямо впереди. Мы не сдвинулись.

Флинкс обошел метровой толщины ствол, нечто среднее между земной секвойей и пучком плотно связанных черных ящериц. Проходя мимо, он постучал по стволу. Тот ответил громогласным лаем, отчего Флинкс подпрыгнул.

Его реакция вызвала взрыв смеха поблизости. За деревом, в той же позе, что и раньше, стояли два укротителя драконов, только на этот раз они опирались о прогнивший пень. На мертвом дереве росли грибы радужной окраски.

— Первый раз в симиспине, компадре? — спросил маленький человек с улыбкой.

— Да. Я представлял себе, что меня ожидает, но...— Флинкс перевел дыхание — ...все равно ужасно сбивает с толку. Особенно неожиданность изменений.

— В этом-то вся и привлекательность,— возразил второй человек.— Как и повсюду в жизни.

— Не обращай внимания на Хабиба,— посоветовал маленький.— Одна порция выпивки, и он начинает мрачно философствовать.— Он протянул руку.— Меня зовут Покомчи.— Кивнул в сторону *Пипа, выглянувшего* из-под рубашки Флинкса.— Я таких молодых ручных минидрагов не видел.

Они уже перешли к именам — это хорошо. Флинкс пожал протянутую руку, Покомчи протянул другую. В ней был зажат большой толстый гриб. Во всяком случае так это выглядело. Флинкс протянул к нему руку. И в это время большая треугольная голова поднялась с шеи мужчины. Достаточно ей легко плюнуть, и Флинкс будет мертв. Но по слову хозяина голова опустилась.

Гриб оказался полон коричневой жидкостью. Похоже на мясную подливку, но бьет, как целый бык. Оправившись от глотка, Флинкс вернул гриб.

Тем временем Пип размахивал головой взад вперед, вверх и вниз дергающимися опасными движениями.

Его возбуждение понятно. С того времени как Флинкс нашел его, он впервые видел других минидрагов. А эти два минидрага, очевидно, больше привыкли друг к другу. Они лишь с легким интересом разглядывали Пипа.

— Я Флинкс,— сказал юноша, когда к нему вернулась способность дышать. Двое сели против него, а Флинкс уселся на другой пень; мягкий нарост грибов послужил для него подушкой.

— Скажите, я сижу на стуле или...

— Твоя догадка так же хороша, как моя,— апатично ответил Хабиб.— Вся жизнь — иллюзия.

— Вот он опять,— добродушно проворчал Покомчи. Он указал куда-то за Флинкса.— Так как это не меняется, я полагаю, оно не иллюзия.— Флинкс увидел, что человек показывает на Аба.

— Это мой подопечный. Безумен, как смазчик, надышавшийся паров, но совершенно безвреден.

— Забавное существо,— решил Покомчи. И отхлебнул из гриба.

Флинкс разглядывал свое сидение. Неотличимо от мертвого пня. Но тут у него на глазах пень превратился в восьминогое голубое существо, похожее на паука, которое уставило на него свои выпуклые глаза и органы слуха. Но не двигалось и, казалось, не возражает против того, чтобы Флинкс на нем сидел. Флинкс каким-то образом умудрился не подпрыгнуть.

Но его новые друзья заметили неудержимую дрожь.

— Конечно, в первый раз в симиспине,— усмехнулся Покомчи, в то время как небо над ними приобрело бледный красновато-коричневый цвет. У Покомчи лицо приняло любопытное выражение, хотя голос оставался дружелюбным.— Может, и на Аляспине впервые? Но это не имеет смысла. Повелителей драконов немного, Флинкс. Однако я не припомню, чтобы видел тебя раньше.

— Я с другой планеты, ты прав,— признался Флинкс. По какой-то причине он не стал скрываться от этих людей. Всякий, кто умеет приручить этих эмфатических телепатов, которых называют минидрагами, использует их только для самозащиты и никогда — для

нападения на других или принуждения. Змеи не стали бы этого делать. Они не стали бы жить у такого человека.

И даже если эти люди не обладают полезными сведениями, они могут стать потенциальными союзниками.

— Не только я здесь впервые,— сказал Флинкс,— но и Пип тоже. Его бросили на моей родной планете, когда мы оба были гораздо моложе. Мне кажется,— заключил он, ласково поглаживая плиссированное крыло,— для него это больше возвращение домой, чем для меня.

— Приветствуем тебя и твоего дракона,— сказал Покомчи. Он откинулся на поддерживающие конечности существа со множеством щупалец. На глазах у Флинкса чужак-осьминог превратился в небольшой смерч. Вокруг завыл ветер. Джунгли исчезли.

— Разве я не прав, Бальтазар, старина? — Покомчи почесал шейные мышцы за головой своей змеи. Большой минидраг не только крупнее Пипа, но и гораздо старше.

— Как здесь получают выпивку? — спросил Флинкс.

— Если не нравится гриб или другие украшения,— ответил Хабиб,— всегда можешь потянуть из трубки.— Он опустил руку и вытянул из-под земли розовую трубку.— А если и это не нравится, там есть стандартный мехбар.— И он указал на гигантскую птицу, которая неожиданно превратилась в изумрудный кактус.— Я предпочитаю трубку: она соответствует сими.

— Не понимаю,— признался Флинкс, беря в руки трубку и неуверенно разглядывая ее.

Хабиб улыбнулся.

— Напиток меняется в соответствии с новым окружением. Никогда не знаешь, что глотнешь в следующую минуту.— Флинкс скорчил гримасу, и Хабиб заторопился уверить его.— Пьяным не будешь. Это законное место. В напитки добавляются смягчители, чтобы никому не стало плохо. Это заведение гордится своей репутацией. Ему совсем не хочется, чтобы посетители блевали по всему симиспину.

Хабиб вернул себе трубку, сунул ее в рот и откинулся.

— А как мне получить такую? — просил Флинкс, неуверенно разглядываю землю.

— Одна прямо у твоего правого бедра,— сообщил ему Покомчи.— Она торчала из левой ноги паука, на котором ты сидел несколько минут назад.

Посмотрев вниз, Флинкс убедился, что смерч превратился в голубой сталагмит. Они оказались в пещере, заполненной многоцветными образованиями: сталактитами, сталагмитами, хелицитами, выступами травертина и многим другим. Всех окутал неподвижный холодный воздух пещеры.

Один из хелецитов рядом с сидением оказался длиннее других. И гибким, как обнаружил Флинкс, потянув его. Сунув его конец в рот, Флинкс осторожно пососал. Напиток со вкусом спелого граната. Приятно затянуло горло. Сладость не вызывала отвращения.

Флинкс решил, что у него еще много времени, чтобы задавать важные вопросы. А пока он будет наслаждаться удовольствиями симиспина и обществом двоих дружелюбных людей.

Глава шестая

Прошло не меньше часа, хотя в симиспине невозможно определить ход времени, прежде чем Флинкс заговорил снова.

— Чем вы двое занимаетесь? — Он с любопытством разглядывал их: подвижного восторженного Покомчи и его тощего мрачного товарища.— Вы ведь не принадлежите к научным группам, работающим на Аляспине?

— Кто, мы — археологи? — спросил Покомчи, и глаза его сверкнули в тусклом свете. Изображение пещеры, очевидно, популярное, повторилось.— Нелегко тебе было бы встретить этих слабоумных в симиспине. Нет, они развлекаются в городской библиотеке, которую содержит для них Федерация.

— Ты преувеличиваешь, Поко,— возразил Хабиб. Он провел рукой по густым курчавым черным воло-

сам.— Даже транксы среди них не мыслящие машины. Видишь там транксов? — Он указал на груду сверкающих арагонитовых кристаллов, нежных, как цветы. Там на животах лежала пара: самец и самка транксы, поглощенные иллюзией и друг другом. Самец ласкал яйцеклады самки.

Пещера исчезла, пошел снег. Флинкс оказался сидящим на грубом блоке из чистого льда. Но по-прежнему чувствовал себя комфортно, хотя дыхание застывало, вырываясь у него изо рта.

— Мы бродим повсюду,— объяснил Покомчи.

Хабиб откинулся в сугробе снега и сосал серебро из трубки.

— На самом деле, Флинкс, мы делаем ...не очень много.— Он увидел, что юноша смотрит на его спутника.— Расскажи парню, откуда ты, Поко. Он с нами поделился.

— Я родился и вырос в...— Покомчи заколебался.— Скажем просто, на Земле, в середине того места, которое учителя называют Песочными Часами. Возле города Таксем.— Флинкс признал, что это название ему незнакомо, хотя Песочные Часы он знает — это место, где встречаются два континента.

— Там издавна работают археологи,— продолжал Покомчи.— Я вырос в окружении древних храмов. Когда мне было семь лет, я управлял плугом на маисовом поле отца. Вдруг что-то звякнуло, и плуг остановился. Я сидел и много часов плакал. Боялся, что испортил проклятую дорогую машину.— Он улыбнулся своим воспоминаниям, наблюдая за ужимками Аба.

— Мать наконец услышала мой плач через локатор, который всегда у меня был с собой... у нас по соседству были звери, они называются ягуары. Они с моим дядей пришли и отодвинули плуг. Оказалось, что он ударился о каменную голову возрастом в две тысячи шестьсот лет. Она была в нашей земле. Местный музей заплатил за нее сто пятьдесят кредитов. Из них мне отдали целых десять. Я закупил весь магазин сладостей и целую неделю болел, как боа, проглотивший свою тетушку.— Он потянул из трубки, которая теперь торчала из головы

светящейся рыбы. Флинкс с интересом заметил, что они находятся под водой. Из его рта и носа поднимались цепочки пузырей, однако он чувствовал, что дышит чистым воздухом.

Сенсорный аппарат начинал приспосабливаться к быстрой смене окружения. Аб, казалось, плывет в воде за ним.

— И с тех пор я стараюсь наткнуться на приносящие кредиты головы и тому подобное,— закончил Покомчи.

— Он по-своему так же жаден к деньгам, как и я,— со слабой улыбкой вмешался Хабиб.— Мы не лучше торговцев с Мота.

Флинкс чуть возмутился, услышав презрительное упоминание своей родной планеты, но сдержался. Зачем ему обижаться? Он ведь не торговец. И если среди торговцев у него есть друг, то ему противостоит десяток недругов.

— Теперь ты знаешь, что мы ищем,— сказал Хабиб, объяснив, что он сам из той части Земли, которая называется Ливан.— А ты что здесь ищешь?

— Человека.

Поблизости Аб разразился неожиданно громкой рифмованной чепухой. Хабиб наклонился вперед; казалось, он впервые заметил чужака.

— А он зачем с тобой?

— Его напарник,— усмехнулся Покомчи.— У нас с Флинксом одинаковая судьба.

— Я получил Аба по недосмотру,— объяснил Флинкс. Хабиб бросил на своего улыбающегося партнера кислый взгляд.— Не могу решиться его бросить и не уверен, что смогу продать. К тому же Аб ни на что не способен, только напевает вздор и служит мишенью шуток.

— Никогда ничего подобного не видел,— признался Хабиб.

— Я тоже,— добавил Покомчи.— Сими допустил его?

— Не думаю, чтобы окружение воздействовало на Аба,— рассуждал Флинкс, а предмет обсуждения проводил линии в снегу.— Иногда кажется, что его слова

имеют смысл. Боюсь, Аб существует в собственной вселенной.

продолжал одним глазом рассматривать что-то в земле. Очевидно, это что-то двигалось, потому что Аб наклонял голову, пока она не оказалась между ног. Он медленно просунул под себя голову и шею и упал на спину — если это спина, а не перед — в снег. Флинкс сочувственно улыбнулся, а оба мужчины расхохотались.

— Видите? — сказал Флинкс.— Слишком жалкое существо, чтобы просто бросить его.

— А ты не работорговец? — неожиданно резко спросил Покомчи.— Не похож...

— Нет, нет,— ответил Флинкс, быстро качая головой.— Я просто ищу человека.

— Зачем? — с неожиданной прямотой спросил Хабиб.

Флинкс поколебался и наконец ответил:

— По личным причинам.

— Хочешь поцеловать его или убить? — обезоруживающе настаивал Хабиб, не остановленный заявлением Флинкса. Но это пограничная планета, здесь тонкости неизвестны, решил Флинкс.

— Честно говоря, *сам не знаю, Хабиб,— признался* он, впервые задумавшись, а что он будет делать, когда найдет того, кого ищет.— Зависит от того, конец ли он следа или только еще один дорожный знак на нем.— Вздохнув, он повторил описание — в сотый раз на Аляспине.

— Очень большой мужчина, возраст неопределенный, но он не молод. Выше двух метров, около двухсот килограммов, может, немного меньше. В правом ухе носит или носил золотое кольцо. Может иметь с собой минидрага, но может и не иметь. Не говорите мне о грузчике в порту. Я уже встречался с ним, он не тот, кого я ищу.

— Похоже на...— задумчиво пробормотал Хабиб, но его товарищ уже возбужденно размахивал руками.

— Конечно, мы его знаем.

Флинкс вздрогнул, съехал с ледяного куба и оказался в мелкой луже густой нефти. Они находились в болоте,

темная топь окружена растениями каменноугольного периода, по которым бегают маслянистые черные существа с пламенными красными глазами. Красное солнце посылает с неба волны жара, пробиваясь сквозь чернобелые облака.

Флинкс увидел только Покомчи.

— Не удивляйся, парень,— сказал индеец.— Ты описал необычного человека. Тот, о котором мы думаем, подходит, вплоть до золотой серьги.— Он покачал головой, улыбаясь чему-то своему.— Особый тип, даже для Аляспина.

— А вы можете... где он? — умудрился наконец произнести Флинкс, пытаясь отделаться от своей трубки.

Хабиб выразительно махнул на восток.

— Где-то там, делает то же, что и мы. Я слышал, он работает с партнером.— Он чуть наклонился вперед.— Старатели, с которыми я говорил, считают, что он работает на пустом участке.

— Когда вы его в последний раз видели или точно знали место, где он был?

— Три, может, четыре месяца назад,— сказал Покомчи, почесывая горбинку своего впечатляющего носа.

Флинкс вздохнул. Сейчас этот человек может быть где угодно, даже не на планете. Но все же это что-то! Есть повод остаться.

Хабиб встал и шагнул к Флинксу, размахивая своей трубкой.

— Если бы я начал рассказывать тебе истории об этом твоем человеке, повелитель драконов, ты бы...— Он широко раскрыл рот и уставился на Флинкса. Потом рефлекторно закрылся руками и упал вперед, кости его запястий выпучились, когда он ударился о гравий пустыни. Над головой дьявольски горели три солнца, четвертое заходило за далекий горизонт.

Флинкс мельком заметил тонкую, с волос, проволочку, прикрепленную к игле размером с ноготь. Игла торчала из спины Хабиба возле позвоночника. Слабый щелчок, и игла вместе с проволочкой исчезла. В воздухе запахло озоном.

Флинкс пополз по песку и гравию к Абу, а Покомч-

чи — к своему другу, беспокойно его окликая.

В то мгновение, как Хабиб ударился о землю, красновато-коричневая змея сорвалась с его плеча. К ней присоединился Бальтазар, и тут же Флинкс почувствовал, что на его плече нет знакомой тяжести. Как листья на ветру, три крылатых демона закружились в воздухе. И тут же устремились к большому камню — фальшивому топазу справа от Флинкса. Из-за камня послышалось свирепое шипение, этот эквивалент звукового удара у рептилий.

Флинкс продолжал ползти к Абу, крича чужаку, чтобы тот лег. Два голубых глаза вопросительно уставились на него. Над головой Флинкса чуть дрогнул воздух. Свет искусственной пустыни отразился от длинной серебристой нити. Нить заканчивалась темной линией. Эта линия ударила четвероногого чужака под одну из четырех рук. Послышался слабый треск, словно кто-то провел ногтями по грубому шерстяному одеялу.

Аб остановился на середине строки и чуть вздрогнул. Потом, как ни в чем не бывало, возобновил бормотание. Флинкс добрался до него, ухватил руками три ноги и дернул. Аб рухнул на песок. И посмотрел на хозяина чуть ли не обиженно.

Посмотрев назад и направо, Флинкс увидел, что Покомчи склонился к неподвижному Хабибу. Он медленно, словно со страхом, протянул раскрытую руку. Коснулся ладонью спины товарища и отвел руку.

— Ложись, Покомчи! — крикнул Флинкс. Индеец не посмотрел на Флинкса и не шевельнулся. Он казался ошеломленным. И тут из-за высокого кристалла кварца долетели крики и проклятия.

Флинкс ждал. Кристалл превратился в большое дерево с алмазной корой, кора сверкала голубыми искрами. Из-за дерева появились три змеи.

Затормозив плиссированными крыльями, Пип опустился, вытянув хвост. Свернулся на плече Флинкса, обернулся телом вокруг вытянутой руки, прижал крылья к цилиндрическому телу. Флинкс ощущал напряжение минидрага, заметил, что его любимец нервно отдувается. Узкие глаза продолжали внимательно поглядывать по сторонам.

Второй минидраг, размером с удава, Бальтазар, обернулся вокруг спины и рук горюющего Покомчи. Задрожал беспокойно длинный язык, коснулся глаз, щеки.

Флинкс видел, как минидраг Хабиба сел на спину хозяину. Немного полежал там, потом скользнул вперед, осматривая голову. Через несколько минут развернулись его большие крылья. Летающая змея поднялась и повисла над головой Хабиба. Яростно забились в воздухе кожистые крылья, посылая воздух в рот и ноздри неподвижно лежащего человека.

Еще несколько минут, и минидраг сел на землю у головы Хабиба. Свернулся и неподвижно застыл, глядя в лицо хозяина.

Флинкс понял, что все еще держит Аба за ноги. Как только он их выпустил, чужак поднялся. Равнодушный ко всему происшедшему, Аб принялся разглядывать корень дерева.

Поглядывая на кристалл фальшивого топаза, Флинкс перебрался к Покомчи. Он еще соблюдал осторожность, но чувствовал, что за камнем больше нет опасности.

Не было необходимости говорить об очевидном. Он увидел смерть в глазах Хабиба еще до того, как тот коснулся песка.

— Послушай, мне жаль,— напряженно прошептал он.— Нам лучше убираться отсюда.

— Почему? — Покомчи полными боли глазами посмотрел на Флинкса. И когда заговорил снова, Флинкс понял, что вопрос Покомчи не имеет отношения к причинам, по которым нужно покинуть симиспин.

— Мы никогда не крали заявки, у нас нет врагов,— продолжал маленький человек. Глаза его вернулись к неподвижной распростертой фигуре. Песок и гравий под ней неожиданно беззаботно изменились и превратились в голубую траву.

— Три года. Три года мы копаемся, роемся и воняем на этой планете, где кончается цивилизация. Три года! Другие делают большие находки. Но не мы, никогда не мы.— Голос его стал выше.— Почему не мы? Почему не мы?

Флинкс сделал успокаивающее движение. Другие посетители начали поглядывать в их направлении. Флинксу совсем не хотелось отвечать на вопросы. Он взял Покомчи за плечи и попытался повернуть к себе.

Но Покомчи яростно отбросил его руки.

— Не трогай меня! — Он дрожал; голос его был полон убийственной ярости.

После недолгого колебания Флинкс присел на корточки. Ожидая, он поглядывал на желтый массив, превратившийся в густой куст. Покомчи, казалось, немного успокоился. Флинкс решил ждать, несмотря на опасность, пока индеец не возьмет себя в руки.

Он посмотрел на тело у своих ног. Нет ни крови, ни видимой раны. Наклонившись, он увидел место, где была игла. В рубашке Хабиба маленькое отверстие. По краям ткань почернела. И пахнет озоном.

Ну, по крайней мере, подумал Флинкс, философски настроенный шахтер не испытывал страданий. Смерть была мгновенной, она наступила в момент прикосновения иглы.

Его плеча коснулась рука. Он с беспокойством посмотрел и успокоился. Над ним стоял Покомчи, глядя на тело своего друга. Флинкса успокоило его твердое уверенное прикосновение.

— Я в порядке теперь, Флинкс. Просто это...— Он поискал слова. Хотел сформулировать точно.— Хабиб был, пожалуй, единственным в мире человеком, который выносил меня, и единственным, кого выносил я. Три года.— Неожиданно он распрямился и посмотрел на группу деревьев, давно исчезнувших на земле, но расцветших в чьем-то сознании.

— Пошли,— сказал он Флинксу и направился к вязам.— Я хочу увидеть эту мразь.

Последний раз взглянув на тело, Флинкс догнал индейца.

— А как же твой друг?

Покомчи не оглядывался.

— Он будет лежать до закрытия. Вначале служащие выпроводят тех, кто способен двигаться. Потом вернутся и займутся теми, кто не способен.

— Хабиб будет лежать, и они обнаружат, что он не просто пьян. Сначала начнется паника. Вероятно, решат, что в их напиток попал какой-то яд. Потом определят истинную причину смерти — электрический ток и постараются отыскать неисправность в своей установке.

— Когда ничего не обнаружат,— горько закончил он,— некоторое количество кредитов поменяет владельцев, и Хабиба незаметно, хотя и достойно похоронят. Об этом позаботится Церковь.

Они уже почти обогнули рощу вязов, когда деревья превратились в гигантские грибы. Флинкс замялся, протянул руку, удерживая Покомчи.

— Ты не думаешь, может быть?..

Покомчи коротко отрицательно кивнул.

— Бальтазар не вернулся бы, если бы еще оставалась опасность. И твой дракон тоже, я думаю.

Флинкс согласился. Не время спорить, он просто пропустил индейца за угол первым. И когда тот не откинулся в смертельной агонии, Флинкс присоединился к нему.

На земле лежали два тела. В желто-зеленом платье и обычном костюме. Флинкс пережил несколько неприятных мгновений, но потом почувствовал то, что и ожидал, когда Покомчи ногой перевернул один труп. Костюм распахнулся, под ним оказалась плотно облегающая черная одежда.

Едва сдерживаемый гнев уступил место удивлению. Покомчи осмотрел головы. Спала зеленая шляпа с полями, а под ней ермолка с красным черепом.

— Квармы,— нахмурившись, прошептал индеец.— У нас с ними не было никаких дел. Мы с Хабибом не находили ничего такого, из-за чего стоило убивать. И никого не оскорбили. Квармы дорого стоят. Кому понадобилось нас убивать?

Потом он поднял голову и увидел, что Флинкс терпеливо смотрит на него.

— Ты. Почему квармы хотели тебя убить?

— Не меня,— объяснил юноша, указывая назад.— Им нужен Аб. Но и я им тоже нужен, потому что слишком любопытствовал, зачем им Аб.

— Не понимаю, Флинкс.

Вместо ответа Флинкс указал на два распростертых обожженных ядом тела.

— Если бы два члена клана,— объяснил он,— не реагировали бы, не задумываясь, я мог бы остаться в стороне. Хабиб был бы жив.— Он указал на трупы.— И эти двое тоже.

В ответе Покомчи сквозило презрение.

— Почему ты заботишься о паре бездушных убийц?

— Они хьюманксы,— негромко ответил Флинкс.

Покомчи красноречиво хмыкнул. Потом занес ногу над перевернутым телом и резко опустил. Послышался треск, как от раздираемого пластика. Наклонившись, индеец разорвал черную ткань на спине. К поясу убийцы было привязано несколько кубических пластиковых коробочек. От них к небольшому, словно детскому пластиковому пистолету, лежащему на полу, отходил изолированный провод.

— Сверхпроводниковый мощный аккумулятор,— объяснил Покомчи, разглядывая устройство. Коснулся небольшой кнопки на изолированной рукояти, потом поднял пистолет.

— Дьявольское оружие,— сказал он.— Стреляет маленькими иглами, присоединенными к проводу.

Флинкс слышал о таком оружии, но никогда его не видел. Существует много способов убийств, и квармы, несомненно, знают их почти все.

— Провод наматывается на катушку в рукояти,— ровным голосом рассказывал Покомчи.— Он используется с двумя целями: доставляет смертельный разряд и направляет иглу к цели. Хорошего стрелка с такой штукой,— он слегка приподнял оружие,— не остановит никакая защита. Если умеешь управлять ведущей системой, как мне говорили, можно выстрелить из-за нескольких углов. А противник не только выстрелить не сможет, но даже и не увидит тебя. И не сможет сопротивляться.

Флинкс знал, что Хабиб умер мгновенно. Но тогда почему?..

Он обнаружил, что вышел из-за грибов, и увидел

вновь образовавшийся ручей. На другом берегу Аб взял в руку искусственный желто-розовый цветок. И разглядывал его своим большим голубым глазом, низко пригнувшись.

— Не понимаю,— почти про себя сказал Флинкс.

— Я тоже,— выпалил Покомчи. Потом увидел, на что смотрит Флинкс. Он имел в виду совсем не убийство.

— Это Аб... мой чужак,— наконец сказал Флинкс.— Игла попала в него. Я видел, как она попала. Я слышал это. Заряд попал в него, а ему хоть бы что. Я слышал, что иногда огромный разряд может пройти сквозь тело и уйти в землю, но только в растениях, а не животных.

Покомчи пожал плечами.

— Может, твой Аб и есть растение, он только имитирует животное. Кто знает? Для тебя важно только то, что его нельзя убить таким способом.

Флинкс начал нервно оглядываться.

— Это значит: они знают, что я на Аляспине. Мне пора уходить.— Он пошел направо.— Идешь, Покомчи? Ты мог бы мне помочь.

Индеец сардонически рассмеялся.

— Хорошо же тебе просить моей помощи, молодой повелитель драконов. Ты отмечен смертью. Зачем мне иметь с тобой дело? У меня есть десяток более простых способов самоубийства.

Флинкс остановился. Пристально, но не угрожающе посмотрел на Покомчи.

— Мне нужно найти человека, о котором ты говорил, хотя это, возможно, еще один ложный след. Ты один на Аляспине знаешь, как его найти. Я не жду, что ты пойдешь со мной из дружеских чувств. Я предпочитаю нанять тебя. Почему бы тебе не пойти со мной? — закончил он жестко.— У тебя есть другие перспективы?

— Нет,— шепотом ответил Покомчи,— никаких перспектив.

— Но деньги, конечно, недостаточный повод, чтобы ты шел со мной,— безжалостно продолжал Флинкс.— Поэтому я сообщу тебе лучший повод. Я буду очень удивлен, если они не попытаются убить меня и Аба снова.

Покомчи встал и отряхнул с брюк воображаемые песчинки.

— Это не повод.

— Подумай, Покомчи,— посоветовал Флинкс.— Это означает, что у тебя и Бальтазара появится шанс встретиться с новыми квармами.

Индеец взглянул на него, вначале не поняв. Потом выражение его лица изменилось: он понял, на что намекает Флинкс.

— Да. Да, возможно, мы снова с ними встретимся. Это мне нравится.— Он медленно, но энергично кивнул.— Я пойду с тобой и буду твоим проводником, Флинкс.— Повернувшись, он плюнул на два неподвижных тела и что-то забормотал на гортанном незнакомом языке.

Флинкс взял Покомчи за руку и повел несопротивляющегося индейца к выходу. Тот позволил вести себя, но не перестал бормотать, обращаясь к двум трупам, которые они оставляли за собой.

Они пересекли небольшой ручей. Когда находились на середине его, ручей превратился в реку расплавленной лавы. Флинкс почувствовал ласковое тепло, вместо сжигающего до углей жара. Но почти не заметил этого. Его сознание было полно мыслей, несовместимых с сенсорным обжорством, предоставляемым механизмами симиспина.

— Пошли, Аб! — крикнул он. Голубые глаза сфокусировались на нем. Добродушно напевая что-то о стервятниках и грибах, чужак вслед за двумя людьми пошел по лаве. Когда они добрались до выхода, Покомчи настолько пришел в себя, что заплатил собственной кредитной карточкой, хотя время от времени возобновлял свое бормотание.

Наконец они оказались на улице. Флинкс направился к отелю, Покомчи пошел рядом с ним. Последний свет аляспинианского вечера перешел в янтарное свечение. Ожидая нового нападения из-за каждой корзины и бочки, из-за любого угла и с любой крыши, Флинкс все время смотрел по сторонам, следил за воображаемыми и реальными движениями.

Неожиданно послышалось шипение — крик рептилии. Оба остановились. За ними поднималась в небо кожистая крылатая тень. Пролетела у них над головами на ярко раскрашенных крыльях, направляясь в сторону садящегося солнца. С минуту повисела прямо перед ними, поднимаясь кругами. Сказочный дракон из волшебной детской сказки, с окрашенными заходящим солнцем радужными крыльями.

Неожиданно он снова коротко крикнул; принял решение. Крылья забились в воздухе, и дракон устремился в сторону солнца. И очень скоро скрылся из виду.

Двое пошли дальше.

— Я думал, что будет делать минидраг Хабиба, — задумчиво сказал Флинкс.— Всегда думал, что делает минидраг после смерти хозяина.

— Теперь ты знаешь: он снова становится диким,— заметил Покомчи.— Хазарес был хорошей змеей.— Он взглянул на солнце, поглотившее черную точку.— Бальтазару будет не хватать Хазареса.

— Мы можем потерять больше,— заверил Флинкс своего спутника,— если до темноты не уберемся с этих улиц. Квармы предпочитают черную одежду и ночь. Мне нужно кое-что захватить в своем номере. Потом арендуем флоатер и уберемся из города.— Он пошел быстрее, бросив через плечо: — Шевелись, Аб! Я тороплюсь.

Четыре ноги передвигались без всяких усилий, сине-зеленый чужак без напряжения ускорил шаг.

К тому времени как они достигли скромного отеля, в котором остановился Флинкс, совсем стемнело. Флинкс своим ключом открыл прозрачную дверь. Панель скользнула в сторону, пропустив обоих людей и Аба в невзрачный вестибюль.

Флинкс направился прямо к лифту: его номер на третьем этаже. Покомчи и Аб шли за ним, так близко, что индеец чуть не столкнулся с ним, когда Флинкс неожиданно остановился.

— Флинкс? — негромко спросил Покомчи, встревожившись.

Бесформенное угнетающее что-то накрыло мысли Флинкса. Ему трудно было сразу определить источник.

Потом он понял. Мысленный запах смерти пропитал все здание.

Он подумал, что, возможно, это все еще действие симиспина, нечто вроде умственного похмелья. А может, результат перевозбужденного воображения. Но он так не считал. На самом деле он пытается отогнать ужас перед тем, что здесь происходило.

Не заходя в лифт, он попытался определить, где этот запах смерти всего сильнее. И пошел к противоположному концу вестибюля. Там размещалась квартира и кабинет Мирабль.

Нажав кнопку вызова, он услышал внутри звонок. Но никто не вышел, не открыл дверь и не отозвался через переговорное устройство. Флинкс повторил вызов с тем же результатом.

Он пытался уверить себя, что она вышла из здания. Наверно, так оно и есть. Счет он оплатил на два дня вперед, но было бы вежливо оставить ей объяснение своего внезапного отъезда.

Взяв из держателя на стене ручку, он написал прощальное послание на электронном экране. И нажал кнопку передачи. Когда Мирабль вернется, ее присутствие приведет в действие механизм экрана. Надпись превратится в звук, и она прослушает сообщение.

Положив ручку, он повернулся, чтобы уходить. Покомчи остановил его, кивнув на дверь.

— Слушай.

Флинкс прислушался. Услышал что-то, потом понял, что это сообщение, которое он только что оставил. Это означает, что Мирабль в своей квартире.

Почему же она не отвечает?

Он положил руку на дверь и нажал. Дверь на несколько сантиметров ушла в стену. Это вообще не имеет смысла. Если она внутри, то, конечно, закрыла бы на замок. Даже на относительно свободных от преступлений планетах, не говоря уже о буйном Аляспине, такое устройство — стандартное оборудование, встроенное в каждое коммерческое заведение.

Дверь под его нажимом продолжала отходить. Он заглянул внутрь.

Сзади его окликнули:

— Что происходит, Флинкс?

— Заткнись!

Покомчи был из числа тех, кто и за меньшее способен переломать конечности, но что-то в голосе Флинкса остановило его. Он удовлетворился тем, что следил за входом в отель и за дверью лифта, одновременно поглядывая на Аба.

Отодвинув дверь, Флинкс заметил на полу у ее края темное пятно. Жидкостный замок разбит.

Он медленно прошел в комнату. Механизм зарегистрировал тепло его тела и приветственно зажег свет. Комната уставлена предметами, которые можно ожидать у женщины, чьи мечты быстро рассеиваются. Цветы, игрушки маленькой девочки, несколько чучел животных — все это гвозди, в отчаянии забиваемые в дверь, в которую стучится безжалостное время.

И тут он увидел торчащую из-под дивана ногу. Под диваном оказалось обнаженное тело Мирабль. Руки у нее были связаны. Кровь уже свернулась.

Склонившись к этой разорванной кукле, Флинкс почувствовал, как его охватывает страшный холод. Один глаз слепо смотрел мимо него. Он протянул руку и осторожно закрыл его. На ее лице застыло выражение недоумения и ужаса. С этим он ничего не смог сделать.

Почему она защищала его — очевидно, она это делала,— он не мог понять. Из какой-то странной верности или просто из упрямства, но она не стала говорить сразу. Это понравилось бы обычным преступникам, но не квармам. Истинный садизм — роскошь, которую не могут себе позволить профессионалы, а они занимались ею профессионально. Но он не понимал, почему они ее убили. Как будто ее упрямство вывело их из себя.

Он быстро оставил комнату и тело, окруженное мертвыми мечтами. Выходя, он почти ожидал, что увидит Покомчи и Аба мертвыми. Но оба стояли, Аб негромко бормотал, Покомчи молча ждал. Индеец ничего не сказал.

Флинкс посмотрел на лифт. Он не думал, что кто-то видел, как он входит в здание; иначе он не стоял бы сейчас здесь.

— Я думаю, они наверху,— сказал он ожидавшему шахтеру.

— Я знаю, где можно нанять скиммер, если у тебя есть деньги,— сказал Покомчи.

— Деньги есть.— Флинкс сделал шаг в сторону лифта. Покомчи схватил его за руку. Оба минидрага зашевелились.

— Ты правильно повернул меня,— напряженно сказал индеец.— Теперь моя очередь.— Он кивнул в сторону лифта и верхних этажей.— Не время и не место. Их выбрали они. Когда наступит время, планировать будем мы.

Флинкс долго смотрел на него, Покомчи отвечал тем же.

— Это была женщина, владелица отеля,— безжизненно объяснил Флинкс. Покомчи выпустил его руку, и оба медленно направились к выходу.— Ей следовало немедленно рассказать обо мне.

— Но она ведь рассказала,— сказал Покомчи.

Флинкс кивнул.

— Но не сразу.

— Почему? — Они вышли из отеля и двинулись по улице. Ничего не упало сверху и не взорвалось, никто не окликнул их из-за угла.

— Не знаю,— признался Флинкс, не в состоянии забыть жалкое тело.— С ее стороны это было глупо.

— У нее должна была быть причина,— заметил Покомчи.

— Я думал...— Флинкс не решался продолжать.— Я думал, я ей понравился — немного. Но не думал, что настолько.

— Еще одно.— Темные глаза в темноте повернулись к Флинксу.— Как только мы направились к элеватору, ты понял, что что-то не так. Каким образом?

Флинкс должен сказать маленькому человеку хоть часть правды.

— У меня иногда бывает сильное чувство. Оно ударило, когда я вошел. Ощущение смерти.

— Хорошо,— коротко сказал Покомчи.— Тогда ты знаешь, что я чувствовал.— Он пошел быстрее, и хоть

Флинкс опытный бегун в хорошей форме, ему трудно было удерживатья с ним наравне.— Давай отправлять-ся,— сказал Покомчи, внешне нисколько не напрягаясь.— Наймем скиммер.

Они миновали нескольких поздних пешеходов. Те с любопытством смотрели на бегущее трио. Смотрели в основном на четвероногое привидение, спешащее за двумя людьми.

Напрягаясь, чтобы не отстать от Покомчи, Флинкс знал, что в этих наблюдающих глазах нет смерти. Угроза осталась сзади и с каждым шагом все больше отдаляется. Их окутал теплый воздух, и Флинкс подумал, долго ли еще угроза будет идти за ним.

Глава седьмая

В относительной тишине скиммер летел над травянистыми равнинами Аляспина.

У Флинкса было ощущение, словно он едет на клопе по незаправленной зеленой постели. Высота и цвет местности и растительности все время менялись. Тут и там знакомая зелень уступала место поразительно голубым полоскам, а в других местах — ярко-желтым. Над морем тростника и травы торчали, как щупальца, группы кустов, деревьев, островки джунглей.

Флинкс изучал человека, сидящего рядом с ним в кресле пилота. Покомчи казался совершенно нормальным, спокойным и уверенным в себе. Но Флинкс все же ощущал его напряжение вместе с болью из-за смерти партнера. Но все это тщательно скрывалось. Любому другому наблюдателю показалось бы, что все внимание индейца сосредоточено на пролетающей внизу саванне. Однако Флинкс знал, что это не так.

Их машина примерно в метре над колышущимися стеблями; Флинкс поднял голову и посмотрел на теплый маяк аляспинианского солнца. День безоблачный, не слишком жаркий для людей и не слишком холодный для транксов.

— Я по-прежнему не знаю, куда мы направляемся, Покомчи.

— Твой человек, когда я последний раз о нем слышал,— будничным тоном ответил индеец,— разрабатывал свою заявку возле города, как говорят, принадлежавшего династии Реварн. Этот город называется Миммисомпо. Мы в трех днях пути от Аляспинпорта, и я надеюсь добраться до этого города сегодня к середине дня.— Он неожиданно улыбнулся спутнику. Голос его изменился, утратил монотонную будничность, к которой Флинкс привык за прошедшие несколько дней.

— Прости, если мое общество было не очень интересно, Флинкс.— Он снова посмотрел на местность впереди. По характеру горевать должен был бы Хабиб, а не я. Я немного удивляюсь себе и, конечно, не хотел, чтобы мое горе отражалось на тебе.

— Ты мне не мешал,— ответил Флинкс.— Неожиданная смерть близкого может изменить представление человека о себе.— Он хотел говорить еще, но что-то впереди привлекло его внимание. Пип пошевелился при неожиданном движении, а Аб сзади продолжал, ни на что не реагируя, бормотать.

Прямо перед скиммером море высокой травы неожиданно сменилось извивающейся полосой примерно в сто пятьдесят метров шириной. Там, где проходила эта полоса, трава была аккуратно срезана в нескольких сантиметрах от поверхности. Поверхность усеивали отдельные несрезанные рваные пучки тростника. Похоже на работу спятившей сенокосилки.

Флинкс пытался представить себе, какая машина могла так срезать траву высотой в несколько метров. Покомчи указал на скользящих вверху птиц с кожистыми крыльями летучих мышей и грозными клювами и когтями.

— Ванизоры,— сказал он,— стервятники. Охотятся на потерявших укрытия обитателей травы.— Одна из птиц нырнула. И поднялась с неудачливым пушистым шариком в когтях.

— Но что сделало эту полосу?

— Топперы. Шестиногие копытные,— объяснил По-

комчи, осматривая тропу впереди. Коснулся контроля, и скиммер поднялся на шесть метров над самыми высокими стеблями.— Трава свежесрезана. Я думаю, скоро мы их увидим.

Почти неслышно работающий двигатель позволил им медленно проплыть над стадом огромных пасущихся животных. Вожак стада достигал трех метров высоты в холке. У каждого животного шесть мощных столбообразных ног поддерживали тяжелые бронированные тела. Шестиугольные пластины брони покрывали бока и зад.

Массивные шейные мышцы поддерживали длинные опущенные головы. Самое интересное у них — это устройство морды. По-видимому, первоначальное бронированное покрытие головы удлинилось в районе ноздрей, образовав рог в форме двустороннего топора.

Флинкс зачарованно следил, как животные методично прорезают дорогу в зеленом океане. Вооруженные топорами головы опускались и поворачивались по дуге в сто восемьдесят градусов параллельно земле, срезая над самой поверхностью траву, тростники и маленькие деревца. Время от времени передовое животное останавливалось и с помощью гибких подвижных губ начинало подбирать скошенную траву вокруг себя.

За предводителями шли невзрослые самцы и самки. Они подбирали срезанный впереди идущими корм. Несколько самок замыкали процессию, защищая детенышей от нападения сзади. Младшие топперы находили изобильный корм, превращенный копытами старших в мягкую массу.

Система казалась идеальной, и Флинкс удивился необходимости защищаться с тыла. Самый маленький детеныш весит несколько тонн. Флинкс спросил об этом Покомчи.

— Даже топпера можно свалить, Флинкс,— было ему сказано.— Ты мало знаешь Аляспин.— Покомчи коснулся кнопки, и скиммер чуть продвинулся вперед.— Видишь?

Флинкс посмотрел вниз и увидел, что один из передовых самцов остановился на четырех задних ногах и по-

вернулся на север, принюхиваясь. Огромный носовой рог вполне способен прорезать металл скиммера.

— Посмотрим, что он учуял,— предложил Покомчи. Он резко повернул маленькую машину на север. Флинксу пришлось ухватиться за сидение.

Через несколько минут они заметили какое-то движение в высокой траве. Флинкс на мгновение увидел длинную пасть со множеством изогнутых клыков и горящие красные глаза. Пасть щелкнула в сторону скиммера, и Флинкс невольно дернулся.

Покомчи улыбнулся.

— Это лансель.— Он развернул скиммер, чтобы еще раз взглянуть. Они пролетели над внешне бесконечным телом, похожим на металлическую тропу в траве. Ряд за рядом коротких ног, как у многоножки, поддерживали чешуйчатые сегменты. Флинкс даже приблизительно не смог определить размеры животного.

— Я знал, что оно прячется где-то поблизости,— небрежно сказал Покомчи.— Поэтому и увеличил высоту. Мы были бы для него аппетитной добычей.— Снизу донеслось свистящее рычание. Из травы на них смотрели свирепые красные глаза.

Покомчи усмехнулся.

— Мы помешали ему охотиться, и он недоволен. Не часто лансель нападает *на скиммеры, но такое случалось*. Новый рев снизу.— Они прыгают удивительно высоко. Я думаю, лучше оставить его в одиночестве.

Флинкс с готовностью согласился.

Покомчи повернул скиммер и увеличил скорость. Они снова двинулись на юго-запад. Когда солнце повисло в зените, внизу показалось больше кустов и деревьев.

— Я думаю, все в порядке,— сказал Покомчи, изучая карту.— Да.— Он отключил экран и снова посмотрел вперед.— Еще десять минут.

Проходило время. Вскоре Флинкс действительно увидел отражение лучей солнца от камней и металла среди высоких деревьев.

— Миммисомпо,— заверил его спутник, кивнув вперед. Скиммер пошел медленно, и они начали осторожно пробираться между высокими деревьями, увешанными лианами.

— Мы на краю Ингре,— сообщил Покомчи,— одного из самых больших скоплений джунглей в этой части Аляспина. Миммисомпо — один из множества храмовых городов, которые археологи считают не очень интересными.

Теперь они оказались среди зданий, длинных многоэтажных сооружений по обеим сторонам широкой улицы. Повсюду росли кусты и ползунки. То, что город не зарос полностью, объяснялось искусством и предусмотрительностью его строителей. Покинутый город в аналогичном районе Земли давно бы исчез.

Город был погружен в тишину. Он стал радужным памятником смерти. Повсюду, куда падали лучи солнца, они отражались множеством крошечных зеркал. Миммисомпо построен главным образом из плотного гранита золотистого оттенка, Флинкс видел этот материал и в Аляспинпорте. Этот камень содержит гораздо больше слюды, чем обычный гранит. Здания из него кажутся усеянными порошком разбитого стекла.

Архитектура массивная и угловатая, с легкими металлическими арками, связывающими каменные сооружения. С декоративными целями использовались медь, латунь и другие металлы. Казалось, каждая стена покрыта орнаментом или барельефом. Желто-зеленые черепицы из адамантина покрывали крыши меньших зданий.

Путники углублялись в город, и Флинкс получил некоторое представление о его размере. Но он понимал, что это представление неточно, потому что многие здания совершенно скрыты джунглями.

— Может, город и не очень важен,— заметил он,— но достаточно велик, чтобы привлечь несколько любопытных старателей.

— Миммисомпо раскапывали, Флинкс,— ответил его спутник.— Никто ничего не нашел. Я по крайней мере не слышал.

— А как же эта красивая гравировка и украшения на зданиях?

— На такие простые артефакты на Аляспине никто не обращает внимание,— сообщил Покомчи.— Эта пла-

нета богата памятниками. А вот если бы эти украшения,— он сквозь прозрачную крышку скиммера указал на проплывающие мимо стены,— были сделаны из иридия или даже доброго старого золота, ты бы их сейчас не видел.

— Странно,— настаивал Флинкс,— метрополис такого размера и такой сохранности должен привлечь чье-то внимание. Я ожидал увидеть хотя бы небольшую исследовательскую группу.

Покомчи изменил курс, чтобы избежать столкновения с высоким золотым обелиском. На его смуглом лице появилась широкая улыбка.

— Я тебе сказал, ты не знаешь Аляспина. На севере, вдоль побережья, гораздо более важные раскопки. Сравнительно с большими храмовыми столицами, как Коммонша или Данвилл, Миммисомпо — заштатный городишко.

— Растопчи, постучи, оттолкни и разомни.

— О чем он болтает? — спросил Покомчи, кивая в сторону Аба.

Флинкс оглянулся на заднее сидение. Большую часть пути Аб был так тих, что он почти забыл о его существовании. Но теперь, вместо того чтобы тупо играть своими шестнадцатью пальцами, Аб смотрел на пролетающий мимо скиммера купол.

— В чем дело, Аб? — мягко спросил он.— Ты что-то увидел?

Как всегда, чужак ничего не ответил. Мозг его пуст, как орбита в десятке диаметров от планеты. Два голубых глаза вопросительно уставились на Флинкса. Две руки оживленно зажестикулировали, другие две начали рисовать какие-то линии в воздухе.

— За шахтой земля падает в остатке перепланировки. Часто оказывается коматозной. Если достигнешь анестезии, возьми два свежих яйца, хорошо взбей их, и постепенно небесные лептоны станут как лимоны...

— Ну? — спросил Покомчи.

Флинкс задумался, почесывая чешуйчатую голову змеи, лежащую у него на шее.

— Трудно сказать уверенно, когда имеешь дело с

Абом, но мне кажется, он что-то там увидел. С его восприятием все в порядке.

Останавливая скиммер, так что он повис в воздухе, Покомчи обдумывал эти слова. Потом вопросительно взглянул на Флинкса.

— Хочешь потратить время, чтобы проверить сообщение идиота?

— А почему бы и нет? — ответил юноша.— У нас все равно поиск идиотский.

— Ты платишь,— уклончиво ответил Покомчи. Скиммер развернулся. Они медленно двинулись назад.

— Это должно быть справа,— заявил Флинкс, внимательно разглядывая местность.— Аб смотрел в ту сторону.

Покомчи тоже смотрел вправо. Чтобы лучше видеть из-за него, Флинкс встал. Головой он чуть не ударился в прозрачный купол. Мимо в монолитном параде пролетали затянутые джунглями руины.

Через несколько метров оба увидели одновременно.

— Сюда,— сказал Флинкс,— под тот синий навес.

Покомчи приблизился к стене и выключил двигатель. Машина опустилась на поверхность. Под ее тяжестью заскрипели камни и куски кладки.

Прикосновение к другой кнопке заставило купол сложиться и уйти назад. И вместо ровного гула двигателя Флинкс услышал голоса джунглей. Вначале обитатели джунглей вели себя осторожно. Но скоро бесчисленные невидимые существа с растущей уверенностью под голубым небом возобновили свой свист, крики, воркование, блеяние, шипение и фырканье.

Шум зачаровал Аба (и всех остальных тоже).

— В сермоиде большая яма... — начал он. Оба человека постарались не слушать его болтовню.

Их внимание привлек массивный лазурный навес слева. Похоже на голубой феррокрет, хотя это невозможно: феррокрет-современный строительный материл. Навес выступал вперед, торчащее голубое лезвие покрывало площадь в пятнадцать квадратных метров. И в защищенном месте под навесом виднелся знакомый след.

Покомчи разглядывал это углубление в земле.

Флинкс, по-прежнему думая о голубом монолите, вслед за индейцем вышел из скиммера.

— Я такой цвет раньше не видел,— сказал он Покомчи.

— Да? — переспросил индеец, по-прежнему глядя в землю.— Ах, это! Древние аляспиниане обычно окрашивали свои резные камни. Этот навес не из гранита, и из материала, похожего на цемент. Они им пользовались. Вероятно, прибавили немного сульфата меди, отсюда такой цвет.— Он обошел углубление, проводя по его краю ногой.

— Этот след оставил большой скиммер,— наконец провозгласил он.— С легким грузом на борту.— Повернувшись, он всмотрелся в камень и джунгли, стены и деревья.— Кто-то был здесь недавно.— Внимательно глядя под ноги, он отошел под голубой навес.

— Хорошее место для первого лагеря. Здесь они разгружали припасы,— заметил он, осматривая почву. Вышел из-под камня и посмотрел на густые заросли, образовавшие зеленую волну и стены здания. По сравнению с его костюмом зелень казалась бархатной.

— Они прошли здесь, Флинкс.— Повернувшись, он посмотрел на своего встревоженного молодого спутника.— Да, возможно, это был твой мощный мужчина с золотой серьгой. Кто бы ни был, затратил немало денег.— И он указал на пробитую в зелени тропу, которая только начинала оправляться от множества прошедших по ней ног.— Пришлось сделать много ходок, пока не перенесли припасы в глубь города. Мне казалось, все давно отказались от этого места.

Он двинулся назад к скиммеру. Флинкс с интересом рассматривал голубой навес, гадая о его предназначении. За ним возвышался храм не менее ста метров в высоту. Массивный голубой камень упал сверху, оставив в стене храма зияющее отверстие. Внутри Флинкс с трудом различал разбитую кладку, свисающие полосы металла, тенелюбивые растения и пустоту забвения.

— Куда теперь?

Покомчи улыбнулся и покачал головой.

— Ты, наверно, ни слова не слышал из того, что

я сказал. Тут есть тропа, по которой мы можем пойти. Так как им пришлось идти пешком, я думаю, мы не сможем провести скиммер. Будем надеяться, что твоя добыча на другом конце тропы. Во всяком случае мне хочется поглядеть на глупца, который считает, что стоит что-то поискать в Миммисомпо. Надеюсь, у них приветливый характер.

— Тогда пошли,— предложил Флинкс.

— Полегче, повелитель дракона.— Покомчи указал на солнце.— Почему бы не дождаться дня? Никто не собирается убегать, особенно те, кого мы ищем. Я думаю, они глубоко в зарослях.— Он махнул рукой в сторону джунглей и разрушенных стен, куда вела тропа.— Тут есть животные, которых я бы предпочел встретить при дневном свете, если вообще придется их встретить. Я установлю периметр, и мы будем спать в скиммере.

Вскоре радужная ограда окружила скиммер. В отделении маленькой машины оказались надувные матрацы и одеяла. Конечно, безопаснее спать в скиммере, но кабина слишком тесна для двоих. А спать вдвоем вместе с Абом и двумя минидрагами вообще невозможно.

Свой временный лагерь они накрыли надувным куполом, который защитит от ветра и дождя. Полупроницаемая мембрана купола впускает свежий воздух и выпускает отработанный, но создает преграду на пути любого предмета размером с дождевую каплю.

Снаружи радужная ограда удержит любопытных ночных посетителей, а дополнительными сигналами тревоги послужит поведение Бальтазара и Пипа, если появится что-то действительно опасное. По словам Покомчи, большая часть лесных хищников охотится днем.

Флинкс лег на матрац и посмотрел в сторону тропы. Ему не терпелось отыскать тех, кто ее проложил, скорее окончить свой поиск. Но это планета Покомчи. Разумно следовать его советам.

К тому же, решил он, широко зевая, он устал. Голова его откинулась. Сквозь тонкий материал купола он видел звезды теплой тропической ночи, расположенные в незнакомых созвездиях. На востоке повисли две круглых горбатых луны, очень не похожих на неровные

очертания единственного и крайне редко доступного наблюдениям спутника Мота-Пламя.

Единственный спутник далекой Ульру-Уджурр, подумал Флинкс, крупнее этих двух вместе взятых. Его охватили воспоминания об учениках, невинной медвежьей расе, живущей на этой планете. Он испытывал чувство вины. Место его там, он должен давать им советы, а не бродить по Федерации в поисках своего происхождения.

Через единственное окно над его постелью проникал ветерок. Доносились негромкие ночные звуки. Немного погодя эта колыбельная помогла ему крепко уснуть.

* * *

Флинкса разбудили первые лучи солнца. Перевернувшись, он потянулся и сразу проснулся. Рядом лежал на своем матраце Покомчи, его громогласный храп казался неуместным у такого маленького человека. Флинкс протянул руку, чтобы разбудить индейца, и нахмурился. Чего-то не хватало, чего-то такого знакомого, что он долго не мог сообразить, что это.

Он разбудил Покомчи, сел и задумался. Вспомнил, что отсутствует. И сразу начал искать, за матрацами, у борта скиммера, по другую сторону постели Покомчи. Ничего.

Раскрыв дверной клапан, он торопливо выскочил и чуть не побежал в джунгли, но вовремя вспомнил о радужной ограде. Стоя внутри неярко светящегося барьера, он приложил руки ко рту и крикнул:

— Пип! Где ты, Пип!

Он осмотрел вершины стен и верхушки деревьев, но увидел только молчаливый камень и насмешливую зелень. Хотя камень и деревья, должно быть, видели, что случилось с его любимцем, они мертво молчали.

Повернувшись, Флинкс вернулся в купол и забрался в скиммер. Покомчи, потирая глаза и выпуская воздух из своего матраца посмотрел на него, но ничего не сказал. Пусть парень сам все узнает.

Флинкс заполз за сидения, потом в багажное отделение, где находился Аб.

— Выходи, Пип. Это больше не забавно. Выходи, Пип!

Когда он наконец сдался и с пустым взглядом выбрался из кабины, Покомчи убирал матрацы и снимал заграждение. Индеец ничего не сказал, только посмотрел, как Флинкс подошел к краю зарослей и снова начал звать. К тому времени как юноша охрип, Покомчи уже все убрал.

Флинксу оставалось попробовать только одно. Стоя в тени голубого навеса, он закрыл глаза и сосредоточился. Он представил себе, что сверху, с неба ему угрожает страшная опасность! Мне ты нужен, Пип, я в опасности! Где ты, товарищ моего детства? Твой друг в опасности! Разве ты это не чувствуешь? Опасность все ближе, и я ничего не могу сделать!

Он продолжал это несколько минут, пока лоб его не покрылся потом, а сжатые пальцы не побледнели. Что-то коснулось его плеча, и он подпрыгнул. На него смотрели сочувственные глаза Покомчи.

— Ты зря утомляешь себя, Флинкс,— сказал индеец.— Как ни зови, не поможешь.— Он указал рукой на густую растительность.— Когда что-то зовет минидрага, он уходит. Это их родина, ты знаешь. Ты разве не заметил, что Бальтазара тоже нет?

Флинкс был так поглощен исчезновением Пипа, что действительно этого не заметил. Конечно, старого минидрага, который всегда лежал, свернувшись, на шее Покомчи, теперь не видно.

— Мне было пять лет, когда я его нашел,— попытался он объяснить маленькому человеку.— И с тех пор мы с Пипом ни на день не разлучались.— Он продолжал всматриваться в джунгли.— Я не могу поверить, что он просто улетел и оставил меня. Не могу поверить, Покомчи!

Индеец пожал плечами и мягко заговорил:

— Минидрага невозможно приручить окончательно. Ты ведь никогда не был на родной планете Пипа. Не печалься. Бальтазар не раз улетал от меня на несколько дней. Но всегда возвращался.

— На случай если ты забыл, у нас много дел. Надо

идти по тропе и найти твоего носителя кольца. Мы еще какое-то время проведем в Миммисомпо. Когда захотят, Бальтазар и Пип найдут наши мысли.

Флинкс несколько успокоился.

— Они дикие животные, Флинкс,— напомнил Покомчи,— а это дикое место. И нельзя было ожидать, что оно их не привлечет. А теперь возьмем вьюки и начнем трудную часть пути.

Двигаясь механически, Флинкс помог своему спутнику упаковать два заплечных мешка. Когда Покомчи показывал ему, как закрепить лямки, в голову Флинкса пришла неожиданная мысль.

— А что если мы найдем то, что ищем, и нужно будет возвращаться в Аляспинпорт, а Пип еще не вернется? — с беспокойством спросил он.

Покомчи прямо смотрел на него, слегка изогнув брови.

— Нет смысла думать об этом, Флинкс. Бальтазар для меня значит не меньше, чем Пип для тебя. Мы вместе побывали во многих переделках. Но минидраг не собака. Он не будет пускать слюни и скулить у твоих ног. Минидраги независимы и вольнолюбивы. Они остаются с тобой или со мной, потому что хотят этого, а не потому, что мы им нужны. *Решение о возврате должны* принять они.— Он слегка улыбнулся.— Все, что мы сможем сделать, если не обнаружим их, вернувшись, это немного подождать. Если они не покажутся...— Он колебался.— Ну, это их планета.— Он повернулся и направился к тропе.

Флинкс последний раз взглянул на небо. Знакомая крылатая фигура не появилась, не спустилась к нему на плечо. Стиснув зубы и мысли, он поправил мешок и пошел за Покомчи. Вскоре скиммер исчез из виду, поглощенный камнем и растительностью.

Время от времени Флинкс поворачивался, чтобы убедиться, что Аб идет за ним. Потом шел дальше. Перед глазами его перевивались ветви и лианы, они расступались, пропуская голову Покомчи. Черные волосы индейца развевались. Местами растительность уже вер-

нулась на тропу, но Покомчи был опытным следопытом и всегда выводил на чистое место.

Понимая, что это напрасно, Флинкс мог думать только о своем пропавшем любимце. Его охватили эмоции, от которых, как он считал, он навсегда избавился. И готовы были утопить его, когда справа к его лицу с удивительной нежностью прикоснулась холодная рука.

Флинкс гневно оглянулся, собираясь сорвать свое раздражение на владельце этой холодной руки. Но как можно сердиться при виде этого лица, этих печальных невинных глаз и хобота-рта на том месте, где должны расти волосы? Аб шагал за ним походкой четырехлапой утки.

— Жалость, жалость, небывалость,— с надеждой заявил Аб,— ключи к кварку, включи марку. Черный перец на бегу мы найдем в моем мозгу,— продолжал он так серьезно, что Флинксу показалось, будто это что-то значит. Обдумывая загадочные слова, он запнулся за корень и растянулся. Покомчи услышал это и обернулся. Индеец покачал головой, улыбнулся и пошел дальше.

Флинкс встал и выше поднял мешок на плечи.

— Ты прав, Аб, нет смысла винить себя. Я все равно ничего не могу сделать.— Он снова посмотрел на небо и оглядел пушистые края кучевых облаков.— Если Пип вернется, он вернется. Если нет...— голос его перешел на шепот,— если нет, жизнь будет продолжаться. Может, будет немного более одиноко, но жизнь продолжится. У меня есть дела и те, кто меня ждет.

— Найди ключ, найди ключ,— согласился с ним Аб.— Нужно два танго, чтоб оживить манго.— И он выжидательно посмотрел на Флинкса.

— Фарсовый катарсис,— рассмеялся юноша комическому вздору своего подопечного. Какая жалость, подумал он, что поэтически настроенный чужак не может по-настоящему использовать свой талант. Но он уже привык к болтовне Аба, поэтому сосредоточился на дороге и не вслушивался в бормотание чужака.

— Ключ, ключ — это я,— напевал Аб.— Я таков, каким ты хочешь меня видеть. Харкатрикс, матрикс, как ты бежишь? Вертись над течением и приправляй мышь.

Они шли весь день. Когда Покомчи нашел удобное место для ночного лагеря, тропа продолжала уходить вперед в джунгли. С искусством опытного путешественника и, может, с легким волшебством индеец умудрился создать из концентратов ужин, одновременно вкусный и питательный.

Приятная полнота в желудке, казалось бы, должна была помочь Флинксу уснуть. Но он лежал без сна, вслушиваясь в звучный храп Покомчи и глядя в небо. Беда в том, что тяжесть в желудке не сопровождалась знакомой тяжестью на плече. В конце концов Флинксу пришлось принять успокаивающее, чтобы погрузиться в тревожный сон.

Наступило утро с тревожной надеждой, которая быстро рассеялась. Минидраги не вернулись. Молча путники свернули лагерь и пошли дальше.

Покомчи старался развлечь своего спутника, показывая интересные образцы фауны и флоры. В обычном состоянии Флинкс слушал бы увлеченно. Но теперь он только кивал и изредка хмыкал. Даже описание строительства храмов не вывело Флинкса из летаргии.

Они остановились пообедать в середине ряда концентрических каменных кругов. В самом центре стоял пятиметровый металлический столб, отбрасывающий тень. Его с четырех сторон поддерживали контрфорсы из знакомого металла. Сам столб, прогнувшийся покрытый растительностью и слизью, был местами сильно поврежден ржавчиной.

— Это фонтан,— решил за едой Покомчи. Он указал на молчаливую башню, потом на каменные круги.— Я думаю, мы сидим в середине священных бассейнов, которые некогда население города использовало для религиозных и других церемоний. Если подземное устройство Миммисомпо такое же, как в других городах, вода подавалась сюда под землей по металлическим трубам.— Он провел пальцем по брызгам призрачной воды.— Она била из вершины столба и падала по сторонам, а потом перетекала из одного бассейна в другой.— Наклонившись, он взял в рот кусок пищевого бруска.

— Учитывая наклон поверхности, я думаю, сток вон

там, справа.— Он указал.— Видишь ту резную скамью? Там сидел жрец и благословлял вытекающую воду. А справа от его скамьи должен быть...— Неожиданно он смолк и наклонился вперед.

Флинкс услышал металлический щелчок и посмотрел в том направлении.

— Ничего не вижу. В чем дело?

Покомчи встал и показал.

— Вон там, что это?

Флинкс по-прежнему ничего не видел.

Индеец осторожно прошел к краю, перепрыгивая с одной стенки бассейна на другую. Добравшись до каменной скамьи, он наклонился через последнюю стену и позвал Флинкса. Голос его звучал напряженно.

— Тут мертвец,— недоверчиво воскликнул он.

Глава восьмая

Сжимая в руке забытый пищевой брусок, Флинкс заглянул за стену. Справа от священной скамьи грудой лежали три тела. Ермолки отсутствовали, черные костюмы разорваны. Двое мужчин и женщина, все трое безусловно мертвы.

Из каждого тела торчали оперенные двадцатисантиметровые стрелы из какой-то хорошо отполированной желто-коричневой древесины. На конце каждой стрелы пять маленьких направляющих плавников. Флинкс решил, что в каждом теле не меньше шести-семи таких стрел. Или небольших копий, в зависимости от размеров тех, кто их использовал.

— Итак, они последовали за нами,— сказал он.

Покомчи опытным взглядом рассматривал окружающие джунгли.

— Не просто последовали, Флинкс. Они опередили нас. Видели, как мы сели, и спрятались впереди на тропе.— Он посмотрел на ближайший труп. Как и у двух других, у него не было глаз.

— Они знали, что мы тут пройдем, и потому устроили отличную маленькую засаду.— Из верхнего бассейна

в нижний тек ручеек — жалкий остаток некогда существовавшего здесь потока. Покомчи пнул воду и смотрел, как потемнела его обувь.

— Это происходит не в первый раз,— сказал Флинкс. У него не такой привычный взгляд, как у Покомчи, но он тоже обыскивал джунгли.— Квармы ждали нас с Абом в засаде на Моте. Но и там их кто-то перебил.

Покомчи удивленно посмотрел на него.

— Правда? Не знаю, кто тебя там спас. Никогда не слышал, что на Моте есть отоиды.— Наклонившись, он взял в руку одну из стрел, выдернул ее и протянул Флинксу.

Острие из грубо обработанного металла, с пятью торчащими шипами.

— Это стрела отоидов,— объяснил Покомчи, поворачивая ее в руке.— Они стреляют из сикамби, это что-то вроде духового ружья. Но вместо своего слабого дыхания используют резину из сока местного дерева. Они не очень метки, но...— он многозначительно указал на тела,— там, где недостает меткости, выручает огневая мощь.

— Ты прав,— ответил Флинкс,— на Моте нет никаких отоидов. Кто они такие?

— Думаешь, у меня есть простой ответ на твой вопрос? — ответил Покомчи, по-прежнему осматривая джунгли.— Нет. И ни у кого нет. Они отдаленно гуманоидны, примерно вполовину твоего роста. Покрыты шерстью, кроме хвоста; он у них голый. Не очень умны, но в отсутствие строителей храмов превратились в господствующий вид планеты. Им помогает проворство рук. На каждой из двух рук по десять пальцев, у каждого пальца три сустава. Они хорошо карабкаются, но хвост у них не хватательный, и поэтому по большей части передвигаются они по поверхности.

— Взаимодействие, противодействие, не пора ли бросить луч, пустить в дело древний ключ? — сказал Аб.— Питер Трубач клюнул маринованные феромоны.

Чужак быстро двигался по дну бассейна. Можно было бы улыбнуться его забавным движениям, если бы не три мертвых тела.

— Аб,— начал Флинкс; он хотел отругать чужака за то, что тот их отвлекает. И услышал вопли, что-то вроде воинственных криков младенцев, только голос у младенцев очень низкий.

Аб показывал и с любопытством ощупывал несколько предметов, торчащих у него из спины. Острия едва проткнули внешний слой его кожи. Взяв одну стрелу, он с широкой улыбкой протянул ее Флинксу.

— Плохие мальчишки, плохие игрушки,— заметил он.— Тикл, фикл, трикл.

— Сюда, Аб,— крикнул Покомчи.— Никаких плохих игрушек. Ты тоже, Флинкс,— рявкнул он, дергая юношу за мешок. Флинкс не шевельнулся. Он смотрел на Аба, который как будто нисколько не пострадал от десятка торчащих из него стрел.

Никакой небрежности в поведении Покомчи не осталось.

— Пошли. Если они преградят нам доступ к скиммеру, мы погибли. Пошли, или я оставлю тебя и твоего идиота. Приветствуйте их, как хотите.

Флинкс обнаружил, что бежит назад по тропе, по которой они с таким трудом сюда добрались. Аб легко держался рядом с ним. Впереди послышались крики, и Покомчи резко затормозил.

— Не выйдет. Они нас отрезали.— Он дико осмотрелся.— Надо как-то обойти их.— Что-то со звоном упало на землю в четверти метра от ноги Флинкса. Стрела отоида.

Флинкс заметил, что в Аба попал еще десяток стрел. Но если они как-то беспокоили чужака, тот никак этого не проявлял. Флинкс решил, что либо у него очень прочная прокладка под кожей, либо какой-то внутренний механизм тут же затягивает раны. А может, и то, и другое.

Изучать удивительную физиологию чужака можно будет позже. Сейчас нужно уходить.

Покомчи стоял на коленях, поливая из своего лучемета окружающие деревья. Он гневно крикнул Флинксу:

— Чего ты ждешь, Флинкс? Гравированного приглашения? Или хочешь, чтобы и твои глаза оказались в котле отоидов?

Флинкс присоединился к Покомчи, отступавшему к группе сломанных деревьев и разбитых камней. Время от времени среди деревьев мелькали какие-то тени. Замечая такое движение, Флинкс стрелял.

Пип не появился как по волшебству, чтобы спасти его.

Звякали стрелы, ударяясь о камень, с глухим звуком впивались в толстые стволы. Флинкс, рискуя получить стрелу, оборачивался и подтягивал к себе Аба. Бормочущий чужак никак не реагировал на торчащие стрелы, но Флинкс не знал, долго ли сохранится этот иммунитет. Аб перекатился, вытаскивая стрелы и с любопытством разглядывая их; он проявлял полное равнодушие к схватке.

— Сколько их, по-твоему? — спросил Флинкс, увертываясь от стрелы, которая ударилась о камень у его головы.

Покомчи ответил в перерыве между выстрелами; он все время выглядывал, стрелял и снова укрывался:

— Не знаю. Никто не знает, насколько многочисленны отоиды. Ксеноантропологи даже не знают, как они размножаются. Как ты можешь догадаться, они не очень расположены к посетителям.

Неожиданно он выстрелил из лучемета. Флинкс поглядел между камнем и стволом и смутно разглядел падающие дергающиеся *на солнечном свету фигуры.* Услышал удар: это туземцы *упали на землю.*

Продолжая поливать пришельцев дождем стрел, отоиды непрерывно перекрикивались. Флинкс не знал, то ли они подбадривают друг друга, то ли оскорбляют врагов.

Но это не имело значения. Ему казалось, что на него из-за деревьев устремлены сотни зеленых глаз, блестящих, как оливин. Подобно большинству людей, он не сможет сам выбрать время и способ своей смерти.

Он подумал, что же аборигены делают с глазами мертвецов. И тут в воздухе послышался свист. Над головой Флинкса прошел голубой энергетический луч, гораздо мощнее, чем из их слабого ручного оружия. С опустошительной силой луч ударил по самому плотно-

му скоплению туземцев. Когда чудовищное дерево, среднее между земной сосной и кокосовой пальмой, упало на затаившихся аборигенов, послышались крики. Флинкс видел, как голубой луч перерезал ствол.

Вторично мелькнуло над ними небесно-голубое уничтожение, срезая ветви, лианы и немало разъяренных туземцев. Надо отдать им должное: ужасная эффективность современного оружия не отпугнула их, хотя дождь стрел заметно поредел.

Флинкс повернулся и крикнул в том направлении, откуда исходил луч:

— Кто это? Кто там?

Они с Покомчи с тревогой смотрели на видный им участок тропы. Из кустов вышел человек, неся энергетическое ружье, размером с Флинкса. Флинкс заметил, что это тяжелая военная модель и, вероятно, должна крепиться к треножнику. Но человек не только умудрялся поднимать ружье, но и стрелять из него. Импровизированные петли большую часть веса переносили на его плечи.

И человек этот был размером с двоих. И голос у него соответствующий.

— Сюда! — заревел он голосом, скорее насмешливым, чем встревоженным. Поднял свое массивное оружие, и новый луч превратил в уголь деревья и туземцев.— Быстрее, вы двое! Они быстро перестраиваются.

Покомчи вскочил и побежал. Флинкс — за ним, петляя между камней и кустов, перепрыгивая через упавшие деревья. Время от времени оба оборачивались и стреляли в стрелков на деревьях. Аб легко бежал рядом, хотя Флинксу приходилось следить, чтобы простодушное создание не увлеклось каким-нибудь цветком или насекомым.

Они бежали, а человек стоял на небольшом возвышении и стрелял по ревущим рассерженным отоидам. Они уже почти добрались до него. Флинкс начал подниматься по разрушенной стене, ему оставалось несколько метров. Покомчи находился впереди и справа от Флинкса. Стена казалась высотой в миллионы миль.

На ее верху стоял спаситель. Вблизи он оказался еще

массивнее, чем на расстоянии. Седые волосы развевались на теплом ветру, а лицо у него было как у придворного шута и одновременно у безумного пророка. Карие обсидиановые глаза, заостренный подбородок — все это казалось крошечным рядом с носом, которым гордилась бы любая хищная птица. Нос шпилем вздымался на взволнованном лице.

Ярко-зеленые брюки заправлены в сапоги. Он обнажен по пояс, и на груди, поросшей седым волосом, скрещиваются, как старинный патронташ, петли ружья и большого аккумулятора, подающего заряд. Руки тоже поросли седым волосом. Хотя руки у него толще бедер Флинкса, человек движется с поразительной легкостью, как грациозная горилла.

Послышалось проклятие, и Флинкс повернулся к своему проводнику. Из бедра Покомчи торчала стрела. Индеец нагнулся. Пытался уцепиться за скалу. Падая, он оставлял за собой кровавый след.

Флинкс успел ухватить Покомчи сзади за рубашку и не дал ему упасть.

— Быстрее, черт возьми! — кричал им хозяин ружья.— Они перестают бояться. Сейчас они разъярены и могут напасть в любую минуту.

— Мой друг ранен! — крикнул Флинкс.

— Я могу идти,— сказал сквозь сжатые зубы Покомчи. Они с Флинксом переглянулись и двинулись по неровным каменным плитам.

Держа в одной руке ружье, гигант протянул другую руку, толщиной в древесный ствол, и ухватился за воротник рубашки Покомчи. Материал выдержал, и Покомчи пролетел оставшиеся метры над стеной. Флинкс вскарабкался вслед за ним.

Покомчи сделал шаг, лицо его исказилось от боли, он наклонился и выдернул стрелу из ноги.

— Нужно возвращаться в храм,— сказал большой человек, стреляя из ружья. Он пристально посмотрел на Флинкса.— Я не могу прикрывать вас и нести его.

Вместо ответа Флинкс просунул правую руку между ног Покомчи и уцепился за правое бедро индейца. По-

том взял правую руку Покомчи в свою левую и взвалил смуглого шахтера на плечи.

— Я понесу,— заверил Флинкс великана. Оба не обращали внимания на возражения Покомчи.— Показывай мне дорогу.

Под невероятным носом белой пеной сверкнули зубы.

— Неплохо вы дрались, приятель, пока я не пришел к вам. Может, унесем ноги в целости.

Мощное ружье держало преследующих отоидов на расстоянии. Все двинулись через внешне непроходимые джунгли. Флинкс почти не ощущал тяжести на спине.

Как только начинало казаться, что впереди непроходимая стена из кустов и лиан, великан показывал вправо или влево, и Флинкс проходил в щель, которую может заметить только хорошо знающий джунгли путник. Аб держался сзади, очевидно, радуясь приключению.

Крики отоидов, треск ветвей и шум становились все громче и пронзительней. Хотя мощный огонь из могучего оружия срезал всех, кто осмеливался подойти слишком близко, Флинксу казалось, что отоиды затягивают петлю вокруг беглецов.

Тревога Флинкса не рассеивалась, когда он смотрел на лицо великана. По нему теперь струился пот, человек дышал тяжело, несмотря на всю свою силу. Тяжесть оружия истощала запас его сил. Это ружье не предназначено для ручного использования, тем более для того, чтобы из него стреляли на бегу.

— Не знаю, молодой приятель,— сказал великан на бегу, мигая, чтобы убрать капли пота с глаз.— Они еще могут отрезать нас.

Они продолжали бежать, пока сердце Флинкса молотом не заколотилось о ребра, а легкие запротестовали. Миниатюрный Покомчи казался свинцовым.

И тут, когда ему уже казалось, что он больше ни шага не сделает, Флинкс услышал крик великана. Вытирая пот, он увидел впереди темный прямоугольник. Древний портал достигал добрых четырех метров в высоту и двух в ширину. Он образовал вход в храм, постро-

енный из блестящего зеленого камня. Храм казался изолированным от других строений. А цвет помогал ему сливаться с окружающей растительностью.

Здание невысокое сравнительно с многими внушительными сооружениями, которые видел Флинкс в Миммисомпо, не больше двух надземных этажей, плоское и сверху расколотое настойчивыми упорными корнями.

Флинкс с опаской смотрел на этот вход.

— Туда? Но здание маленькое, и отступать некуда. А отоиды не могут?..

— Всегда можешь попытаться прорваться к своему скиммеру, парень,— вежливо предложил их спаситель.

Вокруг продолжали падать стрелы, и путники, измученные, направились к входу. Стрела просвистела рядом так близко, что разорвала рубашку Флинкса. Оглянувшись, Флинкс увидел, что она задела и кожу, из царапины идет кровь.

И тут впереди в высокой траве показалось несколько фигур. Злобно блеснули изумрудные глаза.

— Плохо,— в отчаянии выдохнул Флинкс.— Они впереди нас.

— Сколько? — спросил великан, поворачивая ружье.

— Не знаю, не знаю.— Флинкс отдувался, сомневаясь, сможет ли он стоять с Покомчи на спине. *Рядом Аб* повторил его позу и разразился успокаивающим стихом. Но Флинкс не успокоился.

— Маленькие дьяволы умеют сражаться и прятаться. Если бы они организовались, сумели бы выгнать всех старателей и ученых с Аляспина.— Флинкс, несмотря на почти полное истощение, почувствовал любопытство. Но великан, очевидно, считал, что не сказал ничего особенного.

— Придется рискнуть, парень,— решил он.

— Рискнуть, махнуть, поплясать и отдохнуть,— возбужденно согласился Аб.

— Мы не можем оставаться здесь и не можем возвращаться.— Он начал подниматься.— Я пойду первым. Это даст тебе немного времени... и защиту, если будешь держаться за мной. Если бы мы только...

Впереди что-то щелкнуло. Несколько огненных красных шаров размером с кулак вылетели из темного входа в храм.

Посмотрев вверх, Флинкс разглядел фигуру в щели зеленой стены. Оттуда стреляли энергетическими шарами.

Там, куда опускался шар, раздавался взрыв. На мгновение к небу взвивалось пламя, но тут же исчезало, оставив столб светло-коричневого дыма размером с человека. Отоиды, преграждавшие доступ к храму, дрогнули и побежали — те, кто еще был в состоянии. Их преследовали красные шары.

— Это Исили,—сказал Флинксу мощный спаситель.—Я думал, она внизу на раскопках. Нам повезло, что она услышала шум.— Он выпрямился во весь рост.— Она нас прикроет. Пошли.— И двинулся к высокому входу, побежал большими шагами, напомнив Флинксу стадо топперов, которое он видел несколько дней назад.

Напрягая все силы, он тем не менее все больше отставал. И в любую секунду ожидал острой боли от стрелы в ногах или спине. Но каждый раз как отоиды приподнимались, чтобы выстрелить в беглецов или подобраться к ним поближе, к ним устремлялся красный энергетический шар, и туземец и шар исчезали в нетерпеливом пламени.

И вот, оказавшись на изношенных временем каменных ступенях, Флинкс понял, что спускается в храм. Ступени сменились ровным каменным полом. Что-то загремело сзади. Флинкс испытал приступ паники, но это всего лишь захлопнулась самодельная деревянная дверь, закрывая доступ в храм.

Глаза Флинкса быстро приспособились к тусклому освещению скромной комнаты. Маленькие, каждая со своим независимым источником энергии, лампы свисали с потолка или стояли на каменных выступах.

Они дошли до конца входного туннеля и оказались в большом ярко освещенном расчищенном помещении. Стены покрыты рядами великолепной резьбы, металлической и каменной мозаики, которая перемежалась с

глубокими фризами. Все это изображало сцены из древней общественной и религиозной жизни Аляспина.

У Флинкса не было времени восхищаться скульптурами. Он упал на пол, едва сумев осторожно опустить Покомчи. Аб направился к груде камней и принялся их разглядывать.

Перепрыгивая зараз через три ступеньки, человек, который привел их в это относительно безопасное убежище, поднялся на галерею, проходившую по верху помещения. Орнаментальное ограждение этой галереи тоже каменное. Галерея на добрых три этажа выше пола.

Флинкс видел, как великан подошел к другой фигуре, плохо различимой на расстоянии, и о чем-то поговорил. Потом повернулся и крикнул Флинксу. Легкое эхо подчеркивало его слова.

— Успокойся, приятель! Они на время отстали. Подсчитают потери, удалят глаза своих мертвецов, проделают небольшую церемонию. А потом будут решать, что делать дальше.

— Неужели они нападут на такую хорошо защищенную позицию? — крикнул в ответ Флинкс. Толстые стены наполнили его уверенностью.— У тебя ведь такое оружие.— И он кивком указал на ружье, прислоненное к стене.

— Не рассчитывай на безопасность завтра,— приятным тоном посоветовал человек, спускаясь по лестнице. Спустившись, он показал на ружье.— Любой разумный хьюманкс не стал бы связываться с Марком Двадцатым, но это не разумные люди или транксы, парень. Они примитивны, а у примитивных народов храбрости больше, чем мозгов. К тому же каждый из них считает, что если он умрет в битве, боги приветливо встретят его в потусторонней жизни. По крайней мере,— он позволил себе скромно подмигнуть,— такова моя теория.

— Ты антрополог? — неуверенно спросил Флинкс.

Громкий раскатистый смех загремел в помещении, отразился от резных стен и заполнил все ниши и пустоты своей монументальной веселостью. Пока мужчина смеялся над вопросом, Флинкс разглядывал груды при-

пасов, аккуратно сложенные в помещении. Здесь также находился огромный матрац, устройство для подзарядки батарей и компактный автоповар в полном наборе, включая конденсор жидкостей. Все указывало на постоянный, хорошо организованный лагерь.

— Не я, мой юный приятель,— ответил мужчина, наконец справившись с собой.— Для меня наука — хобби, а не профессия.— Повернувшись, он крикнул на высокую галерею и помахал фигуре, стоявшей там у длинного окна.— Спускайся, Исили! Ты знаешь, сегодня они нас больше не будут беспокоить! — Понизив голос, он конспиративно добавил: — Ученая — это Исили. А я просто помощник...— Он замолчал и нахмурился.

— В чем дело? — Флинкс смотрел, как мужчина миновал его и направился дальше. Увидел, как тот склонился к Покомчи, и понял, что проводник ни слова не сказал с тех пор, как они добрались до убежища.

— Он спит? — с надеждой спросил Флинкс.

Великан перевернул маленького индейца на живот. И тем самым открыл две стрелы, торчащие из спины. С гневной гримасой седовласый гигант высвободил их, потом снова осторожно перевернул индейца на спину. Флинкс увидел кровь на губах шахтера.

— Эй, разгребатель,— мягко спросил огромный человек,— как ты себя чувствуешь?

Веки Покомчи дернулись, глаза открылись.

— Как мне себя чувствовать? — Он повернул голову и посмотрел на озабоченное лицо над собой.— Как я сюда попал?

— Парень принес тебя.

Флинкс подполз на четвереньках и сел рядом с человеком, который привел его так далеко. Покомчи заметил выражение юноши. Он слегка покачал головой и сморщился от боли.

— Не... твоя вина,— заверил он Флинкса.— Моя собственная ...неосторожность. Я должен был учуять их.— Он заставил себя улыбнуться. Это отняло у него почти все силы.

— Я что-нибудь могу тебе дать? — грубовато спросил великан.

— Как насчет... укола тизона? — Флинкс вздрогнул. Тизон настолько запретен, что мало кто знает о его существовании. Гигант только чуть улыбнулся.

— Прости, разгребатель. Я бы с радостью.

— Все равно спасибо.— Голос Покомчи звучал призрачно, плохо слышались слоги. Жизнь в нем не прочней мыльного пузыря.

— Я присоединяюсь к Хабибу,— выдохнул он, глядя на Флинкса.— Я не религиозен, но лицемерный придурок там, я чувствую это.

— Передай ему мой привет,— Флинкс подавился.— Хотя сейчас это не очень много.

— Не... твоя вина,— повторил Покомчи. Глаза его закрылись. Губы шевельнулись, и Флинкс наклонился, чтобы услышать.— Если... когда-нибудь... увидишь Бальтазара... почеши ему шею... за меня.

— Обязательно,— заверил его Флинкс не громче, чем говорил индеец.

Мыльный пузырь лопнул, душа покинула маленькое тело, и третий человек, который на Аляспине проявил доброту к Флинксу, превратился в мясо.

Флинкс встал, поправил одежду и молча взглянул на ожидающего гиганта.

— Как только стемнеет, я попробую прорваться к скиммеру. Может, они будут продолжать церемонию, как ты сказал, и я смогу проскользнуть. Ты лучше меня не останавливай. Рядом со мной все время умирают люди.

Поджав губы, большой человек оценивающе осмотрел Флинкса.

— Ну, неплохая речь, приятель. Откровенно говоря, ты не похож на человека, приносящего несчастья. Всего лишь молодой уставший парень. А я не суеверен. К тому же, поспорив и посовещавшись, они могут решить, что хватит с них моего Марка Двадцатого и шаров Исили.

Флинкс помолчал.

— Ты на самом деле так думаешь?

— Нет,— ответил гигант, повернувшись лицом к галерее.— Но приятная мысль. Исили,— снова закричал он,— перестань глазеть на зелень и познакомься с на-

шим гостем! Ручаюсь, оты больше не будут нас беспокоить.

Сверху послышался дрожащий хрипловатый голос:

— Ты мечтатель, если так считаешь, Скуа.— Но фигура опустила оружие и спустилась с лестницы.

Сантиметров на пять ниже Флинкса. Оливковая кожа, почти как у него, но черты лица указывают на другое этническое происхождение. Земное турецкое, решил Флинкс, глядя на кукольное лицо с янтарными глазами, широковатый рот и водопад блестящих волос, похожих на нити черного гематита.

Она мгновение смотрела на Флинкса, потом перестала обращать на него внимание.

— Они вернутся,— негромко сказала своему спутнику. Каждое слово произносила четко, отчетливо выговаривая звуки. Флинкс чувствовал, что ум ее жесток, как дюраллой.

Хорошенькая, но не в коммерческом смысле. Такая красота нравится мужчинам с экзотическими вкусами. Флинкс думал о ней как о редком блюде. Оно может расстроить вам желудок, или вы будете с удовольствием вспоминать его всю жизнь.

Он подозревал, что под комбинезоном тело у нее такое же жесткое и крепкое, как мысли. Между нею и гигантом огромная разница в размерах, поле, внешности и всем остальном. Но ум у них одинаковый, целеустремленность тоже; это, несомненно, и объединило их.

Одно из очевидных их различий заключалось в том, что она совсем не стремилась защитить Флинкса.

— Ты принес нам множество неприятностей,— откровенно сказала она.— До сих пор у нас никаких столкновений с отоидами не было.

— Ты также наш первый посетитель за несколько недель,— возразил ее партнер.— Добро пожаловать, парень.

Первый посетитель... значит, они не видели тела трех квармов, подумал Флинкс. Незачем говорить о них. Он и так не очень нравится этой женщине. И заявление о том, что их с Абом преследует братство убийц, не поможет изменить ее отношение к нему.

Она впервые заметила живого спутника Флинкса, и на лице се появилось выражение отвращения.

— Что это за урод? — В это время Аб напевал что-то об Узандере, хрустале и Петре Великом.

Флинкс снова принялся объяснять, кто такой его подопечный. Закончил он благодарностью:

— Могу только поблагодарить вас обоих. Вы спасли мне жизнь.— Не глядя на него, женщина сказала что-то неслышное. Флинкс указал на неподвижную фигуру Покомчи.— Я знаю, мой друг тоже был бы благодарен. Если бы не ты, мистер Скуа...

— Септембер,— поправил седовласый гигант.— Скуа Септембер.

— Если бы не ты, я был бы мертв и лишился глаз.

— И было бы гораздо лучше,— пробормотала женщина, подошла к запасам пищи и сердито вскрыла коробку. Достала оттуда тюбик, села на гладкий камень и начала сосать жидкость из прозрачного пластика. Взгляд ее перешел с Флинкса на Септембера.

— Было бы лучше, если бы ты не вмешивался. А теперь мы все, вероятно, умрем. Дьявол,— закончила она, не глядя на них.— Наверно, я поступила бы так же, Скуа. Пойду взгляну еще раз.

Септембер покачал головой.

— Исили, я тебе сказал, отоиды не нападут, пока...

— С каких это пор ты стал специалистом по отоидам? — спросила она.— Специалистов по отоидам нет. Я тоже не думаю, чтобы они стали нападать вечером, но еще не совсем стемнело.— Она поднялась по лестнице и вернулась на свое место у длинного окна. Стала смотреть наружу, держа в одной руке оружие.

— Женщины! — негромко сказал Септембер с непроницаемым выражением лица. В этом единственном существительном были заключены сотни значений. Он с широкой улыбкой повернулся к Флинксу.— Хочешь чего-нибудь съесть, приятель?

Вместо ответа Флинкс указал на тело Покомчи.

— Ты привередлив, парень? — неодобрительно спросил гигант.

— Нет, но, может, лучше сначала похоронить его?

— Конечно,— согласился Септембер, подходя к только что открытой коробке. Он достал несколько маленьких ярко окрашенных кубиков, сунул в рот и прожевал.— Подними его,— сказал он с полным ртом,— и перенеси вон туда. Я тебе выброшу через дверь лопату. Мы с Исили постараемся прикрыть тебя, пока ты будешь копать могилу. Я думаю, у тебя все-таки есть шанс вернуться живым.

Флинкс не стал сразу отвечать. Вместо этого тоже подошел к коробке.

— Несмотря на твой сарказм, я возьму пару концентратов.

— Сарказм? Сарказм! — прогремел большой человек, выплевывая частицы пищи на пол.— Нет такой штуки, как сарказм, парень. Мало кто во вселенной воспринимает правду и поступает соответственно. Прости, если я тебя обидел, но на этой планете за пределами Аляспинпорта мало места для такта.

Пережевывая концентрат с отличным вкусом бифштекса с грибами, Флинкс размышлял над своим положением. Он знал, что этот концентрат не имеет отношения к говядине. Он создан искусственно, но очень искусно, и вкусовые пупырышки передавали эту искусную ложь всему телу.

— Что ты делаешь так далеко от города? — спросил Септембер.

Флинкс не готов был отвечать на этот вопрос. Пока еще нет.

— Я мог бы спросить тебя о том же самом. Ты говоришь, она ученый? — Он указал на стоящую на страже женщину.

— Мой наниматель, Флинкс. Немного преувеличивая, можно сказать, что мы партнеры. Исили Хасбога. Получилась неплохая команда. Она пессимист, я оптимист.

— Оптимист? — фыркнул Флинкс.— На этой планете?

— Так кто же саркастичен, приятель? — незло спросил Септембер.— Она один из наиболее знающих археологов Аляспина, каких мне приходилось встречать. Боль-

ше того, она так же алчна, как и я. То есть жадна. У нас разные причины жаждать богатства, но цель одинакова. Исили хочет финансовой независимости, чтобы заниматься интересующими ее исследованиями, а не делать то, что указывает какой-нибудь педантичный институт. Мои желания, с другой стороны, более основательны.

— Почему она выбрала тебя?

— Я хорош в своем деле,— спокойно ответил Септембер.— Не пью, не употребляю наркотики, не увлекаюсь сими на работе, и я честен. А почему бы и нет? Быть честным так же легко, как быть мошенником.

— Да, ты оптимист,— заметил Флинкс.

— После двух лет исследований она выбрала именно этот храм,— продолжал великан.— Ей нужен был кто-нибудь для тяжелой работы и перекрестного огня, если потребуется.— Подойдя к стене, он похлопал по своему тяжелому оружию.— Например, этот Марк Двадцатый. Трудно увидеть отоида на дереве. А этой игрушкой ты просто сваливаешь дерево. Никогда не встречал человека, который мог бы использовать его как ручное оружие.

— Итак, она поставляет мозг, а ты мышцы,— заметил Флинкс. Не обращая внимания на насмешку, Септембер просто улыбнулся ему в ответ.

Флинкс подумал, а можно ли вообще расстроить этого гиганта. Несмотря на внешнюю буйность, что-то в нем говорило о внутреннем спокойствии и уверенности, которые делают его выше мелких споров. И все же в этом человеке, в глубине его сознания, кроются какие-то ужасные тайны.

— Мы совмещаемся, парень,— закончил он.— Я не деревенский дурачок, а она не нежный цветок, благословлены будь ее изгибы. То, что находим, делим поровну.

— Если находим,— послышался голос сверху.— Ты слишком много говоришь, Скуа. Что, одиноко тебе?

— А скажи, бабушка,— с деланным удивлением прокричал вверх Септембер,— зачем тебе такие большие уши?

Она не улыбнулась в ответ.

— Тем лучше. Я могу тебя уволить и привлечь к суду за разглашение тайных условий договора.— Она посмотрела в темноту наружу и спустилась с лестницы.

— Ну, парень не собирается красть наши заявки, глупышка,— задабривающе сказал Септембер. Она прошла мимо него.— В чем дело, не хватило отоидов, чтобы их поджарить?

Я надеюсь,— с улыбкой ответила она,— как-нибудь один из этих маленьких убийц проткнет тебе стрелой твой...

— Ну, глупышка,— посмеивался он,— никаких ссор в присутствии гостя.

Флинкс чувствовал, что у нее готов резкий ответ, но тут ее внимание привлек Аб. Она внимательно, сверху донизу, осмотрела чужака, обойдя кругом. Со всей стороны Аб не обращал на нее внимания, продолжая что-то бормотать.

— Забавно,— сказала она Флинксу,— мне кажется, я знаю этого дурака, но откуда, не могу вспомнить. С какой он планеты?

— Я не знаю, с какой планеты Аб,— сообщил ей Флинкс,— но хотел бы, чтобы он там оставался. Аб был рабом, он развлекал зрителей в Дралларе, на Моте. Я приобрел его случайно,— объяснил он, не вдаваясь в подробности.— Он безвреден. И еще,— добавил Флинкс с оттенком благоговения,— похоже, он неуязвим для стрел отоидов и для удара электрическим током.

— Хотела бы я обладать такими способностями,— ответила она. Стоя прямо перед Абом — вернее, там, где, по ее мнению, у Аба перед,— она посмотрела ему в глаз и жестко и отчетливо сказала: — Откуда ты...— Посмотрела на Флинкса.— Как ты его называешь?

— Абаламахаламатандра — так он себя сам называет, но откликается и на Аб,— ответил Флинкс.

— Хорошо.— Она придвинулась ближе, чуть не наступая на голубую ногу в зеленую полоску.— Аб, откуда ты явился?

Голубой глаз уставился на нее.

— Мазь, вязь, гормональная связь. Особая связь, на плечо мазь, тысячная связь, пространственная солнечная связь.

Хасбога с отвращением хмыкнула, а Септембер не очень успешно сдержал смешок.

— Это одно из хороших качеств Аба,— заметил, улыбаясь, Флинкс.— Он заставляет людей смеяться.

— Значит, он не просто домашнее животное,— решила женщина, задумчиво разглядывая Аба,— так как отвечает на вопросы.

— Не обязательно,— возразил Септембер, прислоняясь к разбитому камню.— Он может только подражать. Для этого много ума не нужно.

— Его ответы не повторяют вопросы,— в свою очередь возразила Хасбога.

— У меня был любимец,— прошептал Флинкс, но его никто не слушал.

— Любимец... скандалист-проходимец,— решил Аб, быстро переворачиваясь и приземляясь на руки. Он на руках прошелся по полу, всасывая упавшие кусочки концентрата. Так нелепа была фигура перевернутого чужака, что Флинкс и Септембер рассмеялись и даже Исили улыбнулась.

— Никогда не видел никого забавнее,— заявил гигант. Он отбросил волосы, упавшие на лицо. Они откинулись назад, и Флинкс успел заметить, как из-под них что-то блеснуло.

— Серьга! — чуть не закричал он.

— Что? — Септембер удивился. Потом сосредоточенно свел густые брови.— На что смотришь, приятель? Что с тобой?

— Серьга,— объяснил Флинкс, указывая на голову гиганта.— Когда ты отвел волосы, я увидел ее. У тебя в правом ухе золотое кольцо.

Септембер невольно поднял руку и потрогал кольцо, скрытое в волосах.

— Да. А почему оно тебя заинтересовало, парень?

— Я только...

— Минутку,— прервала Хасбога, физически и словесно вступая между мужчинами.— Прежде чем мы продолжим, Скуа...— она повернулась к Флинксу,— мы все еще не знаем, что ты делаешь здесь. То, что ты молод, не делает тебя, по-моему, внушающим доверие. Этого за-

бавного чужака я принимаю,— она склонила голову в направлении Аба. Аб стоял на двух руках и двух ногах, подбирая крошки с пола.

— Но что же ты и твой несчастливый друг? — Она ткнула пальцем в сторону Покомчи.— Его я определила сразу, как только увидела. Аляспин заражен старателями, как сифилисом. Но ты...— Она так же тщательно осмотрела Флинкса, как только что Аба.— Ты не похож на разгребателя, и ты слишком молод, чтобы быть ученым. Итак, что же ты делаешь в Миммисомпо?

Глава девятая

— Вы двое ищете удачи,— сказал Флинкс, немного поколебавшись,— а я ищу себя самого.

Он понимал, что если придется сражаться, у него нет никаких шансов против этих двоих. Он должен убедить их, что говорит правду. Пока они относились к нему дружелюбно, но их нужно успокоить.

Флинкс чувствовал, что проблема в Исили. Она не проявляет открытой враждебности, но осторожна до паранойи. Он попытался проникнуть в ее сознание, и у него сложилось впечатление сильных эмоций, которые едва сдерживаются. Удивительно, но эмоции эти не были нацелены на Септембера. Они возвращались к ней самой. Она подобна старомодному генератору: внешне все спокойно, но стоит его перегрузить, и провода разлетятся во всех направлениях.

Сев на обработанный зеленый камень, Флинкс рассказал о своем поиске настоящих родителей. Он опустил подробности, которые могут расстроить или вызвать предубеждение хозяев, не говорил об ульру-уджурриан-ах и бегстве от квармов. Само его присутствие заставляет Хасбогу нервничать. И он не хотел ухудшать положение.

Он закончил тем, что ищет большого человека с золотой серьгой и минидрагом, который пытался купить его двенадцать лет назад.

— Двенадцать лет стандартного времени,— сказал он, пристально взглянув на слушающего Септембера.— Мне было тогда пять лет.— Ты помнишь это?

Глаза Исили распахнулись, она обвиняюще посмотрела на Септембера.

— Пятилетний ребенок, Скуа. Ну, ну.— И понимающе взглянула на Флинкса, когда гигант не ответил.— Он кое-что помнит, это точно. Я впервые вижу, как он лишился дара речи.

— Да. Да, я помню, парень,— наконец признался Септембер; выглядел он, как человек, вспоминающий забытый сон.— И у меня был с собой маленький минидраг.

— Ты покинул Мот вместе с ним? — напряженно спросил Флинкс.

— Нет.— Что-то дрогнуло внутри Септембера. Он чувствовал себя, как больной амнезией, который начинает медленно вспоминать прошлое.— Он оставил меня в баре. Я был пьян. Минидраги могут проявить характер. Вероятно, он решил, что я ему не подхожу.

— Я знаю, какой у них характер,— заверил его Флинкс. Он не стал упоминать, что, возможно, Пип и есть тот самый минидраг.— Я... у меня у самого был один.

— Тогда ты знаешь. И, наверно, знаешь, что на Мот строго запрещено ввозить ядовитых животных. *Так что* я не мог отправиться в полицию и попросить о помощи. Меня бы бросили в тюрьму за то, что я выпустил на планете ядовитого чужака. Конечно, я помню продажу рабов.— По-видимому, чем больше он об этом думал, тем лучше вспоминал.— Я торговался за тебя. Я покупал нескольких в этой партии.

— Нескольких? — Флинкс нахмурился. Это не отвечает ожиданиям.— А кто они?

— Не уверен, что мне следует рассказывать об этом, приятель,— негромко ответил великан. Казалось, он почему-то боится Флинкса, словно юноша — это бомба, которая может в любую секунду взорваться. Флинкс не понимал. Диалог не соответствовал сценарию, который он сочинил в воображении. Сценарию этого памятного разговора.

Так или иначе, последняя ниточка неожиданно тоже привела в тупик. Одно предположительное звено уже разорвано. Его встреча с Пипом, когда ему было шесть лет, случайна. Простое совпадение.

— Ты покупал для себя? — неуверенно спросил он.

Септембер фыркнул.

— Я бы не знал, что делать с рабом. Нет, парень, я покупал для организации.

След неожиданно получил продолжение. Может, гигант — все же не тупик.

— Какая организация? — нажимал Флинкс на великана.— Она еще существует? А если нет, можно ли найти тех, кто в нее входил?

— Полегче, парень,— посоветовал Септембер, делая обеими руками успокаивающие жесты.— Ты сказал ведь нам, что отыскал свою настоящую мать.

— Да. Она мертва. Умерла до того, как меня продали.— Молча Флинкс напрягал свой дар, пытаясь определить, как это сообщение подействовало на Септембера. Он был разочарован. Никакой реакции, ни умственной, ни другой.

— А относительно отца я ничего не знаю,— продолжал он.— Знаю только, что отец не был тем человеком, за которым мать была замужем. Я надеялся, отыскав того, кто хотел меня купить, узнать что-то о своем отце.

— Это имеет смысл, приятель,— одобрительно согласился Септембер.

— Ничего не имеет смысла,— проворчала Исили, которой, очевидно, наскучили проблемы Флинкса.— А как же мы, Скуа? — Она величественно расхаживала взад и вперед, развевалась ее черная грива, сверкали янтарные глаза.— Ничего не имеет смысла. Вся наша работа здесь пойдет насмарку, если отоиды проявят настойчивость.— Она резко остановилась и повернулась к гиганту.— Месяцы планирования, годы исследований, и кончится все ничем! — Она в раздражении сжала руки.— Не знаю, чего ради я стараюсь. Вероятно, с этим храмом я ошиблась. Мы копаем уже два месяца и не нашли ничего, кроме этого.— Она указал на великолепную резьбу на стенах помещения.— А чтобы ее най-

ти, нам не пришлось и камешка сдвинуть. Иероглифы, рассказы... какая ерунда!

— Мне они кажутся отлично сохранившимися,— заметил Флинкс. Он находил ее отношение совершенно ненаучным.

Она удивила его, попытавшись проникнуть в его сознание. Его поразила сила ее желания, хотя он знал, что дара у нее нет. Исили Хасбога обладает могучим умом, но дара она лишена.

— Ты считаешь, что исторические и научные аспекты нашей находки должны больше интересовать меня? — спросила она наконец.— Настоящая моя работа дома, на Комгрейве. Там *есть место в горах Плакальщиков*, которое никто не раскапывал. Ни один фонд, музей или университет не считает, что там нужно копать.— Глаза ее сверкнули.— Я знаю лучше их! Они ошибаются, все!

Фанатизм в поиске знаний, подумал Флинкс, остается фанатизмом.

— Я знаю, что там,— продолжала Исили,— под этими холмами. И найду, даже если самой придется создавать и финансировать экспедицию. Но для этого мне нужны кредиты. Нам всем нужны кредиты.— Она высокомерно выпрямилась.— Поэтому мы все на Аляспине. Ты не ученый и не исследователь,— с горькой ноткой закончила она,— и вряд ли поймешь меня.

— Может, *я понимаю тебя лучше, чем ты думаешь*,— негромко ответил Флинкс.— *У меня был друг*, молодой транкс. Она *изучала археологию и полностью* поняла бы тебя. Но с тех пор у нее нашлись другие занятия.— Он подумал, как справляется без него Сильзензузекс с обучением урсиноидов на Ульру-Уджурре.

— Ну, сейчас все равно.— Исили тяжело села.— Будь прокляты эти тупые ксенофобы аборигены! Будь проклята эта планета с ее бесконечными храмами! — Она угнетенно вздохнула.— Ничего не остается, Скуа, как попытаться выбраться отсюда и поискать что-то еще. Может, они оставят нас в покое, если мы перейдем на другой конец города. Но оно должно быть где-то в Миммисомпо. Должно быть!

Флинкс понятия не имел, что это за «оно». Было бы неосторожно расспрашивать. Такой вопрос только усилит подозрительность Хасбоги.

Но отыскав человека с серьгой, он не может просто так отпустить его. Нет, пока не получит ответа на все свои вопросы. Лампы загорелись ярче, компенсируя угасающий свет снаружи.

— Если ты покончишь с раскопками,— сказал Флинкс Септемберу,— я найму тебя.

— Ты меня наймешь? — Гигант снисходительно улыбнулся ему.— А чем платить будешь, парень? Рассказами, забавными выходками твоего бедняги подопечного? — И он указал на бродящего Аба.

Флинкс не обиделся. Он ожидал такого недоверия.

— Чего бы это ни стоило, я могу заплатить. Сколько?

— Похоже на серьезное предложение,— признался Септембер. Флинксу показалось, что гигант бросил озорной взгляд на Хасбогу.— Вероятно, тут мы кончаем...

— Вы оба можете отправляться в ад! — взорвалась Хасбога, перестав сдерживаться. Она подошла и сверху вниз поглядела на Флинкса.

— Вначале из-за тебя на нас напали отоиды, а теперь ты хочешь украсть у меня Скуа. Молокосос, ты ничего не можешь купить, ты должен только отдавать. Ты в долгу передо мной. Мы спасли твою жалкую, едва начинающуюся жизнь, потому что на Аляспине помогают тем, кто нуждается в помощи, без расспросов. Не забывай этого.— Она отвернулась от него и остановилась перед улыбающимся Септембером.— Хоть ты и наемник, Скуа, не забывай, что у нас с тобой контракт. Конечно, если хочешь выкупить его у меня...

— А что еще выкупить у тебя? — Густые брови насмешливо поднялись. У Флинкса создалось впечатление, что отношения этих двоих не ограничиваются профессиональными интересами. Он сморщился от пощечины, которую Исили дала гиганту, но Септембер только потер покрасневшее место и улыбнулся еще шире, почти одобрительно.

Отойдя от них обоих, Исили бросилась на огромный надувной матрац и занялась маленьким экраном для чтения. Наступило несколько минут неловкого молчания.

— Для ученого она иногда ведет себя слишком иррационально, приятель,— признался наконец Септембер. И добавил успокаивающе.— Эти приступы никогда долго не длятся. Смотри.— Он подмигнул.

Подошел к матрацу и сел рядом с Исили. Она не обращала на него внимания. Он сделал вид, что через ее плечо смотрит на экран.

— Исили, нехорошо раздражаться в присутствии парня.

— Убирайся! — рявкнула она.— Я занята.

— Вижу,— согласился как будто удивленно Септембер; выпучив глаза, он смотрел на крошечный экран.— Я понимаю, чем занимаются мужчина и женщина, но эти две усатые кошки...

Со вздохом она посмотрела на него и сказала тоном, каким обычно разговаривают с детьми:

— Это чисто теоретическая работа, как видишь.

— Да, вижу, конечно.— Он сел на матрац, посмотрел на потолок и принялся негромко насвистывать. Флинкс удивлялся его поведению: ведь еще до конца следующего дня они, вероятно, будут мертвы.

Перевернувшись, Хасбога села, уперлась руками в бока и сердито поглядела на гиганта.

— Ты хочешь сказать, что я смотрю порнографию?

— О, нет.— Септембер посмотрел на нее.— Нет, нет, нет, нет. Просто в присутствии молодого человека...— Он указал на Флинкса.— И эти усатые кошки тоже...— И гигант неодобрительно усмехнулся.

— Послушай, переросшая пародия на человека. Если ты думаешь, что можешь смутить меня...— Она смолкла. Септембер улыбался ей. Она попыталась вспомнить, что хотела сказать, но не смогла. Рот ее дернулся, и она тоже широко улыбнулась.

Но как только поняла, что делает, тут же снова стала серьезна.

— Это серьезная работа,— кротко сказала она. Сде-

лала слабый жест в сторону Флинкса.— Иди поговори с нашим гостем и оставь меня в покое.

Отвернувшись, она снова углубилась в экран, но Флинкс чувствовал, что ярость ее рассеялась.

Септембер послушно отошел и остановился перед Флинксом.

— Видишь? Она совсем неплохая. Напротив, она хороша. Жаль, что таких, как она, мало.— Со стороны экрана послышался комментарий, но неразборчивый и не сердитый.

— Сейчас меня интересуешь ты, приятель. Ты пришел издалека, чтобы отыскать меня. Хочешь знать о том дне двенадцать лет назад на Моте. Попытаюсь рассказать, что смогу. Может, и сам кое-что узнаю.— Он вздохнул.— Вероятно, ты знаешь, кто продал тебя, если нашел свою природную мать.

— Знаю.

— А знаешь почему?

— Думаю да.

Септембер покачал головой.

— А я не думаю, чтобы ты знал. Во всяком случае не все. И пока не могу тебе рассказать остальное. Тут возникают этические проблемы.

Флинкс так расхохотался, что сам удивился.

— Ты говоришь о человеке, которого отобрали у родителей, которых он не помнил, и продали на чужой планете, как кусок мяса.

— Ну, хорошо,— с готовностью согласился Септембер,— назовем это тогда деловой тайной. Вероятно, со временем я тебе расскажу. Но мне нужно подумать. Вспомни, я не говорил тебе, что что-то знаю.

— Ладно, оставим это пока,— великодушно сказал Флинкс, так как у него не было способов заставить гиганта говорить. Следующий вопрос он должен тщательно обдумать. Большую часть своей взрослой жизни он формулировал его, перефразировал, поворачивал в уме снова и снова, представлял себе, как задаст его разным людям. Он разработал и отбросил сотни различных подходов. И вот настал момент задавать его. Возможно, это последнее мгновение поиска, который провел его

через половину Федерации и вовлек в приключения, какие и не снятся обычным людям.

Флинкс забыл все свои предубеждения, наклонился вперед и просто спросил:

— Ты мой отец?

Септембер принял вопрос хорошо. И не стал отвечать сразу. Меньше всего Флинкс ожидал от этого большого человека нерешительности. Септембер поглядел на пол, огромной ногой передвинул несколько камешков.

Флинкс в молчании напрягал свой непостоянный дар, сосредоточив его на человеке перед собой. Правдивость или лживость предстоящего ответа — возможно, самое важное в его молодой жизни. Но как обычно, когда его способности нужны ему больше всего, они насмехаются над ним. Иногда они действуют с точностью трехмерного луча, пронзают пустоту между мирами. А теперь он даже в собственных мыслях не может разобраться.

Когда Септембер поднял голову, лицо его было серьезно. Все опасения оставили Флинкса. Этот человек не солжет ему. Септембер смотрел так долго и жестко, что Флинкс даже подумал, не обладает ли гигант собственным даром. Но если взгляд его напряжен, то только от сконцентрированности.

— Молодой приятель, Флинкс, поверь мне: я бы сам хотел это знать.

Ошеломленный, Флинкс мог только молча смотреть на него. С ответом «да» он бы справился. В своем воображении он его выслушивал уже тысячу раз. «Нет» принять было бы труднее, но он и к этому готов. Но как принять «хотел бы я знать»?

Настолько неожидан был этот неопределенный ответ, что юноша, который сумел организовать ульрууджурриан, который перехитрил Церковь и поставил в тупик Конду Чаллис, сумел теперь только, запинаясь, сказать:

— Что значит, ты хотел бы знать?

— Думаешь, я бы не ответил, если бы знал? — почти умоляюще сказал Септембер.— Я не уверен. Не могу сказать точно, потому что не уверен. Не могу ответить

ни да, ни нет. И никакого места для «может быть», приятель. То, что я сказал, значит: я могу быть твоим отцом.

— Не будем играть в слова,— медленно и холодно сказал Флинкс.— Спал ли ты с моей матерью? Ее звали Линкс, она была из Аллахабада, провинция Индия, Земля.

Септембер покачал головой, посмотрел на Флинкса так, словно увидел его впервые.

— Ты очень необычный молодой человек. У тебя есть и мозги и характер, Флинкс, приятель. Кстати, ты не богат?

— Нет.

— Хорошо,— довольно заметил Септембер,— потому что если бы ты был богат, а я сказал бы, что я твой отец, ты бы проявил обычную подозрительность богатых и не поверил бы мне.

— Откуда ты знаешь, что я собираюсь делиться своим богатством? — возразил Флинкс.— Может, я ищу отца, чтобы отомстить. Может, просто хочу выпустить тебе мозги.

— Я бы не стал тебя винить,— ответил Септембер.— Но я никогда не спал с твоей матерью, в этом я уверен. Никогда не был в провинции Индия, тем более в городе, который ты назвал. Я не знаю твою мать и не узнал бы ее в лицо, если бы ты ее мне показал.

— Это невозможно,— заверил его Флинкс.— Я говорил, она умерла еще до того, как меня продали.

— Жаль,— сказал Септембер, проявляя жалость к женщине, которую он не знал.

Мысли Флинкса смешивались.

— Не понимаю этого, не понимаю.

— А кто понимает? — философски заметил гигант.

— Если ты никогда не спал с моей матерью, вообще не встречался с ней, как ты можешь быть моим отцом?

— Все взаимосвязано, приятель,— Септембер заложил руки за лохматую голову и откинулся назад.— Как ты думаешь, почему я в тот день оказался на Моте, пытался купить тебя? И почему не купил?

— Тебе не хватило денег, чтобы перекрыть предло-

жение матушки Мастифф,— предположил Флинкс.— Это старуха, которая меня купила.— Но потом вспомнил кое-что еще из рассказа работорговца.— Ты покинул аукцион в спешке, и там оказалось много полиции.

— Очень хорошо, у твоего источника хорошая память,— сказал Септембер,— У меня хватило бы денег, чтобы купить тебя и других. Но меня разыскивали. Полиция каким-то образом узнала, что я на Моте. И так как за меня объявили большую награду, меня стали искать. Пришлось побыстрее уходить. Так я и не смог купить тебя. Это одно из немногих дел, которые я не сумел сделать. Кстати, сколько ты бы заплатил, чтобы узнать, подлинный ли я твой отец?

Флинкс никогда не думал, что можно заплатить за этот ответ.

— Не знаю. Надо подумать.

— Хорошо,— согласился гигант,— мне тоже.— Он перевернулся, раскидывая камни.— Поговорим завтра. Сейчас я выжат. Спасать твою жизнь — довольно утомительное занятие.

Отец он его или нет, Флинкс с готовностью задушил бы великана за эту затяжку. Но делать было нечего, и ему не хотелось настраивать Септембера против себя. Этого человека нельзя подталкивать. К тому же, сказал себе Флинкс, он ждал так долго, еще один вечер особого значения не имеет. Да он и сам очень устал. И к тому же сомневался, что сможет охватить руками толстую шею Септембера.

Как оказалось, утром продолжить разговор не удалось. Автоматические сканнеры выполнили свое назначение. И подключенные к ним сигналы тревоги тоже. Трое обитателей древнего храма проснулись от громкого рева.

— Отоиды,— коротко сказала Хасбога, хватая свой пистолет и снимая его с предохранителя. Она оказалась у окна на галерее, пока Флинкс еще просыпался. К тому времени как он проснулся окончательно, Септембер тоже поднялся по лестнице на галерею. Они вдвоем расхаживали по широкому карнизу стены храма, часто стреляя вниз. Флинкс услышал гомон отоидов.

Он тоже поднялся на галерею. Скоро сквозь щели начали проникать стрелы. Септембер бранился так же быстро, как стрелял. Стоя рядом и глядя, как Марк Двадцатый срезает деревья и сбрасывает туземцев на землю, Флинкс чувствовал себя беспомощным. Время от времени он стрелял из своего легкого оружия.

Стрела ударилась в камень, она почти по вертикали пролетела рядом с Септембером. Тот посмотрел наверх.

— Они на крыше храма,— сказал он,— там их, должно быть, много. Мы не можем удерживать эту галерею.

— В туннель,— сказала Исили,— быстрее!

Когда они бежали по лестнице, Флинкс оставался между ними. Они добрались до пола. За поворотом стены оказались пять ступенек, которые Флинкс раньше не заметил. Аб присоединился к ним и с любопытством разглядывал вход.

— Они скоро откроют нашу дверь,— сказал Септембер.— У этого помещения есть несколько боковых входов, но будь уверен: они только и ждут, чтобы мы высунулись через один из них.— Он указал на невысокий проход внизу ступенек. Переносные фонари освещали сухой каменный пол.

Септембер собирал пакеты с пищей и засовывал их в многочисленные карманы рубашки, которую накинул проснувшись. Часть пакетов он передал Флинксу.

— В этом туннеле мы копали. У него только один вход — и выход, конечно.

Несколько стрел ударились в каменную стену. Септембер развернулся, подняв ствол Марка Двадцатого. Синий огонь очистил окно галереи, оставив дымящийся камень и тела.

— Им может это надоесть,— заметил он, говоря так, словно их и не прерывали.— Если же не надоест... — Он снова выстрелил.— ...у нас будет выбор: напасть на них или умереть с голоду. Но не думаю, чтобы они смогли прорваться сюда.

Таща свою долю контейнеров, Флинкс вслед за Хасбогой спустился по ступенькам и прошел по узкому извилистому туннелю. Септембер шел последним, прикрывая отступление.

В тусклом свете Флинкс увидел, что туннель грубо пирамидальный по форме с узкой лентой плоского потолка вверху. Вдоль каждой стены проходила линия тонких барельефов. Третья такая линия украшала потолок. Под ногами плоские чередующиеся плиты синего, зеленого и чисто белого камня; белые плиты сверкали, как глазированная плитка, а зеленые и синие оставались похожими на камень. Аб легко двигался за Флинксом, раздраженно напевая.

Наконец они остановились. Отдуваясь, Флинкс уронил свою груду контейнеров. Хасбога положила пистолет на груду свежевыкопанной земли, а Септембер поставил рядом свое массивное оружие.

Молчание скоро сменилось гомоном отоидов, те устремились в туннель.

— Приготовиться,— прошептал Септембер.

Хотя крики аборигенов звучали громко, их совершенно заглушил грохот мощного оружия. Септембер и Хасбога принялись стрелять в толпу орущих туземцев. Флинкс чувствовал себя как муха в грузовом отделении шаттла в момент посадки.

Туннель превратился в длинную огненную кишку, переваривавшую камень и отоидов с одинаковым равнодушием. В небольшом объеме сосредоточилась огромная огневая мощь, и легкий пистолет Флинкса оказался не нужен. Флинкс сберег свой скромный заряд, предоставив Септемберу и Хасбоге завершать сожжение.

Постепенно отоиды поняли, что добрались до пункта, через который живым пройти нельзя. С криками и проклятиями они отступили за первый поворот и оказались вне досягаемости. Об их присутствии напоминала длинная полоса дымящихся обожженных трупов. И так как легкий ветерок всегда тянул внутрь, обитатели конца туннеля получили полную порцию запахов этого ужасного шашлыка.

— Что теперь? — спросил Флинкс, переводя взгляд с Хасбоги на гиганта. Несмотря на прочность каменных стен, он нервничал.— Могут они перекрыть туннель и оставить нас в ловушке? Или выкурить?

— Это не проблема,— сказала Хасбога,— хотя при-

дется дышать из одного баллона.— Она указала на груду шахтного оборудования в углу. Там была пара атмосферных масок для раскопок в местах, где не хватает воздуха.

— Аляспиниане хорошо строили свои храмы,— продолжала она, указывая на стены вокруг.— Не думаю, чтобы со своими примитивными орудиями отоиды смогли разобрать кладку. Даже если бы и могли, сомневаюсь, чтобы они стали это делать.

— Почему?

— Если они это сделают и замуруют нас,— объяснил Септембер,— они не получат наши глаза.

— Опять глаза,— сказал Флинкс.— Что они делают с глазами мертвецов?

— Неважно, молодой приятель,— последовал мрачный ответ.— Это не очень приятная тема.— Флинкс решил не настаивать на объяснении. Если эта тема тревожит Септембера, вряд ли ему приятно будет узнать.

— Они будут ждать, пока нас не выгонит голод,— тоном профессионала сказал гигант, глядя в дальний конец туннеля. Во всяком случае я думаю, в ближайшее время приступа не будет. Сначала они посидят и все обсудят.— Поставив на место ружье, он повернулся и сел у стены.

Флинкс воспользовался возможностью осмотреть часть туннеля, куда они отступили. Не комната, не помещение, просто небольшое расширение туннеля. Возможно, резьба на стенах и потолке чуть обильнее и сложнее. Через три метра туннель становился прежним, а еще через несколько метров заканчивался грудой камней. Несмотря на уверения Хасбоги, ясно, что аляспинианские храмы не неприступны.

Она заметила направление его взгляда и с некоторым энтузиазмом сказала:

— Как видишь, мы просверливали и очищали эту часть. Пытались установить, куда ведет туннель. Я изучила планы тысяч храмов, но этот туннель не имеет аналогов. К тому же если в аляспинианских храмах есть туннели, они прокладываются под прямыми углами и ве-

дут к совершенно определенной цели. Обычно в другие здания. А этот туннель не имеет смысла. Он просто извивается и никуда не ведет. Сравнительно с обычными туннелями и коридорами Аляспина этот словно чей-то кишечник.

— А что ты надеешься найти в его конце? — спросил Флинкс.

Она пожала плечами, но улыбнулась с надеждой.

— Кладовую, если нам повезет. Иридиевые храмовые маски, городские сокровища — все ценности Миммисомпо, которые жрецы захотели бы спрятать и сохранить. Может, даже религиозный скипетр. Их обычно делали из хризориллиума и украшали сапфирами. Могут даже найтись опаловые бриллианты.

— Несомненно, все это имеет большую научную ценность,— сказал Флинкс.

Она бросила на него предупреждающий взгляд.

— Не смейся, Флинкс, пока не проведешь десять лет в бесполезных исследованиях, которыми руководят напыщенные ослы с богатыми родителями. Помни, я предпочла бы вести исследования на своей родной планете. Для меня это просто средство добиться своего.

— Прости,— сказал Флинкс.— Я...

Септембер прервал его

— Извинишься позже, парень,— заявил он, поворачиваясь, чтобы дотянуться до Марка Двадцатого. В туннеле послышались гневные крики.— Они снова идут.

Но великан встревожился преждевременно. Крики не приближались, хотя продолжали звучать

Септембер поглядел поверх защитной стены.

— Наверно, последний спор из-за тактики,— с приятным видом предположил он. Крики стали громче, и Флинксу показалось, что он слышит звуки схватки

— Они как будто очень рассердились друг на друга. Это хорошо! Несколько лучших воинов дерутся. Могут прикончить друг друга. У отоидов дурной характер Известно, что такое случалось

Хасбога утвердительно кивнула

— Есть несколько сообщений об отоидах, нападавших на старателей и аванпосты. Эти нападения иногда

заканчиваются взаимным истреблением.— Она выглядела возбужденной.— Больше себя отоиды ненавидят только людей и транксов. У нас может появиться шанс!

— Шанс, романс, ленивый транс,— послышался сзади высокий голос.— Мыться, мыться, есть маис... как вам эта кантата?

Септембер взглянул на Аба. Чужак забавлялся в дальнем конце раскопок, жонглируя камнями всеми четырьмя руками. Что-то пришло гиганту в голову, и он оценивающе посмотрел на Флинкса.

— А нельзя ли использовать твою собственность как приманку? Мы бы поняли, насколько они заняты друг другом.— И добавил, прежде чем Флинкс смог ответить: — Возможно, он им так понравится, что они сочтут его подарком. У него четыре глаза, вместо наших двух. И тогда они уйдут, не рискуя больше.

— Нет,— сердито ответил Флинкс. Он сказал это твердо, чтобы больше не было споров.

Но это не остановило Септембера.

— Почему нет, парень? Ты сам признал, что он для тебя обуза. Он явно сумасшедший и ни на что не годен. А если может выдержать стрелы, то, возможно, и прорвется.

— Аб — разумное существо,— очень медленно ответил Флинкс.

Септембер фыркнул.

— Это могло бы спасти нам жизнь.

— Он совершенно беспомощен,— напряженно продолжал Флинкс,— полностью зависит от нас. Больше того, Аб верит мне. Я не послал бы его туда,— он махнул в сторону туннеля,— как не послал бы раненую кошку.

— Этого я боялся,— вздохнул Септембер, посмотрев на Хасбогу.— Наш юный друг идеалист.

— Не будь слишком уверен в этом, Септембер,— предупредил его Флинкс.— Когда нужно, я забываю об идеализме.

— Полегче, парень,— сказал Септембер.— Исили, а что ты скажешь, женщина?

Хасбога посмотрела на своего партнера, потом на Флинкса.

— Это существо принадлежит Флинксу. Оно на его ответственности,— объявила она, не отрывая взгляда от лица Флинкса.— Мы все еще не знаем, дерутся ли аборигены друг с другом. Подождем и посмотрим, что они будут делать. Я не хочу предпринимать решительных действий, пока у нас есть вода и пища. Аб останется с нами, если парень этого хочет.

— Музыка, музыка, временно сконфужена,— рифмовал Аб, не сознавая своего положения и того, что только что решалась его судьба.

— Ну, подождем,— согласился Септембер, сдаваясь.— Мне просто не нравится ждать.— Он снова стал смотреть в туннель. По крайней мере холодный воздух замедлит разложение. Иначе зловоние разлагающихся трупов и дым заставят их надеть маски.

Совершенно неожиданно в противоположном конце туннеля стало темно. Флинкс всмотрелся, не веря своим глазам. Септембер перегнулся через стену и пытался заглянуть за изгиб. Тьма чуть приблизилась.

— Что они делают? — беспокойно спросил Флинкс. Замуровывают коридор?

— Нет,— негромко ответил великан.— Не думаю Первой поняла, что делают туземцы, Хасбога.

— Они снимают фонари,— сообщила она, когда появилось несколько новых метров темноты.— Не прикрывают рефлекторы, а просто снимают и выносят из туннеля.

— Последние три снять не смогут,— сказал мрачно Септембер, поднимая свое громоздкое ружье и чуть поворачивая его влево. Крики и вопли прервали разговор; из-за поворота показалась новая толпа туземцев Септембер прицелился в место рядом с драгоценным фонарем и разносил одного туземца за другим, когда они пытались добраться до неуничтожимых шаров. Хасбога старалась сдержать остальных, а Флинкс, как мог, помогал своим маленьким пистолетом.

Но они наступали такой тесной толпой, их было так много, что Септемберу пришлось повернуть свое оружие, чтобы изгнать туземцев из туннеля. В это время один из аборигенов сумел добраться до фонаря. И с тор-

жестом выдернул его из крепления.

С победными криками толпа отступила в безопасность, неся с собой драгоценный свет. Теперь оставалось только два шара, один на полпути только что снятого, а другой в нескольких метрах от Хасбоги. За ними полная темнота.

— Они готовятся к новому нападению — мрачно сказал Септембер.— Успех их подбодрил. Теперь руководит один воин.— Гигант указал на второй фонарь в глубине туннеля.— Если они доберутся до этого, у нас будут неприятности.

Это напомнило ему о прерванном разговоре. Септембер указал на распевающего Аба.

— Ну так как?

Хасбога посмотрела на чужака, потом задумчиво — на Флинкса, потом на свое оружие.

— Пока нет. Может, они не доберутся до этого фонаря.

Септембер негромко заворчал, но не стал спорить. Флинкс заметил, что с приближением вероятной смерти великану стало отказывать чувство юмора.

Прошло несколько часов, и мирную тишину прервали ужасные крики и вопли. Флинкс на этот раз не подпрыгнул, слух его еще не пришел в себя от прошлого нападения. Они ждали атаки, но ее не было.

— Почему они не идут? — напряженно спросила Хасбога, пытаясь заглянуть за поворот темного туннеля.

— Пытаются запугать нас,— холодно предположил Септембер, на которого, очевидно, эта душераздирающая какофония не подействовала.— Не обращайте внимания и будьте наготове. Шум нам не повредит.

— Физически,— ответила Хасбога.— Но все равно действует.

Концерт продолжался бесконечно. Флинкс уже нервничал, когда он начал слабеть. Но тут крики быстро затихли, и все стало спокойно. Слишком спокойно.

Клянусь О'Морион,— удивленно сказал Септембер.— Я думаю, они уходят.

— Может, все-таки начали драться друг с другом,— предположила Хасбога, не осмеливаясь поверить в это.

— Нет, кто-то идет,— сообщил Флинкс и тут же выругал себя за эти слова.

Септембер взглянул на свое оружие. Прошло несколько секунд, и он неуверенно посмотрел на Флинкса.

— Откуда ты знаешь, молодой приятель? Я ничего не вижу и не слышу.

— У меня очень острый слух,— солгал Флинкс

У него создалось впечатление о присутствии там какого-то разума. Но помимо этого, он ничего не чувствовал. Сознание его отупело от попыток прошлого дня, от эмоционального перенапряжения. Сейчас он не мог определить, кто приближается, как не смог бы отличить гранит от гнейса.

— Я тоже что-то слышу,— прошептал Хасбога, прижимая к груди оружие, как ребенка. В тишине они услышали легкий скрип камня под ногой.

— Несколько лучших лучников пытаются подобраться поближе, пока мы еще не пришли в себя,— решил Септембер.— Но эта тактика не сработает.— Он слегка изменил прицел и уменьшил уровень заряда: незачем тратить энергию на несколько аборигенов

В тишине слышалось только их собственное дыхание. Это заставило мягкий педантичный голос казаться громче обычного.

— Пожалуйста, *не стреляйте,— попросил этот голос* на превосходном терроанглике, *но с легким акцентом.*— Надеюсь, вы не *ранены.*

— Это голос транкса,— удивленно сказал Септембер. Он встал и всмотрелся в темноту.— Выходи, кто бы ты ни был!

Снова послышался скрип. И вскоре на свету появились две фигуры. Почтенный пожилой транс, очевидно, тот, который обращался к ним. Антенны его свисали, а хитин приобрел глубокий пурпурный оттенок. Оба крыла прошли лечение от растрескивания, но инсектоид шел с достоинством, а его блестящие сложные глаза казались совсем молодыми

Спутником его был высокий худой человек, тоже пожилого возраста. Глаза у него простые, не сложные радужные, но они тоже блестели под слегка раскосыми бровями.

— Как быстро ни идешь, все равно опоздаешь,— устало заявил транкс.— Вам не причинили вред?

— Нет, нет,— ответила Исили Хасбога. Она пыталась заглянуть в темноту туннеля за этими двумя.— Что случилось с отоидами?

— Я рад сообщить,— ответил высокий человек на терроанглике со странным акцентом,— что мы приземлились прямо в их середине, обсудили ситуацию и уговорили их уйти с миром. К несчастью, у них больше воинственности, чем ума.— Он казался смущенным.— Наш скиммер у входа в этот храм. И с нами тяжелое оружие.

— Откровенно говоря, я бы не расстроился, если бы вы полностью уничтожили этих маленьких ублюдков,— заявил Септембер, вставая и стряхивая пыль с одежды.

— Простите,— с ледяной вежливостью ответил транкс,— но мы не занимаемся геноцидом.

Для транкса необычно так хорошо владеть терроангликом. Флинкс придвинулся, чтобы лучше разглядеть спасителей. За всю свою жизнь он встретил только одного транкса, который говорил на языке людей, как на родном. Это был...

— Трузензузекс! — воскликнул Флинкс, протискиваясь мимо ошеломленного Септембера.— Бран Цзе-Мэллори!

Глава десятая

Партнеры старатель и археолог тупо смотрели, как их молодой посетитель обменивается приветствиями со странными спасителями.

Цзе-Мэллори улыбался своей легкой улыбкой, за которой он скрывал свой энтузиазм. Эйнт Трузензузекс издавал щелкающие звуки высокого транкссского, соответствующие приветствию и большому удовольствию, потом добавил на терроанглике:

— Как приятно снова увидеть тебя, юный Флинкс.

Септембер смотрел на эту встречу с открытым ртом; потом брови его задумчиво сблизились, он продолжал наблюдать и слушать.

— Умственно и эмоционально я согрелся,— заявил философ транкс,— хотя не могу того же сказать о физическом состоянии. Поэтому я вынужден... попросить тебя... убрать руки... с моей груди... чтобы я мог... дышать.

— О, прости,— извинился Флинкс, переставая обнимать старого инсектоида. Восемь дыхательных спикул снова заработали.— Но что вы здесь делаете, старые друзья? Из всех мест вселенной меньше всего я ожидал...

— Все в свое время, парень,— вмешался Цзе-Мэллори, делая успокаивающие движения обеими руками.— Я предлагаю поскорее покинуть это тесное помещение. Аборигены могут решить вернуться. Отсюда мы не сможем направлять вооружение скиммера.

— Я за,— заявил Септембер, принимая спасение без объяснений.— Рента за эту крысиную дыру заплачена.— Он подхватил свой Марк Двадцатый.

Под предводительством Цзе-Мэллори небольшой отряд спасителей и спасенных двинулся по туннелю.

Хасбога пошла быстрее, чтобы догнать Флинкса. Она испытывала одновременно облегчение, смущение и настороженность.

— Ты, очевидно, знаешь этих двоих,— обвиняюще сказала она.

— Они мои старые друзья, как я и сказал,— с готовностью признался Флинкс.

— А что они здесь делают? *Я, конечно, не жалею,* что они появились, *ты понимаешь,— торопливо добавила* она, чтобы не казаться неблагодарной.— Но ты говорил нам, что ты здесь один, если не считать твоего покойного друга там, в храме.

— Я сказал тебе правду,— ответил Флинкс.— Я не меньше тебя и Септембера удивился, увидев их. Он оглянулся через плечо, неожиданно вспомнив. Конечно, Аб по-прежнему сидит в нише, играя камнями.

— Двигайся, Абаламахаламатандра! — нетерпеливо крикнул он.

Аб посмотрел на него со своего места у расширения туннеля.

— Давай шагай, лети в сети,— сказал он, должно

быть, самому себе, а может, Флинксу, а может, вообще ни к кому не обращаясь.

Перед Абом аккуратным кружком лежали двенадцать камней. С помощью еще нескольких камней свихнувшийся чужак создавал в центре круга абстрактную картину, казавшуюся бессмысленной. Он нашел камни в небольшом углублении, куда попали его нога во время схватки.

Услышав голос хозяина, он торопливо засунул камни: алмазы, танзаниты, несколько первоклассных черных изумрудов — обратно в отверстие. Они пролетели полметра и упали на дно тайника. Один из них отскочил от аляспинианской маски двойного дьявола, шириной и высотой в метр, сделанной из чистого платиниридия и украшенной многочисленными драгоценными камнями. Маска лежала наверху небольшой груды аналогичных произведений искусства.

— Иди гряди,— приказал себе Аб, вставая и торопясь по коридору за Флинксом.

Выйдя в просторный храмовый зал, который они покинули раньше, утомленные спасшиеся были встречены дружески ярким дневным светом, который проходил в окна галереи и в широко раскрытую дверь. На полу валялись обломки самодельной деревянной двери.

Хасбога бросила один взгляд и застонала, увидев состояние припасов, которые они не могли взять с собой в туннель. Все съедобное исчезло, все неорганическое было разбито, разорвано, приведено в негодность. Спальный матрац превратился в множество узких полосок пластика, которые шевелились на ветру. Автоповар, единственное средство получения приличной пищи, стал грудой металлолома, многие части его отсутствовали. Несомненно, металл пойдет на изготовление наконечников стрел отоидов.

— Это конец,— вздохнула Исили, наклоняясь и безжизненно подбирая обломки разбитой мечты.— У меня нет денег, чтобы восстановить это все.— Она порылась в мусоре и нашла изогнутую катушку с лентой.

— Как они нас ненавидят,— прошептала она.— Почему?

Рука размером с хорошую книгу легла ей на плечо. Септембер смотрел на нее со смесью отцовской и неотцовской любви.

— Наберем где-нибудь кредитов, Исили, если действительно хочешь сюда вернуться. Это всего лишь деньги. Я десять раз в жизни богател и разорялся. Весы всегда уравновешиваются.

— Не для меня! — сердито ответила она, бросая бесполезную катушку в груду мусора. Исили громко всхлипнула.— Я не буду плакать. Это ненаучно, несоответственно и ничего не решает.

— Совершенно верно,— ответил Септембер, отворачиваясь и делая вид, что не заметил ее слез.— Я сказал, что мы раздобудем кредиты. И раздобудем! — Он посмотрел на груды тел отоидов. В стенах храма появилось несколько отверстий с черными краями. И то, и другое свидетельствовало об эффективности оружия, которое находится в скиммере у двух странных пришельцев.— Они за это заплатили,— закончил гигант, осматривая тела отоидов.

— Мы вам сочувствуем,— Трузензузекс сделал жест, похожий на благословение,— но нам следует поторопиться. Вернувшиеся будут гораздо более сердиты, чем те, что спокойно лежат здесь.— Престарелый философ смотрел на Септембера, утешающего Хасбогу.— Мы не знаем вас, а вы не знаете нас,— заметил он.— У нас есть доступ к некоторым фондам. Твоя потеря трогает меня.— Голова словно из бумажных складок слегка повернулась; Тузензузекс посмотрел на стоящего за собой высокого человека.— Бран, мы можем помочь этим двоим?

Хасбога повеселела и неуверенно перевела взгляд с человека на насекомое.

— Благородные сэры, мы вечно будем у вас в долгу!

— Мы не благородные,— резко поправил Цзе-Мэллори.— Мое имя вы уже знаете. Мой спутник,— он слегка коснулся груди насекомого,— философ теоретик, среди транксов у него ранг эйнта. Мы ранее служили Объединенной Церкви.

— А кому вы сейчас служите, Цзе-Мэллори? — спросил Септембер.

Слегка сморщенное лицо загадочно улыбнулось.

— Своему собственному любопытству. Ваши имена, сэр?

— Исили Хасбога, моя хозяйка,— ответил Септембер, не обращая внимания на ее злой взгляд,— а я Скуа Септембер. Мы оценим любой заем, который вы сможете предоставить нам, хьюманксы.

Цзе-Мэллори посмотрел в глаза человека, вдвое тяжелее его самого.

— Септембер... я откуда-то знаю это имя.

Гигант улыбнулся.

— Не могу представить себе откуда и как, Цзе-Мэллори, сэр.

— Я вижу, ты не возражаешь,— сказал Трузензузекс своему другу.— Вопрос о деньгах и памяти обсудим позже, когда покинем это опасное место. Если вы поторопитесь,— снова обратился он ко всем,— наш скиммер у самого входа.

Все двинулись... за одним исключением.

Флинкс почти не слушал предыдущий разговор. Он стоял в стороне, глядя на безглазое тело Покомчи. Теперь он резко отвернулся.

— Минутку.— Остальные остановились и посмотрели на Флинкса, а он неторопливо, словно в запасе у него все время мира, стал очищать от грязи, пыли и гравия Аба. Как всегда, чужак позволил это делать без комментариев.

— Все слишком торопятся,— продолжал Флинкс.— Я не пойду отсюда, пока кое в чем не разберусь.— Трузензузекс неодобрительно посмотрел на него, но Флинкс был тверд.— И вы с Браном не пойдете, пока... — Что-то щелкнуло в его сознании, и он заговорил быстрее.— Вы следили за мной. Вы должны были следить за мной, иначе вас бы здесь не было. Либо у вас какие-то дела с Исили и Септембером. Но по вашему разговору я заключаю, что вы не знали друг друга и познакомились всего несколько минут назад.

Септембер посмотрел на него с любопытством, Хасбога — с замешательством.

— Не знаю, почему вы за мной следили,— продол-

жал Флинкс.— Но хочу узнать.— После короткой паузы он почти равнодушно добавил: — Это вы две убили квармов в складе на Моте, когда я направлялся в шаттлпорт.

На лице Хасбоги при упоминании клана убийц появилось встревоженное выражение.

— Квармы? А при чем тут квармы? — Она так посмотрела на Флинкса, словно он неожиданно заболел заразной болезнью.

— Тише,— сказал Септембер.— Пусть закончит.

— О, нет,— возразила она.— Не хочу ничего от тех, кто имеет дела с квармами.— Она благодарно, но осторожно улыбнулась Цзе-Мэллори.— Спасибо за предложение помощи, сэр, но можешь оставить деньги и спор с квармами при себе. Мы найдем кредиты где-нибудь в другом месте.

Цзе-Мэллори выслушал ее и повернулся к Флинксу, словно Хасбога и не раскрывала рта.

— Да, мы убили их, прежде чем они смогли убить тебя, Флинкс.

Это объясняло стихающий умственный крик и звуки, которые слышал Флинкс, уходя со склада. Цзе-Мэллори и Трузензузекс, два этих пожилых существа, заканчивали свою грязную работу. Несомненно, квармы были очень удивлены.

— Значит, вы *следили за мной,— заявил он, но не* обвиняюще, а с любопытством.

— Все время с самого Мота,— ответил Цзе-Мэллори,— но ты прав лишь частично, Флинкс.

Трузензузекс истинной рукой и руконогой указал влево от Флинкса и за него.

— Прежде всего, Флинкс, мы пытались догнать его.

Флинкс секунду тупо смотрел на философа. Потом повернулся и молча посмотрел назад. Септембер и Хасбога тоже.

Аб заметил всеобщее внимание, захихикал своим необычным смехом и начал громко читать стихи новой аудитории.

Флинкс отвернулся от своего подопечного, осмотрел груды тел на полу храма, остатки лагеря Септембера

и Хасбоги и признал, что не видит никакой логики в происходящем.

Септембер, по-видимому, решил то же самое.

— Вы двое следовали за этим спятившим четвероногим не знаю зачем,— недоверчиво спросил он,— и убили из-за него квармов? — Он удивленно покачал своей большой головой.— Но вы не похожи на сумасшедших.

— Квармы тоже,— ошеломленно добавил Флинкс.— Почему Аб так важен для них?

— Абаламахаламатандра, так ты назвал его в туннеле,— протянул Цзе-Мэллори, не обращая внимания на вопросы.— Аб сокращенно. У него есть имя. Интересно.

— Ты уклоняешься от ответа, Бран,— сердито сказал Флинкс высокому человеку с Востока.— Ты не тот Цзе-Мэллори, который пытался отгадать, как действует кранг. Почему квармы хотели убить Аба?

— Не квармы,— спокойно поправил Трузензузекс.— Совсем не квармы. Если они кого-то и хотят убить, так это тебя, Флинкс, из-за тех неприятностей, что ты им причинил. Но Аб для них — только сумма в конце счета. Их наняли другие, они-то и хотят смерти твоего случайного спутника.— Философ выглядел печальным и сердитым.— Квармы — это зло, которое мы унаследовали от непросвещенного периода, предшествовавшего Соединению. Я никогда не понимал, почему Федерация и Церковь терпят их. А что касается Аба, то есть очень влиятельные силы, которые хотят его уничтожения. Не просто смерти, но именно уничтожения.

— Но почему? — не понимая, спросил Флинкс.— Вы только посмотрите на него.— И он указал на невинное рифмующее существо.— Почему кому-то хочется смерти этого безвредного создания, и зачем идти на такие усилия для этого? — Снова повернувшись к Трузензузексу, он показал своим следующим вопросом, насколько вырос с их последней встречи.— Но еще интереснее, почему два индивидуума с вашими способностями идут на такие меры, чтобы помешать этому.

— А почему ты сам спас его в первый раз, прежде чем мы смогли это сделать? — спросил Цзе-Мэллори.

Флинкс, не глядя на него, раздраженно ответил:

— У меня способность совать нос в дела других людей. Я много времени провел, пытаясь от нее освободиться. Вообще-то я не собирался вмешиваться. Это Пип... — Он замолчал посредине предложения.

— Я не вижу минидрага,— согласился Трузензузекс.— Твой любимец мертв?

— Нет,— ответил Флинкс.— В сущности я не знаю. Это его родная планета. У человека, который привел меня сюда, тоже был минидраг, Бальтазар. Оба улетели ночью. Наверно, навсегда, хотя,— с надеждой добавил он,— всегда есть шанс, что они вернутся.— Тон его стал твердым.— Вы оба стараетесь отвлечь меня. Я не сяду в ваш скиммер, хитроумные старики,— Трузензузекс издал щелкающий звук,— пока не узнаю, почему кто-то хочет смерти Аба и почему вы хотите сохранить ему жизнь.— Он удивленно покачал головой.— Мне кажется, что ни я, ни Аб не стоим всего этого внимания.

Бран Цзе-Мэллори ответил, нетерпеливо взглянув в сторону входа в храм:

— Сейчас не место и не время, Флинкс.

Флинкс сложил руки на груди и сел на ближайший камень.

— Я не согласен.

Исили Хасбога печально перебирала остатки своего научного оборудования. Заговорив, она отбросила с лица пряди волос.

— Я должна согласиться с твоими друзьями, Флинкс. Отоиды вернутся, их будет вдвое больше. И когда они вернутся, я не хочу быть здесь.

— Прости, глупышка,— сказал Септембер.— Я поддержу парня.— Он одобрительно взглянул на Флинкса.— У тебя интересные друзья для твоего возраста, приятель. Продолжай упрямиться. Я с тобой.

— Ну, хорошо,— раздраженно свистнул Трузензузекс.— Бран?

Цзе-Мэллори отрицательно покачал головой. Он осмотрел Септембера, который покачивался на пятках, негромко распевая, внешне совершенно равнодушный к возможному появлению нескольких тысяч вопящих аборигенов.

— Если ты возьмешь свой замечательный Марк Двадцать, мистер Септембер, и выйдешь со мной, мы покараулим, пока эти двое болтают.— Септембер кивнул в знак согласия и положил ружье на плечо.— Постарайся покороче, Тру,— попросил Цзе-Мэллори товарища.

— Если здесь кто-то виновен в болтливости,— послышался спокойный ответ,— то не я.

— Спорный вопрос,— просто ответил Цзе-Мэллори, выходя вслед за Септембером по ступеням из храма.

— Никто не свободен от обвинений в спорах,— крикнул вслед ему Трузензузекс, но Цзе-Мэллори и Септембер уже вышли.

Снаружи они забрались в скиммер.

— Парень сказал, что транкс эйнт и философ,— сказал Септембер, чтобы начать разговор.— А ты?

— Я упомянул, что мы служили Объединенной Церкви. Я был Вторым Советником.

На Септембера это произвело впечатление.

— Очень высоко. Ни за что не подумал бы. Сам я никогда не видел толку в Церкви.

— Мы с Тру тоже. Поэтому и ушли из нее.— Обычные звуки джунглей позволили им слегка расслабиться.— А ты, сэр?

— О, я занимался всем понемногу,— скромно ответил Септембер,— и все понемногу то же делало со мной.— Он не стал вдаваться в подробности, а Цзе-Мэллори не расспрашивал.

* * *

Усевшись на четыре истинные ноги, Трузензузекс сложил истинные руки и жестикулировал во время рассказа руконогами, а за Флинксом Аб раскладывал кругом камни (на этот раз обычные) и негромко бормотал про себя.

— Флинкс, что ты знаешь о двойной системе Кармадж-Колланга тта и о планете Твоски Брайт?

Флинкс немного подумал и ответил непонимающим взглядом.

— Немного больше того, что ты только что сказал мне. Их названия. Я там никогда не был. Мне кажется,

это высокоразвитые плотно населенные планеты.

— Верно,— сказал Трузензузекс, кивая.— Все три очень важны для экономики Федерации; устройчивые развитые планеты. Всем им предстоит умереть... по крайней мере большинству их жителей — но, вероятно, и самим планетам тоже.

— Из солнца станут новыми,— предположил Флинкс. Он нахмурился.— Это было бы странным совпадением.

— Мне кажется, ты специалист по совпадениям, мальчик. Твоя догадка неверна. Ситуация такова. Много лет назад, хотя и не очень много, научный зонд Федерации, исследуя пространство за темной туманностью, называемой Бархатная Дамба, обнаружил, что одна звезда превращается в ничто, исчезает. Конечно, она превращалась не в ничто, а в нечто такое, что напоминает ничто.

— Не думаю, чтобы я понял,— сказал Флинкс.

— Поймешь. Ваш Льюис Кэрролл понял бы. Он ведь был физик, мне кажется? Ну, неважно. Эта звезда погрузилась в бродячую черную дыру. Такой объект теоретически предполагался, но в данном случае обнаружен впервые. Его курс можно определить. И мы знаем достаточно, чтобы предположить, что лишь небольшой процент населения будет эвакуирован, прежде чем звезды этих планет будут поглощены бродягой.

Флинкс забыл собственные проблемы, пытаясь представить себе катастрофу такого масштаба, о которой рассказывает Трузензузекс. Он посидел молча, задумавшись, потом спросил:

— Но зачем ты мне все это рассказываешь? Какое отношение это имеет к тому, что вы здесь оказались.

Трузензузекс слегка изменил позу, когти его заскребли пол.

— Из-за твоего приобретения, твоего знакомства, твоего подопечного или как еще ты его называешь,— он указал истинной рукой на рифмующего Аба.— Возможно, в нем единственный шанс спасения этих планет.

Не зная, что сказать в ответ на это невероятное известие, Флинкс молчал.

— Черная дыра есть крайнее состояние сжимающейся материи, обычно это звезда, которая сжимается в точку,— объяснял философ.— В случае с бродягой мы считаем, что черная дыра состоит не из одной звезды, а из множества коллапсировавших звезд. Десятков, может, сотен. У нас нет инструментов для прямого наблюдения, но мы делаем заключение по скорости, с какой поглощалась звезда, наблюдавшаяся зондом. Для коллапсара масса бродяги огромна.

— Но как может кто-нибудь, а меньше всего Аб — из всех существ галактики,— помочь вам? Ничего не может повернуть или уничтожить коллапсар. Ничего такого, о чем я слышал,— быстро добавил Флинкс.— Я не вижу связи, Тру, сэр.— На мгновение он стал похож на студента, ожидающего от учителя ответа на свой вопрос.

— На твоем месте я не винил бы себя,— успокоил его Трузензузекс.— Ты не один.— В голосе его звучала горечь.— И Высший Совет Федерации, и двор Последнего Оплота Объединенной Церкви считают, что спасти три планеты невозможно. Сейчас пытаются спасти небольшие группы населения, не вызывая паники, которая начнется неизбежно. И отказываются рассматривать альтернативы.

— А есть альтернатива? — удивленно спросил Флинкс.

— Надеемся,— сказал философ.— И мы с Браном посчитали, что все, что может спасти миллиарды жизней и неисчислимые триллионы кредитов, как бы нелепо ни звучало, стоит рассматривать серьезно, а не шутливо. И мы считаем, что находимся на верном пути, это подтверждают лихорадочные попытки других групп уничтожить надежду. Как твой поэтически настроенный чужак с этим связан, я сейчас тебе расскажу.

— Мы с Браном больше не входим в Церковь, хотя сохранили полезные связи. В правительстве Федерации тоже. Благодаря этим связям мы узнали о смертном приговоре трем планетам, оказавшимся на пути бродяги. Мы чувствовали себя беспомощными и полными печали. Наша специальность — дофедеративная, до Соединения

история этой части галактики. Чтобы сократить рассказ о долгих неделях скучных поисков, скажу только, что мы установили возможную связь между одной древней расой и появлением такого же бродячего коллапсара. Каким-то образом в этой части галактики эту угрозу сумели ликвидировать.

— Это, в свою очередь, заставило нас искать, что произошло с устройством, покончившим с первым бродягой. Наши агенты сообщили нам слухи о существе неизвестного вида. Нам сообщили, что существо находится в городе Дралларе, на Моте. Это существо сочиняет бессмысленные стихи и дает комические представления на уличных сценах. Мы не успели вовремя попасть на Драллар, но получили копию записи одного туриста, который присутствовал на представлении. Этот интеллектуал удивился, узнав, что мы с Браном интересуемся такими вещами.

— Впервые увидев изображение твоего Аба, мы пришли в большое возбуждение,— продолжал философ.— Он не соответствует ни одному известному виду. Однако не внешность этого чужака, а один из его стихов, оказавшихся в записи, заставили мои дыхательные спикулы сомкнуться, так что я едва не потерял сознание, а Бран выругался так, *как я не слышал уже восемнадцать лет.* Видишь ли, Флинкс, *в этом стихе упоминается раса,* которая, как мы считаем, успешно остановила бродячий коллапсар примерно восемьсот тысяч земных лет назад на этой стороне вблизи центра Шепли. Эта раса называлась хур'рикку.

Послышался возглас, а вслед за ним металлический лязг. Исили Хасбога выронила груду металлических предметов, которые трудолюбиво собирала. Они разлетелись по всему полу. Несколько раскололись, и с катушек начала разворачиваться микроскопическая лента.

Исили не пыталась поднять ленты. На лице ее было изумление; глаза широко раскрылись.

Флинкс увидел движение поблизости: истинная рука скрылась в сумке на груди философа. Возможно, неожиданный шок от реакции Хасбоги, а может, дар избрал этот момент для всего появления, но все это позволило

Флинксу понять, о чем подумал престарелый транкс.

— Нет, Тру! — закричал он, вставая и становясь между насекомым и Хасбогой.— Она не шпион, она археолог. Поэтому она знает о хур'рикку.

Трузензузекс посмотрел сверкающими сложными глазами на Флинкса и обдумал его слова. Рука его расслабилась; оружие, скрытое в сумке, так и не появилось.

Хасбога наконец вышла из состояния транса. Она посмотрела на пол и вспомнила, что произошло. Неожиданно она принялась собирать драгоценные ленты. Изредка она посматривала на наблюдающего за ней Трузензузекса, понимая, что чем-то расстроила его. Но она так никогда и не узнала, что старый инсектоид собирался убить ее только из-за ее реакции на то, что он сказал Флинксу.

— Ты не шпионка,— решил он наконец, и огонь в его глазах потух.— Теперь я это вижу.

— Я? — она удивленно посмотрела на него.— Я шпионка? Чья?

— Со временем я тебе расскажу,— ответил он.— Когда ты показала, что знаешь хур'рикку, я... Прошу прощения.— Он сделал жест, который у транксов означает извинение и одновременно признание собственной глупости.— Слишком много смертей уже связано с этим делом. Мы с Браном не можем рисковать. Федерация и Церковь уже присматриваются к нашим действиям, а они не любят, когда кто-то вмешивается в их дела, тем более предпринимает бесполезные усилия. А есть еще те, кто хотел бы, чтобы бродяга прошел по своему курсу, сея уничтожение.

— Кто или что такое хур'рикку? — Флинкс все еще не пришел в себя от убийственной реакции философа на знания Хасбоги.

По-прежнему подрагивая антеннами, Трузензузекс продолжал:

— Хур'рикку — полулегендарная раса, которая, как считают ученые, появилась вблизи галактического центра примерно девятьсот пятьдесят тысяч лет назад.

— Не полулегендарная,— возразила Хасбога,— а

совершенно легендарная. Мифы о ней существуют, но не было найдено ни одного физического доказательства ее существования.

— Ни одного физического доказательства, это так,— согласился Трузензузекс.— Но они смертельно запугали яйцекладущих тар-айимов.— Мандибулы его щелкнули в транксском смехе.— А у нас есть физические доказательства существования тар-айимов.

Флинкс знал о справедливости этого утверждения по собственному опыту.

— Мы знаем, что в то время как хур'рикку начали экспансию из галактического центра, весь этот район принадлежал тар-айимам. Примерно полмиллиона земных лет назад неукротимые тар-айимы были охвачены паникой. Разумно предположить, что причиной ее были хур'рикку.

Хасбога насмешливо фыркнула. Трузензузекс не обратил на это внимания и продолжал:

— Ученые тар-айимов разработали многочисленные виды оружия, чтобы справиться с угрозой хур'рикку. Одно из них — оборонительное оружие, известное как кранг. Другое — простая эпидемия. Она уничтожила не только хур'рикку, но и самих тар-айимов и вообще всю жизнь в районе, известном теперь как Блайт, пока не погибла сама.

— К настоящему времени хур'рикку превратились в легенду. Они существуют благодаря тому, что о них поет твой друг Аб.— Философ истинной рукой указал на чужака, который со счастливым видом жонглировал десятком камней.— Эти хур'рикку подобны бродяге. Мы не можем увидеть коллапсар. Но мы видим, как он действует на другие объекты. Аналогично мы знаем, что хур'рикку существовали, по тому воздействию, которое они оказали на тар-айимов. В сущности это единственное, что мы знаем о хур'рикку — они существовали. Это и еще тот факт, что они, возможно, сумели противостоять опасности бродячего коллапсара. Есть еще несколько менее впечатляющих мифов.

— Но вам нужны физические доказательства! — воскликнула Хасбога.

— Доказательство не обязательно должно быть физическим,— спокойно ответил инсектоид.

— Вы философы все одинаковы,— раздраженно сказала она.— Вы строите гипотезы, основанные на предположениях.

Трузензузекс не расстроился из-за такого пренебрежения на своем собственно поле.

— Итак, Флинкс, хоть о тар-айимах мы знаем мало, о хур'рикку знаем еще меньше. И однако... однако твой чужак говорит о них.

Флинкс недоверчиво взглянул на бормочущего Аба.

— Ты думаешь, Аб может быть?..

— Нет.— Трузензузекс быстро развеял недоразумение.— Мы не думаем, что твой Аб хур'рикку. Последние хур'рикку умерли пятьсот тысяч лет назад. Мы с Браном считаем, что он представляет какую-то древнюю расу, живущую на краю Блайта, расу, сохранившую воспоминания о тар-айимах и хур'рикку и их подвигах. Известны легенды о хур'рикку и о коллапсаре. В этих легендах, между прочим, говорится, что хур'рикку угрожали тар-айимам оружием, которое остановило коллапсар. Если это правда, то она может объяснить беспрецедентную панику среди воинов тар-айимов.

Флинкс принялся наблюдать за жонглирующим Абом. Ничто в чужаке: ни гладкая голубая кожа, ни гибкие руки и ноги, ни четыре ясных голубых глаза — ничто не свидетельствовало о древности. Флинкс напомнил себе, что судит о внешности Аба по человеческим стандартам. У народа Аба гладкая кожа и яркие глаза могут служить признаками приближающейся старости.

— Легенды намекают,— продолжал Трузензузекс,— что по сравнению с этим оружием хур'рикку кранг — просто игрушка для личинок.

Флинкс принялся беспокойно расхаживать по полу.

— А нельзя ли применить против бродяги кранга?

Саркастический смех предшествовал ответу философа.

— А как ты его передвинешь, Флинкс? Придется передвинуть всю планету Бустер, на которой размещается кранг и из центра которой извлекает энергию.

К тому же если мое предположение верно и кранг не создает непрерывность Шварцшильда, он не повредит коллапсару. Совсем наоборот.

Он наклонился вперед и пристально посмотрел на Флинкса.

— Возникает также вопрос, кто будет управлять крангом. Я помню, ты сказал, что понятия не имеешь, как им управлять.

— Ну, это тоже правда.— Флинкс впал в панику, пытаясь скрыть свою ошибку. Трузензузекс всегда подозревал наличие у Флинкса особого дара. Он скрыл свою озабоченность в удивлении.— Что-то, по сравнению с которым кранг — детская игрушка... Поразительно!

— Абсолютное оружие,— медленно кивнул Трузензузекс.

Поблизости послышался резкий смех.

— Абсолютное оружие! Ты и твой высокий друг безумней чужака. Не может существовать абсолютное оружие. Если бы оно существовало, оно бы уже уничтожило всю галактику, как только его приведут в действие.

— Нет, если, приведенное в действие, оно само нейтрализует себя,— возразил Трузензузекс.

— Ты меня не убедишь своей семантикой.

— Я знаю, юная леди. Тебе нужно *физическое доказательство.*— Снова смех *транкса, звук, похожий на* скрежет раковин друг о друга.— Мы считаем, что нужно поискать такое доказательство, если оно существует. Мы ничего не потеряем, кроме трех планет.

Глава одиннадцатая

После недолгого молчания Флинкс указал на Аба.

— Как ты думаешь, Аб еще что-нибудь знает о хур'-рикку, кроме того, что уже рассказал?

— Похоже, это бездонный источник информации, Флинкс. Разве ты не заметил, что он никогда не повторяет одни и те же строки?

— Может быть,— согласился Флинкс,— но ведь он всегда произносит ерунду.

— Большая часть, вероятно, действительно ерунда и всегда останется непонятной нам,— в свою очередь согласился Трузензузекс.— Но кое-что нет.

— А как ты собираешься извлечь из него информацию о хур'рикку?

Трузензузекс глубоко вздохнул, свист его дыхания странно прозвучал в большом пустом помещении.

— Мы на двух планетах искали его, чтобы я мог это сделать. Но почему ты сам этого не сделаешь, Флинкс?

— Что сделаю, сэр?

— Спроси его. Спроси о хур'рикку.

— Я...— Флинкс заметил, что философ достал маленький магнитофон, прикрепленный к груди. Инсектоид настроен серьезно. Что ж, можно попробовать. Повернувшись лицом к Абу, он отчетливо сказал:

— Аб! Абаламахаламатандра! — Камни Аба упали на пол, жонглер смотрел на них одним своим голубым глазом, пока они не перестали подпрыгивать.

— Что ты знаешь о хур'рикку, Аб? — спросил Флинкс. Он чувствовал себя идиотом, разумно разговаривая со своим подопечным.— Расскажи нам о хур'рикку. Расскажи, как они остановили бродячий коллапсар.

— Пять и девять, девять и пять, хорошо пообедать и выйти опять. Рику, Рику, пой про хику, сначала спой, потом мною открой.

— Видишь? — Флинкс повернулся и беспомощным жестом развел руки.— Бесполезно, он не в себе.

— Не совсем,— возразил Трузензузекс.— Проблема в том, чтобы найти начальные точки понимания. Ты не нашел ничего, мы с Браном нашли несколько. Например, нейнфайв (Пять и девять, nine and five, звучит примерно, как нейнфайв.— Прим. перев.) — это слово из джипролеанского языка, перевод хур'риккского слова, означавшего средний пол. У них, кажется, было три пола. Аб пытается сообщить информацию, но делает это на десятках языков одновременно, и все произносит, как в терроанглике.

Флинкс недоверчиво посмотрел на Аба, потом снова повернулся к философу.

— Ты хочешь сказать, что слова Аба все время имеют смысл?

— Нет. Кое-что из его бормотания кажется настоящей чепухой. Трудность в том, чтобы выделить из нее то, что имеет смысл. А может, я прав, и все его слова имеют смысл, только мы этого не понимаем. Например, его имя Абаламахаламатандра. Интересно, просто ли это набор слогов или оно имеет какое-то значение.— Философ встал.— Попробую поговорить с Абом, порасспрашивать его и посмотрим, какую еще полную значения чепуху он нам выдаст.

По ступеням сбежали Цзе-Мэллори и Септембер. Они остановились у основания лестницы.

— Терпение, брат по кораблю,— обратился Трузензузекс к своему товарищу.— Мы идем.

— Быстрее,— ответил на терроанглийском Цзе-Мэллори.— Мы и так потратили слишком много времени. Мы с Септембером несколько минут назад убили двоих разведчиков отоидов. Они возвращаются. Не забудьте и о квармах.

Флинкс вздрогнул. Он почти забыл о профессиональных убийцах из-за этого поразительного разговора о погибших расах, абсолютном оружии и разумном Абе.

— Вы прилетели в большом скиммере, сэры,— сказал Септембер.— Я думаю, мы все поместимся.

— Да, если больше вы ничего не возьмете.— Цзе-Мэллори указал на Хасбогу, нагруженную лентами, настоящими книгами и несколькими скромными предметами из Миммисомпо.

— Мне брать нечего,— сказал Септембер.— Всегда могу вернуться, когда уйдут аборигены.

— К чему, Скуа? — сказала Хасбога.— Мы здесь ничего не нашли. И, наверно, никогда не найдем.— Она в последний раз обвела взглядом помещение.— Мы неправильно выбрали здание. Не вижу смысла в возвращении. В следующий раз попробуем в другом месте.

— Конечно, глупышка,— ободряюще сказал Септембер.— Не волнуйся, найдем деньги.— Он снял с пле-

ча мощный Марк Двадцать и держал его наготове.— Джентльсэры, если вы пойдете вперед, я постараюсь присмотреть за деревьями. Может, возникнет необходимость поджарить одного или двух слишком любопытных маленьких зеленых братьев.

— Мы доверяем твоему знанию джунглей,— рот Цзе-Мэллори дрогнул в отвращении.— Но я предпочел бы, чтобы ты не так примитивно излагал свои намерения. Ты ведь знаешь, все разумные существа братья. И отоиды тоже.

Задумчивая улыбка появилась на загорелом лице гиганта.

— У меня был когда-то брат. Он мне не нравился. Я...— Он с выразительным жестом прервал свой рассказ.— После вас, джентльсэры и леди.

Они вышли на поверхность, и Флинкс обнаружил, что нервно присматривается к каждому дереву, кусту и лиане. Он был убежден, что поблизости скрываются тысячи отоидов. И каждую секунду ожидал потока стрел.

Трузензузекс что-то негромко говорил Абу на низком транкссском. Аб, как всегда, беззаботно бормотал рифмованные строки. Но теперь казалось, что это ответ на гипнотические действия философа. Кое-что было на терроанглике, но большая часть на языках, неизвестных Флинксу. Однако дважды ему показалось, что он слышит упоминание о хур'рикку, так что философ все-таки чего-то добился. В глубине души Флинкс считал, что два его пожилых друга заняты бесполезным поиском, основанном на неправильном предположении.

Из джунглей слышались только звуки животных. Ни следа туземцев отоидов. До парящего скиммера идти оказалось совсем недолго.

Цзе-Мэллори нажал кнопку прибора у себя на поясе, отключив защитное поле, а потом опустив скиммер на поверхность, чтобы легче заходить. У скиммера оказалось грузовое отделение, гораздо большее, чем на маленькой двухместной машине Флинкса и Покомчи.

Флинкс вспомнил о Покомчи и Хабибе. Хоть и не непосредственно, но он послужил причиной их смерти.

Почему, думал он в бессильной ярости, так много людей погибает рядом с ним? Он ведь не ищет богатства или власти, он хочет только узнать о своем происхождении.

Цзе-Мэллори первым сел в скиммер, за ним с необычным проворством последовали Трузензузекс, Хасбога и Септембер. Как только Флинкс, а за ним Аб оказались в кабине, Цзе-Мэллори коснулся кнопки, и дверь закрылась.

Выжидательно завыл двигатель. Скоро они вернутся в Аляспинпорт, где он заставит Септембера закончить объяснения, как бы ни стрался гигант отложить ответ. Флинкс, сам не зная почему, посмотрел на прозрачный купол над головой. Что-то двигалось в чистом небе. Прищурившись, Флинкс привстал и начал всматриваться до боли в глазах. Потом запрыгал и закричал:

— Остановите скиммер, остановите, остановите!

Цзе-Мэллори рефлекторно нажал на кнопку, и машина, совершавшая медленный поворот, остановилась. Септембер пытался высвободить свое ружье в грузовом отсеке, а Трузензузекс неуверенно трогал тяжелое вооружение скиммера.

— В чем дело, Флинкс? — спросил философ, глядя через плечо Флинкса на тирольскую голубизну неба.

Не отвечая, Флинкс продолжал смотреть в небо, показывая правой рукой на контрольную панель.

— Откройте крышку,— попросил он. Цзе-Мэллори начал возражать. Флинкс закричал почти в истерике: — Крышка, откройте ее!

Человек ученый обменялся взглядом со своим товарищем транксом, тот пожал плечами. Цзе-Мэллори привел в действие прибор, и прозрачный полиплексовый купол скользнул назад в корпус скиммера, и теперь только прозрачные стены, дверь и передний ветровой щит оставались на месте.

Хасбога встала рядом с Флинксом. Она тоже посмотрела в небо.

— Я ничего не вижу, Флинкс,— сказала она с неожиданной мягкостью.

— Вон там,— показал он.— Приближается к нам со

стороны солнца... это должен быть... я уверен!

Две точки по спирали начали снижаться к скиммеру. На фоне облаков стали видны две крошечных фигуры драконов. Один заметно крупнее другого.

В ста метрах над скиммером они завершили свой воздушный танец и разделились. Бальтазар полетел в сторону солнца. Второй минидраг начал спускаться в скиммер.

— Это дракон! — воскликнула Хасбога, хватаясь за оружие.

— Нет, все в порядке, Исили. Этой мой дракон. Это Пип.— Голос Флинкса дрожал, несмотря на все его усилия сдержаться.

Знакомая, с бриллиантовым узором, фигура затормозила, забили в воздухе плиссированные крылья, хвост уцепился и натянулся. Флинкс поднял правую руку. Пип обернулся вокруг предложенного насеста. Крылья плотно прижались к телу, и летающая змея заняла свое обычное положение на плече Флинкса.

Его хозяин с любовью погладил треугольную голову. И хотя минидраг, как всегда, не проявлял внешне никаких эмоций, Флинкс чувствовал, что Пип доволен. Эмпатия окутала его теплым покровом, как нагретые камни вокруг костра. Прошло несколько секунд в молчании, потом Флинкс заметил, что все в скиммере смотрят на него.

— Твой любимец вернулся,— сказал наконец Трузензузекс, объяснив появление Пипа Хасбоге и Септемберу.— Я рад за тебя, Флинкс. Я помню, что вы значили друг для друга.— С этими словами он повернулся и включил двигатель.

Хасбога осторожно поглядывала на змею, но снова села на место. Скиммер набирал скорость. Вскоре они уже над самой травой саванны летели в Аляспинпорт.

Когда возбуждение, вызванное возвращением Пипа, спало, Флинкс повернулся и посмотрел на Септембера. Гигант наслаждался полетом, так как на этот раз не он вел машину. Толстыми пальцами он с отсутствующим видом расчесывал свои седые волосы. Нос, как у корабля, разрезал пейзаж перед ним.

— Скуа?

Септембер посмотрел на него и приятно улыбнулся.

— Да, молодой приятель?

Флинкс многозначительно взглянул на свое правое плечо.

— Мой минидраг. Его зовут Пип.— Он коснулся одного кожистого крыла, и змея сонно пошевелилась. Внимание Флинкса вернулось к Септемберу.— Двенадцать лет назад, на Моте, ты потерял своего минидрага, помнишь?

— Я понимаю, что ты думаешь, парень.— Септембер охватил руками колено, напоминавшее древесный узел, и откинулся, задумавшись.— Мне все минидраги кажутся одинаковыми, парень. Но возможно, что твой Пип и есть тот минидраг, которого я потерял. Я никогда не давал своей змее имя, и мы теперь не можем узнать. На Аляспине минидраги нередки. Но на Моте других не было. Я об этом знал бы. Возможно. Если твой Пип и есть тот самый минидраг, получается интересное совпадение, верно?

— Да, конечно.— Флинкс старался говорить ровным голосом.

— Но это ничего не значит,— закончил Септембер и снова стал смотреть на пролетающую мимо местность.

Флинкс последовал его примеру и смотрел, как скиммер под искусным управлением Трузензузекса и Цзе-Мэллори проносится над низкими холмами саванны, огибает деревья и каменные выступы.

— Ничего не значит,— про себя повторил Флинкс.

* * *

В Аляспинпорте Флинксу пришлось сообщить, что у него есть свой корабль. Тру и Брану это понравилось. Флинкс позволил им реквизировать свой корабль, но на одном условии.

— Я еще не покончил с Септембером,— прошептал он Цзе-Мэллори.

Ученый серьезно взглянул на него.

— Он какое-то время побудет с нами, Флинкс. Хас-

бога, несомненно, рассказала ему о наших планах. Для их собственной безопасности мы должны их обоих взять с собой, пока дело не закончилось. Если не возьмем, их будут допрашивать квармы. Не думаю, чтобы им позволили жить.

Ни Хасбога, ни Септембер не возражали против отлета с Аляспина, когда им объяснили, что может произойти, если они останутся. У них сложилось впечатление, что их отвезут на какую-то большую безопасную планету, вроде Земли или Нового Парижа. Флинкс их не обманывал, он просто не уточнил, что к этим планетам они пойдут по кружному пути.

Когда они покидали Аляспин, проклятое любопытство Трузензузекса заставило его спросить Флинкса, где он раздобыл такую огромную сумму, чтобы купить большой частный межзвездный корабль. Флинкс не мог объяснить, что «Учитель» построен его не по летам развитыми учениками ульру-уджуррианами. Однако правдоподобно солгать такому проницательному существу, как Трузензузекс, очень трудно. И поэтому он как можно естественнее объяснил, что купил корабль из тех денег, что ему дал Максим Малайка в благодарность за открытие кранга. Когда денег на снабжение корабля не хватит, он вынужден будет продать его.

Трузензузекс как будто принял его объяснение, хотя Флинкс почувствовал, что у того сохраняются сомнения.

Инсектоид объяснил Флинксу, что именно скорость его корабля помешала им сразу догнать его на Аляспине. Флинкс занялся распределением помещений. Это оказалось нелегко, потому что корабль не предназначался для пассажиров.

— Мы всегда на шаг отставали от тебя, Флинкс,— сказал Трузензузекс.— На Моте пришлось задержаться и справиться с квармами, пока ты добирался до шаттлпорта. Потом ты опередил нас, потому что мы летели на Аляспин коммерческим рейсом, который сделал несколько остановок. Ты же летел безостановочно. Нам еще повезло, что мы тебя нашли.

Они вошли в просторную кают-компанию, просторную, потому что Флинксу нравился простор, и строители «Учителя» учли это.

Философ одобрительно огляделся.

— Неплохой корабль ты себе приобрел, Флинкс.

— Удобный,— ответил юноша.

— Я не совсем понимаю, откуда у него такое название.

— Каприз.— Флинкс чуть улыбнулся.— Мне всегда хотелось стать учителем.

— Превосходная профессия. Ей мало кто посвящает себя. К сожалению, большинство учителей обладают разумом, но у них нет воображения. Обучение — это милосердие разума.

Предоставив кают-компанию Хасбоге и Септемберу, Флинкс отвел двух ученых в пилотскую рубку. Три ее стены были заняты приборами, четвертая демонстрировала пустое пространство.

— Куда вы хотите лететь? — спросил Флинкс, положив руки на приборы управления.

Впервые у Трузензузекса и Цзе-Мэллори не нашлось готового ответа. Оба взглянули на Аба, который вслед за тремя прошел в рубку и сейчас что-то быстро бормотал. Флинкс не знал, понимает ли что-нибудь философ в словах чужака.

— Мы сами еще не знаем,— вынужден был признать Цзе-Мэллори.— Куда-то в Блайт, но нам нужно найти ключ у Аба. Пока направимся в сторону Хайвхоума. Нам лучше покинуть окрестности Аляспина.

Флинкс передал задание навигационному компьютеру, который быстро ответил, хотя отсутствие точного указания цели его затруднило. От носа корабля начал расползаться пурпурный ореол, видимое проявление действия позигравитационного поля больших КК-двигателей. С небольшим ускорением, чтобы не взаимодействовать с тяготением Аляспина, «Учитель» начал сходить с орбиты. Когда корабль удалится на безопасное количество диаметров планеты, двигатели включатся на полную мощность, и корабль прыгнет с многократной скоростью света.

— Какой-то корабль переходит на орбиту,— Флинкс с интересом взглянул на приборы.

— На этой планете не очень напряженное движе-

ние,— заметил Цзе-Мэллори. К удивлению Флинкса, и он, и Трузензузекс включили поисковые устройства и большой экран.

— Определи его очертания,— сказал Цзе-Мэллори, работая с приборами.

— Определяю.— Тонкие пальцы Трузензузекса занялись необходимыми действиями.

Флинкс собирался переключиться на автопилот. Но решил не уходить и с любопытством сказал:

— Минутку. Из-за чего все это волнение? — Пип зашевелился у него на плече, а Флинкс посмотрел на ученых. Они сосредоточенно наблюдали за приборами.— Приближающийся корабль... Вы мне все еще не рассказали, кто нанял квармов. Могу догадаться по вашим словам о силах, которые хотят, чтобы бродячий коллапсар уничтожил Кармадж-Колланга тту и Твоски Брайт. Но я не уверен.

— Мы собирались тебе рассказать.— Цзе-Мэллори говорил, не отводя взгляда от приборов.— Но разве это так уж важно для тебя? Им нужен Аб.

— Я бы очень хотел узнать, почему из-за Аба кто-то хочет убить меня.— И добавил саркастически.— Конечно, если я не очень много спрашиваю за свой корабль.

Оба ученых не обратили внимания на его сарказм. Истинные руки Трузензузекса продолжали настраивать приборы, но руконогой он поманил к себе Флинкса.

— Ты хочешь знать, Флинкс.— Юноша подошел к нему.— Вот они.— И указал на изображение на экране.— Узнаешь очертания? Ты умный человек. Я уверен, что твоя догадка правильна. Итак, кто получит наибольшую выгоду оттого, что бродячий коллапсар сократит производство и население федерации?

Флинкс задумался над этим вопросом, глядя на изображение на экране. Да, это подтверждает его подозрения. Но физическое доказательство кажется гораздо более зловещим, чем простое предположение.

В пилотскую рубку вошли Хасбога и Септембер.

— Я подумал,— загремел Септембер,— что раз уж мы в пути, было бы забавно...— Нахмурившись, он замолчал. Всмотрелся в экран.— Странно... похоже на

курьерский корабль эйэннцев.— Хасбога вопросительно взглянула на него. Он, не обращая на нее внимания, в несколько шагов пересек рубку, подошел к экрану и всмотрелся внимательней.— Нет... нет, клянусь призраками фаллантиниан, это истребитель! — Он непонимающе посмотрел на Цзе-Мэллори.— Что делает эйэнский военный корабль в границах Федерации?

— Границы, мистер Септембер? — Цзе-Мэллори старался выглядеть невинно.— Разве можно провести границы в космосе?

— Нет, но это можно сделать на навигационных картах,— ответил Септембер.— Никто не делает ошибок размером в несколько световых лет, особенно обладая автоматическим навигационным оборудованием.

— Никто не говорит, что они допустили ошибку.— Голос Цзе-Мэллори звучал ровно, сдержанно. Он снова занялся приборами управления.— Не нужно мелодрам, Септембер. Ты ведешь себя, как герой триди. Все слишком полагаются на границы. Это абсурдно, ведь границы ЭйЭннской империи и Федерации занимают сотни световых лет в ширину и глубину. Невозможно создать огрду, даже используя лучшие следящие системы. Можно следить за планетами, но не за парсеками.— Он замолчал, глядя как эйэннский корабль переходит на орбиту вокруг Аляспина.

— На Аляспине нет защиты от боевого корабля. Но эйэннцы никаких неприятностей *не причинят*. *Наоборот*, скорее всего они заявят, что у них какие-то неполадки и им нужна помощь. Взаимопомощь кораблям, терпящим бедствие в космосе, предусмотрена в договорах.

— А что произойдет, когда миротворцы Федерации не обнаружат никаких неполадок на борту? — спросил Септембер.

Цзе-Мэллори слегка улыбнулся.

— Мистер Септембер, эйэннцы не задержатся у Аляспина. Они убедятся, что то, за чем они явились,— я имею в виду Аба,— покинуло планету. И тут же улетят. Несомненно, в этот самый момент они следят за нами.— Хасбога сдержала восклицание.— О нашем корабле, они, возможно, знают от квармов, но не уверены,

что Абу у нас на борту. Вначале им нужно проверить на Аляспине. А к тому времени как они это сделают, мы будем уже далеко.

— Будет заявлен протест на нарушение границ,— сказал Трузензузекс.— Новость станет известна на Земле и Хайвхоуме. Последуют обвинения, отрицания, извинения, все завершится обещанием не допускать больше подобного. Мы так же поступаем с империей. Аляспин не имеет особого стратегического значения, никто не убит, и обиженная сторона из-за этого не начнет межзвездную войну. Эйэннцы для этого недостаточно сильны, а Федерация настроена слишком миролюбиво. Так что... ничего не случится.

— Но с нами может случиться,— Флинкс многозначительно посмотрел на философа, который в ответ медленно кивнул.

— Ты прав, Флинкс. Присутствие этого корабля означает, что рептилии потеряли терпение и не полагаются больше не квармов.— Он позволил себе удовлетворенно вздохнуть.— Неудивительно, учитывая, насколько неэффективным оказался клан убийц. Они вообще не знают, кто им мешает.

Цзе-Мэллори усмехнулся.

Трузензузекс серьезно взглянул на Флинкса.

— Это, однако, не означает, что квармы от нас отвяжутся. Пока они считают, что ты виноват в их затруднениях, они будут пытаться убить тебя.

Септембер высказал предположение.

— Значит, мы бежим и от рептилий, и от квармов?

— А также от Федерации и Церкви,— добавил Цзе-Мэллори.

Флинкс неуверенно посмотрел на него.

— А почему и от них?

— Вспомни, Флинкс,— посоветовал бывший Второй Советник,— эти организации считают Аба выдумкой двух престарелых изменников.

Наступила очередь Трузензузекса рассмеяться, защелкать всеми четырьмя мандибулами.

— Конечно, квармы опасны, но я предпочел бы иметь дело с ними, чем с мелкими чиновниками. Обра-

тись мы к властям, и я не удивлюсь, когда какой-нибудь чиновник решит передать Аба империи, чтобы сохранить мир.

— Минутку.— По смуглому лицу Хасбоги видно было, что она начинает понимать.— Если вы собираетесь избегать властей, как же вы высадите нас с Скуа на планете, где мы смогли бы добыть средства?

— Мы высадим вас на Берли, на Земле или где угодно,— заверил ее Цзе-Мэллори,— как только завершим свой небольшой эксперимент.

— Если вы думаете, что я полечу с вами в Блайт или еще куда-нибудь на основе какой-то нелепой теории, в то время как квармы и эйэннцы стараются вас убить, вы спятили! — От недоверия она перешла к ярости.

Все на мгновение потеряли ориентировку. Легкая дрожь прошла по кораблю, указывая, что «Учитель» превзошел скорость света. Окруженный КК-полем, корабль продолжал ускоряться.

Когда никто ничего не ответил, Хасбога подошла к Цзе-Мэллори. Сверкая глазами, она крикнула ему:

— Я требую, чтобы вы высадили нас на ближайшую населенную планету Федерации!

Ученый виновато ответил:

— Мне жаль, но мы не можем это сделать. Не можем тратить время. Само присутствие этого истребителя в пределах Федерации *означает, что эйэннцы теряют* терпение. Мы не можем рисковать и *отклоняться. Я* думаю, они не смогут за нами *проследить, но эйэннцы* искусны. Они могут найти нас по следу наших КК-генераторов. И мы не можем задерживаться. Дело идет о нескольких миллиардах жизней.

Кипя от гнева, Хасбога отвернулась от него.

— Оставьте! Изобретение хур'рикку — всего лишь легенда. Вы ничего не найдете.

Глаза Цзе-Мэллори не могли скрыть его отношения к ней.

— Те, кого ждет неминуемая смерть, хватаются за соломинку, если она есть. Мы ищем эту соломинку, Исили Хасбога, и никто не помешает нашему поиску, пока он не завершится.

Хасбога готова была спорить дальше, но вмешался Флинкс.

— Пожалуйста, Исили,— попросил он,— помирись с ними. Трузензузекс и Бран Цзе-Мэллори — хорошие хьюманксы. Если бы у них не было основательного повода, я бы ни за что не отдал им корабль.

— Легко говорить,— ответила она,— когда тебе самому угрожает опасность!

Она так рассердилась, что защевелился Пип и принялся отыскивать источник гнева, обращенного против хозяина. Флинкс успокоил минидрага. Летающая змея снова опустилась на плечо, но продолжала бдительно следить за женщиной.

Флинкс заговорил негромко, но твердо.

— В таком случае почему я не оставил Аба, чтобы его убили эйэннцы? Правда, квармы бы от меня не отцепились, зато эйэннцам я был бы не нужен. Не кажется ли тебе, что дело не только в самосохранении?

— Прости...— Она смотрела в сторону.— Просто... у меня пропали результаты нескольких лет работы, вначале из-за стрел отоидов, а теперь из-за того, что я оказалась впутана в дело, о котором ничего не знаю.

Не в силах дальше спорить с Флинксом, она яростно набросилась на Септембера.

— А ты что, придурок? Ты работал на раскопках так же много, как я. Теперь мы разорены! Разорены! Понимаешь?

Он мягко смотрел на нее.

— Я не чужд безденежья, глупышка. Я всего лишь водородный атом на галактическом ветру. В сущности мне даже интересно наше нынешнее путешествие. Вероятно, выгоды в нем нет, но не все же время думать о кармане.— Повернувшись, он сел на стул у стены рубки.— К тому же я бывал на Коллангатта. На Кармадж не был, хотя видел, как он висит зелено-белым шаром в небе. И на Твоски Брайт не был, но на Коллангатта был. Мне она понравилась. Там народ дружелюбный. И знает, как радоваться жизни. Я там себя хорошо чувствовал, а это редко бывает со мной на чужих планетах. Там я себя чувствовал как дома.

— Так что, глупышка, не хочу видеть, как их планета превращается в замерзший шар среди замерзшего газа. Надо попытаться спасти ее.— Он весело посмотрел на Цзе-Мэллори.— Насколько я понимаю, в этом деле лучше всего то, что Федерация считает его нестоящим. Для меня это лучшая рекомендация.— Хасбога отвернулась от него, но он встал и повернул ее к себе. Она вырывалась, но ничего не могла поделать с его огромными руками.

— Исили, чем больше богатеешь, тем чаще думаешь о сборщиках налогов, и становится все труднее и труднее обмануть компьютеры. У нас еще достаточно времени, чтобы получить клеймо богатства. Или, в твоем случае, славы.

— Ты правда так считаешь, Скуа? — Она с жалостью взглянула на него.— Что я стараюсь вернуться к своему проекту, чтобы иметь возможность видеть себя во всех триди?

— Нет, конечно,— признался он.— Ты для этого слишком преданна науке. Но ты и не безразлична к славе. Ты человек, Исили. Это проклятие, которое все мы носим.

— Говорите только о себе.— Это вежливое возражение донеслось со стороны приборов.

Септембер выпустил Хасбогу и посмотрел в ту сторону.

— Я неточно выразился, твое насекомство.

— Ничего личного,— Трузензузекс кашлянул, скрывая насмешку и удовольствие.— Посмотри на это так, Хасбога.— Она решительно смотрела в другую сторону.— Тебе не повезло оказаться в обществе нескольких старых глупцов, и ты знаешь старинную человеческую поговорку. Так что лучше пытайся помочь, а не мешай нам. Ты все равно ничего не можешь сделать. Мы так же фанатично стремимся спасти жизни, как ты — раскапывать свои руины.

Она повернулась.

— Вы все спятили! — И вышла из рубки в кают-компанию.

Септембер должен был бы расстроиться. Но Флинкс

заметил, что он не расстроен. Гигант воспринимал все со спокойствием, которое свидетельствовало не только о большой физической силе, но и о развитом уме.

Флинкс решил, что ему нравится этот огромный человек, хотя он, может, и не его отец. Он не будет пытаться извлечь из Септембера информацию. Флинкс начал понимать, что Септембер со временем сам ему все расскажет, и терпение даст ему больше, чем самые яростные споры.

Встав, Септембер направился за своей нанимательницей. Он подмигнул Флинксу.

— Алкоголь растворяет гнев, как кислота пластик, приятель. Исили не успокоится, пока снова не закопается в древний хлам. Но я думаю, что смогу удержать ее на таком уровне, чтобы она не свела нас с ума до конца пути.

Глава двенадцатая

Проходили дни, «Учитель» прокладывал путь в пустоте. Цзе-Мэллори и Трузензузекс с помощью корабельного компьютера расспрашивали Аба, пытаясь понять его стихи, иногда произносившиеся сразу на шести различных языках. Среди этих языков были и мертвые, а многие слова были переводом с других языков. Работа была тяжелой и утомительной, и попытки Аба все произносить на терроанглике не делала ее легче.

— Мы сформулировали гипотезу,— однажды сказал Трузензузекс Флинксу, когда они сидели в кают-компании и слушали бесконечную болтовню Аба.— Мы с Браном решили, что Аб не несет вздор. Напротив, все, что он говорит, имеет смысл. У нас просто нет ни времени, ни оборудования, чтобы расшифровать все его высказывания и правильно перевести их. Половина наших переводов основана на интуиции.

Флинкс посмотрел вверх, где лениво летал Пип среди трехмерных облаков полуденного неба, которое создавали скрытые в стенах установки.

— Абу все его слова кажутся полными смысла, но

точно так же любому сумасшедшему.— Он посмотрел на Аба.— Не знаю, сумеете ли вы найти планету, которую ищете с его помощью.

Аб неожиданно посмотрел на Флинкса двумя голубыми глазами.

— Канначана, баначана, лимонный пирог и яблочная ванна. Двигай начальный миксер спиральный.

— Вот видишь? — сказал Флинкс,— все то же са...— Он замолчал и посмотрел на философа. Тру сидел в кресле, глядя в пространство.— Тру?

Трузензузекс еще немного посидел так, потом повернулся к Флинксу.

— Вот оно.

Флинкс почувствовал, что у него кружится голова.

— Что именно?

— Планета... возможно,— философ, что-то бормоча про себя, на всех истинных ногах и руконогах устремился к терминалу компьютера. Все еще ошеломленный, Флинкс последовал за ним.

— Это древнее вазарианское название звезды главной последовательности в Блайте. Звезда RNGC 1632 на картах Федерации,— он дал указания копмьютеру, одновременно стараясь говорить в интерком.

В каюте появился Цзе-Мэллори. Высокий ученый был одет лишь частично, еще влажен от душа и совершенно не обращал внимания на свою наготу.

— Что случилось, брат по кораблю? Есть что-то наконец?

— Канначана, Бран.

Трузензузекс с невероятной скоростью работал у терминала, а Цзе-Мэллори подошел и сел рядом с Абом. На его теле под ярким искусственным светом блестели капли воды. Он посмотрел на чужака, который играл пальцами.

— Вспомни Канначану. Вспомни, Абаламахалама-тандра,— он, не мигая, смотрел в один голубой глаз, делая жесты.— Вспомни Канначану.

Аб мигнул всеми четырьмя глазами последовательно и приятно запел:

— Иди, иди, иди, быстрей, быстрей, быстрей. Умри,

умри, умри, скорей, скорей, скорей. Дерево калкантея...— и так далее, как обычно.

Но этого оказалось достаточно. Это было подтверждение. Флинкс никогда не видел своих друзей такими возбужденными.

— Компьютер подтвердил наше предположение, дал перевод и установил курс,— сказал Трузензузекс, когда к нему вернулся дар речи и он смог ответить на вопросы Флинкса.— Наконец-то у нас есть цель. Слава рою!

Наиболее разительное превращение произошло, однако, не с учеными, а с Исили Хасбогой.

— Вы хотите сказать, что хур'рикку действительно существовали? — спросила она у Цзе-Мэллори. В глазах светилось недоверие и удивление.

— Так получается. Мы сейчас направляемся к планете хур'рикку. Она находится в подходящем месте, по другую сторону от центра Блайта. До этого места дошли хур'рикку в своей экспансии, когда встретились с тарайимами. Это логичное место для установки мощного оружия.

— Не могу поверить,— сказала она.— Просто не могу поверить. Так в реальной жизни не бывает.

— Невероятное всегда происходит в реальной жизни,— посмеивался Цзе-Мэллори.— Из ожидаемого создаются все выдумки.

— Планета хур'рикку,— размышляла она.— Планета хур'рикку.— И посмотрела с такой явной алчностью, что Флинкс почувствовал замешательство.— Мы первыми из хьюманксов увидим ее. Как вы думаете... я смогу провести полевые исследования?

Цзе-Мэллори улыбнулся. В голосе его звучала уверенность.

— Хасбога, мы все займемся полевыми исследованиями. Или ты думаешь, что мы останемся на орбите и поищем большую стрелку указателя с надписью: «Абсолютное оружие — иди в том направлении»?

Она была так возбуждена перспективой оказаться первым археологом на легендарной планете мифической расы, что не расслышала саркастическое замечание Цзе-Мэллори.

Флинкс бывал раньше в Блайте. Для него он ничем не отличался от других районов нормального космоса, в нем только больше звезд, чем в Рукаве, в котором расположена Федерация. Но все равно у него по коже ползли мурашки. Некогда на этих планетах жило множество разумных рас. И все они погибли в эпидемии, неразумно выпущенной тар-айимами полмиллиона лет назад.

Даже обычно сдержанные Цзе-Мэллори и Трузензузекс были возбуждены. Они все время разговаривали с Абом и держались подальше от рубки и вида звезд. Напротив, обсуждали абсурдные философские системы на древних забытых языках или играли в такие сложные игры, что корабельный компьютер не мог определить победителя, а тем более правила игры.

Прошло три недели, и они объявили, что Аб обладает словарем примерно в двадцать восемь триллионов слов на трех миллионах четырехстах шестидесяти тысячах языков, из которых по крайней мере два миллиона больше не используются, а двести четыре тысячи — чисто математические.

Эти числа никак не соответствовали мозгу идиота.

Исили Хасбога, полная ожиданий, счастливая, наслаждалась относительной роскошью «Учителя». Это был ее первый полет в частном корабле, положение и средства всегда заставляли ее пользоваться экономическим классом, когда нужно было лететь с планеты на планету.

То, что производило на Хасбогу впечатление, Септембера только смешило. Он больше интересовался работой корабля. Иногда он смущал Флинкса. Тот замечал, что гигант внимательно разглядывает те или иные части конструкции «Учителя». Но постепенно Флинкс успокоился, сказав себе, что если гигант обнаружит на корабле что-нибудь необычное, то, вероятно, припишет его причудам фирмы, строившей корабль. И это будет правильно. Только никто не должен догадаться, что за фирма сооружала «Учитель».

Флинкс обнаружил, что по большей части предоставлен себе. Корабль летел без его помощи. Проверка

и перепроверка его действий занимала совсем мало времени. Пришлось искать поводы не смотреть в иллюминаторы. Но его и двух ученых беспокоила не пустота планет, а то, что на одной из них может еще существовать неудержимая эпидемия тар-айимов; с многовековой злобой она поджидает неосторожных исследователей.

* * *

Система Канначаны ничем особенным не отличалась от других, которые Флинкс видел на экране. Только три планеты вращались вокруг горячей звезды типа К. И если хур'рикку не способны были переносить крайние температуры и давления, они не могли жить ни на далеком массивном замерзшем газовом гиганте, ни на обожженном солнцем шаре, орбита которого располагалась в палящей близости от звезды. Оставалась одна из трех планет, средняя. Расположенная дальше от своей звезды, чем Земля от Солнца, она все же была горячей планетой. Но обладала атмосферой, которой могли дышать хьюманксы. И могла поддерживать жизнь. Она оставалась единственной возможностью.

— Конечно,— напомнил всем Цзе-Мэллори, когда они спускались на поверхность в шаттле,— у нас нет никаких доказательств того, что хур'рикку походили на нас или даже что их форма жизни основывалась на углероде.

Они вообще почти ничего не знали о хур'рикку.

Сканнеры «Учителя» подтвердили, что на этой планете некогда обитала разумная раса. Все четыре главных континента усеяны руинами. Сама их обширность свидетельствует, что когда-то планета Канначана была густонаселенной.

Так как все равно нужно было с чего-то начинать, Трузензузекс и Цзе-Мэллори выбрали для посадки окрестности самого большого города. Он располагался на западном берегу самого крупного континента северного полушария. Шаттл под искусным управлением Цзе-Мэллори мягко приземлился. Флинкс смотрел в небо цвета расплавленного железа. Звезда Канначана казалась пульсирующим налившимся кровью сосудом.

Чистый белый песок зашуршал под опорами шаттла. Только легкий боковой ветер чуть отличал эту обычную посадку. Инструменты показали, что на обширной лишенной гор равнине, на которую они спустились, очень жарко. Полдень уже миновал, и наружный термометр зарегистрировал сорок пять градусов по Цельсию в тени шаттла.

Маленькая группа по рампе спустилась на белый песок. Флинкс и Хасбога благодаря своей смуглой коже не нуждались в дополнительной защите от солнца, которое безжалостно жгло сквозь алые облака. Трузензузекс вообще чувствовал себя хорошо, если не считать сухости воздуха. Именно он порекомендовал и раздобыл в аптечке корабля кремы и мази, чтобы защитить кожу Цзе-Мэллори и Септембера.

Пока все стояли в тени шаттла, Трузензузекс вывел на поверхность Аба. Аб тут же присел и начал рифмовать, что-то невообразимое чертя на песке.

Все внимательно выслушали слова философа.

— Аба нельзя загипнотизировать, хотя — видят Туннели! — мы с Браном старались. Но благодаря специальной технике я думаю, что могу привлечь его внимание лучше, чем обычной речью. Это зависит от высоты тона голоса.

— Последние несколько дней перед прилетом сюда мы с Браном непрерывно расспрашивали Аба об оружии. Он не дал нам никаких указаний, и поэтому я считаю, что мы можем начать отсюда и переходить от города к городу, надеясь, что что-нибудь заставит Аба дать нужный ответ.

— Нам можно остаться здесь? — Хасбога жадно смотрела на отдаленный город. Над гипсовыми дюнами возвышались заманчивые башни из хорошо сохранившегося металла и каких-то неизвестных материалов.

— Хасбога, мы здесь не для простых исследований. Мое собственное любопытство тянет меня к городу, но здравый смысл и более важные потребности удерживают от него,— Трузензузекс выглядел печальным.— Так должно быть, пока мы не найдем то, за чем пришли.

Хасбога не сдавалась.

— Сначала вы тащите меня и Скуа сюда, а потом говорите, что я не должна смотреть на одно из величайших открытий в истории человеческой науки. Мы на планете, принадлежавшей расе, в существование которой никто не верил,— она гневно пнула песок, пустив по ветру белые брызги.

Флинкс подумал, что они стоят на планете из горячего льда.

Цзе-Мэллори укоризненно посмотрела на нее:

— Планета всегда будет здесь, Исили Хасбога. А вот Кармадж-Колланга тта и Твоски Брайт нет. Конечно, если мы не найдем оружие и не пустим его в ход.

— Даже если эта штука тут, вероятно, она не действует. Вы это понимаете, конечно,— Септембер перевел взгляд с Трузензузекса на Цзе-Мэллори.

Высокий ученый улыбнулся в ответ и пожал плечами.

— Ты оптимист, Септембер. В природе хьюманкс-ства бросать вызов слабым шансам.

— В этом разница между нами,— ответил Септембер, тоже глядя на далекий древний город.— В природе септемберства вставать на ту сторону, у которой больше шансов. Так я жил до сих пор...— Он заметил жест Флинкса.— Что-нибудь случилось, молодой приятель?

Флинкс указал на Аба.

— Он что-то собирается сделать.

Цзе-Мэллори забыл о своем ответе Септемберу. Даже Хасбога перестала интересоваться городом.

Аб несколько раз повернулся на месте, разыскивая что-то никому не видное. Определив направление, он двинулся на юго-запад. Отойдя метров на десять от шаттла, он остановился и осмотрел песок. Закончив осмотр, сел с глухим звуком, протянул три руки и продолжил делать абстрактные рисунки, сопровождая это бормотанием. Он был счастлив, как трехлетний ребенок в песочнице.

— Замечательно,— Хасбога отбросила свои черные волосы и провела по ним руками.— Конец благородного поиска. Что дальше?

Трузензузекс был явно разочарован, но на его ответе это не отразилось.

— Мы вряд ли могли ожидать, что чужак сразу отведет нас к оружию. Начнем поиски,— лицо Хасбоги оживилось, и философ торопливо добавил: — С воздуха.

— Почему с воздуха? — огорченно спросила она.

— Прежде чем осматривать города пешком, попробуем показать их Абу; может, он что-нибудь узнает или его что-то подтолкнет.

Прихватив Аба, который, как всегда, пошел без споров, все вернулись в шаттл. Рампу убрали, двигатели заработали, и маленькая машина начала подниматься.

На песке остались следы нескольких человек и одного транкса. Легкий ветерок уже стирал их.

Начиная с самого крупного континента, они на большой скорости перелетали от города к городу. Вскоре перешли к меньшим городам, чем тот, возле которого они сели впервые. В каждом новом городе Трузензузекс и Цзе-Мэллори с надеждой смотрели на Аба. Каждый раз Аб восторженно смотрел на местность под шаттлом и бесконечно рифмовал, а Трузензузекс читал компьютерную интерпретацию слов чужака. И шаттл ложился на новый курс.

Несколько дней поисков убедили Трузензузекса, что они могут провести на планете *много времени. Услышав* это, Хасбога стала такой же горячей, как воздух. Она настаивала, чтобы ее высадили у города, любого города, и она начнет свою работу.

Не в силах сопротивляться, Трузензузекс и Цзе-Мэллори наконец согласились. Она может обнаружить что-нибудь полезное, а на борту шаттла без нее будет спокойнее.

Септембер решил присоединиться к ней, и потому что поиски с воздуха ему наскучили, и по другим причинам. Они высадились на окраинах самого первого города, взяли с собой достаточно припасов и оружия для самозащиты, хотя никаких признаков враждебной жизни пока не было.

На планете почти не было животной жизни и очень мало растительной. Большая часть поверхности Канначаны 2 представляла собой пустыню, иногда низменную, иногда возвышенную. Самое крупное до сих пор обнару-

женное живое существо напоминало нервного розового кактуса, в высоту оно достигало пятнадцати метров, а у основания — нескольких метров в толщину. Цзе-Мэллори заметил, что у него должна быть поразительная корневая система.

Вода скапливалась в низменных частях суши. Вообще больших открытых пресных водоемов не было. Местность была одинакова, как города. Каждый город напоминал предыдущий, различались они только размером. Все города были полны каменных развалин и изъеденных металлических сооружений, и населяли их только ветер и исчезающие воспоминания. Шаттл «Учителя» к каждому подлетал с надеждой, а улетал с разочарованием.

— Тар-айимы строили свои города лучше, но их было меньше, судя по тому, что мы видели на Бустере.— Трузензузекс смотрел на пролетающую внизу пустыню.— Это соответствует известиям о плодовитости хур'рикку и объясняет испуг тар-айимов.

— Ты уверен, что Аб не один из них? — Флинкс указал на чужака, который был привязан к креслу перед иллюминатором.

Цзе-Мэллори покачал головой.

— Форма дверей свидетельствует, что Аб не хур'рикку. Они были гораздо меньше Аба, меньше нас. Ближе к отоидам на Аляспине, если тебе нужна раса для сравнения. А вот тар-айимы, насколько можно судить по аналогичным свидетельствам на Бустере, были массивными существами, гораздо больше твоего друга Септембера. И однако,— продолжал он, глядя на металл, камень и песок,— крошечные хур'рикку привели огромных тар-айимов в такой ужас, что те утратили контроль над своей военной наукой и создали нечто, уничтожившее их всех.

Трузензузекс с несчастным видом пригладил антенны истинной рукой.

— Боюсь, мы зря тратим время. Больше мы не можем оставаться на этой планете. Еще неделя, и я предложу обратиться к дополнительной неправительственной помощи,— видя удивленное выражение Флинкса,

он добавил: — В моей природе быть нетерпеливым, друг Флинкс.

Шаттл резко повернул, покидая только что осмотренный город. Философ опустился в кресло.

— Аб по-прежнему никак не реагирует ни на что на этой планете. Я боюсь, он не будет реагировать на оружие, даже если мы пролетим непосредственно над ним. И так как мы не знаем, как оно выглядит: совсем не обязательно, чтобы оно напоминало оружие хьюманксов,— мы можем не заметить его по своему незнанию. Сколько городов мы уже осмотрели, брат по кораблю?

— Пятьдесят пять, считая последний.

Трузензузекс произнес звук, означающий отвращение вместе с самообвинением.

— Боюсь, мы можем осмотреть и тысяча пятьдесят пятый, без всякой надежды на успех.

Товарищ улыбнулся ему.

— Может быть, но мы должны осмотреть эту тысячу, а может, и больше. Три планеты ждут...

Трузензузекс безропотно махнул истинной рукой.

— Да, знаю, знаю. Но поиск кажется безнадежным. Если бы мы могли извлечь из Аба хоть какой-то ключ, какой-то намек, где содержали оружие, мы нашли бы его. На Бустере местоположение кранга было ясно по его размеру, изолированной позиции и уникальной конструкции. Ничего подобного на этой планете мы не обнаружили, ничего необычного *ни в одном городе.*

И тут Флинкс, *настроенный рассуждениями Трузензузекса,* испытал один из тех редких моментов интуиции, которые никогда не мог предсказать. Причем эта интуиция совсем не была результатом его дара. Ничего необычного не было в пришедшей к нему мысли. Возможно, в отличие от ученых, он искал только простые возможности. Он уже раньше высказал не менее полусотни догадок о местоположении оружия. Все оказались ничего не стоящими. Но эта отличалась от предыдущих.

— Если бы я создал действительно мощное оружие,— сказал он небрежно, почесывая голову Пипа,— я хотел бы быть уверенным, что если оно случайно взорвется, то никому не повредит.

— В океане, может быть? — неуверенно предположил Цзе-Мэллори.— Но все свидетельствует, что океаны широко использовались, возможно, как источник пищи. Мы не нашли достаточно изолированного места для сооружения и нахождения такого оружия.

Трузензузекс оставил в покое свои антенны.

— На планете такого места нет. Я не стал бы помещать оружие, способное уничтожить коллапсар, на обитаемой планете.

Цзе-Мэллори молча кивнул. Философ прошел к приборам и задал курс на северное полушарие, к лагерю Септембера и Хасбоги.

— Мы обыскали эту планету в поисках чего-то огромного и необычного. Но оружие может быть маленьким и выглядеть совсем обыкновенно. Однако, прежде чем начать прочесывать все здания, я думаю, надлежит проверить твою теорию, Флинкс.

Флинкс покачал головой.

— Но если оно не на этой планете и не в этой системе, как же мы его найдем?

— Подумай сам, Флинкс,— Трузензузекс отвернулся от приборов.— Раса, достаточно осторожная, чтобы убрать такое оружие подальше, в то же время постарается не потерять его. Она захочет все время знать, что оружие на месте. Однако мы не обнаружили никаких постоянных источников излучения любых видов энергии в космосе. Такую энергию должны были бы производить самые сложные и надежные машины, какие только могли соорудить хур'рикку. Они должны быть долгоживущими и самовосстанавливающимися на случай небольших повреждений.

Септемберу пустыня надоела, и он встретил их с радостью. Хасбога с меньшим энтузиазмом встретила известие, что им придется покинуть планету. Она заявила, что находится на пороге открытия тайн хур'рикку. Это открытие даст ученым Федерации занятие на десятилетия. Септембер наполовину убедил, наполовину заставил ее подняться в шаттл.

— Мы завтра можем вернуться, если наша идея не подтвердится,— сказал Цзе-Мэллори, пытаясь успоко-

ить ее.— Не найдем никакого луча энергии, нацеленного на планету. Нам достаточно нескольких циркумполярных и экваториальных орбит, чтобы убедиться.

Хасбога кипела, спорила, плакала, но, так как у нее не было выхода, в конце концов сдалась.

Сенсоры на борту «Учителя» предварительно зафиксировали свыше ста источников излучения от самовосстанавливающихся механизмов хур'рикку. Многие из этих источников казались маяками. Они размещались на окраинах больших городов, возле ровных площадок, которые могли служить шаттлпортами.

Три таких маяка излучали еще достаточное количество энергии, чтобы луч ушел далеко в космос, гораздо дальше того расстояния, на котором его поймает возвращающийся корабль. Один луч уходил с окраин большого города на южном полярном континенте и рассеивался в общем направлении созвездия Стрельца. Флинксу очень хотелось лететь туда, куда указывала эта мощная энергетическая стрела.

Но им нужно было найти что-то поближе. И поэтому Флинкс ввел далекий курс в компьютер и приказал запомнить на будущее. Может быть, когда-нибудь...

Второй луч привел «Учитель» и его беспокойных обитателей к четвертому спутнику далекого газового гиганта. На спутнике оказались руины, гораздо лучше сохранившиеся, чем на обитаемой планете. Однако и тут развалины подверглись эрозии, потому что спутник обладал собственной атмосферой. *С трудом удалось убедить* Хасбогу, что им нельзя задерживаться возле удивительно сохранившихся сооружений хур'рикку.

Третий луч привел к четвертой планете, которую инструменты корабля не заметили при подлете к системе Канначаны. Впрочем, это неудивительно: четвертая планета оказалась скорее подвижным спутником, размером с треть земной Луны. Она располагалась от солнца вдвое дальше газового гиганта. Мрачный, изрытый метеорами шар, непривлекательный, покрытый замерзшим слоем метана и аммиака. Свободной атмосферы не было. Одна сторона всегда была устремлена к солнцу, другая вечно смотрела в межзвездное пространство.

На Канначане 4 был обнаружен небольшой приемник. Здесь кончался луч, нацеленный с планеты хур'рикку. Быстрый осмотр обнаружил только принимающую аппаратуру. Ничего не напоминало даже отдаленно оружие или самостоятельную установку. Все было связано с принимающей станцией.

Корабль по низкой орбите облетал планету-спутник. Детекторы не фиксировали ничего, кроме замерзшего газа и мертвого камня.

Трузензузекс в пилотской рубке просматривал поток однообразных сведений.

— Наверно, это конец,— уныло сказал он.— Можно было бы с таким же успехом лететь к созвездию Стрельца,— он покачал своей блестящей головой.— Боюсь, я слишком стар для такого путешествия.

У Цзе-Мэллори тоже было унылое лицо, хотя он старался говорить оптимистично.

— Есть еще шанс. Мы еще не окончили осмотр. И всегда можем вернуться на вторую планету и начать заново. Возможно, наше предположение было ошибочным.

— Верно,— согласился философ.

— Джентльсэры,— Флинкс отвернулся от монитора.— Впереди артефакт.

Ученые бросились к маленьким экранам на контрольном щите. И верно, в соответствии с данными инструментов, они приближались к относительно маленькому твердому предмету с неустановленным внутренним строением. Предмет располагался над небольшой планетой и лежал на продолжении прямой линии — луча, принимаемого на противоположной стороне планеты.

Внимательно следя за инструментами, ожидая любой возможной реакции, «Учитель» начал осторожно приближаться.

И тут к обсуждению добавился четвертый голос.

— Фливвер бежит как диввер, хопскоч моплоч, дом с крышей, а выше мыши,— Аб с полчаса читал подобную лекцию, потом отвернулся, продолжая напевать.

Трузензузекс пропустил весь записанный монолог через компьютерный словарь, который они успели со-

ставить. И компьютер произвел одно понятное слово: «Бах».

Философ не мог сдержать возбуждения.

— Джентльсэры, я думаю, мы нашли наше оружие.

Но внешний вид артефакта, когда они подошли поближе, разочаровал их. Он не был так ужасен, как бездействующее оружие тар-айимов кранг. И, кстати, многие виды оружия хьюманксов казались Флинксу более грозными.

Септембер наклонился вперед, чтобы высказать свое мнение. Оно не было лестным.

— Одна-единственная ракета SCCAM разнесет эту штуку на элементарные частицы. Такое жалкое абсолютное оружие и присниться не может.

— Бактерия тоже не выглядит очень страшной,— заметил Цзе-Мэллори,— но именно бактерии уничтожили все цивилизации Блайта, включая тар-айимов и хур'рикку.

Флинкс приблизил корабль, так что они оказались всего в пятидесяти метрах от артефакта. Предмет в длину около ста метров, грубо цилиндрический по форме, с четырьмя закругленными сторонами, которые встречались у двух заостренных концов. С каждого конца торчало на несколько метров нечто, похожее на антенны. Оно напоминало банан, только прямой, а не изогнутый.

Артефакт ржаво-коричневый, но не похож на металлический. Звездный свет и прожектор «Учителя» отражались от его бортов. Похоже на пластик. В то же время и не пластик, думал Флинкс, *изучая данные.*

Там, где встречались две стороны, материал становился прозрачным, сохраняя прочность. Направив луч через иллюминатор, обитатели «Учителя» обнаружили, что вся поверхность прозрачна, но каким бы мощным ни был луч, он проникал всего на метр в тридцатиметровый артефакт.

Свет также показал, что все четыре стороны покрыты мелкими вычурными завитушками-надписями. Небольшие выступы и углубления в правильном порядке покрывали всю поверхность.

Ничего похожего на вход, жерло, выхлопное отвер-

стие — короче, ничто не свидетельствовало, что это оружие. Стометровой длины металлически-стеклянно-пластиковое нечто, явно безвредное по внешности и недействующее.

По просьбе ученых, Флинкс провел корабль вокруг, облетел сверху, снизу, спереди, сзади. Потом «Учитель» занял позицию между маленькой планетой и устройством. Если этот маневр прервал какую-то важную передачу, на внешности и состоянии артефакта это никак не отразилось.

Цзе-Мэллори выглядел встревоженным.

— Да, это оружие. Аб это подтвердил. Это должно быть оружие,— Флинкс никогда не видел, чтобы он так нервничал.

Рядом Трузензузекс не мигая разглядывал артефакт своими сложными глазами. Потом философ включил несколько сенсоров на щите.

Появилась заспанная Хасбога. Ее апатия исчезла, как только она увидела артефакт. Септембер успокаивал ее, пытался объяснить, что они нашли и что делают. Она слушала, но смотрела только на надписи на сторонах установки.

— Диффузионное сканирование не проникает внутрь материала,— Трузензузекс проглядывал данные.— По-прежнему никаких признаков движения относительно планеты или нашего корабля. Артефакт не излучает энергию — ни в каких видах. Во всяком случае мы ничего не регистрируем. И никакой связи с поверхностью внизу.— Он отвернулся от приборов и задумчиво посмотрел на всех. Одной истинной рукой потер нижние мандибулы.

— Этот исключительно неоригинальный призрак из прошлого хур'рикку должен быть оружием. У нас есть важное, хотя и разговорное свидетельство Аба. У нас есть факт, что оно здесь, в самом безопасном месте в системе, куда можно поместить мощное оружие. Но оно продолжает настаивать на своей невинности. И то, что мы видели на планете хур'рикку, заставляет меня не верить, что это обман. Признаюсь, что я не знаю, что делать дальше.

— А как оно должно было работать? — Хасбога придвинулась ближе к главному иллюминатору, за которым плыла установка.— Я, конечно, не хочу спросить, какой мощности взрыв, понимаете?

Цзе-Мэллори не улыбнулся.

— Мы не уверены, что оно взрывается.

— Ну, пусть делает то, что должно. Но я хотела бы посмотреть на надписи.

— Возможно, у тебя будет такой шанс,— сказал Трузензузекс.— Нам может понадобиться их дешифровка, чтобы узнать, как действует эта установка. Механизм ее действия нам не ясен.

— Надписи не обязательно инструкции,— прозаично заметил Флинкс.— Возможно, там просто написано: «Это Абсолютное Оружие Изготовлено Компанией Х'пел'с по Изготовлению Абсолютного Оружия, Инк.». Или что-то в этом роде.

Голова словно из бумажных листов повернулась к нему.

— Будем надеяться на другое, Флинкс.

Цзе-Мэллори согласился.

— Я чувствуя себя, как неандерталец, загнанный смилодоном. Кто-то дал мне Марк Двадцатый мистера Септембера, и у меня десять секунд, чтобы догадаться, как им пользоваться. Вероятно, я кончил бы тем, что использовал его как дубину,— он указал на плывущую загадку. Огни из иллюминаторов «Учителя» причудливо отражались от ее поверхности.— Если не будем осторожны, можем кончить как неандерталец, который тупо смотрит в ствол, нажимая спуск. Будем осторожны с этими углублениями и выступами, куда можно пристроить наши инструменты. Я бы предпочел изучать эту штуку на расстоянии. Однако,— добавил он, явно не заботясь о личной безопасности,— если понадобится прыгнуть прямо на нее, чтобы заставить действовать, придется нам это сделать.

— Но мы будем делать это не здесь. Тут все равно бесполезно. Вначале нужно переместить установку к нынешнему местоположению коллапсара,— он посмотрел на Флинкса.— На пути бродяги находится беспла-

нетная двойная система. Мы доберемся до нее одновременно или чуть позже бродяги, если улетим немедленно и пойдем на полной скорости. У нас будет редкая возможность понаблюдать за взаимодействием коллапсара со звездами. Мы также увидим,— сказал он, обращаясь к Исили Хасбоге,— что случится с Кармаджем-Коллангаттой и Твоски Брайт, если наше исследование окажется бесплодным.

— А если так и будет? — Хасбога выглядела подавленно.— Что вы тогда будете делать?

Цзе-Мэллори чуть улыбнулся.

— Тогда мы с Тру отправимся на поиски следующей легенды,— он снова посмотрел на Флинкса.— Мне кажется, места достаточно. Грузовой трюм стандартного размера?

Флинкс кивнул.

— «Учитель» смоделирован с небольшого фрейтера. Мне не пришлось перевозить грузы,— еще одна небольшая ложь,— но трюм действует.— Он указал на артефакт хур'рикку в иллюминатор.— В трюм можно поместить несколько таких.

Положение «Учителя» слегка изменили, так что раскрылись большие двери грузового трюма. Флинкс оперировал люками; приборы показывали, что все функционирует нормально.

Трюм представляет собой огромную открытую сферу, куда при нулевой силе тяжести можно уложить любой груз. В настоящее время огромное пространство пусто. Достаточно места для установки хир'рикку.

Флинкс привел в действие позигравитационные лучи притяжения, с помощью которых управляются с большими грузами. Все мышцы в теле напряглись. Никто не может сказать, как повлияют мощные лучи на артефакт. Инструменты показали, что лучи действуют. Артефакт оставался неподвижен.

— Заводи его в корабль, Флинкс,— сказал Цзе-Мэллори.— Медленно.

На хвостовом триди они отлично видели артефакт. Цзе-Мэллори поднял голову, улыбнулся и нетерпеливо кивнул. Прошло несколько минут.

— Все в порядке, Флинкс. Можешь вводить его.

Флинкс посмотрел на приборы, на лице его отразилось смущение и неуверенность.

— Бран, я пытаюсь это сделать. Лучи действуют на полную мощность. Но это штука не шевелится.

Глава тринадцатая

Трузензузекс и Цзе-Мэллори проверили показания приборов и подтвердили, что механизмы действуют правильно. Все показания в норме, все выполняется, как положено, но артефакт отказывался входить в трюм «Учителя». У Флинкса появилась идея, но Цзе-Мэллори ее отверг.

— Почему бы нам не надвинуть корабль на него?

— Не получится, Флинкс,— объяснил Цзе-Мэллори.— Если лучи не могут передвинуть объект, но не сможет двигаться с кораблем. Попробуй еще раз.

Флинкс послушался, потом попробовал в третий раз, всякий раз меняя направление, используя четыре луча притяжения в различных сочетаниях.

Хасбога выглядела потрясенной.

— Он не сдвинулся и на сантиметр.— Она смотрела на экраны.

— Молодой приятель.— Септембер отвел взгляд от контрольных приборов.— *Какую массу ты можешь передвинуть?*

— Двести пятьдесят тысяч тонн массы на один луч. Я ввел их все в действие и приложил на одной оси усилие в миллион тонн. Ничего не получается, он не движется.

Септембер задумчиво погладил подбородок.

— Даже если артефакт из очень плотной материи, не могу себе представить, чтобы он столько весил.

— Термин «плотная материя» допускает многочисленные варианты, мистер Септембер,— сказал Трузензузекс.— Дюраллой, из которого сделал этот корабль, тоже очень плотный материал.— Истинная рука указала

на экраны, где виднелся артефакт.— Этот объект может состоять из сверхплотного вещества.

— Может, такого плотного, как коллапсар,— предположила Хасбога.

Трузензузекс сдержал смех: женщина ведь не физик.

— В таком случае наша установка весила бы как несколько галактик. Я думаю, это невероятно. Надо найти более мощное средство, чтобы тащить его.

— Или толкать,— сказал Флинкс.

Трузензузекс издал звук, означающий согласие, смешанное с сомнением.

— Есть другие возможности использования КК-поля.

— Я понимаю, о чем вы думаете.— Цзе-Мэллори выглядел сомневающимся и немного встревоженным.— Не знаю. Это рискованно, очень рискованно.

— Но стоит попробовать.— Флинкс был уверен, что сработает.— Вместо того, чтобы тащить установку, мы поместим «Учитель» за ней и будем толкать полем.

— А почему не тащить его полем? — спросила Хасбога.

— Нет,— ответил Цзе-Мэллори,— нужно толкать. Когда поле Курита-Киношита образуется, оно шарообразное, но когда превышается скорость света, оно приобретает каплевидную форму. В конце капли помещается материя, привязанная к источнику поля, то есть сам корабль. Можно и тащить, но на значительной скорости поле сильно сжимается, и мы потеряем артефакт.

— Гораздо надежнее контроль, если артефакт находится в широкой части капли поля.— Трузензузекс жестикулировал одновременно истинными руками и руконогами.— Надо учесть, что поле создаст достаточное давление, чтобы двигать артефакт. А это, несомненно, так.

— Но и в этом случае мы можем потерять артефакт, Тру.

— Верно, брат по кораблю,— согласился философ.— Но можешь придумать какой-то другой выход?

— Нет, нет.— Цзе-Мэллори вынужден был при-

знать, что ничего не остается, как попробовать.

— Не уверен, что понимаю твое беспокойство, Бран,— признался Флинкс.

Трузензузекс попытался объяснить, хотя пространственная физика — не его область.

— Даже при массе звезды выступ поля Курита-Киношита очень узок, Флинкс. Чем выше скорость, тем более плоским и угловатым становится этот выступ. Если мы неточно рассчитаем выход из протранства Курита-Киношита, пространства-плюс, или неправильно сформируем поле, тогда артефакт хур'рикку может выйти в нормальное пространство, пока мы еще будем находиться в пространстве-плюс. Результатом будет частичное разрушение объекта, или, если он выйдет в нормальное пространство целиком, мы его потеряем. Мы продолжим движение с плюс-световой скоростью, а артефакт полетит в нормальное пространство под углом к нашему курсу со скоростью в *несколько... ну, короче,* не успеем мы дернуть антенной, не говоря уже о том, чтобы замедлить скорость и развернуть корабль, артефакт исчезнет. И наши шансы отыскать его в нормальном пространстве будут бесконечно малы.

Флинкс выглядел подавленным.

— Может, тогда лучше попробовать что-нибудь еще.

Но тут возразил Цзе-Мэллори.

— Нет, Флинкс. Тру прав. Надо попробовать толкать КК-полем.— Он посмотрел на ждущий артефакт.— Даже если он находится в поле *стасиса, никакой стасис* не устоит перед давлением КК-двигателя.

— Ты забыл одно слово,— прервал Септембер.— Известное. Ни одно известное стасис-поле не устоит перед КК.

Флинкс развернул «Учитель», так что большой выпуклый диск проектора поля был размещен правильно относительно артефакта. Трузензузекс четырежды проверил расчеты, чтобы убедиться, что поле охватит установку хур'рикку на нужном расстоянии.

— Все готово,— сказал Цзе-Мэллори, просмотрев показания приборов.— Включай двигатель, Флинкс.

С помощью компьютера инструкции Флинкса были

переданы невероятно сложным механизмом корабля. Перед проектором «Учителя» возникла рассеянная пурпурная энергетическая сфера. Никто в корабле не видел, как начало формироваться поле. Оно скрыто за диском проектора. Артефакт хур'ррику тоже. Но о появлении поля свидетельствовали показания приборов.

Очень медленно «Учитель» начал удалятья от системы Канначана. Он прошел через то место, где плавал артефакт хур'рикку. Но его там уже не было, и поэтому можно было предположить, что он теперь находится впереди поля КК.

На борту корабля прозвучали поздравления и облегченные вздохи.

— Он должен быть там,— подтвердил Флинкс, бросив взгляд на приборы.— Мы для ускорения используем вдвое больше энергии. Корабль несет с собой груз.

Цзе-Мэллори задумался.

— Я считал, что когда артефакт начнет двигаться, поле стасиса либо исчезнет, либо останется позади. Но если Флинкс прав, Тру, стасис-поле движется вместе с установкой.

— Может, никакого стасис-поля нет. Наше первое предположение — о сверхвысокой плотности — может оказаться верным. Есть еще стасис-поле, которое в обычном смысле не является стасис-полем. Теоретически выведенное состояние материи, которое называется ФКИ-фиксированная космическая инерция.— Его мандибулы слегка двигались, прихватывая одна другую.— Интересно, интересно. Такое состояние материи было предсказано, но не обосновано математически. Пока нет. Объект ФКИ кажется неподвижным, Бран. Но на самом деле мы видим не сам объект, а его самое недавнее проявление. Реальный объект состоит из невоспринимаемой, но весьма реальной энергии, которая создается в самом объекте. Объект, как нам кажется, движется вместе с нами. Но созданная им энергия тянется за нами.

— Тру,— прервал озадаченный Флинкс,— мы тоже тянемся за тобой, но не успеваем.

— Короче говоря, Флинкс,— объяснил философ,— то, что впереди нас, как нам кажется, движется, но на

самом деле нет. На самом деле вселенная движется мимо нас. Если бы мы смогли его сдвинуть, он бы высвободил свою истинную инерционную энергию.— Он покачал головой.— Но все же я не понимаю, как он может воздействовать на коллапсар.— Он направился к терминалу компьютера.— Мне нужно поработать, джентльсэры.

Толкая то, что, по словам Трузензузекса не движется, «Учитель» вышел из давно мертвой системы и на полной скорости начал пересекать Блайт. Флинкс при помощи всех инструментов на борту пытался отыскать энергетический след, который по теории Трузензузекса оставляет за собой артефакт хур'рикку. Но ничего не обнаружил.

Однако если Тру прав, артефакт накапливает инерцию уже полмиллиона лет. У Флинкса начинала кружиться голова, когда он думал, на что способна такая энергия, если ее освободят одновременно и в одном месте.

Он отыскал мяч, и они с Пипом стали играть.

* * *

Но чего не заметил никто — было приложено много усилий для этого,— так это корабля, который прилетел в систему Канначана вскоре после «Учителя». Он не последовал на ним к планете хур'рикку, а скрывался за газовым гигантом, прячась за энергетическими полями этого протосолнца и его *густой атмосферой.*

Там он оставался, *без отдыха наблюдая за деятельностью* команды «Учителя». И хотя меры предосторожности мешали наблюдениям, все же торопливый отлет и курс «Учителя» были замечены.

Как только «Учитель» перешел в пространство-плюс, этот маленький, но исключительно скоростной корабль направился к малонаселенной планете и на самой границе Федерации. Здесь он установил контакт с некоей горнорудной компанией, которая в своей основной деятельности была так же эффективна, как и в маскировочной, геологической.

Теперь «Учитель» находился во многих парсеках. Но для экипажа маленького корабля это не имело значения.

Передав информацию, он выполнил свое задание.

Существа, пилотировавшие корабль и руководившие горнорудной компанией на планете, не были ни людьми, ни транксами. У них длинные пасти, заполненные острыми зубами, и они испытывают абсолютное презрение ко всем, кроме таких, как они сами. Кожа у них жесткая, блестящая и чешуйчатая, а мозг в черепе с гребнем активный и изобретательный.

Эти существа были тщательно рассеяны по всей Федерации, причем некоторые хирургически замаскированы под людей. (Под транксов они маскироваться не могли, потому что эти существа двуногие, двурукие и ничем не напоминают насекомых). В отличие от земных рептилий, у них теплая кровь. И хотя они предпочитают теплый сухой климат, они энергично действовали на холодной далекой планете.

Вокруг станции на планете располагалось несколько действующих шахтных стволов. Эйэннцы занимали эту пограничную планету по договору с Федерацией, и поэтому важно было соблюдать внешность. Шахта непосредственно под станцией не давала ценную руду; в ней располагался коммуникатор, действующий на ускоренных субатомных частицах, более известный как луч глубокого космоса.

Преобразованное в поток позитивно заряженных кварков с шармом, сообщение могло передаваться от ускорителя к ускорителю, от планеты к планете на головокружительной скорости, гораздо быстрее, чем лучом триди. Луч триди передает информацию при помощи высокоскоростных лептонов. Лептоны триди и поля Курита-Киношита передвигаются в пространстве-плюс. Но гораздо менее уловимые кварки движутся через нечто настолько неясное, что не может быть опасно. И называется оно нуль-пространство или пространство-минус.

На каждой принимающей станции положительные кварки с шармом меняют направление и заново ускоряются. И наконец достигают места назначения. Здесь поток неудержимых кварков проходит через счетчик элементарных частиц, и сообщение расшифровывается. Только другой счетчик, расположенный прямо по ходу

луча, может перехватить его, а шансы на это чрезвычайно малы. Только огромный корабль, размером с дредноут, может вместить на себе оборудование для такого перехвата.

И вот «Учитель» продолжал полет, не подозревая, что о конечном его пункте известно. Пассажиры «Учителя» испытывали различные чувства. Но чего бы ни хотел каждый, все надеялись, что их миссия скоро успешно закончится.

* * *

Через несколько месяцев они прибыли в окрестности Бархатной Дамбы. Бурлящая чернота, темная туманность скрывала за собой от взгляда с любой населенной хьюманксами планеты.

— Отсюда выйдет бродяга и через девятнадцать лет столкнется со звездой Твоски Брайт.— Цзе-Мэллори разглядывал вызывающую дрожь пустоту.— Если мы не остановим его. Вскоре его заметят астрономы-любители благодаря дыре, которую он оставляет, поглощая газ и частицы туманности.

Флинкс смотрел на обширный черный мазок, сквозь который слабо просвечивало лишь несколько самых ярких звезд, и пытался представить себе, как он будет выглядеть с дырой посредине. Он начинал реально представлять себе масштаб опасности, с которой им предстоит столкнуться. Одно дело — *говорить о коллапсаре,* совсем другое — *непосредственно столкнуться с ним.*

Под управлением Цзе-Мэллори «Учитель» в последний раз слегка изменил курс, чтобы выйти в район предполагаемого столкновения коллапсара с двойной звездой. Артефакт хур'рикку оставался впереди, в центре поля.

Септембер сравнил их подвиг с плаванием тюленя через Атлантический океан с мячом на носу. Флинкс знал, что такое Атлантический океан: один из трех главных земных океанов. Но тюлень?

— Они похожи на ларжессиан, молодой приятель,— сообщил ему гигант.— Только меньше, без рук и с меньшими головами.

Описание помогло Флинксу представить себе тюленя, хотя ему трудно было вообразить ленивых туземцев Ларжесса плывущими в океане, балансируя чем-то на носу.

Проходили дни, корабль под внимательным присмотром двух ученых медленно терял скорость. По-прежнему сохранялась опасность потерять установку в триллионах кубических километров пустого пространства. Успешно приведя ее по такому долгому пути, ни люди, ни транксы не хотели рисковать. Наконец скорость упала до такой степени, что все на мгновение испытали тошноту и странное ощущение «где-то в другом месте». «Учитель» вернулся в нормальное пространство.

Перед ними должна была находиться двойная звезда, обозначенная в каталоге как RNGC 11432 и 11433. Все бросились к иллюминатору.

Долго царило молчание, и наконец Цзе-Мэллори негромко сказал:

— Джентльсэры и леди, мы опоздали на несколько дней. Бродяга уже здесь.

«Учитель» постепенно останавливался перед зрелищем, которое невозможно описать. Разумеется, сам коллапсар наблюдать нельзя, но видны результаты его присутствия. А также слышны, что и доказал Флинкс, включив сенсорное оборудование, чтобы точно определить положение бродяги. Страшный крик заполнил помещение, и Флинкс, в холодном поту, уменьшил громкость.

Хасбога сморщилась, она зажала руками уши, чтобы заглушить крик неорганической материи. Глаза ее были закрыты. Септембер положил ей на плечо руку. В глазах его не было обычной усмешки.

Флинкс уменьшил громкость, так что звук можно было переносить, но совершенно отключить его не смог. В этом крике было что-то гипнотизирующее; эффект этот вызывался и самим звуком, и знанием того, чем этот звук вызван. Флинкс обнаружил, что учащенно дышит, и заставил себя успокоиться.

— Что это? — Хасбога посмотрела на Септембера

и прижалась к его могучему плечу.— Никогда в жизни такого не слышала.

— Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь слышал, Исили.— Септембер со странным выражением смотрел в иллюминатор.— Человек, которого медленно убивают, обычно кричит. Интересно узнать, что звезда ведет себя так же.

— Это романтика,— заметил Трузензузекс.— Так называемый крик — это результат того, что разрываемая материя высвобождает энергию, которую всасывает коллапсар.

Флинкс подумал, что хоть объяснение философа точнее, Септембер дал более выразительное описание.

Переключившись на автоматическое управление, он придвинулся к иллюминатору. RNGC 11432 — оранжевый супергигант класса К. Звезда-спутник, вращающаяся против часовой стрелки вокруг своего гигантского брата, гораздо меньше, но зато горячей, она желто-зеленая.

От каждой звезды, в соответствии с направлением ее вращения, вытянулись длинные щупальца светящейся материи. Они свивались в спирали, с разных направлений подходили к одной точке и исчезали. Вокруг обоих щупалец располагались обширные разреженные облака энергетических частиц и газов, высосанные из звезд. В центре этих облаков находится черный кружок, как черный рисунок на флуоресцентной бумаге. А в центре этого кружка крошечная точка с массой множества солнц.

Сколько звезд сжато в коллапсаре? *Десятки, сотни,* может, тысячи? Какую часть вселенной бродяга уже проглотил на своем пути? Флинкс представил себе, как галактики уходят в эту черную точку, за которой след пустоты с исчезнувшими солнцами, планетами, их населением.

Прошла ли эта точка через Андромеду? Или через середину Магелланова Облака? И этой силе они собираются противопоставить металлически-стеклянно-пластиковое нечто, движущееся перед «Учителем». Нечто, которое, как утверждает Септембер, может быть превращено в пыль одной ракетой SCCAM.

Философ говорит, что устройство обладает ФКИ, накопленной космической инерцией. Но она все равно кажется незначительной по сравнению с объектом, который втягивает в себя массу двух звезд, словно губка две капли воды.

Жаль Кармадж и Коллангатта, молча думал Флинкс. Жаль якрой звезды, влажной Твоски Брайт. Жаль несчитанных исчезнувших планет, которые уже погибли в неизвестных галактиках за невообразимое количество веков.

Они могут выпустить миллион ракет SCCAM, бросить на бродягу сотню звезд. Ничто не может уничтожить его. Миллион ракет SCCAM только ничтожно увеличит массу коллапсара. Сотня звезд добавит чуть больше. Но это сделает коллапсар еще сильнее, еще разрушительнее.

Флинкс уже готов был предложить повернуть и улететь, когда Цзе-Мэллори посмотрел на него и будничным тоном сказал:

— Ну, что ж, я думаю, можно начинать.

Септембер, не улыбаясь, заметил:

— Увидев это, вы хотите что-то сделать, с кусочком металла или еще чего-то?

Трузензузекс серьезно взглянул на гиганта.

— Легенда утверждает, что что-то можно сделать. Мы здесь. И останемся здесь, пока не установим, можно что-то сделать или нет. Терять нам нечего.

— Послушайте,— негромко возразил Септембер,— самая большая бомба, какую только можно вообразить, только увеличит массу коллапсара.

Трузензузекс и Цзе-Мэллори не ответили.

— Я вижу, вы упрямы. Ну, что ж, причина уважительная. Интересно, какова масса чуда? — И он потащил Хасбогу к двери.

— Куда мы идем, Скуа?

— В каюту. Я не собираюсь тратить время на споры с рехнувшимися. Они могут запустить установку. Она не остановит коллапсар, но я буду удивлен, если она не уничтожит нас. И так как отговорить их я не могу, предпочитаю умереть самым удобным способом.

— Каким именно? — шаловливо спросила она. И когда они выходили, гигант наклонился и зашептал ей на ухо.

Философ смотрел им вслед.

— Фаталист.— Это прозвучало раздраженно.

Но в голосе Цзе-Мэллори не было осуждения.

— Ты прав Тру, но он фаталист со стилем.— И добавил серьезнее: — Ты знаешь, что он прав. Мы можем ничего не добиться, кроме собственного уничтожения.

— Ты считаешь, что у нас есть выбор, брат по кораблю?

Цзе-Мэллори ответил почти сердито.

— Конечно, нет! Флинкс, включи двигатель и осторожно отведи корабль.

На самой малой скорости «Учитель» отошел, снова оставив загадочное устройство хур'ррику свободно плыть в пространстве. Или, подумал Флинкс, если верить теории Трузензузекса, вселенная свободно плыла мимо объекта.

Под руководством ученых Флинкс расположил корабль рядом с установкой. Объект виден был в правом иллюминаторе, выглядел он по-прежнему безобидно и загадочно и оставался таким же неподвижным, как и в системе Канначана.

Флинкс работал под руководством двух более умных, чем у него, голов. Просьба новых указаний вызвала обескураживающий ответ Цзе-Мэллори:

— Не знаю, что *делать, Флинкс. Полагаю, что* логично одному из нас выйти наружу и посмотреть, что можно сделать с углублениями и выступами на борту артефакта.

Трузензузекс согласился. Оба уже готовились надеть скафандры, когда внимание Флинкса привлекли негромкие звуки с контрольной панели. Оставив ученых, он подошел к панели и взглянул на приборы. Именно эти приборы использовались им не часто, но сомнений не было. Флинкс хотел проверить, прежде чем поднимать тревогу, и потому переключился на экран для подтверждения.

ПРИБЛИЖАЕТСЯ КОРАБЛЬ ИЛИ КОРАБЛИ

— Бран, Тру,— позвал Флинкс, потом позвал громче, когда они не откликнулись. Ожидая ответа, Флинкс начал приводить в действие другие сенсорные инструменты.

Главный экран осветился, и на нем появилось одиннадцать точек, расположенных решеткой. Инструменты определили расстояние, направление и скорость. Разумеется, сами корабли не видны, только проявление энергии полей их двигателей.

Сравнительно с десятью точками та, что находилась в центре, казалась громадной.

— Это дредноут,— с холодным равнодушием сказал Цзе-Мэллори. Он мрачно посмотрел на своих путников.— Анализ полей показывает, что это корабли не хьюманксов. Боевое построение.

— Боевой строй так глубоко в границах Федерации? — Флинкс не мог поверить, что эйэнцы пойдут на такую крайность. Но, с другой стороны, чтобы уничтожить три укрепленные планеты, потребуется флот в сотни раз больший. Очевидно, эйэнцы считают, что это разумный риск. Они хотят, чтобы бродячий коллапсар действовал беспрепятственно.

— Это почти неисследованный и малонаселенный район Федерации, Флинкс,— заметил Трузензузекс.— Сюда можно проникнуть и уйти незаметно и относительно безопасно.

— Сколько у нас времени? — Цзе-Мэллори с надеждой посмотрел на брата по кораблю.

Трузензузекс фасеточными глазами изучал показания приборов.

— Дредноут, несколько крейсеров, остальное истребители и исследовательские корабли.— Он посмотрел на Брана Цзе-Мэллори.— Они выйдут в нормальное пространство через десять минут.— Транксы не потеют, но у Флинкса сложилось впечатление, что философ готов вспотеть.

— Если мы собираемся уходить...— начал Флинкс, направляясь к контрольному щиту. Сильная рука остановила его. Пип нервно зашевелился на плече Флинкса, а хозяин почувствовал серьезность настроения высокого ученого.

— Мы не можем просто уйти, Флинкс. Мы должны попытаться использовать установку. Возможно, его постепенно приводит в действие то, что оно должно уничтожить. То есть сам коллапсар.

— А как мы это сделаем? — очень медленно спросил Флинкс.

Цзе-Мэллори улыбнулся улыбкой церковника.

— Чтобы не дать приближающимся кораблям вмешаться, мы должны быстро направить артефакт к бродяге. И у нас есть только один способ сделать это.

Флинкс повернулся к иллюминатору, в котором исчезали две звезды, и попытался представить себе, что разделяет их судьбу. Не очень приятная мысль.

Глава четырнадцатая

— У нас нет выбора, Флинкс.— Трузензузекс говорил печально, но так же твердо, как и его товарищ человек.— Если мы возьмем его с собой, эйэннцы обязательно последуют за нами. Мы не можем допустить, чтобы оружие попало им в руки. Только так, уничтожив его — и возможно, но не обязательно самих себя — мы можем быть уверены, что этого не произойдет.

Флинкс пытался успокоить Пипа, который узкими глазами и заостренным языком искал того, кто так встревожил хозяина. Но на Трузензузекса и Цзе-Мэллори не кинулся: их мысли относительно *Флинкса были* полны печали и доброты.

— У нас есть одна-две минуты, чтобы посмотреть поверхность артефакта,— заметил Цзе-Мэллори.— Я посмотрю, можно ли что-то обнаружить. Если нет, просто оставьте меня снаружи. Если артефакт попадет в черную дыру, у меня будут наносекунды, чтобы полюбоваться этим.— Он двинулся к шлюзу, где помещались скафандры, потом остановился.— Там горит огонь.— И вопросительно повернулся к Флинксу.— Неисправность?

Флинкс немедленно начал обыскивать корабль —

инструментами и с помощью голоса. Септембер и Хасбога оказались на борту.

Не было Аба.

Одновременно от приборного щита и от шлюза послышался резкий свист. Флинкс узнал этот сигнал, он много раз слышал его во время учебных тревог на коммерческих кораблях.

— Он выходит через шлюз! — Трузензузекс прижал мандибулы к краю иллюминатора, стараясь что-то рассмотреть.

Флинкс бросился к приборам.

— Нет, Аб! Не делай этого! Подожди!

— Оставь, Флинкс. Вероятно, Аб знает, что делает.— В голосе Цзе-Мэллори звучала надежда.

— Дело не в этом! — лихорадочно объяснял Флинкс, указывая на шесть синих огоньков над входом в шлюз.— На корабле нет скафандра, который подошел бы ему.

Цзе-Мэллори почесал шею и подошел к своему брату по кораблю.

— Может быть, наш друг Аб не нуждается в скафандре. Может быть...— И он торопливо привел в действие часть компьютера, которая не использовалась много месяцев.

В интеркоме послышался резкий щелчок и свист. Флинкс медленно выключил его. И почти неслышно сказал:

— Не имеет значения. Он снаружи. В шлюзе нет воздуха.— Он отвечал за невинного, глупого, но безвредного чужака. Больше не слышно его стихов, его пения и никогда не будет слышно.

Именно Аб привел их к установке хур'рикку. Несмотря на это, Флинкс совершенно забыл о нем в суматохе и напряжении последних недель. Конечно, это не извинение.

— Флинкс, иди сюда.— Трузензузекс манил его одновременно истинной рукой и руконогой.— Мне кажется, тебе будет интересно на это посмотреть.

Флинкс подбежал к философу.

Тело Аба медленно плыло к ржаво-коричневому артефакту. Все четыре его глаза были открыты. Все четы-

ре руки под прямыми углами отходили от грушевидного тела и соприкасались с четырьмя вытянутыми ногами. Если это сделано не нарочно, то никогда Флинкс не видел такого странного трупного окоченения.

Человек скорчился бы и умер в вакууме. Может, Аб тоже, но почему-то точное расположение его конечностей заставляло думать иначе.

— Он явно приближается к артефакту,— напряженным голосом заметил Цзе-Мэллори.

— Что может быть естественнее? — В голосе Трузензузекса звучало изумление и благоговение.— Ему интересно, и он хочет взглянуть поближе. Но я не понимаю. Почему ему интересно? Бран, все, что мы узнали, все, что изучили, недвусмысленно говорит, что Аб не хур'рикку. Бран?

Цзе-Мэллори не отрывал взгляда от приборов, которыми управлял.

— Тише, брат. Я работаю.

Трузензузекс знал Брана не хуже, чем самого себя. Он даже не ответил.

То, что произошло дальше, вызвало у Флинкса такой шок, что Пип сорвался с его плеча и нервно заметался под потолком.

В трех метрах от артефакта тело Аба раскололось на четыре одинаковых части. В каждой находились глаз, рука и нога. Двигаясь независимо друг от друга каким-то непонятным образом, каждая четверть Аба *расположилась* непосредственно *напротив четырех сторон артефакта* в районе экватора.

Одновременно — их движения слишком точно совпадают, чтобы это было случайностью,— все четыре части приблизились к ржаво-коричневой поверхности. В это время Флинкс заметил, что части Аба совпадают с углублениями и выступами на поверхности артефакта. Мимоходом он отметил, что никакой крови или внутренних органов Аба не видно. Поверхности четвертей неровные, но сплошные.

Все они одновременно коснулись артефакта. Четыре руки ушли в четыре соответствующие отверстия. Четыре ноги поступили так же, чуть согнувшись. Четыре

глаза прижались к плоским приземистым выступам. Флинкс готов был поклясться, что перед прикосновением ближайший к иллюминатору глаз подмигнул ему.

Все четыре части, которые были ранее существом по имени Аб, слились с артефактом хур'рикку. В рубке «Учителя» слышалось только напряженное дыхание.

Наконец Цзе-Мэллори поднял голову, потер глаза и заговорил.

— Он правильно назвал себя, а может, был назван.— Трузензузекс и Флинкс посмотрели на него.— Я проверил через словарь Аба то, что мы должны проверить с самого начала,— его имя. Абаламахаламатандра. Композит их четырех различных языков, две части унаследованы от других языков, а одна от третьего через посредника. Вместе они образуют четверостишие на языке, который мертв уже триста пятьдесят тысяч лет. Компьютер сжал это четверостишие по схеме, которую использовал сам Аб, произнося свое имя. Из всей этой процедуры я извлек одно слово, которое объясняет все дело.— Он помолчал и потом буднично произнес: — Ключ.

— Ключ одновременно механический и информационный,— произнес Трузензузекс, глядя в иллюминатор.— Он, несомненно, с готовностью сообщал информацию. Мы просто недостаточно знали, чтобы понять его ответы.

— Аб машина.— Флинкс тоже смотрел в иллюминатор.— Эйэннцы подозревали, что это такое. Поэтому и хотели его уничтожить.

— Спокойней, Флинкс,— попытался остановить его Цзе-Мэллори.— Мы знаем только, что Аб машина, что-то вроде ключа. Но мы не знаем, тот ли это ключ.

— Все это вздор,— говорил словно про себя Флинкс.— Все эти годы он бродил бесцельно, побывал у десятков рас и различных хозяев. Сколько тайн сообщал он тем, кто его не понимал?

За ними загудел прибор на консоли. Он регистрировал информацию нескольких внешних сенсоров. Цзе-Мэллори, самый близкий к нему, прочел данные.

— Что-то происходит с артефактом. И еще — у нас

только три минуты, чтобы уйти до появления боевого строя эйэннцев.

Вспыхнуло мягкое желтое свечение и окружило артефакт.

— Смотрите! — указал Флинкс. Там, где погрузились части Аба, появились четыре черных круга. Внутри этих черных дыр ничего не было видно. Внутренняя часть артефакта частично исчезла, но видеть, что у него внутри, по-прежнему было невозможно. С появлением черных кругов погасло желтое свечение.

Внутри артефакта создавалось нечто, отличное от обычного пространства. Флинкс был так заинтересован, что забыл о страхе. Но больше ничего не происходило. Никакого страшного взрыва, никакого гула ожившей машины — ничего. Артефакт продолжал висеть в открытом космосе; он не изменился, если не считать четырех черных кругов, которые соединялись... ни с чем.

— Если хотим убраться, больше ждать нельзя,— объявил Цзе-Мэллори, изучая показания.— Но активирован ли он? Ничего не происходит, наши инструменты не регистрируют выделение энергии. Но что еще мы можем сделать, черт возьми?

— Бран,— медленно сказал Трузензузекс.— Не знаю. Но эта машина Аб, несомненно, что-то делает. Мне кажется, лучше убраться от артефакта. Цивилизация хьюманксов процветает, потому что ее индивидуальные члены готовы рисковать. *Но у нас силен инстинкт самосохранения. И в настоящий момент мой* инстинкт перевешивает. Во вселенную, брат по кораблю! Улетим и доверимся стихам глупца, который совсем не был глупцом.

Ни слова не говоря, Цзе-Мэллори включил КК-двигатель.

— Интересно, какими нас запомнят: пророками или дураками. Останемся в нормальном пространстве и посмотрим, что произойдет, если эйэннцы за нами не погонятся. Но я думаю, установка их интересует больше.

Они начали отходить от артефакта. Пип вернулся на плечо Флинкса.

Корабли эйэннцев сразу окружили остаток загадоч-

ной древней цивилизации. На борту «Учителя» три беспокойных взгляда изучали детекторы дальней связи.

— Они его окружили.— Цзе-Мэллори справился с другим экраном.— Ни следа преследования.

— Мы их больше не интересуем,— заметил Трузензузекс. Он беспокоился, ужасно беспокоился.— Мы, может, за годы, за всю жизнь не узнаем, правильное ли решение приняли. Установка может действовать долго. Или эйэннцам потребуется много времени, чтобы научиться управлять ею.— Философ заметил напряженное лицо Флинкса.

— Я только теперь начинаю понимать, на что способен был Аб,— объяснил Флинкс.— Я думаю о всем том времени, что провел в его обществе. Не знаю, бывает ли у машин личность. У Аба была.

* * *

Похожий на группу огромных металлических мыльных пузырей, флагманский эйэннский корабль остановился возле артефакта. Со своего почетного кресла на борту дредноута барон Лиссо ПН с огромным удовлетворением разглядывал маленький металло-стеклянно-пластиковый осколок.

Уже сочиняются поздравительные послания, скоро они по лучу глубокого космоса уйдут с огромного корабля и полетят на тайную базу внутри Федерации. А оттуда их передадут в империю.

Во многих норах будет радость, подумал барон. После многих лет службы императору и Стае Лордов он сам может войти в их число, станет советником и со временем может надеяться заменить самого императора.

Отчаянный заговор хьюманксов, весьма, впрочем, беспомощный, раскрыт. И не только это. Захвачен сам объект их заговора. Он плывет рядом с боевым кораблем. Осталось провести испытания, прежде чем принимать его на борт. Барон Лиссо ПН не верил, что что-нибудь, тем более такой крошечный предмет, способно остановить коллапсар. Это миф. Но мифы часто на чем-то основываются, так что лучше проявить осторожность и убедиться в безвредности древнего артефакта.

— Поместите объект в грузовой трюм. Используйте метод, описанный нашими информантами в Федерации. Надвиньте на него корабль. Наши лучи притяжения гораздо мощнее, чем на крошечном корабле хьюманксов, но если понадобится, мы тоже будем толкать артефакт, когда улетим.

— Однако исследовать его лучше в удобных условиях.

Остальные корабли следили за пространством в поисках приближающихся сил Федерации; массивный дредноут изменил свою позицию таким образом, что вход в огромный трюм надвинулся на установку хур'рикку. Раскрылись двери, обнаружив просторное безвоздушное освещенное помещение. Оно осторожно надвинулось на артефакт, поглотило его. Массивные панели снова закрылись.

Несколько ведущих археологов и других ученых, перемещенных на дредноут с исследовательских кораблей, сопровождали военных их экипажа дредноута.

Барон и его адъютанты встретили их в грузовом трюме, в вакууме и при нулевой силе тяжести. Небольшая группа одетых в скафандры эйэннцев с помощью многочисленных инструментов занялась исследованием. Инструменты регистрировали то, что не доступно чувствам.

— Достопочтенный,— сказал адъютант,— сообщение с периферийного корабля «Аналосаам». Докладывают, что корабль хьюманксов *продолжает удаляться в* нормальном пространстве. *Просят разрешения догнать* его уничтожить.

— В разрешении отказано.— Сообщение не произвело впечатления на барона. Не очень славный трофей для доставки в центральную пещеру Сектора.— У них ничего не получилось с артефактом. Вероятно, теперь пытаются заманить наши корабли в расположение сил Федерации или Церкви. Нам не нужен бессмысленный инцидент. Пусть наше присутствие здесь остается нераскрытым.

— А что касается их сообщения о нас, то им никто без доказательств не поверит. Будто бы целый импер-

ский военный флот проник так глубоко внутрь Федерации в поисках установки, в существование которой правительство Федерации не верит. И даже если кто-то явится сюда проверять их рассказ, мы уже давно вернемся домой.

— Домой.— Это слово негромко повторил физик справа от барона. На него лично артефакт хур'рикку произвел еще меньшее впечатление, чем на достопочтенного. Инструменты свидетельствуют, что этот объект не излучает ни доама энергии, что он не состоит из взрывчатых веществ, что он такой же неподвижный и безвредный, как концы двух верхних резцов ученого. Ему хотелось изложить свое мнение. И тогда он смог бы вернуться в горячие движущиеся пески своего дома.

Один за другим присутствующие ученые высказывали свое мнение. Все согласились, что находящийся перед ними предмет некогда служил оружием, но время сделало его бесполезным. Конечно, его необходимо доставить в центральную пещеру. Археологам будут интересны надписи и внутренность артефакта.

— Означает ли это, что его можно осматривать вблизи? — нетерпеливо спросил барон. Ему тоже хотелось вернуться.

Ответил главный химик.

— Если не касаться этих пока еще неисследованных выступов и углублений, я думаю, осмотр безопасен, достопочтенный. Мы все время контролируем состояние объекта в ожидании изменений, но я лично считаю, что их не будет.

— Конечно,— согласился физик-металлург.— Если бы он был в состоянии действовать, хьюманксы активизировали бы его.

— Логично и справедливо,— согласился другой ученый, дернув головой.

Слегка оттолкнувшись от изогнутых и окружающего мостика, таща за собой многочисленные кабели, группа придвинулась к установке. Несколько рывков, и вот они висят рядом с артефактом.

— А что это за черные круги на поверхности? Она

кажется сплошной,— спросил барон, сам не новичок в научных исследованиях.

— Эти круги, по нашим данным, не сплошные, достопочтенный.— Ученый выглядел удивленным.— У них одновременно свойства твердой поверхности и вакуума. Интересный, но не обязательно опасный феномен...

* * *

Цзе-Мэллори отвернулся от экрана. Лицо его походило на застывшую маску.

— Никаких признаков преследования. Я думаю, они удовлетворились тем, что остановили нас. Разрешение на таком расстояни затруднено, но я считаю, что они приняли артефакт на борт дредноута.

Привычное спокойствие на мгновение оставило Трузензузекса, он с силой ударил руконогой по металлическому краю панели.

— Если установка работает, что-то уже должно было произойти. Эта машина Аб...

— Аб не машина,— горько произнес Флинкс. Их глупый, но привлекательный подопечный по собственной воле четвертовал себя.— Аб был личностью.

— Хьюманксство давно об этом подозревало.— Видя, как расстроен Флинкс, философ попытался сменить тему.— Например, вы, люди, склонны были одушевлять машины задолго до того, как было установлено, что в этом смысле инстинкт оказался проницательнее ума.

— Боюсь, что *это конец, брат по кораблю. Нужно* попробовать другую легенду. Иначе для населения трех планет все будет кончено.

Флинкс отвернулся от экрана. В иллюминаторе попрежнему отчетливо видна была двойная звезда RNGC 11432-3. Корабли эйэннцев, конечно, слишком малы, чтобы увидеть их с такого расстояния.

Положение двух спиральных потоков материи, отходящих от звезд, изменилось, так как коллапсар глубже проник в систему. И хотя, вероятно, действует воображение, Флинксу показалось, что окружность звезд заметно уменьшилась. Внутри у него все перевернулось при мысли об обреченных жителях Кармадж-Колланга-

ты и Твоски Брайт. Флинкс повернулся к своим спутникам и обнаружил, что Септембер вопросительно смотрит на него. Гигант и Хасбога, узнав, что немедленное уничтожение им не грозит, вернулись в обсервационное помещение.

Поиск Трузензузекса и Цзе-Мэллори ни к чему не привел. Пора заняться собственным.

Мудрые голубые глаза смотрели на него. Гигант словно предчувствовал вопрос.

— Корабль настроен таким образом, что в опасной ситуации подчиняется только моему голосу, Септембер. Я могу высадить вас с Хасбогой, а могу и оставить на борту, пока не буду удовлетворен. Мне нужны ответы, и немедленно.

Странно, но Септембер как будто одобрил слова Флинкса, во всяком случае не рассердился.

— Ты так и не объяснил мне, что ты делал на Моте, пытаясь купить меня. И ты упомянул о других. Я хочу знать, почему ты оказался на аукционе.

— Мне нравится твой корабль. Можешь держать меня на нем, сколько захочешь.— Смеется над ним гигант?

Флинкс подошел и, подбоченясь, посмотрел на твердое лицо великана. Септембер возвышался над ним. Он весит вдвое больше юноши и одной рукой может переломать ему кости. Конечно, если не вмешается маленькое хвостатое существо на плече Флинкса. Для многих это «конечно» заканчивалось смертью.

Но Септембер не был настроен воинственно.

— Клянусь своей душой, молодой приятель, неужели ты угрожаешь старому Скуа? — И он улыбнулся.

Флинкс в гневе отвернулся.

— Прости. Мне не нравится вселенная, в которой угрозы заменяют разум, как камень кость в окаменелостях. Особенно мне не нравится угрожать друзьям.

Белые брови удивленно поднялись.

— Ты считаешь меня другом?

Флинкс, не глядя на него, ответил:

— Мне бы хотелось, чтобы ты был моим другом.

В голосе Септембера послышалась странная нотка.

— Мне бы тоже этого хотелось, приятель... Итак... я расскажу тебе, что ты хочешь узнать.

Флинкс повернулся, пытаясь сдержать возбуждение. Он сел на стул, Септембер в позе лотоса сидел против него. Хасбога, слегка обидевшись, что на нее не обращают внимания, смотрела на звезды.

Трузензузекс и Цзе-Мэллори оставались прикованными к приборам. Флинкс знал, что они не признают неудачи, пока не убедятся сами. Теоретики, они в то же время очень прагматичные и практичные существа.

— Примерно двадцать стандартных лет назад,— начал Септембер,— у меня не оказалось ни кредитов, ни перспектив. Я несколько раз в жизни бывал беден, парень. Не очень приятно. Я был угнетен, мозг мой не функционировал нормально... причина тебя не должна интересовать. И я принял предложение, которого, вероятно, не нужно было принимать.

— Была фирма, небольшая, но связанная с очень влиятельными личностями, как я узнал позже. Побуждения у них были хорошие. Они считали, что могут, объединив свои способности, усовершенствовать человечество. Физически, не морально. Для того, чтобы доказать свои теории, они нуждались в нормальных условиях для своих «усовершенствованных» детей. Идеальными оказались пары, желающие иметь детей, где отец стерилен. Существует много организаций, которые поставляют таким парам ценную сперму. Фирма таким образом получила идеальное не вызывающее подозрения прикрытие.

— Конечно, пары, получавшие сперму, не знали, что ребенок «усовершенствован».— Гигант отвернулся.— Ты должен знать, что я сам не знал до того.

Флинкс не стал спрашивать, до чего именно.

— Пары считали, что покупают обычные сперматозоиды, полные первоклассных генов. Они не могли знать, что с этими генами экспериментировали. Я предложил свои услуги и был принят в качестве донора спермы.— Он позволил себе слегка улыбнуться.— Я уверен, что из-за моего размера и сил, а вовсе не из-за ума. Помни, я понятия не имел, что происходит с тем,

что я продаю. Конечно, кроме меня, были и другие доноры.

— Не знаю, много ли и часто ли они поставляли сперму. Я — несколько раз. Поставлял — дьявольщина, продавал! Теперь ты понимаешь, Флинкс, почему я не могу сказать, отец я тебе или нет. Возможно, твоей матери имплантировали мою сперму. А может, и нет. Даже хромосомный анализ теперь ничего не скажет, потому что техники фирмы изменяли определенные гены.

— А как ты узнал обо всем? — Рассказ странно привлекал Флинкса своей необычностью. Изменение генов ...усовершенствование человечества. Он не уверен, что его усовершенствовали, но это объяснение его непостоянного странного дара.

— Большинство из первых усовершенствованных детей родилось на Земле или на близких к ней планетах. Большинство из них оказались нормальными, но примерно пятая часть рождалась калеками или с генетическими повреждениями. Повреждения иногда бывали ужасными.

— Помни, что организаторы фирмы были в целом добропорядочными существами, людьми и транксами. Они пришли в ужас, ликвидировали фирму и разошлись. Вмешалось правительство. Шли разговоры о необходимости уголовного наказания, но правительство не нашло кого наказывать. Оно не знало, что эти повреждения возникли в результате дородового вмешательства.

— Чтобы защитить себя, создатели фирмы разработали специальную программу. Они создали специальную сеть, которая отыскивала здоровых детей, которых они произвели, узнавала об их пребывании и личности. А неудачные результаты уничтожались.— Голос Сентембера звучал ровно.

— Для сохранения тайны в этой сети старались использовать прежних работников фирмы. Мне объяснили, что, поставив сперму, я тем самым стал соучастником и могу подвергаться преследованию правительством. И потому я согласился.

Флинкс не стал спрашивать, удалось ли Септемберу выследить детей-неудачников.

— Я должен был купить тебя на аукционе на Моте и отвезти на Землю. Там в специальной школе воспитывали еще нескольких здоровых детей. Тем временем правительство кое-что узнало. О детях не стало известно, но несколько организаторов фирмы было арестовано. Они могли узнать меня. Поэтому когда на аукционе появилось много местной полиции, мне пришлось поспешно уходить. Я собирался позже вернуться и перекупить тебя у твоего покупателя.

— Почему ты этого не сделал, Скуа?

— Потому что сразу вслед за этим сеть лопнула, кое-кто в обмен на обещание безопасности начал говорить, и большинство основателей фирмы было арестовано. Просматривая сообщения триди, я решил, что лучше порвать все связи с сетью и фирмой. И сумел затеряться.

— А что случилось с основателями? — Флинкс снова почувствовал возбуждение. Отец он ему или нет, но Септембер еще не конец следа.— Где их записи?

— Прости, приятель, но точно не знаю. Однако у меня большие уши.— Он подчеркнуто пошевелил ушами.— Я слышал, что все записи погибли в огне.

— Ну, тогда экспериментаторы,— Флинкс старался не терять надежды.

— Общественное возмущение заставило применить необычно строгое наказание. Большинство было приговорено к избирательной нейрохирургии.— Флинкс тяжело сел. Он знал, что это такое.— Все их воспоминания о фирме и ее деятельности были стерты. Личности и большая часть знаний сохранились, но они больше не знают ничего о фирме и ее деятельности.

— Мне казалось, это противоречит доктрине Церкви.

Септембер кивнул.

— Да, но общество было сильно возмущено, приятель. Можешь себе представить, какой это был праздник для Лиги противников науки. Часто мнение Церкви побеждает. Но в этом случае Внутренний Совет и Последний Оплот сочли благоразумным не вмешиваться.

Конфликт между Церковью и правительством никому не был нужен.

— Но... ты можешь быть моим отцом.

— Я этого не отрицаю, парень.— Септембер вытянул ноги и поморщился. Одна нога затекла.— Насколько я тебя узнал, я бы таким сыном гордился, но,— вынужден он был добавить,— твоим отцом может быть любой из нескольких десятков доноров.

— А что если бы я был одним из неудачных детей?

— Молодой приятель,— серьезно сказал Септембер,— большинство этих бедных обреченных душ так и не узнали, когда их убили. Некоторые рождались без органов чувств, другие — с необычными чувствами. Без ног или без рук, или без того и другого. С лишними конечностями, с двумя головами или вообще без головы. Бывало еще хуже. Помни, большинство измененных детей оказались здоровыми. Больше того, сильнее и умнее среднего уровня. Пойми, я не защищаю фирму. Просто сообщаю факты. А факты таковы, что первая партия оказалась лучшей.

Первая партия, подумал Флинкс. В нем горело яростное холодное пламя. Пип нервно заерзал. Он был ингредиентом научного варева. Он был...

И тут он вспомнил слова Септембера.

— Некоторые рождались без органов чувств,— сказал он,— а другие с новыми чувствами.— Если его необычный дар — результат генетического манипулирования, значит могут существовать другие, обладающие таким же даром, они в ужасе, они сбиты с толку, ничего не знают о своих непредсказуемых способностях.

А что же Септембер? Что происходит за этим гранитным лбом, за этими прозрачными лазурными глазами? Возможный сын смотрел на возможного отца. Оба молчали.

* * *

— Какова может быть их функция? — Барон Лиссо ПН задал вопрос своему научному штату, с помощью троса подбираясь поближе к одному из черных кругов на поверхности артефакта хур'рикку. Физик-самка под-

плыла к нему. В руках ее был массивный прибор. По форме он напоминал гантель, с двумя ярко-красными шарами, связанными рукоятью. Поверхность прибора усеивало множество кнопок. Несколько небольших дисков были нацелены на черный круг.

— Данные измерений остаются неясными, достопочтенный,— сообщила физик.— Мы не можем проникнуть в черные области. Пока не установим их природу, я боюсь рекомендовать более близкий осмотр. Контакт с энергией или материей может привести оружие в действие.

— Ба,— ответил барон,— мы уже установили, что если в прошлом это и было оружием, сейчас оно не функционирует.

Под испепеляющими взглядами других ученых единственная возразившая попятилась.

— Достопочтенный,— все-таки торопливо закончила она,— не нужно предпринимать поспешные действия.

— Оно не излучает энергию и не воспринимает энергию. Оно мертво, мертво уже миллионы единиц времени. Однако ты не хочешь, чтобы мы продолжали осмотр. Эти надписи, например.— Барон указал на надписи, покрывавшие стороны артефакта,— когда их расшифруют, они дадут много сведений. И, может, помогут уничтожить этих теплокожих людей и неуклюжих транксов, которые заразили нашу часть галактики.

Протянув руку, барон провел ее по одному длинному иероглифу. Единственная возражавшая затаила дыхание. Однако ничего не произошло. Повернувшись, барон снисходительно посмотрел на нее. Табличка на скафандре свидетельствовала, что ее зовут Ди-Войюи ЛММВЦТ. Скафандр скрывал ее фигуру, но не полностью. У нее широкие бедра. Может быть, позже, когда она забудет о своих опасениях, он покажет ей свою способность прощать и сочувствовать допускающим ошибки. В своей каюте, на голубой дюне.

Он постучал рукой по странной, все еще не определенной поверхности.

— Мертво, неподвижно, безвредно, как все могут видеть.— Он отнял руку, компенсировал свои перемеще-

ния в невесомости и сильно ударил по поверхности.— Почему ты не веришь в свои знания, лиа-ниа? Почему сомневаешься в очевидном? — И он передвинулся и остановился непосредственно над черным кругом.

— Мы не можем туда заглянуть, но там должно быть какое-то пространство. Когда не помогают инструменты, мы, эйэннцы, всегда действуем решительно.— Говоря это, он сунул руку с расставленными пальцами прямо в темноту. Рука прошла через черную поверхность и исчезла; и на какое-то мгновение барон стал первым в своей расе, кто прикоснулся к другой вселенной.

Материя другой вселенной привела в действие артефакт. Конечно, самой установки здесь, рядом с военным кораблем эйэннцев, не было. Она оставалась в полумиллионе лет назад в пространстве, где некогда размещалась система Канначана. А с нынешней своей манифестацией была связана невообразимо огромной энергией ФКИ. Когда барон Лиссо ПН высвободил ее, энергия и сама установка слились, пронеслись через иное состояние пространства.

И встретились внутри корабля эйэннцев. В результате не произошло никакого взрыва. Накопленная энергия только чуть подтолкнула артефакт. По существу устройство хур'рикку было иглой. И эта игла прокалывала отверстие в ткани вселенной.

В другую вселенную.

Другая вселенная устремилась в эту. Барон исчез. Ученые рядом с ним исчезли. Все в непосредственной пространственной близости, а именно, одиннадцать боевых кораблей различных размеров с экипажами, исчезло. Они исчезли в ослепительных вспышках, как мотыльки в огне.

Только электронный ангел на борту «Учителя» спас Флинкса и его товарищей. Компьютер определил опасность и отбросил корабль в пространство-плюс как раз вовремя, чтобы спасти его от аннигиляции. И так как аннигиляция устремилась к ним со скоростью света, «Учителю» даже не пришлось очень разгоняться.

Первым пришел в себя гибкий бронированный Трузензузекс. Он вернулся к приборам. Ввели в действие

дистанционные сканнеры, и стала видна удаляющаяся картина. Увеличивать скорость не было необходимости. Нужно было только двигаться чуть быстрее света, чтобы обогнать преследующее уничтожение.

Флинкс и все остальные столпились у экрана. Юноша был так ошеломлен, что не заметил исчезновения Пипа.

— Исчезли.— Цзе-Мэллори недоверчиво разглядывал данные.— Все исчезли, Тру. Все одиннадцать кораблей. Ни следа не осталось.

— Что-то привело в действие установку,— сказал Трузензузекс. Пораженный, он рассматривал изображение на экране.— Хьюманксы, обратите внимание. Мы наблюдаем уникальное явление.

В районе, где несколько секунд назад находился боевой строй эйэннцев, что-то появилось. Сверкающий белый шар был ограничен черным пламенем, сквозь которое ничего не видно. От него протянулось черное щупальце, которое было больше, чем чернота, и тем не менее сияло. Конечно, это невозможно. Чернота не может светиться.

Это нарушение всех известных законов физики, однако оно существовало, хотя нормальный спектр пришел бы от него в ужас. И с расстояния в несколько сот миллионов километров аналогичное щупальце невероятного белого пламени протянулось с горизонта событий коллапсара.

— Оно вытягивает материю из черной дыры, из бродяги,— ошеломленным шепотом сказал Цзе-Мэллори.

— Но это сумасшествие.— Септембер знал достаточно, чтобы возразить уверенным тоном.— Материя уходит в черную дыру. Но не выходит из нее. Никогда.

— Тем не менее именно это происходит сейчас, или все приборы на корабле сошли с ума.— Сложные фасеточные глаза Трузензузекса переходили от одной шкалы к другой.— Я не стану спорить. Но я никогда не поверил бы, что увижу экспандар. Белую дыру.

Покидая горизонт событий коллапсара, поток невероятно плотной материи пульсировал так напряженно,

что приборы «Учителя» вынуждены были применить экранирование, чтобы детекторы не сгорели.

Взаимное притяжение изменило угловое движение. Два потока изогнулись, переплелись. И в самом центре двух образовавшихся спиралей встретились.

На борту «Учителя» датчик, измерявший уровень излучаемой энергии, взорвался. Другой тоже. Их создатели просто не рассчитывали на такой уровень.

На месте встречи двух щупалец, черного и белого, образовался шар многоцветной невероятной энергии. Он все время расширялся.

— Представьте себе, что вся материя вселенной сосредоточена в одном коллапсаре,— сказал Цзе-Мэллори.— Коллапсар в конце концов встречает слабую точку в пространстве. Точка поддается, и две или больше вселенных встречаются. Вы видите Большой Взрыв. Возможно, позже эта энергия образует новые галактики.

— Вы видите также нечто, полностью аннигилирующее материю,— заметил Трузензузекс.— Эффективное абсолютное оружие.— Философ побледнел.— Что может прекратить невероятную концентрацию материи? Конечно, равное количество антиматерии.— Свет отражался от его сложных глаз, как от хрустального канделябра.— Слава Рою, что мы не стали исследовать эту ловушку после ухода Аба. Малейшее количество материи, любое прикосновение привело бы его в действие. Но не это потрясло меня.— Он смолк, собираясь с мыслями.

— Мы собирались направить устройство хур'рикку вместе с нами самими в коллапсар. Если бы мы это сделали, не было бы постепенной аннигиляции материи-антиматерии, которое мы сейчас видим. Белая дыра образовалась бы внутри коллапсара. Вся, вся материя коллапсара уничтожилась бы одновременно.

— Если в этом коллапсаре сосредоточена материя ста миллионов солнц, она вся мгновенно превратилась бы в энергию.— Он потер свои мандибулы.— Я всегда хотел узнать, как выглядит квазар, джентльсэры и леди, но не с такого близкого расстояния.

Он снова повернулся к экрану.

— Поток материи в антиматерию кажется постоянным. Это соответствует и показаниям приборов. Перед нами новая звезда. Радужная звезда.

Цзе-Мэллори поднял голову от приборов.

— Тру, движение коллапсара изменилось. Нет,— торопливо добавил он, заметив выражение тревоги на лице философа,— он не движется к белой дыре. Никакого квазара у нас на заднем дворе. Похоже, обе дыры начинают вращаться по новой орбите вокруг того, что ты назвал новой звездой. И я счастлив сообщить, что расстояние между двумя дырами остается постоянным.

— Долго они будут гореть? — спросила Хасбога, держа за руку Септембера.— Это прекрасно.

— Вы сможете наблюдать это, вероятно, несколько миллионов лет,— сказал Цзе-Мэллори.— Но не это будет истинно прекрасным.— Она вопросительно взглянула на него.

— Бархатная Дамба,— объяснил Трузензузекс.— Огромная черная туманность, которая отделяет нас от планет Федерации. Когда энергия аннигиляции достигнет се, темная туманность превратится в самое великолепное зрелище нашей галактики. Я не удивлюсь, если она будет видна на Земле и Хайвхоуме даже днем. Как ни печально, но мы не доживем до этого зрелища. Зато мы создали чудо, которому будут дивиться наши внуки и все последующие поколения.

Они продолжали наблюдать, пока многоцветная энергия радужной звезды не превратилась в точку на экране. Потом Флинкс направил «Учитель» к Твоски Брайт, ближайшей крупной планете Федерации. Планета в основном заселена транксами, и там Трузензузексу легче будет представить отчет о происшествиях властям. Там же Трузензузекс обещал помочь найти средства Исили Хасбоге; у той при этом обещании прояснилось лицо.

Флинкс привычно поднял руку к плечу. Знакомой фигуры там не было. Он не помнил, когда Пип оставил его, но прошло уже какое-то время. На секунду он ощутил панику, вспомнив ужасное время на Аляспине, когда крылатый любимец покинул его.

Впрочем, тут тревожиться не о чем, и Флинкс успокоился. Минидраг где-то на борту «Учителя». Вообще, подумал Флинкс, после отлета с Аляспина минидраг отсутствовал все чаще и дольше. Несомненно, свобода сделала его любимца более независимым. Придется с этим считаться.

Никакого труда не составило отправиться на поиски Пипа. Все были чем-то заняты. Трузензузекс и Цзе-Мэллори обсуждали феномен, который остался позади. Септембер и Исили Хасбога были поглощены друг другом.

И вот Флинкс принялся бродить по коридорам и каютам, зовя Пипа. Минидрага не оказалось в жилых каютах и других изолированных помещениях. Методично обследуя все от обсервационной площадки, Флинкс постепенно добрался до своей каюты.

— Пип! Выходи, Пип! Все в порядке. Я спокоен.

Из-за кровати послышалось ответное шипение. Флинкс нахмурился. Шипение необычно мягкое. Может, Пип заболел? Может, беспокойно думал Флинкс, в этом причина его частых отлучек. Он шагнул к кровати.

— Пип, с тобой все...?

Что-то похожее на крошечную стрелу пролетело мимо его уха, жужжа, как шмель. Флинкс застыл. Вторая стрелка пролетела мимо, третья, потом еще три. Флинкс ошеломленно стоял посреди каюты, а четыре, пять, шесть крошечных крылатых существ плясали у него над головой.

Из-под кровати послышалось более громкое шипение. И все шесть существ неровным строем устремились туда.

Флинкс обнаружил Пипа на смятом одеяле между кроватью и металлической стеной. У него на глазах шесть маленьких минидрагов устроились возле гораздо более крупного Пипа, напоминая эскадрон катеров и крейсер-матку.

Узкие глаза смотрели на него. Флинкс чувствовал мягкое мысленное прикосновение, связь между своим мозгом и мозгом минидрага. За один день он вторично становится отцом: вначале для новой звезды, а теперь

для шести прекрасных ядовитых малышей.

— Мы столько лет провели вместе,— удивленно сказал Флинкс,— а оказывается, ты — она.

Неудивительно, что он — она, поправился Флинкс,— улетела с крупным сильным минидрагом Бальтазаром. Неудивительно, что их возвращение и расставание напоминало невиданный воздушный балет. Ни один минидраг не покидал своего хозяина. Они просто взяли короткий отпуск, отвечая на призыв аляспинианских джунглей.

— Ты должна была рассказать мне,— укоризненно сказал Флинкс, но не мог сдержать широкую улыбку. И словно в ответ, шесть маленьких фигурок поднялись к нему. Жужжали вокруг, клевали уши, тянули за волосы,мелькали перед глазами с ненасытным любопытством новорожденных. Пип наблюдала, проверяя, все ли в порядке, потом упрятала треугольную голову в складки одеяла.

Конечно, подумал Флинкс, она просто искала теплое место, но все равно неудобно.

Литературно-художественное издание

Фостер Алан Дин

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ФЛИНКСА-II

Романы

Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*

Сдано в набор 7.09.94. Подписано в печать 23.09.94. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,62. Тираж 50 000 экз. Заказ 1248.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432. 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии производственно-коммерческого предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23-415.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

